

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЗИДАТЕЛЬНОСТИ И ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. Н. Азначеева, Ю. В. Мамонова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В статье анализируется семантика назидательности и побудительности в речевых жанрах проповеди и церковного послания православного церковно-религиозного дискурса. Выявляется доминирование косвенной реализации побудительности, которая эксплицируется преимущественно через средства выражения деонтической, аксиологической и оптативной модальности. Описываются ведущие коммуникативные стратегии — оценочности, побудительности и призыва.

Ключевые слова: *церковно-религиозный дискурс, назидательность, речевой жанр, проповедь, церковное послание, побудительность, оценочность, модальность.*

1. Введение

Религиозный дискурс представляет собой сложный культурно-коммуникативный феномен, основу которого образуют трансцендентное знание, система духовных принципов и нравственных ценностей и который реализуется в виде комплекса специфических жанров, традиций, религиозных практик и ритуалов. В религиозном дискурсе находят воплощение такие характеристики, как сакральность, фидеистичность, институциональность, театральность, мифологичность и ритуализованность.

Е. В. Бобырева выделяет три сферы функционирования и в соответствии с этим три подтипа религиозного дискурса: 1) общение в ситуациях клишированности, ритуализованности, театральности; 2) общение в малых группах для сект и разного рода религиозных конфессий; 3) общение с Богом, когда верующему не нужен посредник для обращения к Богу, примером может служить молитва [5].

В данной статье рассматриваются особенности реализации категории назидательности в рамках институционального религиозного общения первого типа, т. е. в речевых жанрах, использующихся во время литургии и официальных церковных мероприятий. Этот подтип религиозного дискурса мы, вслед за Д. В. Ореховой, будем обозначать как церковно-религиозный [13]. К особенностям церковно-религиозного типа дискурса относятся следующие: высокая степень институциональности и ритуализованности, массовый характер адресата, назидательность.

Цель исследования состоит в выявлении фундаментальных конститутивных дискурсивных признаков православного церковно-религиозного стиля.

Материалом для анализа послужили тексты проповедей и церковных посланий, представленных на различных православных сайтах.

2. Дидактическая направленность церковно-религиозного дискурса

К церковно-религиозному типу дискурса в еще большей мере, чем к религиозному дискурсу в целом, применимо его определение как статусно-ориентированного, институционального [11. С. 221], так как в нем особенно ярко выражены ритуализованность, пространственная и временная регламентированность и конвенциональность. Е. В. Бобырева, подчеркивая, вслед за В. И. Карасиком, институциональность религиозного дискурса, дает ему следующее определение: «Религиозный дискурс представляет собой институциональное общение, целью которого является приобщение к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники — священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп — храмовое богослужение» [4].

Институциональный характер религиозного дискурса проявляется, в том числе, в наличии вертикальной дистанции между говорящим и адресатом. В качестве адресанта церковно-религиозного общения выступает священнослужитель, цель которого — передать адресату моральные принципы, поведенческие установки и ориентации, соответствующие христианским ценностям, принципам и канонам. Он носитель более высокого статуса, морального авторитета, человек, который видит

свою миссию в осуществлении религиозно-просветительской деятельности.

Основными речевыми жанрами церковно-религиозного типа дискурса являются публичные речевые жанры — проповедь священнослужителя и послание верховной инстанции церкви в лице патриарха или архиерейского собора, обладающие коммуникативной направленностью к коллективному адресату — верующим данной конфессии, с одной стороны, и к Богу, с другой. Коллективным адресатом проповеди являются прихожане, присутствующие на богослужении, коллективным адресатом послания — священнослужители и, при вторичном обнародовании в церкви или конфессиональных СМИ, — все верующие.

Несмотря на признаки институциональности, церковно-религиозный дискурс не является институциональным в чистом виде: в нем сочетаются особенности институционального и бытийного типов дискурса [16], поскольку когнитивным содержанием при общении данного типа являются духовные ценности и морально-нравственные принципы.

По мнению В. И. Карасика, религиозный дискурс относится, наряду с педагогическим, к назидательному дискурсу, его основная цель состоит в социализации человека, в том, чтобы превратить человека в члена социума, разделяющего систему ценностей, знаний и убеждений, норм и правил поведения этого общества [11. С. 213]. Термин «назидательный», по сути, конкретизирует характеристику религиозного дискурса как обучающего. Назидательность, как ключевой параметр поучающего дискурса, выражается в процессе трансляции ценностей, норм и правил представляемого адресантом общественного или государственного института, а также в непосредственном «нравственном воздействии на индивида» [1. С. 7]. Назидательность является одной из главных коммуникативно-прагматических и риторико-стилистических характеристик речевых жанров религиозно-проповеднического дискурса.

3. Публичные речевые жанры православного церковно-религиозного дискурса

Изучением языка религиозной коммуникации занимается особое лингвистическое направление — теолингвистика, которая исследует взаимодействие языка и религии, а также употребление языка в ситуациях общения на религиозные темы [7].

К прототипным жанрам ритуализованной религиозной коммуникации относятся религиозная проповедь и официальное послание церковного иерарха (патриарха, митрополита или епископа) или высшей церковной инстанции (например, архиерейского собора) к членам православной конфессии. Общими особенностями этих жанров являются: публичный характер, назидательность, дидактическая цель, состоящая в наставлении адресата в его продвижении по пути к христианским добродетелям и отдаления от греха.

Религиозная проповедь представляет собой публичную речь, возвещающую и разъясняющую вероучение, побуждающую к соответствующим чувствам и поведению [17. С. 234]. Целью проповеди является оказание религиозно-нравственного воздействия на мировоззрение и поведение слушателей посредством внушения им определенной максимы христианского вероучения. Проповедь сочетает в себе информационную, учебно-просветительскую и морализаторско-воспитательную составляющие.

Церковное послание относится к эпистолярным жанрам церковно-религиозного стиля, оно представляет собой документ Церкви, открытое письменное обращение церковного иерарха к своей пастве [18]. Церковные послания преследуют несколько целей: информирование о событиях из жизни Церкви или государства, нравственное воспитание читателя, разъяснение христианского учения. Основной коммуникативной целью церковного послания является дидактическая: наставление адресата на путь христианской жизни, обретения добродетелей любви к Богу и ближнему, смирения, покаяния, милосердия, стремления к спасению души.

Различие между типами адресатов проповеди и послания эксплицируется в обращении к собравшимся: общим, без какой-либо дифференциации, в первом случае: *Дорогие братья и сестры* и иерархическим перечислением во втором *Возлюбленные о Господе всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!* [20].

Проповедь и церковное послание представляют собой комплексные монологические жанры, состоящие из нескольких микрожанров [14. С. 350], таких как информационные (сообщение, рассказ, пересказ, объяснение), дидактические (поучение, обличение, наставление, предостережение, запрет), а также фатические этикетные жанры (приветствие, поздравление, пожелание). Выделение микрожанров и анализ их иерархической соот-

несенности в тексте может служить основой для этносоциальной лингвоперсонализации в рамках изучения языковой личности проповедника.

4. Языковые средства выражения назидательности

Основные коммуникативные стратегии религиозного дискурса связаны с коммуникативной целью используемых речевых жанров и со статусом адресанта как представителя церковного института. В качестве основных стратегий религиозного дискурса В. И. Карасик выделяет молитвенную, исповедальную, призывающую, утверждающую, разъясняющую и обрядовую [10. С. 15]. А. В. Олянич при анализе коммуникативных стратегий в религиозном дискурсе предлагает, помимо мотивов приобщения к Богу, принимать во внимание также потребность в контроле за поведением социума и постулирует в качестве базовых презентационную, манипулятивную и конвенциональную стратегии [12. С. 372].

В публичных жанрах проповеди и послания на первый план выходит назидательность. Назидательность как основная интенция института религии неоднократно зафиксирована в Библии, например: «Назидательность есть цель дела священнослужения. Еф. 4, 11, 12;... Все должно быть совершаемо с целью назидательности 1Кор. 10:23, 14:26; Кор. 12, 19; Еф. 4, 29» и т. п. [8]. Любое назидательное произведение нацелено на социализацию членов общества и предполагает не только передачу норм поведения и знаний, но и воздействие на них. В соответствии с этим ведущими коммуникативными стратегиями публичного церковно-религиозного дискурса мы, наряду с объяснительной, считаем побудительную, призывающую (призыв к действию или запрет на него) и оценивающую.

В поучающем дискурсе назидание является доминирующим конститутивным признаком, определяющим как содержание, так и способы его языковой репрезентации. Но в отличие от других типов поучающего дискурса, в религиозной коммуникации дидактическая направленность носит более явный, эксплицитный характер.

Назидание предполагает утверждение определенной системы ценностей, норм и оценок. Религиозная этика включает в себя комплекс этических представлений о поведении человека и содержании морального сознания, опирающегося на божественные заповеди, изложенные в священных писаниях мировых религий.

Отличительные особенности религиозной морали состоят в том, что, «помимо отношений между людьми, она устанавливает также нормы отношений человека к Богу и интерпретирует этические нормы как божественные установления, имеющие абсолютное значение» [15. С. 475].

В соответствии с принципом дидактичности в семантическом пространстве религиозного дискурса закрепляются разнообразные ценностные установки, которые воспринимаются верующими как исходящие от Бога. Ценностный идеал выступает в нем в качестве вероучительного и нравственного ориентира для верующего. Поэтому в религиозном дискурсе большую роль играет оценочность, которая выражается посредством базовых концептов, лежащих в основе христианской картины мира, оценочной лексики, оценочных суждений, а также положительного и отрицательного иллюстрирования.

Религиозная понятийная система выражается через лексическую семантику и проявляется, в частности, в использовании соответствующих ключевых слов и лейтмотивов. Согласно Н. Д. Футкарадзе, ключевые слова «способствуют аккумулярованию определенных смыслов в сознании адресата и запускают механизм косвенного внушения» [16. С. 164]. В православном церковно-религиозном дискурсе такими ключевыми словами являются лексемы: «вера», «грех», «добродетель» и др. Основные понятия, выражающиеся ключевыми словами, образуют базовые семантические оппозиции, отражающие важнейшие антиномии христианства.

Как указывает Е. В. Бобырева, вся система ценностей религиозного дискурса может быть представлена в виде оппозиций; практически все понятия, относящиеся к разряду ценностей, имеют свою противоположность «ценность» — «антиценность»: «добро-зло», «жизнь-смерть», «истина-ложь», «земное-божественное» [6. С. 59]. Так, лейтмотивом проповеди патриарха православной церкви Кирилла от 9 декабря 2018 года является оппозиция света и тьмы, символизирующая борьбу добра со злом, при этом автор подчеркивает абсолютную несовместимость этих двух полюсов и невозможность их сближения: *Свет и тьма несовместимы, поскольку свет — это Бог, это добро, а тьма — это диавол и зло. И совместить, соединить, ввести в некую систему взаимодействия добро и зло невозможно, потому что зло всегда останется злом, а добро в таком случае перестало бы быть добром* [20].

Другой определяющей дихотомией православных проповедей является противопоставление духовных ценностей и материальных благ. Так, в проповедях протоиерея Димитрия Смирнова различаются и резко противопоставляются два типа блаженства: духовное наслаждение, или благодать, и земное наслаждение, основанное на бездумном потреблении: *Все наслаждения земные <...> очень кратковременны, поэтому блаженством их никак нельзя назвать. <...> Нескончаемое блаженство дает только соединение души человека и благодати Божией* [21].

При характеристике категории оценочности в религиозном дискурсе следует указать, во-первых, на ее абсолютный характер, так как утверждается абсолютный идеал — Бог, его атрибуты и качества, а во-вторых, иерархичность ценностей, поскольку остальные христианские ценности — вера, церковь, христианские добродетели являются производными от идеи Бога как их источника. К другим особенностям относится эксплицитный характер оценки, которая объективируется, прежде всего, в семантике основных концептов БОГ, ДОБРО, ЛЮБОВЬ, ВЕРА и их противоположностей. Выражение ценностного отношения к объекту происходит с позиций христианской морали, полностью разделяемой и утверждаемой автором проповеди.

В православных проповедях и посланиях преобладают сублимированные этические оценки, основанные на христианских нормах: положительно оценивается все то, что осуществляется в соответствии с Божественной волей и является результатом следования ей, отрицательно — то, что является отклонением от нее. Отрицательную оценку получают такие явления, как нечестный и преступный образ жизни, следование мирским соблазнам, распространяющийся в обществе культ удовольствий и потребления, пропаганда воинствующего секуляризма, злоба, ненависть, церковный раскол:

Послушайте тех, кто борется за так называемую независимую единую Церковь, прислушайтесь к интонациям, прислушайтесь к словам. Какая же там злоба, какая ненависть! А разве злоба и ненависть могут быть от Бога? Да нет же! [20].

Модальные операторы могут быть представлены в высказывании модальными словами и словосочетаниями, модальными вводными предложениями, оценочными лексемами, дающими положительную или отрицательную оценку: *хорошо — плохо; правильно — неправильно, важно* и др.:

Бог Сам нашу жизнь управит. Поэтому, если у нас будет такое отношение к Богу, правильное,

то и Он нас будет утешать Своей благодатью. Когда человек сам себя отлучает от причастия <...>, то он неправильно устроен как христианин [21].

Высказывая оценку или выражая религиозную истину, проповедник, как правило, говорит не от собственного имени, но от лица православного учения и церкви. Поэтому в большинстве случаев используется инклюзивное местоимение множественного числа (*Мы*) в сочетании с приложением (*мы, ученики и последователи Спасителя; мы христиане, мы как христиане*), что придает оценке объективированный характер.

Личностная оценка с использованием местоимения единственного числа *Я* выходит на первый план в тех случаях, когда она обусловлена повышенным эмоциональным отношением проповедника к предмету речи или в связи с личными впечатлениями от каких-либо событий:

Когда я приехал из Москвы в Печоры на его похороны, то с удивлением не нашел его гроб в водосвятной часовне, где всегда читают Евангелие и Псалтирь над умершим [22]. Местоимение *Я* может указывать также на метасемиотическую функцию при объяснении значения термина: *Я говорю «мощами» не потому, что раньше церковного прославления можно объявить кого-то святым, просто умершее тело всякого православного христианина в Церкви называют мощами* [Там же].

Важнейшим приемом оценивания является иллюстрирование посредством отсылки к прецедентным текстам из Священного писания и религиозной литературы, общекультурным феноменам, историческим личностям и фактам:

И еще хочется мне напомнить вам, братья и сестры, что как Косма и Дамасиан были безмездными врачами и даром, без денег, помогали людям, так и мы должны помогать друг другу [22].

5. Языковые средства выражения побуждения в церковно-религиозном дискурсе

Цель публичной религиозной коммуникации определяется предписывающей (наставление в вере и социализация) и мотивирующей установками. Предписывающая установка реализуется посредством модальности побуждения и дебитивной модальности (необходимости и долженствования), мотивирующая — при помощи средств оптативности и призыва.

Побудительная модальность является важнейшим компонентом функционально-семантической категории модальности, конституирующим связь

высказывания и внеязыковой действительности. Называя некоторое действие, говорящий стремится добиться от адресата его исполнения; действительность должна быть приведена в соответствие с высказыванием [9].

Характер побуждения должен соответствовать нормам выражения коммуникативного намерения в зависимости от типа дискурса и речевого жанра. Согласно этическим нормам, побуждение может быть категоричным, некатегоричным и нейтральным, прямым или косвенным.

Глагольная форма императива, образующая ядро побудительной модальности в русском языке, это типичное, часто встречающееся в проповедях средство стимулирующего воздействия говорящего на поведение адресата. При этом императив употребляется чаще всего с глаголами духовной и морально-нравственной сферы (*молиться, каяться, творить добро, подарить любовь*), а также мыслительной деятельности (*помнить, спрашивать себя, представить, ознакомиться, прочесть* и др.): *Сохраним в памяти все, что связано с Царицей Небесной в истории нашего Отечества. А если кто всего не знает, непременно найдите соответствующие книги <...> и ознакомьтесь, прочитайте, потому что Царица Небесная действительно сопутствует народу нашему и являет Свою силу в тяжелейшие годы военных испытаний* [20].

Степень категоричности требования коррелирует с соотносительностью с грамматическим лицом. При соотносительности со вторым лицом категоричность волеизъявления максимальная, а спектр требуемых действий может распространяться на различные сферы деятельности. При соотносительности с инклюзивным первым лицом множественного числа или с обобщенным 3-м лицом, волеизъявление приобретает моральный аспект и граничит с призывом:

Поделимся же с окружающими радостной Евангельской вестью, подарим нашу любовь, заботу и внимание близким, сотворим добро тем, кто нуждается в нашей помощи и утешении [20].

Побуждение по отношению к обобщенному 3-му лицу выражается аналитической конструкцией, включающей частицу *пусть* (или *пускай*) и глагол в форме изъявительного наклонения настоящего или будущего времени. Такие высказывания имеют обобщающий характер, так как относятся к каждому, кто окажется в данной ситуации:

Если же кто падет, пусть усердно кается, прося помощи Божией [22].

Побудительная модальность и модальность долженствования непосредственно связаны друг с другом, так как долженствование служит обоснованием побуждения и поэтому содержит в своей семантике указание на необходимость какого-либо физического или ментального действия, а также отказа от него. Поэтому в поле модальности эти языковые средства образуют общие сегменты и часто выражаются совместно.

В религиозной коммуникации долг и обязанность рассматриваются как атрибуты «нравственного закона», как близкие по содержанию категории. За все, что верующий совершает по долгу или обязанности, он несет моральную ответственность перед богом, совестью и людьми. В православном дискурсе главным средством выражения долженствования являются конструкции с модальными глаголами долженствования (*должен, обязан, призван*) и безлично-предикативные слова (*надо, можно, нельзя, необходимо*) в сочетании с инфинитивом: *Но надо стремиться исполнять то, к чему призывает нас Господь* [22].

Значение долженствования подчеркивается употреблением лексем и словосочетаний со значением обязательности: *обязательно, в любом случае; так или иначе; несмотря ни на что; без сомнения; невзирая ни на что* и др.: *Обязательно должен присутствовать наш шаг навстречу Богу. Если мы будем просто формально причащаться, мы ничего не почувствуем, наоборот, сожжем свою душу* [21].

Значение категорического запрета какого-либо действия, требования что-либо не делать выражают конструкции с безлично-предикативным словом *нельзя*, а также глаголом *следовать* с отрицанием: *Сегодняшнее слово святого апостола Павла о том, что <...> Господь избавил нас от власти тьмы, мы должны <...> принять умом и сердцем, понимая, что нам никогда не следует отдавать свое сердце, свое время, свои силы злу* [20].

В высказываниях с лексическими единицами *задача, предназначение, быть призванным* семантика долженствования пересекается со значениями морального долга и призыва:

Как только Господь сотворит человека в утробе матери, вложит в него бессмертную душу, с этого момента у каждого свое в жизни предназначение. И это предназначение есть воля Божия об этом человеке [21].

Таким образом, долженствование в церковно-религиозном дискурсе — это установка человека не только по отношению к другому, но и к себе

самому, поэтому оно не несет в себе высокомерия или разобщения, но, напротив, выражает всеобщее обязательство, способствующее единению в вере.

6. Оптативная модальность в церковно-религиозном дискурсе

Другим типом модальности, через который реализуется побудительность, является оптативная, или волюнтативная, модальность.

Оптативная модальность выражает желаемость или нежелательность какого-либо действия или состояния. В отличие от побудительной модальности, представляющей собой директивный акт, оптатив имеет значение «эмоционально окрашенной отвлеченной устремленности к какой-то действительности в настоящем, прошедшем и будущем» [3. С. 102]. Для проповеди и церковного послания релевантна соотнесенность с временным планом настоящего и будущего.

Потенциальным исполнителем желаемого действия в церковно-религиозном дискурсе может быть как эксклюзивный коллективный адресат в лице прихожан, так и адресат, включающий, наравне с другими, самого говорящего, а также Бог и Дева Мария: *И сегодня, в мирные, но неспокойные времена, мы будем просить Деву Марию, чтобы Она не отнимала Свой Покров от земли Русской.<...> Ее ходатайством пред лицом Божиим да хранит Господь всех нас. Аминь.* [20]

Желательность в православном церковно-религиозном дискурсе выражается, прежде всего, конструкциями с глаголами *желать, хотеть, стремиться, мечтать, надеяться, жаждать, нуждаться, испытывать потребность* и др., а также абстрактными существительными, отражающими семантику желательности: *Мы выражаем надежду, что по завершении этих исследований будет явлена истина относительно принадлежности упомянутых останков.* [20]

Семантика нежелательности передается с помощью модальных глаголов с отрицанием: *Не может быть участия света в делах тьмы — этому научены мы святым апостолом Павлом* [20].

Желательность включает в себя скрытый призыв к действию в будущем времени; он может остаться имплицитным, если рассуждения и аргументация автора являются обоснованием желательности определенных поступков и моделей поведения, но может быть и эксплицитным. Особенно явно причинно-следственная связь между желательностью и необходимостью эксплицируется в сложно-подчиненных предложениях с условными отноше-

ниями между частями, где придаточная часть содержит глагол «хотеть» или его синоним, а главная часть — глагол с семантикой долженствования. Эта синтаксическая модель характерна для проповедей протоиерея Смирнова: *Если мы хотим <...> быть наследниками Царствия Небесного, нужно нам к свету Божию пробиваться через отказ от своих грехов, через покаяние* [21].

Характерной особенностью проповеднического дискурса является выражение побуждения в форме призыва. В отличие от обычного волеизъявления, призыв не требует немедленной реализации и, скорее, является рекомендацией к поведению, основанной на определенных морально-этических, идеологических и ценностных категориях [2. С. 421].

Наиболее эксплицитно значение призыва выражено при использовании глагола *призывать* в форме 1 лица: *И я призываю вас, братья и сестры, задуматься над тем, а что значит само это слово — «исцеляйте»? Оказывается, это <...> прежде всего — служите!* [22].

Однако чаще глаголы «призывать», «звать» используются в 3-м лице, когда священнослужитель обращает призыв к верующим от имени Бога: *Господь призывает нас оставаться на стороне света, потому что, как учит нас апостол Иоанн Богослов, «свет во тьме светит, и тьма не объела его»* [20].

Наиболее рекуррентной моделью с семантикой иллюкуции призыва является синтаксическая конструкция с императивом совместного действия — с грамматической формой 2 лица множественного числа: *Поделимся же с окружающими радостной Евангельской вестью, подарим нашу любовь, заботу и внимание близким, сотворим добро тем, кто нуждается в нашей помощи и утешении* [20].

От других императивных конструкций эта модель отличается преимущественно инклюзивным характером, т. е. сам говорящий входит в число адресатов. Использование инклюзивного *мы* оказывает апеллятивное и интегрирующее действие, усиливая чувство принадлежности к конфессиональной группе.

Вариант этой модели образуется при помощи императивной формы глагола *давать* во множественном числе: *Вот давайте, братья и сестры дорогие, принесём Младенцу наши сердца, наши жизни, посвятим себя Тому, Кто родился для того, чтобы мы стали новыми людьми* [22].

Разновидностью призыва являются призывы-лозунги, которые отличаются особой ясностью, лаконичностью и афористичностью. Их особенностью

является обращение к адресату с целью побуждения не к какому-либо конкретному действию, но с целью следования в своем повседневном поведении важнейшим духовным принципам религиозного самосознания. Наиболее распространенной является модель, имеющая форму восклицательных предложений, они могут вводиться частицами «пусть» или «да»: *Да хранит, да благословит, да укрепит вас Господь!* [22].

Другой тип призывов-лозунгов образуют краткие афористические высказывания в форме повествовательного предложения с использованием глагола в настоящем времени во вневременном значении. Их структуру образует составное именное сказуемое, включающее существительное со значением целеполагания (*цель, задача, назначение, миссия, мечта* и т. д.) и глагол-связку, который может быть опущен: *Наша главная задача — вырастать из наших грехов, преодолевать наши грехи* [22].

И, наконец, особый тип призывов-лозунгов образуют заключительные формулы: «*Аминь!*», «*Да будет так!*»

Все призывы-лозунги обладают утверждающим и суггестивным характером. Их использование позволяет придать речи торжественность, архаическую окраску и возвышенность.

Таким образом, как показывает анализ, между сферами прямой побудительности, необходимости и желательности существует зона их совместного функционирования; акцентуация или, напротив, ослабление одной из них относится к характеристикам

определенного типа религиозного общения и зависит от разновидности проповеди или особенностей языковой личности проповедника.

7. Заключение

Анализ публичных жанров церковно-религиозного дискурса показывает, что их специфика определяется назидательным характером, который складывается из утверждения морально-этических и религиозных норм, нравственного убеждения и эмоционального воздействия.

Побудительность как характерная особенность церковно-религиозного дискурса предполагает мотивирование и стимулирование слушателей к соответствующему поведению и образу мыслей в религиозной и внерелигиозной сферах жизни. Она сочетается с доминированием интегративной кооперативной стратегии, которое проявляется, среди прочего, в инклюзивном и обобщенном характере образа автора. Духовная общность и единение автора с коллективным адресатом в христианской вере приводит к использованию, наряду с прямой императивностью, косвенных и имплицитных форм побудительности. Косвенная побудительность в религиозной коммуникации совершается посредством информирования, разъяснения и внушения автором определенной максимы христианского вероучения, а также через использование средств аксиологической, дебитивной (долженствования и необходимости) и волюнтаривной (желательности и призыва) модальности.

Список литературы

1. Авдосенко, Е. В. Коммуникативно-прагматическая категория назидания в поучающем дискурсе в современном немецком языке: автореф. дис... канд. филол. наук / Е. В. Авдосенко. — ИГЛУ, 2003—17 с.
2. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А. Н. Баранов. — М.: Флинта Наука, 2007. — 592 с.
3. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. — 180 с.
4. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис... докт. филол. наук / Е. В. Бобырева. — Волгоград, 2007. — 45 с.
5. Бобырева, Е. В. Сферы функционирования и особенности религиозного дискурса / Е. В. Бобырева // Мир науки, культуры, образования. — № 5 (42), 2013. — С. 296—298.
6. Бобырева, Е. В. Характеристики религиозного дискурса / Е. В. Бобырева // *Linguamobilis*. — № 3 (17), 2009. — С. 54—63.
7. Гадомский, А. К. Теолингвистика: история вопроса / А. К. Гадомский // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. — Т. 18. № 1. — Филология. — Симферополь, 2005. — С. 16—25.
8. Геце, Б. Библейский словарь / Б. Геце. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/319>.

9. Демидова, И. А. Средства выражения побудительной модальности в русском и английском языках: автореф. дис...канд. филол. наук / И. А. Демидова. — Калининград, 2005. — 20 с.
10. Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1999. — С. 5—19.
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 447 с.
12. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса: монография / А. В. Олянич. — Волгоград: Парадигма, 2004. — 504 с.
13. Орехова, Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Орехова. — М., 2015. — 23 с.
14. Розанова Н. Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь / Н. Н. Розанова // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 341—363.
15. Словарь философских терминов / Науч. редакция проф. В. Г. Кузнецова. М., ИНФРА-М, 2007. — URL: <http://ponjatija.ru/node/556>.
16. Футкардзе, Н. Д. Об особенностях восприятия назидания в проповедническом дискурсе / Н. Д. Футкардзе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. — № 1. — С. 161—170.
17. Яблоков, И. Н. Религиоведение / И. Н. Яблоков. — М.: Гардарики, 2000. — 536 с.
18. Ярмульская, И. Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: автореф. дис... канд. филол. наук / И. Ю. Ярмульская. — Волгоград, 2006. — 24 с.

Материал исследования

19. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/>
20. Библиотека святых отцов и церковных писателей: URL: <https://azbyka.ru/otechnik/>
21. Проповеди и беседы. URL: <http://damian.ru/propovedi/index.html/>
22. Православные проповеди. URL: <https://azbyka.ru/propovedi/>

Сведения об авторах

Азначеева Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет, aznacheva.elena@yandex.ru

Мамонова Юлия Вахтанговна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет, kalina5771@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 7—16.

THE INTERACTION OF EDIFICATION AND PERSUASION IN THE ORTHODOX CHRISTIAN RELIGIOUS COMMUNICATION

E.N. Aznacheeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aznacheva.elena@yandex.ru

Y.V. Mamonova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kalina5771@mail.ru

The article presents the results of the analysis of edification and persuasion in the speech genres of sermon and pastoral Epistles in Orthodox Christian church and religious discourse. The authors give the general characteristics of the church and religious subtype of religious communication, describe the characteristics of the subtype compared to other spheres of religious communication, discuss the features of institutional-ity and state the didactic character of church and religious discourse. Linguistic means of edification are

determined: Keywords, basic semantic oppositions, appeal to precedent texts and illustrative examples, axiological means, imperative constructions, etc. The dominance of indirect edification, realized through the means of deontic, axiological and optative modality, is revealed. The key features of axiological modality in religious communication are identified: the hierarchy of evaluated objects, absolute and explicit character of evaluation. The strength of persuasion is reduced with the help of the author image, which is marked by the inclusive pronoun “we”. The main communicative strategies are described: axiological, persuasive and the strategy of appeal.

Keywords: church and religious discourse, edification, speech genre, sermon, pastoral Epistle, persuasion, evaluation, modality

References

1. Avdosenko, E.V. *Kommunikativno-pragmaticheskaya kategoriya nazidaniya v pouchayushchem diskurse v sovremennom nemeckom yazyke : avtoref. dis.... kand. filol.nauk* [Communicative and pragmatic category of edification in didactic discourse in the contemporary German language]. IGLU, 2003. (In Russ.).
2. Baranov, A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Text linguistic examination: theory and practice]. M.: Flinta Nauka, 2007, 592 s. (In Russ.).
3. Belyaeva, E.I. *Funkcional'no-semanticheskie polya modal'nosti v anglijskom i ruskom yazykah* [Functional-semantic fields of modality in English and Russian]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1985, 180 p. (In Russ.).
4. Bobyрева, E.V. *Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya): avtoref. dis...dokt. filol. nauk.* [Religious discourse: values, genres, strategies (on the material of Orthodox Christian teaching)]. Volgograd, 2007. (In Russ.).
5. Bobyрева, E.V. *Sfery funkcionirovaniya i osobennosti religioznogo diskursa* [Spheres of functioning and special features of religious discourse]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], №5 (42), 2013, p. 296–298. (In Russ.).
6. Bobyрева, E.V. *Harakteristiki religioznogo diskursa* [Characteristics of religious discourse]. *Linguamobilis*, №3 (17), 2009, p. 54-63. (In Russ.).
7. Gadomskij, A.K. *Teolingvistika: istoriya voprosa* [Theolinguistics: history of the issue]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology.Pedagogy. Psychology], T.18. № 1, Filologiya, Simferopol', 2005, p. 16-25. (In Russ.).
8. Gece, B. *Biblejskij slovar'* [Biblical dictionary]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskij-slovar-gese/319>, assessed 12.03.2019 (In Russ.).
9. Demidova, I.A. *Sredstva vyrazheniya pobuditel'noj modal'nosti v ruskom i anglijskom yazykah (na materiale gazet): avtoref. dis...kand. filol. nauk.* [Means of persuasion modality expression in Russian and English]. Kaliningrad, 2005. (In Russ.).
10. Karasik, V.I. *Religioznyj diskurs* [Religious discourse]. *Yazykovaya lichnost': problemy lingvokul'turologii i funkcional'noj semantiki: sb. nauch. tr.* [Linguistic personality: problems of cultural linguistics and functional semantics: collection of scientific works]. Volgograd: Peremena, 1999, p. 5-19. (In Russ.).
11. Karasik, V.I. *Yazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurse* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 447 p. (In Russ.).
12. Olyanich, A.V. *Prezentacionnaya teoriya diskursa: monografiya* [Presentational discourse theory]. Volgograd: Paradigma, 2004, 504 p. (In Russ.).
13. Orekhova, D.V. *Cerkovno-religioznyj i politicheskij tipy diskursa skvoz' prizmu dialogichnosti (na materiale zhanra poslaniya): avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Church and religious and political types of discourse through the prism of a dialogue]. M., 2015. (In Russ.).
14. Rozanova, N.N. *Sfera religioznoj kommunikacii: hramovaya propoved'* [Sphere of religious communication: church sermon]. *Sovremennyyj russkij yazyk. Social'naya i funkcional'naya differenciaciya* [Contemporary Russian language.Social and functional differentiation]. L.P. Krysin (ed.). M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003, P. 341-363. (In Russ.).

15. *Slovar' filosofskih terminov* [Dictionary of philosophical terminology]. V.G. Kuznecova (scientific ed.). Available at: <http://ponjatija.ru/node/556>, assessed 29.04.2019 (In Russ.).
16. Futkaradze, N.D. Ob osobennostyah vospriyatiya nazidaniya v propovednicheskom diskurse [On the features of perception of edification in the homiletic discourse]. *Vestnik LGU im.A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University]. 2012, №1, p. 161-170. (In Russ.).
17. Yablokov, I.N. *Religiovedenie* [Religious studies]. M.: Gardariki, 2000, 536 p. (In Russ.).
18. Yarmul'skaya, I.Yu. *Duhovnoe poslanie v dokumentovedcheskom i stilisticheskom osveshchenii: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [Spiritual message in document science and stylistic view]. Volgograd, 2006. (In Russ.).

Research material

19. *Russkaya pravoslavnaya cerkov'*. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata. Available at: <http://www.patriarchia.ru/>, assessed 25.02.2019. (In Russ.).
20. *Biblioteka Svyatyh otcov i cerkovnyh pisatelej*. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik>, assessed 19.05.2019. (In Russ.).
21. *Propovedi i besedy*. Available at: <https://pravoslavie.ru/46257.html>, assessed 19.01.2019. (In Russ.).
22. *Pravoslavnye propovedi*. Available at: <https://azbyka.ru/propovedi>, assessed 04.12.2019. (In Russ.).

РОЛЬ ЛОКАЛЬНО-ДИРЕКЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В КОГНИТИВНОМ СТАНОВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Н. Ю. Арзамасцева

Курский государственный университет, Курск, Россия

Центральная проблема когнитивистики — освоение мира человеком и изучение себя в окружающем пространстве. В статье предпринимается попытка с помощью комплексного экспериментального исследования на материале фразеологических единиц с пространственным семантическим компонентом определить и описать основу первоначальной когнитивной модели человека. В цель исследования входит установление роли локально-дирекциональной составляющей как одной из характеристик пространства.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, комплексное экспериментальное исследование, пространство, статичность, дирекциональность, доминанта.*

Антропоцентрический принцип пронизывает все слои филологической науки. Данный принцип наиболее близок лингвокогнитивистике, психолингвистике, лингвокультурологии, поскольку эти человековедческие науки глубоко изучают не только собственно язык и языковые явления, но и чувства, переживания, «душу и сердце» человека. Человек в процессе своей эволюции преодолевает разные ступени когнитивного развития. Все они в той или иной степени связаны с основными категориями бытия. Прежде всего, это ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. В настоящей статье рассмотрим первую из них.

Человек с рождения наделен статичностью как «данностью». Дети рано усваивают многие способы овнешнения пространства. Как же меняется представление человека о Пространстве на протяжении жизни? В течение первого года жизни (обычно в 6—9 месяцев) нормально развивающийся ребёнок овладевает «Где-конструкциями» «Где..?» / «Покажи, где..?». Приведем несколько примеров.

- Где ляля? Смотри, ляля в кроватке.
- Где мячик? Смотри, мячик в коробке.
- Покажи, где мишка? Правильно, вот он.

С развитием речи ребенок начинает активнее реагировать на подобные вопросы, отвечать короткими словами «там», «тут», «вот» и т. п.

- Где мама?
- Там./ Вот она.

Особенное место в пространственном познании занимает знакомство с частями тела человека.

- Покажи, где у мишки глазки (ушки, носик, лапки, хвостик...).

Далее эта конструкция продолжает совершенствоваться, усложняться. Речь ребенка обогащается предложениями.

- Где машинка?
- Под столом./ В гараже.
- Где книга?
- На полке.
- Где картина?
- Над столом. И т. п.

Высшую ступень статического когнитивного развития человека, его когнитивной модели, на наш взгляд, занимают фразеологические единицы (далее — ФЕ), являясь компликативными по своей семантике и структуре словесными комплексами. Ребенок впитывает ФЕ, подобно губке. Сначала учится их «расшифровывать», определять «для себя», идентифицировать. И только потом (часто методом проб и ошибок) постепенно начинает понимать и использовать в речи. Большой интерес при этом в процессе познания вызывают ФЕ с пространственной семантикой.

Цель данного исследования связана с выявлением основы первоначальной когнитивной модели человека посредством фразеологических единиц русского языка с пространственным семантическим компонентом. Конкретно, в работе обращается внимание на установление доли дирекциональных и локальных фразеологических единиц в сознании индивида. Кроме выявления роли локально-дирекциональной составляющей как одной из характеристик пространства субъектов, мы оценивали процент соответствующих ошибок.

Заметим, что проведенное нами ранее исследование показало, что большинство пространственных фразеологизмов (86,5%) получают в сознании носителей языка стойкую ассоциацию с семами локативности и дирекциональности. Семы дирекциональности и локативности имеют приблизительно одинаковую частотность в пространственных ФЕ (44,2 и 42,3% соответственно) [2. С. 47—60].

ПРОСТРАНСТВО, по мнению многих исследователей, выступает основной формой бытия материи, пронизывает все структуры универсума и, как следствие, находит свое отражение в ментальных и языковых структурах [3; 4; 7; 9; 10; 11 и др.]. В последнее время в научной литературе нередко подчеркивается ведущая роль *локально-дирекциональной составляющей* как одной из характеристик пространства [13]. Под дирекциональностью вслед за О. А. Андреевым мы понимаем направленное перемещение субъекта/ объекта из одной точки пространства в другую [1]. Разделяем точку зрения М. К. Мирзаджановой, которая рассматривает понятие локальность/локативность/статичность не только как определенное место или положение в пространстве, отсутствие перемещения, но и как результат действия (движения) или как действие в актуализации, т. е. в виде статичного и динамического процесса [10]. В когнитивном направлении лингвистики наметились попытки трактовать локативность как нечто базовое [8; 6].

Экспериментальное исследование проходило в два *этапа*: 1) письменное анкетирование, ряд наблюдений и постэкспериментальная беседа; 2) анализ ответов с учетом *комплексного подхода*.

В материал исследования вошли ФЕ русского языка с пространственным семантическим компонентом.

В качестве *информантов* к исследованию были привлечены учащиеся первого класса российских школ и студенты-иностранцы первого курса университета (изучающие русский язык второй год). Выбор данной аудитории информантов объясняется когнитивной спецификой материала исследования — ФЕ. В своем генезисе фразеологизмы сохранили связь с историей и культурой нации. Часть метафорических идиоматических отображений настолько укоренилась в нашем сознании и языке, что мы их сознательно не замечаем, другая же, меньшая, часть воспринимается как нечто непривычное и оригинальное [15. С. 186]. Но это «генетическое объяснение» пока не известно ни первокурсникам, ни студентам-иностранцам первого курса обучения, поскольку они не прошли еще

должный путь социализации. Поэтому их оценка пространственных ФЕ весьма показательна.

Отмечается, что новые подходы в современной лингвистике приводят к обнаружению новых реальностей [12. С. 42]. При этом тесная связь наук делает возможным многогранное, всестороннее исследование. Исходя из этого, ответы наших информантов анализировались по психолингвистическому (с учетом возрастных, гендерных, профессиональных, личностных особенностей информантов), когнитивному (с учетом когнитивных процессов, повлиявших на реагирование, таких как восприятие, сознание, понимание и др.), лингвокогнитивному (с учетом национальной культуры, языка и традиций информантов) параметрам.

Далее остановимся на описании проведенного экспериментального исследования. На первом этапе эксперимента информантам предлагалось выполнить задание на нахождение семантического эквивалента ФЕ, выраженного словом или группой слов. Для большей наглядности приведем примеры заданий. Первая часть включает в себя локальные ФЕ, вторая — дирекциональные.

Что означают выражения из левой колонки?

Найди ответ справа. Соедини стрелочкой.

быть не в своей тарелке	знать
быть в курсе	приглашение сестры
Вот где собака зарыта!	очень надоело
где раки зимуют	далеко; не знаю, где
висеть на волоске	дома
в глубине души	Вот в чем дело!
сидеть в четырёх стенах	чувствовать себя неуютно
за семью замками	в опасной ситуации
в ногах правды нет	скрытое, тайное чувство
сидеть в печёнках	под присмотром, под охраной

Что означают выражения из левой колонки?

Найди ответ справа. Соедини стрелочкой.

выйти из себя	быстро, вскользь
гора свалилась с плеч	жить бедно
душа ушла в пятки	испугаться
положить зубы на полку	разозлиться
за словом в карман не полезет	ушли проблемы
задирать нос	опозориться
стереть с лица земли	мечтать, фантазировать
галопом по Европам	важничать
упасть лицом в грязь	уничтожить, разрушить
витать в облаках	уметь ответить

Перейдем непосредственно к ФЕ, рассмотрим ряд конкретных примеров. Прежде всего, стоит остановиться на фразеологизме (*быть*) *не в своей тарелке*. Практически все изолированно взятые лексемы не вызвали трудностей ни у русских школьников, ни у иностранцев, владеющих русским языком на базовом уровне. В совокупности же эти лексемы могут создать ситуации разночтения. Как это, *быть в тарелке*?! Внутренняя форма данной ФЕ не понятна. Тарелка непривычно ассоциируется в сознании индивида как часть пространства. К тому же ситуация притяжательности «Мой/свой — не мой» насаждает дополнительную информацию к размышлению.

Вызывала интерес и ФЕ *галопом по Европам*. Впервые, данный фразеологизм осложнен с лексико-структурной точки зрения. Лексема «галопом» не является активной в речи и не всегда была легко «прочитана». Лексема «Европам» нетипично используется в этом случае во множественном числе. Если русские дети знакомятся обычно с этим фразеологизмом в школе, его можно отнести к разряду «школьных», то иностранцы, начавшие изучать русский язык гораздо позже, — в университете.

Интересны в лексическом плане и фразеологизмы *знать где собака зарыта* и *показать где раки зимуют*. Для ребенка от данных фразеологизмов веет секретом, тайной. Всегда актуальны и привлекательны сказочные ФЕ: *за тридевять земель, в тридесятом царстве, за семью замками, откуда ни возьмись* и т. п. Пятьдесят процентов информантов — дети 6—8 лет, которые еще верят в сказку, в Деда Мороза, Снегурочку, Фею и др. сказочных героев и хорошо знают соответствующую литературу. Следовательно, все ФЕ из экспериментального исследования способны вызвать эмоции, интерес, а значит мотивировать на ответственное выполнение задания.

Большой процент материала исследования занимают соматические ФЕ (*висеть на волоске, в глубине души, в ногах правды нет, сидеть в печёнках, душа ушла в пятки* и др.). Доказано, что телесное восприятие мира обусловлено не только нейрофизиологическими особенностями развития и «телесным» взаимодействием человека с окружающим миром,

но и социокультурными факторами, влияющими на становление человека [17. С. 339].

Полученные данные были сведены в общую таблицу (количество правильных и неправильных ответов по каждой ФЕ). Исходя из того, что фразеологизм — это не только лингвистический, но и ментальный феномен, на следующем этапе мы анализировали ответы по психолингвистическому, когнитивному и лингвокультурологическому принципам.

Важнейшими результатами исследования стали следующие.

1. Базой, фундаментом языковой картины мира являются локальные ФЕ. Они вызвали немного меньшую трудность при выполнении задания. Тем не менее, дирекциональная составляющая играет важную роль в когнитивном становлении человека. В таблице 1 представлено количество допущенных ошибок по двум группам ФЕ в процентном соотношении¹.

2. Восприятие иноязычных ФЕ — более сложный процесс, который возможно описать в виде следующей схемы:

ДЕКОДИРОВАНИЕ — ПОНИМАНИЕ — ОСМЫСЛИВАНИЕ — ОБРАЗ — РЕАГИРОВАНИЕ (ОТВЕТ) — ЗАПОМИНАНИЕ.

ФЕ требуют глубокого анализа на семантическом уровне.

Для группы иностранных студентов, как и для русских школьников, локальные ФЕ оказались более простыми для идентификации, чем дирекциональные. Интересно, что при этом количество ошибок, допущенных при идентификации дирекциональных ФЕ, у студентов-иностранцев гораздо больше. Данный факт еще раз подтверждает, что именно статичность является основой первоначальной когнитивной модели человека.

¹Проведенное нами ранее исследование показало, что большинство пространственных фразеологизмов (86,5%) получают в сознании носителей языка стойкую ассоциацию с семами локативности и дирекциональности. Семы дирекциональности и локативности имеют приблизительно одинаковую частотность в пространственных ФЕ (44,2 и 42,3% соответственно) [2. С. 47—60].

Таблица 1

Количество допущенных ошибок

РУССКИЕ ШКОЛЬНИКИ		СТУДЕНТЫ-ИНОСТРАНЦЫ
ЛОКАЛЬНЫЕ ФЕ	ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫЕ ФЕ	ЛОКАЛЬНЫЕ ФЕ
32%	36%	32%

3. Для каждого этноса характерно свое, особенное, подчас уникальное восприятие и понимание мира. Людей одной культуры объединяет образ мыслей. Что стоит за иноязычной ФЕ в образе мира иностранца? В эксперименте приняли участие студенты из разных стран — из Шри-Ланки, Вьетнама, Замбии, Экваториальной Гвинеи, Марокко, Афганистана и др. Доказано, что на элементарном уровне знаки языка воспринимаются не тождественно [5. С. 190]. Проведенное экспериментальное исследование еще раз подтвердило этот факт. Так, было замечено, что представители одной нации имеют определенные особенности восприятия, обусловленные родным языком либо диалектом (интерференция), культурой, традициями, обычаями. «Человеческий мозг мыслит языком, который суть, способ организуемой им жизни» [16. С. 15]. Так, например, информанты из Экваториальной Гвинеи идентифицировали ФЕ *за семью замками* как «очень надоело». В ходе постэкспериментальной беседы выяснилось, что лексема «замок» ассоциируется в сознании данных информантов с чем-то «скучным, надоедливым». Информанты из Вьетнама в качестве семантического эквивалента к ФЕ *где раки зимуют* подобрали словосочетание «чувствовать себя неуютно». На такое реагирование в данном случае повлияли ассоциации с «жесточкой, холодной» русской зимой, когда «неуютно в тёплой, объёмной одежде». Но все же, стоит отметить, что этнических особенностей восприятия нами было замечено не так много. Данный факт позволяет утверждать, что в большинстве случаев восприятие

ФЕ индивидуально, личностно ориентировано.

4. В отношении восприятия пространственных ФЕ актуальной будет интерпретация с точки зрения теории доминант А. А. Ухтомского. «Мы можем воспринимать лишь то, к чему подготовлены наши доминанты» [14. С. 248]. Выявлены доминанты, влияющие на процесс смыслообразования ФЕ. Иерархия доминантности ФЕ субъективно обусловлена. Проведенное исследование позволило определить основные доминанты, которые оказывают влияние на процесс идентификации и понимания ФЕ. Целесообразно их рассмотреть на примере схемы (см. рисунок ниже).

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что человек с раннего детства на интуитивном уровне чувствует особенности пространственной организации мира. ФЕ с пространственной семантикой являются семантической доминантой языковой картины мира. Проведенное исследование ответило на ряд вопросов, касаемых пространственных фразеологических единиц. Прежде всего, оно позволило установить, что основой, *первоначальной ступенью когнитивного развития человека, является статичность или локативность*. Однако, еще раз подчеркнем важность дирекциональной составляющей в когнитивном становлении человека.

Дальнейшие исследования позволяют описать когнитивную модель восприятия ФЕ инофоном. Далее планируется проверить полученные результаты и получить ответы на некоторые другие вопросы путем увеличения количества информантов и материала исследования.

Доминанты, оказывающие влияние на процесс идентификации ФЕ

Список литературы

1. Андреев, О. А. Дирекциональность в испанском языке: грамматико-категориальный и когнитивно-концептуальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. — 177 с.
2. Арзамасцева, Н. Ю. Специфика функционирования фразеологических единиц в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2014. — 211 с.
3. Болдырев, Н. Н. Пространство и время как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. — № 25. — 2016. — С. 25—32.
4. Бороздина, И. С. Лингвокогнитивное моделирование реляционных речевых актов: дис. ... док. филол. наук. Курск: Курск. гос. ун-т, 2012. — 454 с.

5. Вдовиченко, А. В. Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации» (Матвеев М. О.) // Вопросы психолингвистики. — № 4 (34). — 2017. — С. 188—193.
6. Горбунова, Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры единиц атрибутивно-локативной языковой модели: автореф. дис. ... док. филол. наук. Томск, 2011. — 44 с.
7. Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия РАН. Серия литература и язык. Том 55. — № 3. — 1996. — С. 3—4.
8. Кустова, Г. И. Когнитивные модели семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С. 85—109.
9. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Мн.: ТетраСистемс, 2005. — 256 с.
10. Мирзаджанова, М. К. Семантико-сопоставительный анализ локальных предлогов в таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2011. — 155 с.
11. Осыка, М. В. Способы вербализации концепта «Пространство» (на материале русской и французской топонимической фразеологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2009. — № 3. — С. 129—134.
12. Попова, Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. — 179 с.
13. Садовникова, И. А. Локально-дирекциональная семантика партия ан- и предлога ан // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — Вып. № 39. — Т. 15. — 2007. — С. 178—181.
14. Ухтомский, А. А. Учение о доминанте. М.: Издательство Юрайт, 2017. — 310 с. — (Серия: Антология мысли).
15. Fauconnier, G. Mappings in Thought and language. Cambridge University Press, 1997. — 205 p.
16. Maturana, H., Mpodozis, J., Letelier, J. C. Brain, language, and the origin of human mental function // Biological Research. — Vol. 28. — 1995. — Pp. 15—26.
17. Rohrer, T. The body in space: Embodiment, experientialism and linguistic conceptualization // Body, language and mind. — Berlin: Mouton de Gruyter. — 2007. — Vol. 1. — Pp. 339—378.

Сведения об авторе

Арзамасцева Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных граждан, Курский государственный университет. Курск, Россия. n_arz@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 17—22.*

THE ROLE OF THE LOCAL AND DIRECTIVE COMPONENTS IN THE COGNITIVE FORMATION OF MAN

N. Yu. Arzamastseva

Kursk State University, Kursk, Russia. n_arz@mail.ru

Presumably the highest level of static cognitive development of a person is occupied by phraseological units, complicated as they are in their semantics and structure. The purpose of the study is to establish the role of the local-directional component of phraseological units as one of the characteristics of space. In addition, we try to establish the proportion of directional and local phraseological units in the mind of individuals. The author shows how the man, in the course of his evolution, overcomes various stages of cognitive development. All of them are related to the main categories of being, above all, SPACE and TIME. This paper discusses the first category. We attempt to define the basis of the primary cognitive model of a person based on the complex experimental research using material of phraseological units with a spatial semantic component.

Keywords: *phraseological unit, complex experimental research, space, static, directionality, dominant.*

References

1. Andreev, O.A. *Direktsional'nost' v ispanskom yazyke: grammatiko-kategorial'nyj i kognitivno-konceptual'nyj aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Directionality in Spanish: Grammar-categorical and cognitive-conceptual aspects]. Voronezh, 2002. 177 p. (In Russ.).
2. Arzamastseva, N.Yu. *Specifika funkcionirovaniya frazeologicheskikh edinic v individual'nom leksikone (ehksperimental'noe issledovanie): dis. kand. filol. nauk* [The specifics of the functioning of phraseological units in the individual lexicon (experimental study)]. Kursk, 2014. 211 p. (In Russ.).
3. Boldyrev, N.N. Prostranstvo i vremya kak formy yazykovogo soznaniya [Space and time as forms of linguistic cognition] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language] // No 25. 2016. Pp. 25-32. (In Russ.).
4. Borozdina, I.S. *Lingvo-kognitivnoe modelirovanie relyacionnykh rechevykh aktov: dis. dok. filol. nauk* [Lingvo-cognitive modeling of relational speech acts]. Kursk: Kursk. gos. un-t, 2012. 454 p. (In Russ.).
5. Vdovichenko, A.V. Kruglyj stol «Smysloobrazovanie v kommunikacii» [Round table “Sense formation in communication”] (Matveev M.O.) // *Voprosy psiholingvistiki* [Psycholinguistic questions]. No (34) 2017. Pp. 188-193. (In Russ.).
6. Gorbunova, L.I. *Kognitivnyj obraz situacii kak osnova semanticheskoi struktury edinic atributivno-lokativnoj yazykovoi modeli: avtoref. dis. ... dok. filol. nauk* [The cognitive image of the situation as the basis of the semantic structure of the attribute-locative language model units]. Tomsk, 2011. 44 p. (In Russ.).
7. Kravchenko, A.V. Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom yazyke [Cognitive structures of space and time in a natural language] // *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyk* [News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language]. Tom 55, No 3. 1996. Pp. 3-4. (In Russ.).
8. Kustova, G.I. Kognitivnye modeli semanticheskoi derivacii i sistema proizvodnykh znachenij [Cognitive models of semantic derivation and the system of derived values] // *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2000. No 4. Pp. 85–109. (In Russ.).
9. Maslova, V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]: ucheb. posobie. 2-e izd. Minsk: Tetra-Sistems, 2005. 256 p. (In Russ.).
10. Mirzadzhanova, M.K. *Semantiko-sopostavitel'nyj analiz lokal'nykh predlogov v tadzhikskom i anglijskom yazykah: dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic-comparative analysis of local prepositions in the Tajik and English languages]. Dushanbe, 2011. 155 p. (In Russ.).
11. Osyka, M.V. Sposoby verbalizacii koncepta prostranstvo na materiale russkoj i francuzskoj toponimicheskoj frazeologii [Ways of verbalization of concept “Space” in Russian and French phraseology] // *Vestnik irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Irkutsk State Linguistic University Bulletin], No 3, 2009. Pp. 129-134. (In Russ.).
12. Popova, T.G. *Nacional'no-kul'turnaya semantika yazyka i kognitivno-sociokommunikativnye aspekty (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo yazykov)* [National-cultural semantics of language and cognitive-sociocommunicative aspects (on the material of English, German and Russian languages)]. Monografiya. M.: Izd-vo MGOU «Narodnyj uchitel'», 2003. 179 p. (In Russ.).
13. Sadovnikova, I.A. Lokal'no-direktsional'naya semantika partiklya an- i predloga an [Local-directional semantics of an- and preposition an-partis] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University]. Iss. № 39, V. 15, 2007. Pp. 178-181. (In Russ.).
14. Uhtomskij, A.A. *Uchenie o dominante* [The doctrine of the dominant]. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2017. 310 p. (Seriya: Antologiya mysli). (In Russ.).
15. Fauconnier, G. *Mappings in Thought and language*. Cambridge University Press, 1997. 205 p. (In Eng.).
16. Maturana, H., Mpodozis, J., Letelier, J.C. Brain, language, and the origin of human mental function, *Biological Research*, vol. 28, 1995. Pp. 15-26. (In Eng.).
17. Rohrer, T. The body in space: Embodiment, experientialism and linguistic conceptualization, *Body, language and mind*, Berlin: Mouton de Gruyter, vol. 1, 2007. Pp. 339-378. (In Eng.).

СТРУКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ ПОЛИВЕРШИННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД АСИММЕТРИЧНОГО ТИПА

Р. Р. Атаева

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Статья посвящена специфике поливершинных словообразовательных гнезд русского языка. Поливершинные словообразовательные гнезда классифицируются в зависимости 1) от характера вариативности вершины (акцентные, фонематические, лексико-морфологические, акцентно-лексико-морфологические, акцентно-фонематические), 2) от состава и формально-семантического строения подгнезд (симметричные, асимметричные, совмещенные). Подробно рассмотрены особенности структуры поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа.

Ключевые слова: поливершинное словообразовательное гнездо, лексические варианты, вершина словообразовательного гнезда

Словообразовательные гнезда различных типов неоднократно становились предметом исследования в русистике не только в период становления русского словообразования как науки в 60—80 г. г., но и в первую четверть нынешнего столетия [3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12 и др.], когда словообразовательные процессы стали объектом изучения когнитивной лингвистики [5] и лингвокультурологии [1].

Вслед за А. Н. Тихоновым, под словообразовательным гнездом мы будем понимать «совокупность слов, характеризующихся общностью корня, упорядоченных отношениями производности» [12. С. 30; 13 и др.].

До сих пор в русском словообразовании рассматривались гнезда, имеющие лишь одну вершину типа **дом, стол, читать, красивый** (П. А. Соболева, Е. С. Кубрякова, Е. А. Земская, Е. Л. Гинзбург, А. Н. Тихонов и др.). Словообразовательные гнезда с несколькими вершинами типа **матрас // матрац; браман // брамин // брахман** до сих пор не были предметом изучения [2 (электронный ресурс)].

Предметом рассмотрения в данной статье будут словообразовательные гнезда, которые возглавляют формальные лексические варианты с двумя — тремя вершинами типа **аналой // налой, сель // силь, ранет // ренет, радуница // радоница, удэ // удэге // удэхэ**. Поливершинным словообразовательным гнездом (термин впервые вводится в русскую словообразовательную науку) мы будем называть такое, вершинами которого являются стилистически нейтральные лексические варианты типа **валериана // валерьяна**, формирующие одно гнездо или несколько подгнезд, выступающих по отношению друг к другу как равнозначные в *структурном*

плане. Вершины таких гнезд графически находятся на одном уровне в словообразовательном гнезде [14].

Как было показано в работе [2], вариантами таких гнезд выступают формальные лексические варианты разных типов: акцентные (**тво'рог // творо'г**), фонематические (**бобр // бобёр**) и лексико-морфологические варианты (**арабеска // арабеск**). В ряде случаев возможно совмещение акцентного и лексико-морфологического типов (акцентно-лексико-морфологические): **кАпсула // кАпсЮля, крАтер // кратЕра**. Также возможно совмещение акцентного и фонематического типов (акцентно-фонематические): **пергАмен // пергамЕнт // пергамИн**.

Поливершинные словообразовательные гнезда различаются также в зависимости от формальной структуры входящих в них подгнезд. Можно говорить о трех типах структуры подгнезд: симметричные, асимметричные, совмещенные [14].

В симметричных поливершинных словообразовательных гнездах наблюдается совпадение формально-семантических структур обоих подгнезд, что является характерным признаком гнезд с вершиной фонематического типа. Например:

тоннель

тоннель-чик
тоннель-щик
тоннель-н-ый
тоннель-е-образный

тоннель-е-сторож-ениј-е

туннель

туннель-чик
туннель-щик
туннель-н-ый
туннель-е-образный
туннель-е-сторож-ениј-е

В совмещенных поливершинных словообразовательных гнездах производные равно сопоставимы с каждым из исходных лексических вариантов, что характерно для гнезд с вершинами лексико-морфологического и акцентного типа. Например:

пИм, пИМА

пИм-к-И

пим-о-кат

пимокат-н-ый

Рассмотрим подробнее особенности структуры поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа.

Поливершинные словообразовательные гнезда асимметричного типа представляют собой образования с разным составом и разной формально-семантической структурой входящих в них подгнезд.

Все поливершинные словообразовательные гнезда асимметричного типа в современном русском языке можно разделить на две неравные части: гнезда, возглавляемые двумя вершинами типа **тимьян // тиммиан, пурпур // пурпура** и гнезда, возглавляемые тремя (в единичном случае — четырьмя) вершинами. Словообразовательных гнезд, возглавляемых тремя вершинами — 3 (**пергамен // пергамин // пергамент; удэ // удэге // удехэ, эх // эхва // эхма**), четырьмя вершинами — 1 (**среда // среда // среди // середь**). Гнезда с вершинами **удэ // удэге // удехэ, эх // эхва // эхма** являются асимметричными, остальные гнезда — симметрично-асимметричные.

Асимметрия в поливершинных словообразовательных гнездах русского языка может иметь различный характер. В зависимости от строения обоих подгнезд можно выделить несколько подтипов.

1) С двумя подгнездами, одно из которых (второе) является нулевым: **теперь // теперя, тимьян // тиммиан, ох // охти, чур // чур-чура, тпру // тпррр (трр), трах // трах-тарарах, хлябать // хлябить, ранет // ренет, радуница // радоница, саднить // саднить, томоша // тамаша, шкворень // шворень, хозар // хазар, чемерика // чемерка, черед // череда (устар.), червонный // червленый, чирей // чиряк, шлихтик // шлифтик, кариоз // кариез, шпатель // шпахтель, сель // силь, амброзия // амврозия, пурпур // пурпура, перекорять // перекорствовать, фасет // фацет, рей // рея, ферзь // ферязь, фелюга // фелюка, плашкоут // флашкоут, эксцентрика // эксцентризм, специфика // спецификум, согдиец // согды, бекеша // бекешь, маздеизм // маздаизм, шабёр // сябёр, неврин // нейрин, неврит // нейрит, невроз // нейроз, аналой // налой, конфекцион // конфекция, рапсодия // рап-**

сод. Большинство гнезд (98%) возглавляют лексические варианты фонематического типа (как **тимьян // тиммиан**) и лишь некоторые (2%) имеют в качестве вершин лексические варианты лексико-морфологического типа (как **пурпур // пурпура**). Например:

тимьян

тимьян-ов-ый

тимьян-н-ый

тиммиан

кухмистер

кухмистер-ш-а

кухмистер-ск-ий

кухмистерск-ая

кухмейстер

2) С двумя подгнездами, включающими производные с различной словообразовательной структурой: **гофры // гофре, цезарь // цесарь, щелок // щелочь, шерхебель // шершебель, желатин // желатина, шакал // чекал**, где также присутствуют вершины фонематические (как **цезарь // цесарь**) и лексико-морфологические (**желатин // желатина**). Например:

цезарь

цезар-изм

цезар-ист/ский

цезар-е-паннизм

цасарь

цесар-ев/ич

цесар-ев/н-а

цесар-ский

3) С двумя подгнездами, включающими производные с различной словообразовательной структурой, а также идентичные: **неврология // неврология, невropатия // невропатия, клёст // клест, клохтать // клоктать, проект // прожект, опий // опиум, обтерхать // отерхать, обрести // обреть, несусветный // несосветный, буржуа // буржуй, валерiana // валерьяна, бивак // бивуак, лузга // луска, шарк // шорк, эллипс // элипсис, халиф // калиф, поднять // подъять, принять // приять, дякон // диакон, гибнуть // гинуть, ноль // нуль, город // град (устар.), змея // змий, разный // розный, старший // старшой, столько // столь, тезис // теза, хватать // хватить, сажать // садить, тонуть // топнуть, тускнуть // тускнеть, шнырять // шнырить, цепенеть // цепенить, растабаривать // раздобаривать, суслить // сусолить, фортепиано // фортепьяно, целлюлоза // целлулоза, турлы // турлу, рейсмас // рейсмус, сандал // сантал, этак // эдак. Как видим, все гнезда**

возглавляются лексическими вариантами фонематического типа. Например:

целлюлоза

целлюлоз-ный

целлюлоз-ник

целлюлозн-о-бумажный

ацетил/целлюлоза

геми/целлюлоза

гемицеллюлоз-ный

крафт-целлюлоза

метил/целлюлоза

нитр-о-целлюлоза

целлулоза

целлулоз-ный

Структурное своеобразие словообразовательных гнезд асимметричного типа заключается в представленности в нем тех или иных способов словообразования и словообразовательных формантов, в отнесенности вершин гнезда и производных к тем или иным частям речи, в особенностях строения словообразовательных парадигм и цепочек, то есть соотношения единиц синтагматического и парадигматического планов, выявления глубины и мощности словообразовательного гнезда и некоторых других аспектах формального строения гнезд.

Анализ поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа с точки зрения частеречной принадлежности их вершин показал, что большинство гнезд (90 %) возглавляются имена существительными, глаголами (7 %), совсем незначительная часть — именами прилагательными, междометиями, звукоподражаниями (3 %) и одно гнездо (**среди // средь // среди // середь**) — наречиями.

Анализ гнезд с точки зрения наполненности и словообразовательного потенциала исследуемых единиц можно сказать о том, что они относятся к гнездам средней наполненности. В них в среднем от 5 до 25—30 производных. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, подавляющее большинство вершин принадлежит к именам существительным, а их словообразовательный потенциал ниже, чем у глаголов, которые обладают активной синтаксической сочетаемостью, что обеспечивает их высокий словообразовательный потенциал. Во-вторых, значительная часть вершин относится к иноязычной лексике, принадлежащей к терминологии, ограниченной в употреблении (например: **неврология // нейрология, невралгия // нейропатия, амврозия // амброзия, плашкоут // флашкоут,**

бивак // бивуак, сольфеджио // сольфеджо, равендук // равендука).

Словообразовательные гнезда, возглавляемые лексическими вариантами-междометиями типа **ох // охти, чур // чур-чура, тпру // тпррр (трр), трах // трах-тарарах**, как правило, содержат второе нулевое подгнездо. Например:

чур

чур-а-ть-ся

за-чураться

от-чураться

чур-чура

Наиболее активны в словообразовательном отношении лексические варианты-глаголы фонематического типа **хватать // хватить, сажать // садить, тонуть // топнуть, тускнуть // тускнеть, шнырять / шнырить, цепенеть // цепенить**, которые могут содержать и до 70 производных в первом подгнезде и 4—5 во втором.

Среди анализируемых гнезд типичными с точки зрения количества производных являются словообразовательные гнезда типа **шерхебель // шершебель, рейсмус // рейсмас, шакал // чекал** и др., в которых в первом подгнезде 2 производных (максимум 5), а во втором подгнезде 1 производное (иногда 2). Производными в таких гнездах чаще всего являются имена существительные, реже глаголы и прилагательные.

Наибольшее количество производных в поливершинных словообразовательных гнездах находится на первой и на второй ступенях. На третьей ступени словообразовательная активность ослабевает, и четвертая ступень, как правило, отсутствует или представлена всего несколькими производными.

На первой ступени в гнездах асимметричного типа чаще всего образуются имена существительные (дьякон-ица (дьякон-ица), дьяконство (дьякон-ство), чабр-ец (чебр-ец), халиф-ат (калиф-ат)) и имена прилагательные (тимьян-ный, хамс-овый, фасет-чатый, эпич-еский, эпич-ный, пергамен-ный (пергамент-ный), дьякон-ский (дьякон-ский), волерьяновый (волерияновый), опий-ный (опиум-ный)), затем глаголы (дьяконствовать (дьякон-ствовать), турлы-кать (турлу-кать), ох-ать, обрет-ать) и наречия (дьякон-ствовать (дьякон-ствовать), турлы-кать (турлу-кать), ох-ать, обрет-ать).

На второй ступени численность имен существительных и имен прилагательных значительно меньше, однако их все же больше, чем глаголов.

На третьей ступени преобладают имена существительные (проектировщица, обуржуазение,

засуслива-није (засусолива-није)) и глаголы (засусл-иваться (засусол-иваться), обсусл-иваться (обсусол-иваться)), имен прилагательных (изборожденный, проктировоч-ный) значительно меньше.

Кроме того, на третьей ступени деривации встречаются субстантивированные имена прилагательные (переднебороздчат-ые, приобретенн-ое).

На четвертой ступени деривации встречаются имена существительные (изборожденн-ость, приобретатель-ница), глаголы (выщелач-иваться, обшарк-иваться). Имен прилагательных и наречий нет.

Анализ способов словообразования свидетельствует о ряде особенностей поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа, которые заключаются в следующем.

Особенности способов словообразования едины для всех трех подтипов по причине частеречной принадлежности вершин, которые в основном относятся к именам существительным.

На 1 и 2 ступенях в гнездах всех трех подтипов представлены такие способы словообразования, как аффиксация (суффиксальный, приставочный, постфиксальный, приставочно-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, приставочно-суффиксальный), а также чистое сложение и сложение с суффиксацией. На 3 и 4 ступенях словопроизводства словообразовательная активность ослабевает и поэтому такие комбинаторные способы, как приставочно-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, приставочно-суффиксальный отсутствуют. Однако на 3 и 4 ступенях впервые появляются производные, образованные способом субстантивации.

І СТУПЕНЬ

Суффиксальный способ

Имена существительные: ранет-ки, развилоч-ка, нол-ик (нул-ик), несусветн-ость, несусветница, неврот-ик, неврот-изација, невропат-ка (нейропат-ка), кухмистер-ша, криноч-ка (крыноч-ка), клохта-ньје, клохта-није, клохту-ньја (клокту-ньја), клоктун (*клохт-ун* отсутствует), лузг-ать (лузк-ать), клест-ов/ка (*клёст-ов/ка* отсутствует), квохта-ньје (квокта-ньје), квоч-ка (*квош-ка* отсутствует), буржуй-ка, борозд-ка, борозд-ник, щелокта-ньје, хозар-ин, хозар-ка, шабр-ёнка, чуш-ка, чока-ньје, чир-ышек, ранет-ки, дякон-ица (диакон-иса), дякон-ство (диякон-ство), чабр-ец (чебр-ец), халиф-ат (калиф-ат), халиф-ство, оброт-ка, обретеніе, эп-ик, воприя-тије, тарабар-щина, фасет-ка, пурпур-ин, шурин-ок, бекеш-ка, а также

имена существительные с нулевым суффиксом растобар-ы, невропат-о (нейропат-о), шлэнд-оа (шлэндр-оа);

Имена прилагательные: смальт-овый (шмальт-овый), сел-евый, сел-евой, сандал-овый (сантал-овый), ранет-овый, развил-чатый, радуницкий, радунич-ный, оазис-ный, нол-евой (нул-евой), неврот-ический, невролог-ический (нейролог-ический), мазде-ист/ский, маратх-ский, кухмистер-ский, криноч-ный (крыноч-ный), кариоз-ный, заскоруз-лый, буржуй-ский, бивач-ный (бивуач-ный), борозд-ной, борозд-овый, борозд-чатый, тарабар-ский, радуницкий, радунич-ный, ранет-овый, равендуч-ный, тимьян-овый, тимьян-ный, хамс-овый, фасет-чатый, эпич-еский, эпич-ный, пергамен-ный (пергамент-ный), дякон-ский (дякон-ский), волерьяновый (волерияновый), опи-ный (опиум-ный), целлюлоз-ный (целлулоз-ный), обтерх-ан-ный (отерх-анный), эк-онький, щелоч-ной, фьорд-овый (фиорд-овый), восприим-чивый, халиф-ский, фелуж-ный, пурпур-ный, пурпур-овый, юфт-евый, юфт-яной, бекеш-ный, ферз-евый, шкворн-евый, бакен-ный, шурин-ов, аналой-ный, амбрози-альный, амброз-ический;

Глаголы: сандал-ить, мяу-кать, квох-нуть, цоб-кать, цыц-кать, цык-ать, шлихт-овать, тарабар-ить, чок-нуть, чилик-ать, эх-ать, дякон-ить (диякон-ить), дякон-ствовать (диякон-ствовать), турлы-кать (турлу-кать), ох-ать, обрет-ать, щелоч-ить, восприним-ать, борозд-ить (бразд-ить), фыр-кать;

Наречия: несусветн-о (несосветн-о).

Приставочный способ

Имена существительные: а-неврин, поли-неврит, прото-дякон (прото-диякон), за-нул-еније;

Глаголы: за-квохтать, при-обрести (при-обрести), за-суслить (за-сусолить), об-суслить (об-сусолить), на-суслить, за-квохт-ать (за-квокт-ать), по-квохтать (по-квокт-ать);

Местоимения: На-сколько, не-сколько, ни-сколько;

Имена прилагательные: против-селевый;

Приставочно-постфиксальный способ

Глаголы: Рас-квохтать-ся.

Постфиксальный способ

Местоимения: Сколько-нибудь, сколько-т;

Глаголы: воспринять-ся, обтерхать-ся, обрести-сь, цыц-те (цыть-те), суслить-ся (сусолить-ся), цыц-те (цыть-те);

Суффиксально-постфиксальный

Глаголы: Чур-а-ть-ся, фуфыр-и-ть-ся, томош-и-ть-ся;

Чистое сложение

Имена существительные: Штанген-рейсмас, опи-е-курильня, борозд-о-делатель, анги-о-невроз, псих-о-невроз, троф-о-невроз, щелок-о-вар, вегет-о-невроз, от-о-неврология, метилцеллюлоза, крафт-целлюлоза, ацетилцеллюлоза, нитроцеллюлоза, гемицеллюлоза;

Имена прилагательные: селе-о-пасный, щёлоч-е-стойкий, щелоч-е-стойкий, щелоч-е-употрный, щелоч-е-устойчивый;

Сложение с суффиксацией

Имена существительные: лузг-о-вей-ка, тоннелл-е-стро-еније;

Имена прилагательные: мелк-о-борозд-чатый, передн-е-борозд-чатый;

II СТУПЕНЬ**Суффиксальный способ**

Имена существительные: нулев-ик, гузга-није, психоневрот-ик, заскорузн-ость, иеродьякон-ство, турлыка-ньје, турл-ышка, турлуш-ка, восприем-ница, опиефаг-ија, борозди-льник, волериан-ка (волериан-ка), проект-ец, проект-ант, прожектер-ка, прожектер-ство, прожектер-щик, охохох-оньки, охохош-еньки, туннель-чик (тоннель-чик), туннель-щик (тоннель-щик), оханье, целлюлозн-ик, эпичн-ость, щелочн-ость, шаркот-ня, приобрет-еније, шарк-ун, а также имена существительные с нулевым суффиксом тарабарЮ;

Имена прилагательные: протодьякон-ский (протодиакон-ский), иеродьякон-ский (иеродиакон-ский), архидьякон-ский (иподиакон-ский), проект-ный, проектирова-льный, фасетч-атый, фасеточ-ный, засусл-енный (засусол-енный), гемицеллюлоз-ный, приобрет-енный, туннель-ный (тоннель-ный);

Глаголы: восприним-аться, обуржуаз-ивать, проект-ировать, ох-нуть, шарк-нуть, эх-нуть, засусл-ивать (засусол-ивать), обсусл-ивать (обсусол-ивать), насусл-ивать, приобрет-ать;

Наречия: пурпуров-о, буржуйск-и;

Приставочный способ

Глаголы: Про-фуфыриться, рас-фуфыриться, за-цыкать, за-чиликать, про-чиликать, на-лузгать, с-лузгать, за-охать, про-охать, раз-этакий, по-шаркать, рас-шаркать, ис-шаркать, об-шаркать, на-шаркать, за-проектировать, с-проектировать, пере-проектировать, по-охать, про-охать, пере-щелочить, под-щелочить, контр-проект, пере-борозд-ить, из-борозд-ить, про-борозд-ить, вы-борозд-ить, вз-борозд-ить, пере-шлихтовать.

Приставочно-суффиксальный способ

Глаголы: По-шаркивать.

Приставочно-постфиксальный способ

Глаголы: Раз-мяукать-ся, раз-охать-ся, на-охать-ся, рас-шаркать-ся.

Постфиксальный способ

Глаголы: Сандалить-ся, воспринимать-ся, обуржуазить-ся, борозд-ить-ся, шлихтовать-ся, проектировать-ся, щелочить-ся, шаркать-ся, чокать-ся.

Чистое сложение

Имена существительные: закон-о-проект, техн-о-проект;

Имена прилагательные: эфири-о-валериановый, пурпурн-о-красный, проектн-о-изыскательный, архитектурно-проектный, лир-о-эпический, лирик-о-эпический, целлюлозн-о-бумажный;

Сложение с суффиксацией

Имена прилагательные: Лев-о-буржуаз-ный, прав-о-буржуаз-ный, либеральн-о-буржуаз-ный, мелко-о-буржуаз-ный, общ-е-буржуаз-ный, щелочн-о-земельный, щелочн-о-кислот-ный, кислотн-о-щелоч-ной, слаб-о-щелоч-ной.

III СТУПЕНЬ**Суффиксальный способ**

Имена существительные: Пошаркива-није, воспринимаем-ость, перешлихтов-ка, перепроектирова-није, перепроектиров-ка, мелкобуржуан-ость, мелкобуржуазн-ость, приобрета-тель, проектиров-щица, обуржуаз-ение, засуслива-није (засусолива-није), приобрета-тель/ство;

Имена прилагательные: изборожд-енный, проктировоч-ный;

Глаголы: насандал-ива-ться, обуржуаз-ивать, изборожд-ать, перешлихтов-ывать, проох-ивать, засусл-иваться (засусол-иваться), обсусл-иваться (обсусол-иваться), расшарк-иваться, насусл-иваться;

Приставочный способ

Глаголы: При-цыкнуть, пере-чокаться, за-чокаться, по-чокаться;

Постфиксальный способ

Глаголы: обуржуазить-ся, взборозд-ить-ся, перепроектировать-ся, приобретать-ся, выщелачивать-ся, насусливать-ся, засусливать-ся (засусоливать-ся);

Субстантивация

Переднебороздчат-ые, приобретенн-ое.

Чистое сложение

Имена существительные: нов-о-приобретение;

Имена прилагательные: Буржуазн-о-дворянский, буржуазн-о-демократический, буржуазн-о-капиталистический, буржуазн-о-помещичий, буржуазн-о-националистический, законн-о-приобретенный, нов-о-приобретенный;

IV СТУПЕНЬ

Суффиксальный способ

Имена существительные: Изборожденность, приобретательница, приобретательство, вышаркива-није,

Глаголы: выщелачиваться, обшаркиваться, прищыкивать,

подщелачива-није, расшаркива-није, обшаркиваться, приобретательский;

Постфиксальный способ

перечокивать-ся, исшаркивать-ся, выщелачивать-ся;

Субстантивация

Проектировочная, благоприобретенное;

Особенностью, присущей поливершинным словообразовательным гнездам третьего подтипа (с двумя подгнездами, включающими производные с различной или одинаковой словообразовательной структурой), является наличие в них параллельных вариантных производных, расположенных в подгнездах на одних и тех же ступенях (в основном это 1 и 2 ступень словообразования) типа дьяконница (дьякон-иса), дьяконство (дьякон-ство), дьяконский (дьякон-ский), дьяконить (дьякон-

ить), дьяконствовать (дьякон-ствовать), воле-рьяновый (волерияновый), опийный (опиум-ный), целлюлоз-ный (целлюлоз-ный), турлы-кать (турлу-кать), обтерх-анный (отерх-анный), чабр-ец (чебр-ец), халиф-ат (калиф-ат), несусветн-о (несосветн-о) и др. Причем, в некоторых случаях такие варианты производные в одних и тех же подгнездах есть, но могут и отсутствовать. Например: в гнезде **клохтать** // **клоктать** на первой ступени словообразования присутствуют параллельные варианты производные **клокту-нья** и **клохту-нья**, в то время как **клокт-ун** есть, а **клохт-ун** отсутствует; в гнезде **заскорузнуть** // **закорузнуть** на первой ступени словообразования присутствуют параллельные варианты производные **заскоруз-лый** и **закоруз-лый**, на второй ступени образуется производное абстрактное имя существительное **заскорузл-ость** только в первом подгнезде, производное **закорузл-ость** во втором подгнезде отсутствует; в гнезде **квохтать** // **квоктать** на первой ступени параллельными вариантными производными являются **квохта-нье** и **квокта-нье**, **за-квохтать** и **за-квоктать**, **по-квохтать** и **по-квоктать**, **рас-квохтать-ся** и **рас-квоктать-ся**, но производное **квоч-ка** (с морфонологическим явлением чередования к/ч) есть, а **квош-ка** (с чередованием х/ш) во втором подгнезде отсутствует и т. д.

Представленность способов словообразования по ступеням

Таблица № 1

Аффиксальные способы словообразования

Ступень // Способ словообразования	Суффиксальный способ	Приставочный способ	Постфиксальный способ	Приставочно-суффиксальный способ	Приставочно-постфиксальный способ	Суффиксально-постфиксальный способ
1 ступень	+	+	+	+	+	+
2 ступень	+	+	+	+	+	-
3 ступень	+	+	+	-	-	-
4 ступень	+	-	+	-	-	-

Таблица № 2

Способы сложения

Ступень // Способ словообразования	Чистое сложение	Сложение с суффиксацией	Сращение	Аббревиация
1 ступень	+	+	-	-
2 ступень	+	+	-	-
3 ступень	+	-	-	-
4 ступень	-	-	-	-

Таблица № 3

Субстантивация

Ступень // Способ словообразования	Субстантивация
1 ступень	-
2 ступень	-
3 ступень	+
4 ступень	+

В целом, в поливершинных словообразовательных гнездах асимметричного типа преобладают производные таких частей речи, как имена существительные (45%) и имена прилагательные (47%), глаголов и наречий намного меньше (8%), что объясняется частеречной принадлежностью вершин исследуемых гнезд к именам существительным, реже — к именам прилагательным и глаголам.

Отдельно следует сказать о поливершинных словообразовательных гнездах, возглавляемых междометиями и звукоподражаниями.

В Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова нами выявлено 14 таких гнезд: **шш // ш-ш // ши, цоб // цобе // цоб-цобе, чок // чок-чок, чух // чух-чух, мяу // мяу-мяу, чур // чур-чура, шарк // шорк, ох // охти, эх // эхва // эхма, чур // чур-чура, тпру // тпррр (трр), трах // трах-тарарах, турлы // турлу, цыц // цыть**, из которых словообразовательные гнезда **шарк // шорк, ох // охти, эх // эхва // эхма, чур // чур-чура, тпру // тпррр (трр), трах // трах-тарарах, турлы // турлу, цыц // цыть** являются гнездами *асимметричного типа*, остальные междометные словообразовательные гнезда — совмещенного типа. Среди гнезд асимметричного типа 5 имеют нулевое подгнездо (**эх // эхва // эхма, чур // чур-чура, тпру // тпррр (трр), трах // трах-тарарах, ох // ох-ох-ох // охти**) и 3 — подгнездо, включающее производные с одинаковыми и разными словообразовательными структурами (**турлы // турлу, шарк // шорк, цыц // цыть**).

С точки зрения наполненности междометные асимметричные гнезда содержат от 3 до 10 производных, являющиеся имена существительными, образованными суффиксальным способом (**тпрука-нье, охox-ошеньк-и, охox-охоньк-и, охox-онюшк-и**) и глаголами, образованными суффиксально-постфиксальным, суффиксальным, постфиксальным и приставочным способами словообразования (**чур-а-ть-ся, за-чураться,**

от-чураться, эх-а-ть, эх-ну-ть, цыц-ка-ть, цык-а-ть, цыц-те). Исключение составляет гнездо **шарк // шорк**, в составе которого 51 производное. Высокий словообразовательный потенциал данного гнезда связан с тем, что на первой ступени в первом подгнезде непосредственно от междометия образован глагол **шарк-а-ть** суффиксальным способом (имеется и параллельное суффиксальное образование **шорк-а-ть**).

Предельная глубина словообразовательных гнезд междометий и звукоподражаний равна пяти ступеням (**шарк // шорк**), минимальная глубина, наиболее характерная для описываемых гнезд, составляет две ступени (**чур // чур-чура**). Остальные гнезда глубиной в три ступени (**трах // трах-тарарах, ох // охти, цыц // цыть**).

Итак, поливершинные словообразовательные гнезда представляют собой совершенно особый тип гнезд, организуемый двумя — тремя вершинами, являющимися лексическими вариантами. Эти гнезда классифицируются в зависимости от характера вариативности вершины (акцентные, фонематические, лексико-морфологические, акцентно-лексико-морфологические, акцентно-фонематические), а также в зависимости от состава и формально-семантического строения подгнезд (симметричные, асимметричные, совмещенные).

Асимметрия в поливершинных словообразовательных гнездах русского языка является одним из основных свойств их структуры и носит различный характер. Она проявляется на уровне строения гнезда в целом, то есть мы наблюдаем гнезда с двумя подгнездами, одно из которых (второе) является нулевым; с двумя подгнездами, включающими производные с различной словообразовательной структурой; с двумя подгнездами, включающими производные как с различной словообразовательной структурой, так и идентичные. Различным может быть и формальное строение подгнезд внутри одного подтипа.

Список литературы

1. Авдеева, А. Ю. Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ словообразовательных гнезд с исходными словами **старый — новый, old — new** в русском и английском языках Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Авдеева. — М.: 2007. — 23 с.
2. Атаева, Р. Р. Типология поливершинных словообразовательных гнезд современного русского языка // — URL: <https://journal.fledu.uz/ru/tipologiya-polivershinnyh-slovoobrazovatelnyh-gnezd-sovremennogo-russkogo-yazyka/>
3. Гинзбург, Е. Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд / Е. Л. Гинзбург. — Проблемы структурной лингвистики. — М.: МГУ, 1973. С. 146—225.

4. Гинзбург, Е. Л. Исследование гнезд сложных слов в русском языке на базе аппликативной модели: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Е. Л. Гинзбург. — М.: 1967. — 22 с.
5. Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования: когнитивный подход / И. В. Евсеева — М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 312 с.
6. Земская, Е. А. О некоторых нерешённых вопросах теории синхронного словообразования / Е. А. Земская // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. 11—16 ноября 1974 г.: Тезисы докладов и сообщений. М.: 1974. — С. 45—47.
7. Кубрякова, Е. С. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании / Е. С. Кубрякова, Соболева П. А. // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. — С. 5—23.
8. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. — М.: Наука, 1977. — 234 с.
9. Лопатин, В. В. Словообразовательный тип и способы словообразования / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русский язык в национальной школе. — М, 1969. — № 6 — С. 4—10.
10. Соболева, П. А. Исследование словообразовательной системы языка на основе аппликативной порождающей модели / П. А. Соболева. — Проблемы моделирования языка: уч. зап. Тартуского государственного университета. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1969. Вып. 3. Ч. 2. С. 157—171.
11. Соболева, П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. — М: Наука, 1980. — 294 с.
12. Тихонов, А. Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Тихонов, А. Н. — М., 1974. — 35 с.
13. Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового толкового словаря русского языка / А. Н. Тихонов, Е. Н. Тихонова // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора А. Н. Тихонова. Елец: 2001. — С. 12—17.
14. Шереметьева, А. Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект): Дисс... докт. филолог. наук / А. Г. Шереметьева. — Ташкент, 2001. — 235с.

Сведения об авторе

Атаева Рануша Рашидовна — старший преподаватель кафедры русской филологии, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан. ranuscha@yandex.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 23—31.*

THE STRUCTURAL PECULIARITY OF THE RUSSIAN VERTEX DERIVATIONAL NESTS OF ASYMMETRICAL TYPE

R. R. Ataeva

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan. ranuscha@yandex.com

The article is devoted to vertex word-formative nests of the Russian language. Vertex word-formative nests are classified according to 1) the nature of the variability of the top (accent, phonemic, lexical-morphological, accentuated-lexical-morphological, accentuated-phonemic), 2) the composition and formal-semantic structure of the nests (symmetrical, asymmetric, combined). The characteristics of the vertex structure word formative nests of asymmetric type are detailed. Asymmetry in the vertex word-formation nests of the Russian language is one of the main properties of their structure and has a different character. It reveals itself at the level of the structure of the nests as a whole. We observe vertices with two nests, one of which (the second) is zero; with two nests, including derivatives with different word-formation structure; with two nests, including derivatives with different word-formation structure, and identical. The formal structure under nests in one subtype can also be different.

Keywords: *vertex word-formation nest, lexical variants, top of word-formative nest*

References

1. Avdeyeva, A. Yu. *Strukturno-semanticheskiy i lingvokulturologicheskiy analiz slovoobrazovatelnykh gnezd s iskhodnymi slovami staryy - novyy. old - new v russkom i angliyskom yazykakh* [Structural-semantic and linguocultural analysis of word-formation nests with the original words staryy - novyy, old-new in Russian and English]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [author's abstract. dis. ... Cand. Phil. sciences] / A. Yu. Avdeyeva. – Moscow, 2007. – 23 p. (In Russ.).
2. Atayeva, R. R. *Tipologiya polivershinnykh slovoobrazovatelnykh gnezd sovremennogo russkogo yazyka* [The typology of polyvertex word-formative nests of the modern Russian language] // – URL: <https://journal.fledu.uz/ru/tipologiya-polivershinnyh-slovoobrazovatelnyh-gnezd-sovremennogo-russkogo-yazyka/> (In Russ.).
3. Ginzburg, E. L. *Issledovaniye struktury slovoobrazovatelnykh gnezd* [Study of the structure of word-formation nests] / E. L. Ginzburg. – *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. – Moscow, MGU. 1973. Pp. 146–225. (In Russ.).
4. Ginzburg, E. L. *Issledovaniye gnezd slozhnykh slov v russkom yazyke na baze aplikativnoy modeli*: Avtoref. diss. ... kand. filol. Nauk [The study of nests of complex words in the Russian language on the basis of the applicative model: author. Diss. ... Cand. Phil. sciences] / E. L. Ginzburg. – Moscow, 1967. – 22 p. (In Russ.).
5. Evseyeva, I. V. *Kompleksnyye edinitsy russkogo slovoobrazovaniya: kognitivnyy podkhod* [Complex units of Russian word formation: cognitive approach] / I. V. Evseyeva – Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM». 2012. – 312 p. (In Russ.).
6. Zemskaya, E. A. *O nekotorykh nereshennykh voprosakh teorii sinkhronnogo slovoobrazovaniya* [On some unsolved problems of the theory of synchronous word formation] / E. A. Zemskaya // *Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po teoreticheskim voprosam yazykoznaneya. 11-16 noyabrya 1974 g.: Tezisy dokladov i soobshcheniy* [All-Union scientific conference on theoretical issues of linguistics. 11-16 November 1974: Abstracts and communications]. Moscow, 1974. – Pp.45–47. (In Russ.).
7. Kubryakova, E. S. *O ponyatii paradigmy v formoobrazovanii i slovoobrazovanii* [On the concept of paradigm in the formation and word formation] / E. S. Kubryakova. Soboleva P. A. // *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. M.: Nauka. 1979. – Pp. 5–23. (In Russ.).
8. Lopatin, V. V. *Russkaya slovoobrazovatel'naya morfemika* [Russian word-formative morphemics] / V. V. Lopatin. – Moscow, Nauka. 1977. – 234 p. (In Russ.).
9. Lopatin, V. V. *Slovoobrazovatel'nyy tip i sposoby slovoobrazovaniya* [Russian word-formative morphemics] / V. V. Lopatin. I. S. Ulukhanov // *Russkiy yazyk v natsionalnoy shkole* [Russian language in the national school]. – Moscow, 1969. – №6 – Pp. 4–10. (In Russ.).
10. Soboleva, P. A. *Issledovaniye slovoobrazovatel'noy sistemy yazyka na osnove aplikativnoy porozhdayushchey modeli* [The study of the derivational system of the language based on the applicative generative model] / P. A. Soboleva. // *Problemy modelirovaniya yazyka: uch. zap. Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tartu: Izdatelstvo Tartuskogo universiteta. 1969. Vyp. 3. Ch. 2. [Problems of language modeling: Uch. Zap. Tartu state University. Tartu: Tartu University Press, 1969. Vol. 3. Part 2.]. P. 157–171. (In Russ.).
11. Soboleva, P. A. *Slovoobrazovatel'naya polisemiya i omonimiya* [Word-formation polysemy and homonymy] / P. A. Soboleva. – Moscow, Nauka. 1980. – 294 p. (In Russ.).
12. Tikhonov, A. N. *Formalno-semanticheskiye otnosheniya slov v slovoobrazovatel'nom gnezde*: Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Formal-semantic relations of words in the word-formation nest] / Tikhonov. A. N. – Moscow, 1974. – 35 p. (In Russ.).
13. Tikhonov, A. N. *Problemy sostavleniya gnezdovogo tolkovogo slovarya russkogo yazyka* [Problems of compiling the nest explanatory dictionary of the Russian language] / A. N. Tikhonov. E.N. Tikhonova // *Aktualnyye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. posvyashchennoy 70-letiyu professora A.N. Tikhonova* [Actual problems of Russian word formation. Materials of VII International scientific conference devoted to 70-th anniversary of Professor A. N. Tikhonov]. Elets, 2001. – P.12–17. (In Russ.).
14. Sheremetyeva, A. G. *Leksiko-grammaticheskaya variantnost v russkom yazyke (sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt)*: Diss...dokt. filolog. Nauk [Lexical and grammatical variability in the Russian language (synchronous-diachronic aspect)] / A. G. Sheremetyeva. – Tashkent, 2001. – 235 p. (In Russ.).

ИМЕНА ВОЛШЕБНЫХ СУЩЕСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА КНИГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

М. В. Бычкова, Т. С. Цвентух

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В данной статье рассматриваются особенности употребления имен собственных в художественном тексте, их функциональный аспект — создание подтекста за счет того, что они являются говорящими или характеризующими персонажа. Внимание уделено волшебным существам, имена которых как нельзя лучше отражают специфику книг жанра фэнтези и связывают художественный текст с целым пластом фольклорного и культурного наследия.

Ключевые слова: *имя собственное, онимы, ономастика, художественный текст, фэнтези, Дж. К. Роулинг, Гарри Поттер*

Введение

Имена собственные представляют значительный пласт лексики в составе языка, который неизменно вызывает интерес у лингвистов. История возникновения имен собственных, их связь с культурой общества, в котором они возникли, лингвистические характеристики имен собственных — это лишь краткий список тем, которые волнуют исследователей. Кроме бытовой, имена собственные имеют другую важную сферу применения: это их функционирование в художественном произведении.

Поэтонимы (имена собственные в художественном произведении) исследуются в разных аспектах. В частности, стилистические функции онимов в художественной литературе исследовали Н. В. Васильева, Ю. А. Карпенко, Д. Лампинг, В. А. Никонов, соотношение ономастикона поэтического и реального, системность поэтической ономастики и её роли в художественном тексте — С. И. Зинин, В. Н. Михайлов, О. И. Фоякова, поэтику имен собственных — Л. И. Андреева, В. М. Калинин, Э. Б. Магазаник, Л. М. Щетинин, процессы номинации — М. Э. Рут, А. В. Суперанская, Н. К. Фролов.

Изучение ономастикона художественного текста позволяет с большей убедительностью и объективностью анализировать другие уровни произведения, его эстетические и идеологические особенности. Имена собственные помогают создать образ персонажа и являются одним из важнейших элементов любого художественного произведения. Таким образом, можно сказать, что изучение функционирования онимов в художественном произведении находится на стыке двух наук: лингвистики

и литературоведения, и эта междисциплинарность определяет актуальность данной работы.

Объектом исследования выступают имена собственные в художественном тексте. Предметом — реализация семантико-стилистической функции имен собственных на материале конкретного произведения. Материалом для исследования в данной работе послужили имена мифических существ из цикла книг о «Гарри Поттере». Основными методами являются описательный и семантический анализ наряду с широким употреблением этимологического анализа.

1. Имена собственные в художественном тексте

Художественный текст отличается от текстов, написанных в других функциональных стилях не только использованием стилистических фигур и тропов (метафор, сравнений, эпитетов, метонимий и т. д.), но и присутствием подтекста, скрытого смысла, который может быть выражен как с помощью лингвистических, так и с помощью не собственно лингвистических средств. Такой подбор средств наделяет художественный текст множественностью интерпретаций.

Подобную множественность обеспечивают различные факторы: яркие и неоднозначные художественные образы, различие в восприятии текста автором и читателем, социальная, историческая, языковая призма, сквозь которую читатель воспринимает текст, а также глубинный смысл. М. М. Бахтин писал о том, что «глубинный смысл всегда завуалирован, скрыт. Его нельзя свести к чисто логическим или чисто предметным отношениям» [1: С. 300]. Таким образом, мы приходим к выводу, что под-

текст, создаваемый автором, является неотъемлемым компонентом художественного текста.

В широком смысле подтекст — это «скрытый, отличный от прямого значения высказывания смысл, который восстанавливается на основе контекста с учетом ситуации» [2]. Иными словами, подтекст — это информация, которая объединяет между собой разные отрывки текста, позволяет понять глубинный замысел автора. Следует отметить, что создание подтекста возможно как с помощью собственно языковых смыслов (изменения языковых единиц), так и с помощью несобственно языковых смыслов («скрытая информация, выражаемая языковыми единицами с большой внеязыковой нагрузкой») [4: С. 81].

К таким языковым единицам с большой внеязыковой нагрузкой и относятся, по нашему мнению, имена собственные (ИС) в художественном тексте. Автор, создавая каждое ИС в своем произведении, наделяет его особой смысловой нагрузкой, целью которой является представить, охарактеризовать героя. Существует классификация ИС, в зависимости от той стилистической функции, которую они играют в произведении:

1. Нейтральные имена. Такие имена достаточно типичны для героев той или иной культуры: *Harry Potter, Angelina Johnson, Katie Bell*.

2. Описательные или характеризующие имена. В этих именах содержится прямая или косвенная характеристика персонажа: *Nearly Headless Nick, The Fat Friar, The Fat Lady, The Bloody Baron, Fulbert the Fearful*. Сюда же можно добавить имена, несущие положительные или отрицательные коннотации. Здесь можно говорить, как о звучании имен (насколько приятно или пугающе они звучат), так и о сопутствующих именам эпитетах: *Grawp, Helga Hufflepuff, Croaker, Gilderoy Lockhart, Dark Lord, He-Who-Cannot-Be-Named*.

3. Говорящие имена. Смысл их не всегда на поверхности, иногда необходимо проследить этимологию имени, чтобы понять, какую черту характера персонажа оно описывает: *Bellatrix Lestrange* (*Bellatrix* с латинского переводится как «воительница» и как «воплощение красоты», тогда как *Lestrange* — отсылка к французскому *l'étrange*, «странная», что вместе создает образ красивой, но опасной и психически нестабильной героини), *Draco Malfoy* (*Draco* с латинского это «дракон» или «змея», что указывает на достаточно подлый характер персонажа, тогда как *Malfoy* — это искаженное французское «*mal foi*», «плохая судьба», и эта фамилия вполне характеризует судьбу Драко) [16].

II. Имена магических существ в книгах о «Гарри Поттере»

Стоит отметить, что мир, созданный Дж. Роулинг населяют не только магглы (обычные люди) и волшебники, но и **волшебные существа**, которых писательница делит на различные расы: гоблины, великаны, кентавры, вампиры, оборотни, эльфы-домовики, русалки и русалы (в английском варианте *merpeople* — буквально «морской народ»). Отдельное место среди таких существ занимают **hags** — **ведьмы**, которые помимо того, что относятся к другой расе, отличаются от цивилизованных волшебниц тем, что живут не в Обществе Волшебников, а уединяются в менее людном месте, чаще в пещере или глухом лесу, некоторые вырывают себе в земле пещерку, промышляют людоедством (*hag* от англ. — ведьма, карга, колдунья, чародейка, землеройка). Само слово *hag* вероятно произошло от древнеангл. *haegtesse* (в значении *witch* — «старая ведьма»). В период среднеанглийского языка данное слово было редуцировано до *haeg* [22; 23]. В русском языке нет отдельного слова для обозначения данного существа, условно *hag* можно перевести как «старая колдунья-людоедка». Согласно древнегерманскому фольклору, *hag* — ужасный дух, который насылал кошмары на спящих, или садился на грудь спящему человеку, затрудняя дыхание. Обычно *hag* в романах о Гарри Поттере — фольклорный персонаж. Рассмотрим имена некоторых из них. *Vabauaga* — старуха, наделенная магической силой. По своим свойствам ближе всего к ведьме (*hag*). Имя образовано от именованья фольклорного персонажа «Баба Яга». Сравним некоторые языковые соответствия: польск. *Baba Yaga*, словенск. *Jaga Baba*, чешск. *Ježibaba*, болг., русск. *Баба Яга*, укр. *Баба Яга*; все варианты могут быть переведены на английский как *Baba Yaga*. Имя *Baba Yaga* состоит из двух элементов. *Baba* традиционно означает обращение к старой женщине, чаще со стороны ее внуков (ср.: *бабушка*) в большинстве славянских языков [23]. *Yaga* — уменьшительно-ласкательное от славянского имени Ядвига (*Jadwiga*, ср.: *Jaga/Jagusia/Jadzia*), однако существуют и другие соответствия. Например, некоторые ученые связывают прото-слав. *ęga* со староангл. *inca* («печаль») и сканд. *ekki* («горе») [21]. **Annis Black** — имя образовано от наименования персонажа английского фольклора — *the Black Annis* — духа, которым пугали маленьких детей. Зачастую этого духа изображали в виде старухи с синим лицом и железными когтями. Некоторые ученые полагают, что данная легенда основана на жизнеописании средневековой

отшельницы *Agnes Scott* (ср. *Agnes* и *Annis*) [18], другие — что она уходит своими корнями в кельтскую мифологию, согласно которой *Black Annis* — дух из загробного мира, один из потомков богини Дану [13]. *Malodora Grimm* — уродливая страуха-колдунья, которая использовав любовное зелье влюбила в себя короля и отравила самую красивую девушку королевства яблоком из зависти. *Grymm* — аллюзия на персонажа сказки «Белоснежка и семь гномов» братьев Гримм — злую мачеху, которая позавидовав красоте своей падчерицы, дочери короля пыталась убить ее разными способами, в том числе и с помощью яблока. *Malodora* от лат. *mal* «дурной, злой» [23]. *Leticia Somnolens* — старуха-ведьма из Средневековья, которая позавидовав королевской дочке, обманом заставила ее уколоть себе палец о веретено и проспать 100 лет. Фамилия *Somnolens* образована от лат. *somnolentia* — «сонливость» [23].

Имена великанов (giants). Великаны — человекоподобные существа огромных размеров. Обычно описываются как существа, враждебные людям. Само слово **giant** происходит от древнегреч. **gigantes** (гиганты) — в древнегреческой мифологии гиганты это дети Земли (Геи) — змееногие человекообразные существа, сродни титанам — богам доолимпийского пантеона (только титаны не могут умереть, а гиганты смертны) [6; 10]. Рассмотрим имена великанов. *Bran the Bloodthirsty* — великан, который жил в замке на вершине бобового стебля, и питался исключительно англичанами. Был побежден юношей по имени Джек. Прямая аллюзия на английского фольклорного персонажа — великана из сказки «Джек и бобовый стебель» [3]. Прозвище ярко подчеркивает злой характер великанов — *The Bloodthirsty* переводится как «кровожадный». *Golgomath* — жестокий великан, ставший предводителем племени великанов после смерти (убийства) Каркуса (см. ниже) [27]. Имя *Golgomath* — перифраз имени героя месопотамских мифов Гильгамеша (*Gilgameth, Gilgamesh*). Гильгамеш был царем в Уруке, искал бессмертия, был очень горделивым, чем и раздражал богов. Как и всякий мифический герой, Гильгамеш обладал огромной силой и большим ростом [20]. *Karkus* — предводитель великанов, с которым пытаются договориться Хагрид и Мадам Максим, чтобы заручиться поддержкой великанов во время второй войны с Волдемортом. Убит великаном по имени Голгомат. Имя образовано от англ. омонимич. *carcass* «труп» [16]. *Morholt* — в мире Гарри Поттера его изображение помещается на одной из карто-

чек «Знаменитые Волшебники», описывается как брат короля Ирландии, великан, ранивший кельтского героя Тристана ядовитым мечом (согласно Дж. Роулинг). Имя данного великана это прямая аллюзия на одного из рыцарей короля Артура (в поздней версии) — Моргольта (*Morholt*, также *Marhalt, Morold, Marhaus*). В ранних сказаниях Моргольт — брат королевы Ирландии, могучий ирландский воин (ср. русск. богатырь — могучий воин-защитник, обладавший неведомой силой, зачастую превосходил своих сверстников размером и умениями), который отправился в Корнуэлл, к королю Марку собирать дань. Но чтобы освободить свой народ от дани молодой воин, племянник короля Марка, по имени Тристан соглашается сразиться с Моргольтом и, вступив в поединок, убивает его [8].

Имена оборотней (werewolves). В именах оборотней чаще всего имеют аллюзии на персонажей имеющих отношение к волкам. Так, например, имя **профессора Люпина (Remus)** отсылает нас к древнеримской легенде о братьях основателях Рима — Ромуле и Реме (лат. *Romulus* и *Remus*) [10]. Его фамилия в переводе с латинского означает «волк» (лат. *lupus*) [23]. Имя же предводителя оборотней **Фенрира Сивого (Fenrir the Greyback)** отсылает нас к скандинавской мифологии, где Фенрир (*Fenrir*) — чудовищный волк, который согласно пророчеству вырвется на свободу и «поспособствует» Концу Света [5]. Прозвище же его ассоциируется с цветом волчьей шерсти — серым (ср. русский фольклорный персонаж — Серый Волк).

Имена гоблинов (goblins). Существует две версии происхождения слова «гоблин». Во-первых, оно может быть производным от имени «Гоб» — фольклорного короля гномов (*Gob* — подчиненный ему народ звался *Gob-lings*). Во-вторых, в его основе может лежать корень *kobl-* — искаженное немецкое слово *Kobold* (возможно от греч. *kobalos* — негодяй, хулиган), которым обозначались злые духи [22; 23]. Единого представления о гоблинах у наших предков не имелось. В одних легендах они были чем-то вроде домовых, в других — лесными духами. Гоблины обладали стандартным «набором» умений и свойств — перекидывались в животных, могли становиться невидимыми, красть детей из люльки, подкладывая вместо них своих отпрысков. Гоблины могут взять паутинку, сплести из нее ночной кошмар и вложить его в ухо спящего человека. В книгах Дж. Роулинг гоблины описываются с одной стороны как примитивный народ, погрязший в междоусобных войнах и восстаниях,

но с другой стороны, гоблины — хитры и расчетливы, не зря магический банк назван в честь гоблина Gringotts. Таким образом, имена гоблинов состоят из 2 частей. Первая — собственно имя, вторая — прозвище, показывающее какую-либо отрицательную черту своего носителя. Alguff the Awful — грязный, плохпахнущий гоблин, который пытался продать капельки своего пота производителю Бомб-Вонючек (Dungbombs) [23]. Alguff — от англ. guff — огрызаться, хамить, дурачить. Прозвище можно перевести как «Ужасный» [16]. Bodrig the Boss-Eyed — глава Братства Гоблинов. Утверждал, что Братство не потворствует насилию, хотя на самом деле поддерживает тех гоблинов, которые используют насилие для достижения цели Братства. Bodrig от англ. bod (странный тип) + rig (проделка, уловка, хитрость; плутни) [23]. Прозвище можно перевести как «одноглазый, кривой; косой, косоглазый». Eargit the Ugly — представитель гоблинов на Совете Волшебников 14-го столетия. Eargit от англ. git — меравец, негодяй. Прозвище переводится как «безобразный, уродливый» [16]. Gringott — основатель Банка Гринготтс. Gringott — grin (оскал зубов; усмешка) + gott (ист. — вандал, варвар, хулиган (связано с разрушениями, нанесенными готами, вандалами и другими германскими племенами Римской империи)), или же gott в значении «золотой слиток» [23]. Griphook гоблин, который работает в Гринготтсе и перевозит клиентов банка к их хранилищам. Griphook от англ. hook (крючок; захватывать крючком) + Grip (имя одного из гоблинов в «Хоббите» Толкиена) — Хват, Хватай [16; 28]. Hodrod the Horny-Handed — печально известный гоблин, который попытался атаковать сразу трех волшебников. Hodrod от англ. hod (ведерко для угля) + rod (перен. власть, сила, тирания) [16]. Прозвище можно перевести как «Тот, у кого мозолистые руки». Ragnok the Pigeon-Toed — активист в борьбе за права гоблинов. Имя Ragnok — перифраз сканд. Ragnarök — «Конец Света» [5]. Прозвище переводится как «с пальцами ног, обращенными внутрь». Urg the Unclean — лидер гоблинского мятежа 18-го века [25]. Urg созвучно англ. ogre — огр, великан-людоед. Примечательно, что само слово ogre (ogre) имеет кельтское происхождение и связано с легендами о знаменитом Арторе (короле Артуре). Отец его жены Гвенвивар (королевы Гвениверы), в донормандских преданиях, — Огирвран, — во всех отношениях отвечал представлениям древних кельтов о повелителе подземного мира (само его имя, восходящее к архаическому *oscur vran*, означает злая ворона, то есть ворон —

птица смерти). Он был громадного роста и звали его Огирвран-великан, т.е. Ogirvran → редуц. Ogre [8; 23]. Прозвище переводится как «Грязный».

Не менее показательны и **имена** таких существ как **вампиры (vampires)**. Миф о вампирах, появился в Восточной Европе из славянского фольклора, где вампирами были существа, убивающие людей выпивая их кровь, либо их душу. Этимология темная. Из южнославянских языков через венг. *vámpír* слово заимствовано в западноевропейские (нем. *Vampir*, фр. *vampire*, англ. *vampire*). Исходное значение слова также неясно: одни связывают со словом *нетопырь*, другие — с корнем слов *парить, перо* (ср. со ст.-польск. *wąpioru* «пернатый»). Существует (обычно отвергаемая) версия о связи с тюркскими языками (татарск. *убырь* «ведьма») [14; 23]. Хотя в произведениях Роулинг вампиры представлены менее кровожадными существами, чаще всего их имена связаны с понятием «кровь», «алый», как цвет крови. Так например, Blodwyn **Bludd** — вампир, который был знаменит тем, что пел своим жертвам, перед тем как «испить их кровь». Имя Blodwyn образовано от древнеангл. blōd (кровь) + древнеангл. wynn (наслаждение) [23]. Фамилия Bludd созвучна с англ. blood — кровь. **Lorcan d'Eath** — вампир-певец. Имя *Lorcan* происходит от ирл., гэльск. *lorcan* «fierce one», что в переводе означает «жестокый человек» [23]. Фамилия представляет собой графон образованный от англ. слова death «смерть». (Ср. вампир, кусая свою жертву, убивает ее). Фамилия также является аллюзией на персонажа романа Терри Пратчетта («К оружию!») ассасина, который носит имя *Lord Edward d'Eath* [12]. **Count Vlad Drakul** — персонаж книги Брэма Стокера «Граф Дракула», в свою очередь основанный на реальном историческом персонаже, жестоком румынском правителе. Свое прозвище, которое затем перешло в фамилию, граф Дракула получил благодаря тому, что был известен как жестокий правитель [14]. Drakul(a) в переводе с рум. означает «дракон» или «дьявол» [21; 23]. **Amarillo Lestoat** — привлекательный вампир-американец, автор книги «Монолог Вампира». Имя Amarillo образовано от реального топонима — **Амарилло (Amarillo)** — город в США, расположенный в северной части штата Техас, административный центр графства Поттер (Potter). Фамилия Lestoat — перифраз имени главного персонажа романа о вампирах американской писательницы Энн Райс — Лестата (Lestat). (Ср. название романа Энн Райс — «Интервью с Вампиром») [15]. **Lady Carmilla Sanguina** — вампирша, принимавшая

ванну в крови своих жертв, чтобы сохранить свою молодость и красоту. Имя очевидно заимствовано из произведения Шеридана Ле Фаню «Кармила» (Carmilla), главной героиней которого является жестокая вампирша Carmilla. Фамилия Sanguina образована от лат. *sanguineus* – «кровавый, кровавый» [7; 23].

Имена кентавров (centaurs). Кентавры от греч. *kentauros* < *ken* + *tauros* — букв. «пронизывающий (копьем) быка», согласно другим вариантам также «убийца (убивающий) быка» [6; 16]. Греки заимствовали мифический архетип, коня-полу-бога с копьем в руках из месопотамских поверий. Месопотамский бог **Баал** (Baal) представлял собой силы природы (дождь), и, согласно легенде, пронизывал своими рогами демона **Мота** (**Mot**), который символизировал засуху. Кентавры в греческой мифологии — раса существ с головой и туловищем человека на теле лошади [6; 20]. Обычно кентавры показываются дикими и несдержанными существами, в которых преобладает животная природа, но известны и мудрые кентавры, в первую очередь, Фол и Хирон, друзья и учителя Геракла и некоторых других героев. **Ване** — кентавр, который ненавидит людей и не доверяет им. Бэйн одним из первых уносит профессора Амбридж в Запретный Лес, когда она пытается напасть на Магориана. Имя образовано от англ. *vane* «бедствие, погибель; смертельный яд» [16; 27]. **Магорган** — предводитель кентавров, менее агрессивный, чем Бэйн, но тоже не доверяет людям. Имя образовано от библ. **Gog and Magog**. Гог и Магог — название, которое встречается в Библии. **Гог** — это человек, живший во времена судей в Древней Иудее. **Магог** — это один из внуков Ноя. Предполагают, что это выражение означает малые и большие народы. Такой выбор имени вполне объясним, так как Магориан, как предводитель кентавров, является представителем своего народа [20]. **Ронан** — один из кентавров, обитающих в Запретном Лесу. Имя — это аллюзия на богиню **Rhiannon**. В уэльской мифологии **Rhiannon** — богиня-покровительница коней (вариант кельтской богини Эпоны). Согласно легенде, Рианон чаще всего изображалась как прекрасная женщина в золотом платье, сидящая на прекрасном белоснежном коне. Само имя **Rhiannon** происходит от прото-кельтского **Rīganto-n-ā* (ср. Романо-брит. теоним *Rīhantona*) со значением «великая королева» или букв. «женщина, которая правит», **-n-* является прото-кельтским инфиксом со значением «божественность» [21; 28]. В мифологии валлийских кельтов **Рианнон** — дочь Хефейдд Хен, отличавша-

яся удивительной красотой. Ее имя означает «великая королева»; она была женой Пвилла. По преданию, Пвилл увидел Рианнон скачущей верхом на белом коне и с первого взгляда полюбил ее. Он упорно добивался ее руки, и, хотя в конце концов они поженились, их жизнь складывалась не гладко. Рианнон в легендах неизменно ассоциируется с лошадьми, что дало основание отождествить ее с Эпоной, кельтской богиней — покровительницей лошадей [13].

Имена призраков (ghosts). Наряду с обычным именем, которое достается призракам из их прежней, «реальной» жизни, зачастую они получают еще и прозвище, которое характеризует их в жизни «загробной». Рассмотрим имена некоторых призраков. **Nearly Headless Nick** [24] (привидение факультета Гриффиндор) — Почти Безголовый Ник. Получил прозвище «Почти Безголовый», потому что был неудачно казнен, ему *почти* отрубили голову. **The Bloody Baron** [28] (привидение факультета Слизерин) — Кровавый Барон. Прозвище **Bloody** вероятно дается данному персонажу, чтобы подчеркнуть его жестокость и «ужасность», так как это привидение факультета Слизерин. **The Fat Friar** [28] (привидение факультета Пуффендуй) — Толстый Монах. Получает прозвище **Fat** (Толстый, Толстяк). Есть две причины, которыми можно объяснить выбор такого имени. Во-первых, спальни факультета Пуффендуй находятся рядом с кухней, а во-вторых, Толстый монах довольно дружелюбное привидение, именно он желал Гарри удачи при распределении по факультетам в его первый год в Хогвартсе. Существует довольно распространенный стереотип о том, что полные люди достаточно дружелюбны и добродушны. **Moaning Myrtle** [24] (Плакса Миртл) получает прозвище из-за своей «привычки» плакать, стонать где-нибудь, чаще в женском туалете на третьем этаже (*moaning* букв. «стенающий»). **Peeves the Poltergeist** полтергейст, обитатель школы Хогвартс. Пивз выглядит как маленький человечек в яркой одежде, он носит шляпу с бубенчиками и оранжевый галстук-бабочку. У него злобные черные глазки и широкий рот. В отличие от призраков, он не прозрачен и не бесплотен, но умеет летать и проходить сквозь стены [24]. Полтергейст чаще всего представляет собой злой дух, вредящий человеку. **Poltergeist** от нем. *polter* — гроыхать + *Geist* — дух [23]. Исходя из того, что наиболее частые проделки полтергейста — это необъяснимый стук в квартире, летающие предметы, например тарелки и ножи и т. д. — а такое про-

исходит когда этот злой дух чем-то недоволен — выбор имени для Пивза вполне объясним. Reeves от англ. reeve — обида, reeved — раздраженный, reevish — злой [16].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что имена собственные играют в произведении немаловажную роль. Они не только называют героя, позволяя читателю отличать его от других персонажей, но также дают некоторую его характеристику, создают образ, используя при этом весьма обширный лингвистический инструментарий.

Создавая имена для своих героев — волшебных существ в цикле книг о «Гарри Поттере», Дж. К. Роулинг пользовалась совершенно разными источниками: это и библейские тексты, и языческие мифологии разных народов, и литература, как современная, так и более ранняя. Многие из имен являются говорящими или содержат в себе аллюзии на другие произведения. Анализ имен собственных в произведениях Дж. К. Роулинг позволил не только изучить их семантический и функциональный аспект, но и оценить многоплановость ее книг, увидеть взаимосвязь культур.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин // М.: Художественная литература. — 1975. — 495 с.
2. Большой Энциклопедический Словарь / под ред. А. М. Прохорова. — М.: Советская энциклопедия, 1993. — 1628 с.
3. Волшебный фонарь. Сказки со всего света. В двух томах. Т. 1. Победитель великанов: Сказки народов Европы — М.: Олимп — АСПОЛ, 1992. — С. 313—324.
4. Исаева Л. А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте / Л. А. Исаева. — Краснодар. — 1996.
5. Колум Патрик. Боги и герои Севера / Пер. с англ. И. Е. Полоцка. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — 189 с.
6. Кун, Н. А. Мифы и легенды Древней Греции / Н. А. Кун. — М.: АСТ, 2006. — 479 с.
7. Ле Фаню, Дж. Ш. Кармила / Дж. Ш. Ле Фаню. — М., 2019—320 с.
8. Легенды Средневековья / Пересказ для детей Н. Гарской, В. Марковой, С. Прокофьевой; Худ. А. Капнинский. — М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2002. — 315 с.: ил.
9. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. / М. М. Маковский. — М., 1996.
10. Нейхардт, А. А. Легенды и сказания древнего Рима / А. А. Нейхардт. — М.: Правда, 1987. — 57 с.
11. Никонов, В. А., Суперанская, А. В. Антропонимика / В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1970. — 360 с.
12. Пратчетт, Т. К оружию! К оружию! / Пер. с англ. Н. Берденникова — М.: ЭКСМО, 1993. — 480 с.
13. Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г. К. Косикова. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 284 с.
14. Призраки ночи. Зачарованный мир / под ред. И. Шурыгиной. — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с. ил.
15. Райс, Э. Интервью с вампиром / Пер. с англ. М. Литвиновой — М.: Эксмо-Пресс, 2018. — 384 с.
16. Словарь АBBYU Lingvo. — URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru>.
17. Суперанская, А. В. Структура имени собственного (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская — М.: Наука. — 2009. — 336 с.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. — 2-е изд. М., 1987
19. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте / О. И. Фонякова. — Л.: ЛГУ. — 1990. — 104 с.
20. Хук, С. Мифология Ближнего Востока / Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. — М.: Центрполиграф, 2009. — 174 с.
21. Behind the Name: The Meaning and History of First Names. — URL: <https://www.behindthename.com>.
22. Ernest Klein A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language Elsevier Science B. V. 1971 Amsterdam, 844
23. Online Etymological Dictionary. — URL: <https://www.etymonline.com/>
24. Rowling, J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J. K. Rowling. — London, 2010. — 366 p.
25. Rowling, J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire / J. K. Rowling. — London, 2013. — 636 p.

26. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Half-Blood Prince* / J. K. Rowling. — London, 2010. — 608 p.
27. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Order of Phoenix* / J. K. Rowling. — London, 2013. — 766 p.
28. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Philosopher's Stone* / J. K. Rowling. — London, 2010. — 223 p.
29. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* / J. K. Rowling. — London, 2010. — 318 p.

Сведения об авторах

Бычкова Мария Владимировна — старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. bychkova.lingvo@gmail.com.

Цвентух Татьяна Сергеевна — старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. tsventoukh@yandex.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 32—39.*

MAGIC CREATURES' NAMES IN THE LITERARY TEXT — EVIDENCE FROM THE HARRY POTTER BOOKS

M. V. Bychkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. bychkova.lingvo@gmail.com

T. S. Tsventoukh

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tsventoukh@yandex.ru

The article considers peculiarities of using proper names in the literary text as well as their functioning which consists in the creation of the implied sense. This is possible due to the fact that proper names are considered to be charactonyms, i.e. describing a character. Close attention is paid directly to the magical creatures, whose names perfectly reflect the specifics of the books of the fantasy genre and associate the artistic text with a whole layer of folk and cultural heritage. Magical creatures in the series of «Harry Potter» books, such as vampires, centaurs, werewolves, goblins, giants and ghosts possess the names that can describe them as characters but also let the reader interpret them from the cultural and historic point of view. Many of the names have connections with the biblical texts as well as pagan mythology and literature both modern and classical. Such approach helps readers to see the profundity and multi-levelness of the books.

Keywords: *proper name, name, onomastics, literary text, fantasy, J.K. Rowling, Harry Potter.*

References

1. Bahtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975. 495 p. (in Russ.).
2. *Bol'shoj Enciklopedicheskiy Slovar'* [Big Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, 1993. 1628 p. (in Russ.).
3. *Volshebnyj fonar'. Skazki so vsego sveta. V dvuh tomah. T.1. Pobeditel' velikanov: Skazki narodov Evropy* [Magic Lantern. Fairytales from all over the world. In two volumes. Vol.I The Giant Slayer: European fairytales]. Moscow, 1992. Pp.313-324. (in Russ.).
4. Isaeva, L.A. *Vidy skrytyh smyslov i sposoby ih predstavleniya v hudozhestvennom tekste* [Types of hidden meanings and how they are transferred in fiction]. Krasnodar, 1996. (in Russ.).
5. Kolum, Patrik. *Bogi i geroi Severa* [Gods and heroes of the North]. Moscow, 2010. 189 p. (in Russ.).
6. Kun, N. A. *Mify i legendy Drevnej Grecii* [Myths and legends of Ancient Greece]. Moscow, 2006. 479 p. (in Russ.).
7. Le Fanyu, Dzh. Sh. *Karmilla* [Carmilla] Moscow, 2019. 320 p. (in Russ.).
8. *Legendy Srednevekov'ya / Pereskaz dlya detej* [Legends of the Middle Ages. Retelling for kids]. Moscow, 2002. 315 p.: ill. (in Russ.).
9. Makovskij, M. M. *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropejskih yazykah: Obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages. The image of the world and the worlds on images]. Moscow, 1996. (in Russ.).

10. Nejhardt, A. A. *Legendy i skazaniya drevnego Rima* [Legends and Tales of the Ancient Rome]. Moscow, 1987. 57 p.
11. Nikonov, V.A., Superanskaya, A.V. *Antroponimika* [Antroponimics]. Moscow, 1970. 360 p. (in Russ.).
12. Pratchett, T. *K oruzhiyu! K oruzhiyu!* [Men at Arms]. Moscow, 1993. 480 p. (in Russ.).
13. *Predaniya i mify srednevekovoj Irlandii* [Tales and myths of the Medieval Ireland]. Moscow, 1991. 284 p. (in Russ.).
14. *Prizraki nochi. Zacharovannyj mir* [Phantoms of the night. Enchanted world]. Moscow, 1996. 144 p. ill. (in Russ.).
15. Rajs, E. *Interv'yu s vampirom* [Interview with the Vampire: The Vampire Chronicles]. Moscow, 2018. 384 p. (in Russ.).
16. *Slovar' ABBYY Lingvo*. [Abbyy Lingvo online Dictionary]. Available at: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru>.
17. Superanskaya, A.V. *Struktura imeni sobstvennogo* [Structure of a proper name] (Fonologiya i morfologiya) [Phonology and morphology]. Moscow, 2009. 336 p. (in Russ.).
18. Fasmer, M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah*. [Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow, 1987. (in Russ.).
19. Fonyakova, O.I. *Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste* [Proper name in literary text]. Leningrad, 1990. 104 p. (in Russ.).
20. Huk, S. *Mifologiya Blizhnego Vostoka* [The mythology of the Middle East]. Moscow, 2009. 174 p. (in Russ.).
21. *Behind the Name: The Meaning and History of First Names*. Available at: <https://www.behindthename.com>.
22. Klein, Ernest. *A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language*. Elsevier Science B.V. 1971 Amsterdam, 844 p.
23. *Online Etymological Dictionary*. Available at: <https://www.etymonline.com/>
24. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Chamber of Secrets* / J. K. Rowling. – London, 2010. – 366 p.
25. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Goblet of Fire* / J. K. Rowling. – London, 2013. – 636 p.
26. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Half-Blood Prince* / J. K. Rowling. – London, 2010. – 608 p.
27. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Order of Phoenix* / J. K. Rowling. – London, 2013. – 766 p.
28. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Philosopher's Stone* / J. K. Rowling. – London, 2010. – 223 p.
29. Rowling, J. K. *Harry Potter and the Prisoner of Azkaban* / J. K. Rowling. – London, 2010. – 318 p.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НИГЕРИИ

Т. Г. Волошина

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Рассматриваются особенности функционирования территориального варианта английского языка Нигерии. Указываются основные черты глобализации английского языка. Исследуются ключевые лингвокультурологические факторы, оказавшие влияние на развитие территориального варианта нигерийского английского языка, выявляется характерная особенность — семантическая деривация, для которой наиболее типичными являются расширение и сужение семантического значения лексем.

Ключевые слова: *английский язык, территориальный вариант Нигерии, лингвокультурология, социолингвистика, лексико-семантическая система, лексическое значение, сужение значения, расширение значения.*

Глобальное распространение английского языка по всему земному шару и его статус в качестве официального языка во многих странах, таких как Гамбия, Индия, Камерун, Канада, Кения, Мальта, Нигерия, США, ЮАР и др., определили его глобальную роль и влияние на огромное количество языковых вариантов современного английского языка.

В связи с доминирующим влиянием английского языка на распространение языковой вариативности и закрепления за ним официального статуса, языковая политика многих стран, например, таких как Индия, Пакистан, Нигерия, проводится в русле обеспечения образования на английском языке [2. С. 29].

Роль английского языка в русле развития языковой политики Нигерии активизируется как при помощи внутренней, так и внешней политики государства. К задачам внутренней политики относятся решение ряда таких проблем, как сохранение статуса коренных языков и упрочнение их роли во всех сферах жизни общества, продвижение образовательных программ [2. С. 30]. Однако, на практике, такую роль выполняет английский язык, являясь универсальным средством коммуникации при получении образования в школе, университетах. Внешняя языковая политика направлена на сохранение статуса английского языка и представляет собой комплекс языковых мер, направленных на поддержание структуры языка и различных форм его существования [2. С. 33].

Институтами реализации ведения официальной языковой политики в Нигерии сегодня выступают средства массовой информации и коммуникации, а именно телевидение, интернет, компьютерная

сфера. Государственные телевизионные и радиоканалы Нигерии осуществляют вещание по всей территории страны на английском языке. В каждом из 36 штатов Нигерии есть своя собственная радиостанция, которая информирует жителей о последних событиях, происходящих в стране и штатах. В большинстве штатов также существуют собственные телеканалы, частные теле- и радиокomпании, число которых по данным 2018 г. превышает 300 наименований [2. С. 26].

В нашем исследовании анализу подвергается языковая вариативность английского языка одной из наиболее крупных по численности населения стран Западной Африки — Нигерии.

Некоторые особенности функционирования территориального варианта английского языка Нигерии были рассмотрены в работах таких зарубежных лингвистов XX в. как А. Бамгбоуза (Bamgbose, 1998), Е. Бамиро (Bamiro, 1998), Е. Осамора (Osammor, 2002), Б. Качру (Kachru, 2006) и др. В своих работах известные лингвисты исследовали семантические изменения в отдельных лексических полях Нигерийского английского языка; проводили сравнительный анализ семантической вариативности лексических единиц и выражений Британского английского языка и территориального варианта английского языка Нигерии; систематизировали ранее полученные теоретические знания и на их основе выявили наиболее общие и контрастные характеристики английского языка и территориального варианта английского языка Нигерии [4; 5; 16; 12].

Существенный вклад в изучение лексико-семантических особенностей территориального ва-

рианта английского языка Нигерии с начала XXIV. внес известный лингвист, языковед и социолог Х. Игбонуси (H. Igboanusì), в работах которого были исследованы особенности лексико-семантических единиц нигерийского английского языка [11. С. 78—87]. В своих исследованиях автор выдвинул гипотезу о достижении лексико-семантических инноваций в нигерийском английском языке через некоторые лингвистические процессы, такие как семантическое выдвижение и сдвиг, функциональное преобразование, редупликация, аналогичные происхождение [11. С. 98—101]. В отличие от своих предшественников, автор акцентирует внимание не только на лексико-семантических особенностях дефиниций, но и выявляет их культурно-этимологические аспекты.

Целью нашего исследования является выявление лексико-семантических особенностей территориального варианта английского языка Нигерии. Цель исследования определила круг его задач: выявить историко-культурологические факторы, влияющие на процесс формирования лексического состава территориального варианта английского языка Нигерии, определить семантические особенности лексических особенностей, выявить особенности такой семантической деривации как сужение и расширение значения и определить их специфику функционирования на материале территориального варианта английского языка Нигерии.

В ходе лингвистического взаимодействия английского языка и языков коренных народов на территории Нигерии возникали разновидности нигерийского английского языка [1. С. 165]. Основываясь на принципе территориального деления, известный нигерийский лингвист Д. Круз (D. Cruse) выделяет восточный английский, западный английский и северный английский языки [8. С. 37]. Другой знаменитый языковед Д. Кристалл (D. Crystal) выявляет типологию групп английского языка на территории Нигерии, основываясь на вариациях английского языка наиболее крупных коренных языковых групп, к которым принято относить «английский язык игбо» (Igbo English), «английский язык йоруба» (Yoruba English), «английский язык хауса» (Hausa English) [7. С. 101—118].

В основу типологии языковых вариантов нигерийского английского языка, разработанной Т. Фалоло (T. Falola), положен принцип лингвистических критериев, базирующийся на правиле отступления от нормы [9. С. 14—16]. В процессе изучения этого параметра, исследователь выделяет четыре разновидности нигерийского ан-

глийского языка: 1) полное отступление от нормы английского языка, при этом отмечается невозможность применения такой формы на международном уровне; 2) приближенность к стандарту английского языка с позиции синтаксических особенностей, но с ярко выраженными фонологическими и лексическими характеристиками, такой вариант считается социально приемлемым, но не на международном уровне; 3) языковой вариант, обладающий большим сходством в синтаксисе и семантике со стандартным английским языком, но обладающий некоторыми фонетическими и лексическими особенностями, в силу применения лингвистических элементов из локальных языков. Такие варианты являются социально приемлемыми в общении на международном уровне; 4) этот вариант идентичен британскому английскому языку в русле синтаксиса, семантики, фонологии, фонетики и является социально приемлемым и применимым на международном уровне [9. С. 44—51].

Третий параметр, определяющий уровень владения английским языком в качестве иностранного, представляет собой уровень профессионального образования нигерийца. Учитывая этот параметр, принято выделять три разновидности уровня владения английским языком:

1) низший уровень владения английским языком, приобретаемый учащимися Нигерии на базе начальной ступени образования и продолжая его изучение в средней школе;

2) средний уровень владения английским языком, связанный с продолжением изучения английского языка в средней школе и улучшением уровня английского языка на базе институтов и университетов. В эту категорию также попадают студенты-магистранты и начинающие журналисты;

3) профессиональный уровень владения английским языком. Такой уровень владения типичен для большинства преподавателей высших учебных заведений, судей, представителей администрации, редакторов публикационных издательств [15. С. 26—41].

Другой известный нигерийский лингвист Н. Нукоя (N. Nukoа) определяет четыре уровня использования английского языка нигерийцами, исходя из этапов получения образования:

1) пиджин английского языка (Pidgin English), то есть отсутствие формального образования и, соответственно, знаний английского языка. При этом уровне процесс коммуникации осуществляется на языке пиджина английского языка;

2) начальное образование, для которого характерно владение английским языком на достаточно примитивном уровне;

3) средняя ступень образования, подразумевающая владение английским языком на элементарном уровне;

4) высшая ступень образования, для которой типично самостоятельное владение английским языком [14. С. 36—44].

Все вышеперечисленные параметры оказывают влияние на уровень владения английским языком среди жителей Нигерии. Следует отметить, что образовательный уровень нигерийцев не только служит материалом для проведения подробного эмпирического исследования, но также до сих пор вызывает множество нерешенных вопросов о соотношении его с нормами стандартного английского языка в плане синтаксических, семантических, фонологических, фонетических особенностей с некоторыми лексическими вариациями.

Особенности репрезентации лексико-семантических вариаций в территориальном варианте английского языка Нигерии были описаны в исследованиях А. Бамгбоуза (A. Bamgbose). В своих работах автор проводил системный анализ в рамках изучения внутренних показателей лексико-семантических вариаций и исследовал такие аспекты как демографический и географический [4. С. 7—10].

В работах африканского филолога Л. Ойгуке (L. Oyejoke) анализу подвергаются классификации лексико-семантических инноваций в поле семантических отклонений [17. С. 16—19]. Автор полагает, что лексические инновации не способны функционировать в процессе применения определенных регистров, поскольку они включают лексические единицы, типичные только для презентации определенных профессиональных полей [17. С. 28].

Нигерийский лингвист и языковед Х. Игбонуси (H. Igboanusi) не является сторонником этой теории. Исследователь подчеркивает, что хотя употребление в обиходе речи многих нигерийских англоязычных инноваций достигло демографического, географического и авторитетного уровней, на данный момент среди населения наблюдаются сложности в процессе кодификации и декодификации информации, разборчивости речи и адекватного восприятия различных лексических инноваций. Принимая во внимание фактор сложности в процессе точной интерпретации таких лексических нововведений, лексико-семантические инновации продолжают отмечать в словарях как ошибочные явления [11. С. 46—49]. В составленных собственноручно сло-

варях автор идентифицирует семантическое расширение лексических единиц, характеризующееся как процесс, в котором те или иные лексические единицы приобретают дополнительный смысл. Специфической особенностью лексических единиц территориального варианта английского языка Нигерии автор выделяет такую характерную черту, как семантический сдвиг. Понятие семантического сдвига нигерийского английского языка рассматривается как свойство отличаться по своему значению от британского английского языка [11. С. 56—59]. В своих работах, в процессе исследования спектра лексических единиц в английском языке Нигерии, автор полагает, что английский язык способен лишь в некоторой степени охватить аспекты нигерийской культуры, что приводит к сужению значения той или иной лексической единицы [11].

Например, анализируя термины родства языка йоруба, известный нигерийский лингвист М. Ало (M. Alo) подчеркивает некоторые семантические свойства, связанные с использованием лексем «*father*», «*mother*», «*brother*», «*sister*» [1. С. 168]. В английском языке рассматриваемые лексемы употребляются при обращении и описании представителей кровных родственников нуклеарной семьи. В территориальном варианте английского языка Нигерии для данных лексем типично не только это значение, но и характерно расширение значения. Лексемы «*father*», «*mother*», «*brother*», «*sister*» в территориальном варианте английского языка Нигерии применяются также в качестве презентации родственников различных поколений, а также для обращения к людям более старшего возраста [3. С. 1076].

В процессе изучения семантических свойств территориального варианта английского языка Нигерии африканский языковед С. Огбулого (S. Ogbulogo) приходит к выводу, что лексические инновации сохраняют значения британского английского языка, но при этом оставляют возможность удерживать специфические свойства нигерийской культуры [15. С. 92—99]. В своих исследованиях автор анализировал особенности репрезентации лексем языка игбо терминологического ряда в сфере науки и технологий и вывел ряд инновационных лексических значений, демонстрирующих расширение содержания соответствующих понятий, например:

1. *Igwe (Nigerian English) — Machine (British English)*

Лексема *Igwe* в языке игбо, которой в английском языке соответствует значение *machine* — то есть

любая механическая структура, которую используют с целью движение и передвижения любых объектов, приобретает ряд дополнительных значений, свидетельствующих о расширении значения исходной единицы, а именно:

Iron — железо,
Bicycle — велосипед,
Engine — мотор;

2. *Ogbunigwe (Nigerian English)* — *Missile (British English)* [18. С. 9].

Лексеме нигерийского английского языка *Ogbunigwe* в английском языке соответствует значение *missile*, которое интерпретируется как *ракета, снаряд, реактивный снаряд*. Тем не менее, в территориальном варианте английского языка Нигерии данное слово приобретает ряд дополнительных значений, таких как — *bomb (бомба), grenade (граната), machine gun (пулемет)*. Таким образом, в рассматриваемом примере лексема *Ogbunigwe* приобретает такую разновидность семантической деривации, как расширение.

3. *Ogwu (Nigerian English)* — *Medicine (British English)* [6. С. 9].

В нигерийском английском языке лексема *Ogwu* соответствует значению *medicine* в английском языке, что подразумевает *лекарственное средство самого широкого спектра*. В языке игбо рассматриваемое слово приобретает дополнительные свойства в силу расширяющегося значения: *drug (лекарственное средство, обладающее наркотическим свойством), charm (обаяние, привлекательность), talisman (талисман)*. В рассматриваемом примере можно также наблюдать такую разновидность семантической деривации, как расширение значения.

4. *Mmiri (Nigerian English)* — *water (British English)* [15. С. 106].

Лексема английского языка *water (вода)*, трактуемая в нигерийском английском языке как *Mmiri*, как и предыдущие примеры, приобретает ряд дополнительных значений, свидетельствующих о расширении значения исходной дефиниции, например: *liquid (любая жидкость), syrup (сироп, глазурь)* [15. С. 106—108].

Тем не менее, в территориальном варианте английского языка Нигерии наблюдается и другая тенденция, а именно потеря уникальности культурной самобытности в процессе интерпретации тех или иных лексических единиц. Этот процесс связан с сужением содержания понятий/значений многих лексических единиц с одновременным расширением объема этих понятий/значений. Процесс неправомерного сужения содержания понятия ис-

конных нигерийских лексических единиц, сопровождаемый потерей лингвокультурной специфики, особенно ярко можно проследить в области интерпретации лексических единиц тематической группы «Национальная одежда и обувь».

Примеры:

1. *Agbada (Nigerian English)* — *Flowing gown (British English)* [13. С. 19].

Элемент национальной одежды *Agbada* представляет собой национальный тип одежды для мужчины и является необходимостью для любого африканского мужчины, желающего произвести должное впечатление на окружающих в обществе. Такая одежда представляет собой длинную рубашку яркого цвета, которая украшена вышивкой, типичной для культурной принадлежности к тому или иному этносу Нигерии. Эта одежда имеет длинную историю, укоренившуюся в культурах коренных народов Нигерии. Однако, английский вариант *flowing gown*, интерпретирующий рассматриваемый элемент мужского гардероба, теряет большую часть смысловой нагрузки данной дефиниции, так как отражает лишь внешние качества одежды (*струящееся платье*), что свидетельствует о неправомерном сужении содержания понятия (и расширении его объема).

2. *Abada (Nigerian English)* — *White Clothes (British English)* [13. С. 32].

Национальная Африканская одежда *Abada* может относиться как к женскому, так и мужскому ансамблю одежды. Рассматриваемый костюм представляет собой одежду исключительно белого цвета, которую носят во время молитвы мусульмане. В Нигерии женский тип одежды *Abada* представляет собой длинную белую тунику, а мужской комплект одежды состоит из белых брюк и блонной белой рубашки. В языке игбо, входящем в ранг межэтнических средств коммуникации, анализируемая лексическая единица интерпретируется как *a two-piece waist belt tied over the waist of women (женский пояс, дважды оборачивающий талию)* [13. С. 32]. В языке Нигерии *Abada* представляет собой репрезентацию лингвокультуры, в то время как английский вариант нигерийского языка неправомерно сужает содержание понятия (и расширяет его объем), отображая только белый цвет одежды — *White Clothes*.

3. *Adipa (Nigerian English)* — *Clothes (British English)* [13. С. 37].

Adipa представляет собой особый вид ткани, применяемый в нигерийской промышленности, выделяющийся своей яркой окраской. Изначально

материал *Адира* представлял собой обычную хлопковую ткань с яркой вышивкой. Основная форма одежды, изготовленной из ткани *Адира*, представляла собой сочетание двух сшитых между собой полотна, образующих своеобразное одеяние.

Со временем одежда из материи *Адира* стала производиться не только вручную, но и на фабриках. В настоящее время такие города Нигерии, как Абеокута, Ибадан, Осогбо являются крупными торговыми центрами продаж национальной Нигерийской одежды из материи *Адира*. Современная *Адира* отличается вышивкой фиолетового или синего цветов. Традиция окрашивания индиго уходит корнями в Западную Африку, символизируя благополучие и благородство. Лексический вариант рассматриваемой дефиниции английского языка — *Clothes* — не отражает культурологические особенности нигерийского народа, а репрезентирует одежду в целом. В данном примере, как и в предыдущих, мы наблюдаем такое явление, как сужение содержания понятия.

4. *Boubou (Nigerian English) — Gown (British English)* [13. С. 77].

Boubou представляет собой особый тип одежды, который носят в Западной Африке как мужчины, так и женщины. Сшитый из большого полотна ткани, *Boubou* представляет собой элегантный наряд, который достигает лодыжек. Традиционно, такое одеяние изготавливают на заказ в специальных мастерских, женский и мужской варианты отличаются формой воротника. Женский *Boubou* имеет округлую форму воротника, символизируя плодородие, а мужской вариант костюма образует длинный V-образный вырез в области шеи, что является символом удачи и благополучия. Английский аналог, *Gown (наряд, халат)*, не способен передать оттеночное значение рассматриваемой лексической единицы, здесь мы вновь имеем дело с сужением содержания понятия и одновременным расширением его объема.

5. *Cover shoe (Nigerian English) — Shoes (British English)* [13. С. 103].

Лексическая единица — *Cover shoes* — репрезентирует тип обуви, который не закрывает всю ногу, например как сандалии (*a pair of shoes which does not cover the entire leg, such as sandals*). Английский аналог, *Shoes*, не дает представления о характеристиках обуви.

6. *Danshiki (Nigerian English) — Jumper (British English)* [13. С. 109].

Элемент Нигерийской одежды, *Danshiki*, представляет собой мужскую и женскую одежду ярких цветов, покрывающую верхнюю часть тела.

Для Нигерии этот тип одеяния имеет характерную особенность — отсутствие рукавов и оформление проймы контрастным кантом. Современная вариация *Danshiki* представлена костюмами различных комбинаций от простой драпированной одежды, до многокомпонентных костюмов. Английский вариант, *Jumper*, представляющий собой элемент вязаной одежды с длинным рукавом и высоким воротником, не отражает особенностей репрезентации национальной одежды.

7. *Oriki (Nigerian English) — Praise name (British English)* [10. С. 19].

Английский вариант *Praise name (похвала, поклонение)* не в полной мере соответствует значению нигерийского английского языка *Oriki*. Дефиниция *Oriki* изначально имела большую эмоциональную насыщенность лексического значения и подразумевала более продолжительный период выполнения действия. Рассматриваемый пример можно интерпретировать как *высоко оценить чью-либо помощь, почитать чьи-либо услуги, боготворить кого-либо в течение всей жизни*. В анализируемом примере, как и в предыдущих, мы наблюдаем такую разновидность семантической деривации, как сужение содержания понятия с одновременным расширением объема понятия (это касается и соответствующего значения).

Таким образом, глобальное распространение английского языка в современном мире привело к тому, что сегодня английский язык обладает официальным статусом во многих государствах мира, одной из которых является такая страна Западной Африки, как Нигерия.

В ходе исследования были рассмотрены исторические, культурологические и лингвистические особенности процесса становления территориального варианта английского языка Нигерии, а также были выявлены некоторые его лексико-семантические характеристики.

Комплекс внешних обстоятельств, в которых происходит процесс функционирования и развития языка, а именно: социальная структура общества, различия между носителями языка в силу возрастного или социального статуса, уровня образования и культуры — повлиял на уровень владения английским языком жителями современной Нигерии. Географические границы распространения языков на территории Африки не совпадают с политическими границами, поэтому в Нигерии существует множество вариаций языковых групп, чем и определяется внутренняя структура социолингвистической ситуации Нигерии.

Английский язык в Нигерии обладает статусом официального языка, объединяющего представителей различных этносов, и является языком политики, экономики, судебной системы, средств массовой информации, образования. Языковая политика государства направлена на продвижение роли английского языка во всех сферах жизни нигерийцев, что несомненно влияет на судьбу коренных языков в сторону их меньшего применения и постепенного вымирания.

Социолингвистический анализ языкового материала в исследовании осуществлялся с помощью метода корреляционного анализа, который основан на соотношении социальных параметров и языковых явлений в качестве зависимых элементов. Учитывая принцип лингвистических критериев, положенный в основу классификации вариантов английского языка в Нигерии, в работе исследовались особенности функционирования лексических единиц территориального варианта английско-

го языка Нигерии, которые представляют собой языковой вариант, обладающий сходством в синтаксисе и семантике со стандартным английским языком. В ходе исследования мы пришли к выводу, что территориальному варианту английского языка Нигерии присущи специфические особенности на лексическом уровне в силу влияния коренных языков на функционирование английского языка на территории Нигерии. Различные вариации лексических инноваций представляют собой характерную особенность исторически сложившихся и культурно-обусловленных черт, повлиявших на состояние и функционирование современного английского языка Нигерии. Специфической чертой лексического строя современного нигерийского английского языка является развитие семантической деривации, а именно расширение и сужение понятия/значения языковых единиц, что приводит к изменению содержательной динамики языка.

Список литературы

1. Alo, M. A. Prototype Approach to the Analysis of Meaning of Kinship Terms in Non-native English / M. A. Alo // In Language Sciences. — 2004. — № 15 — P. 159—176.
2. Baghana, J. Some aspects of African Study in the Era of Globalization / J. Baghana, O. N. Prokhorova, T. G. Voloshina, M. Y. Raiushkina, Y. A. Glebova // Revista Espacios. — 2018. — № 38 — P. 26—32.
3. Baghana, J. Theoretical issues of language contacts, borrowings and interference / J. Baghana, T. G. Voloshina, Kotch K. I., Rodina L. I., Radovich M. A. // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. — 2018. — P. 1074—1079.
4. Bamgbose, A. Torn Between the Norms: Innovations in World Englishes / A. Bamgbose // In World Englishes. — 1998. — № 5 — P. 1—14.
5. Bamiro, E. Lexicosemantic Variation in Nigerian English / E. Bamiro // In World Englishes. — 1998. — № 5 — P. 47—68.
6. Blench, R. A dictionary of Nigerian English / R. Blench. — Cambridge, 2005.
7. Crystal, D. English as the global language / D. Crystal. — Cambridge, 2003.
8. Cruse, D. Lexical Semantics / D. Cruse. — Cambridge, 1998.
9. Falola, T. Historical Dictionary of Nigeria / T. Falola. — Lanham, 2009.
10. Langlo, T. Dictionary of Nigerian English / T. Langlo. — USA, 2018.
11. Igboanusi, H. Lexico Semantic Innovation Processes in Nigerian English / H. Igboanusi. — Ibadan, 2001.
12. Kachru, B. The handbook of World Englishes / B. Kachru. — Malden MA, 2006.
13. Melzian, H. A. Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria / H. A. Melzian. — London, 2001.
14. Nukoya, E. Nine Lives / E. Nukoya. — Lagos, 2006.
15. Ogbulogo, C. Concepts in Semantics / C. Ogbulogo. — Lagos, 2005.
16. Osammor, I. The Triumph of the Water Lily / I. Osammor. — Lagos, 2010.
17. Oyegoke, L. Ill Winds / L. Oyegoke. — Ibadan, 2002.
18. Soneye, T. The English Language as a cultural Transmitter: The African Experience / T. Soneye // Advanced Studies of Africa Society. — 2011. — № 12. — P. 1—11.

Сведения об авторе

Волошина Татьяна Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный университет. Белгород, Россия. tatianavoloshina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 40—46.

PECULIARITIES OF LEXICAL-SEMANTIC SYSTEM OF NIGERIAN ENGLISH

T. G. Voloshina

Belgorod State University, Belgorod, Russia. tatianavoloshina@rambler.ru

The article deals with the peculiarities of the functioning of the Nigerian territorial, or regional, variety of English. English in Nigeria has the status of the official language, which unites representatives of different ethnic groups, and is the language of politics, economy, judiciary, mass media, education. The research points out the main causes of globalization of the English language, explores the key linguistic and cultural factors that influenced the development of the territorial variety of Nigerian English. The author pays special attention to the idea of lexical innovations, preserving the regional values and retaining some possibility of fixing the specific features of the culture of Nigeria in dictionaries. In connection with the central place of the word meaning in linguistics, which has a complex system of hypotheses, theories, concepts, patterns in each of its branches, it is possible to observe mobility of the vocabulary of the language. It is primarily related to fixing the newly appeared words in the dictionary demonstrating the change in the notion scope and content of phenomena of reality.

Keywords: *English language, territorial variant, Nigeria, language and cultural study, sociolinguistics, lexical-semantic system, lexical meaning, narrowing of meaning, broadening of meaning*

АГНОНИМИЯ КАК ПРИЧИНА ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ ВЫПУСКНИКА ШКОЛЫ

С. Н. Глазкова

Челябинский государственный университет, Миасс, Россия

В статье констатируется расширение зон агнонимии у современного российского выпускника, доказывается лексическая недостаточность ментально-лингвального комплекса «усредненной языковой личности» школьника. Рассматривается агнонимия как причина орфографической некомпетентности. Доказывается на примере решений одного из заданий ЕГЭ по русскому языку, что более половины предлагаемых для орфографического анализа слов являются для выпускников агнонимами.

Ключевые слова: агнонимия, орфографическая некомпетентность, языковая личность, ЕГЭ, контрольно-измерительные материалы.

Проблема понимания значения слова активно обсуждается в современной психолингвистике. В начале 90-х гг. для обозначения непонимания был предложен новый термин — агнонимия. Появлению его мы обязаны лингвистам В. В. Морковкину и А. В. Морковкиной. Фундаментальный труд этих ученых «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» детерминировал новое направление психолингвистических исследований. К агнонимам ученые относят лексическую единицу, относительно которой носитель языка может сказать следующее: 1) совершенно не знаю, что значит слово; 2) имею представление только о том, что слово обозначает нечто, относящееся к весьма широкой сфере; 3) знаю, что слово обозначает нечто, относящееся к определённым классу предметов, но не знаю, чем именуемый предмет отличается от других предметов данного класса; 4) знаю, что слово обозначает определённый предмет, но не знаю конкретных особенностей этого предмета, способов его использования или функционирования; 5) знаю, что обозначает слово, но не представляю, как выглядит соответствующий предмет; 6) знаю слово в связи с особенностями своего жизненного опыта, но предполагаю, что многие люди его не знают или знают недостаточно [6. С. 119]. А. В. Морковкиной была предложена такая дефиниция: «Агнонимы [от др.-греч. ἀ — не, γνῶσις — знание и ὄνομα, ὄνυμα — имя] — лексические и фразеологические единицы родного языка, неизвестные, малопонятные или непонятные многим его носителям» [7. С. 6].

Термин *агнонимия*, по мнению В.Д. Черняк, отражает «индивидуально-личностный характер

незаполненных ячеек в лексиконе носителя языка», «позволяет выявить типичные для современной языковой личности зоны агнонимической активности» [10. С. 296—297].

К предпосылкам возникновения агнонимов относят временные (малоупотребимость в данный промежуток времени) и социальные (влияние «социальной среды, в которой растёт и воспитывается человек») [2].

Агнонимические ошибки приводят не только «к разного рода коммуникативным сбоям», но и к орфографическим сбоям [3. С. 13]. Лексико-семантическая норма диктует в таких случаях неоправданную трансформацию орфографической нормы. Исследования языковой личности, сопрягающие понимание значения слова и орфографические умения, представляются актуальными. Нас интересует именно этот аспект агнонимии. Идея данного исследования возникла случайно в ходе работы со школьниками 11-х классов г. Миасса на курсах по подготовке к ЕГЭ по русскому языку. Ошибки в выполнении задания 9 стали настолько показательными, что подбор однокоренных слов, проверочных слов мы сочли полноценной исследовательской процедурой — экспериментом по выявлению агнонимов у среднего носителя языка.

Отметим, что контрольно-измерительные материалы ЕГЭ, результаты выпускных работ школьников по русскому языку весьма информативны для психолингвиста. Данная статья посвящена анализу одного из заданий только что прошедшего ЕГЭ 2019 г. Напомним, что орфографическая часть типового варианта представляет собой блок из шести заданий (задания 9—15). Сложность задания определена создателями КИМов как уровень Б.

Максимальное количество баллов за выполнение каждого из заданий — 1. Количество верных ответов в каждом из заданий вариативно — от 2 до 4. Проверка орфографического навыка включает вопросы правописания морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний) (задания 9—12), случаи слитного / раздельного / дефисного написания (задания 14—15). В качестве примера приведем фрагмент задания 9 из сборника, датированного 2019-м годом, «Единый государственный экзамен. Русский язык. Типовые экзаменационные варианты» с грифом Федерального института педагогических измерений.

Задание 9 Укажите варианты ответов, в которых во всех словах одного ряда пропущена проверяемая гласная корня. Запишите номера ответов.

- 1) вл..тную, л..леять, сков..рода
- 2) л..тать (в облаках), ув..дает (цветок), ум..лять (о помощи)
- 3) к..саться, заг..реть, бл..стит
- 4) посв..щение (любимой), гр..знуля, раск..лоть (бревно)
- 5) прил..гательное, м..касины, заг..релые

Формат ЕГЭ двух прошлых лет предполагал один вариант ответа в заданиях 9—12, но даже такой облегченный вариант представлял трудность для выпускников. Согласно данным аналитической справки И. П. Цыбулько по поводу задания 9, «вне зависимости от уровня подготовки участники экзамена 2018 г. демонстрируют <...> низкие результаты выполнения», а результат верных решений колеблется от 45 % до 63 % в разных группах выпускников [9. С. 7; 11]. Новый формат заданий 9—12 предполагал нефиксированное число ответов, что, по прогнозам, значительно снизит результат. Среди слабых мест выпускника И. П. Цыбулько называет «Недостаточно развитые навыки аналитической работы со словом и текстом, отсутствие необходимой практики анализа языковых явлений» [9. С. 7].

Поясним процедуру эксперимента, проведенного на базе задания 9. Необходимо дифференцировать слова с безударными гласными трех типов: чередующиеся, проверяемые, непроверяемые. Базовым при выполнении данного задания является умение подбирать однокоренные слова, различать названные выше типы орфограмм. Подбор однокоренных слов — речемыслительная деятельность, она может рассматриваться в русле процессов понимания, речевосприятия, речепорождения, следовательно, в психолингвистическом аспекте. Подбор однокоренных слов — это процесс поиска и извлечения информации из внутреннего лексикона носителя

языка, который обнаруживает понимание или непонимание значения слова, его внутренней формы. В анализируемом задании слова даны рядами по три вне контекста и внутренней смысловой связи друг с другом, что значительно осложняет рецепцию слов и их внутренней формы: в условиях текстовой поддержки понимать агнонимы значительно легче.

Приведем примеры слов (примеры взяты с учебных сайтов: *Решу ЕГЭ, Незнайка, 4 ЕГЭ*), которые школьники подбирали при дифференциации и проверке безударных гласных. Отметим, что это были не только слабые ученики, имеющие по русскому языку «тройку», но и ударники, вполне успешно обучающиеся школьники. На уточняющие вопросы, направляющие мысль по нужному руслу, отвечали адекватно менее половины ребят.

Княгиня-книга, плавник-плов, спешу на урок-пишет, пастила-пост, кавычки-ковать, вентиляция-винт, обижал (опечалил) — бежать, пескарь — писк, птенцы — птицы, закопченный — копать, клянусь — клин, уплотняя — платок, кантата — контакт, росистый — раса, покорять — кара, безотлагательный — слог, хлопотать — хлопать, почитать старших — читать, теснота — тесак, взаперти — перо, конечный — конь, заревать — реветь, рева, чертить — чиркать, дилетант — дело, прототип — противник, глаза слипаются — слепой, осквернить — сквер, верный, запивать лекарство — пить, батон — батя, затопить — топ, гиена — гиена, калач — кол, околачивать, Колчак, шалун — шаль, умолять о помощи — мало, парход — поры, опираясь — пир, батарея — бот, боты, парировать — пар, пора, истощение — тоска, скрепить печатью — скрип, бечевка — бич, баталия — баттл, сложиться — лажа, простираться — стирать, стирка, балагур — благо, бал, каракулевый — каракули, кораллы, обмакнуть — мак, неукоснительно — кос(т)ный, коса, кость, приземленный — зима, ослепительный — липкий, долина — даль, равнина — ровный, громадный — гром, разредить всходы — рядок, стилист — стелить, раскали докрасна — колет, обоняние — обаяние, гербарий — герб, фонарь — фон, диван — диво, лазурь — лазить, ярмарка — марка, озорничать — заря, позор, потерять — тереть, тер, накапливать — капать, глянцевого — взгляд, щеголеватый — щегол, умиляться — мель, табурет — буря, табу, стипендия — степень, поролон — пар, ярмарка — марка, диван — ванна, обнажать — нож, выставить — стиль, горизонт — гореть, умиротворение — мера, прозорливый — проза, заря, тарелка — тара, ошеломить — шило, нотариус — нота, околдовать —

около, предварительный — двор, ватрушка — вата, убедительный — беда, покорять — корка, костяной — Костя, ослепить — слепок, минорный — мина, стремной — стремиться и др.

Многие из подобранных «проверочных» слов, на взгляд лингвиста, кажутся чудовищными и невозможными. Это говорит о большом культурном отрыве, серьезном несовпадении концептосфер проверяющего и обучающегося. Попутно отметим, что многие слова, подобранные в качестве проверочных, не являются таковыми: гласная, подвергнутая проверке, оказывается либо в слабой позиции, либо является чередующейся. Однако не это является предметом нашего анализа. Нас интересует в представленном материале когнитивная несостоятельность выпускников. Ошибочно подобранные в качестве однокоренных проверочных слов лексемы можно разделить на несколько групп.

1. Подобранные по созвучию: *калач — кол, око- лачивать, Колчак; уплотняя — платок; нескар — писк; каракулевый — каракули, кораллы;*

2. Произвольный неначальный фрагмент слова безотносительно смысла: *взаперти — перо; покорять — кара; истощение — тоска; простираться — стирать; озорничать — заря; обмакнуть — мак; приземленный — зима; неукоснительно — коса; скрепить печатью — скрип;*

3. Произвольный начальный фрагмент слова безотносительно смысла: *теснота — тесак; громадный — гром; потерять — тереть, тер; парировать — пар; балагур — бал; гербарий — герб; стилист — стелить;*

4. Омнимичный корень (полная омонимия, частичная омонимия): *почитать старших — почитать книгу; раскали докрасна — расколет; разредить морковь — разряд;*

5. Параллели с неологизмами: *баталия — баттл, экстремальный — экстрим и др.*

Среди примеров есть традиционные омонимы, включенные для предупреждения ошибок во многие орфографические сборники типа *спеши-спиши, обижать-обежать, разредить — разрядить, умалять — умолять* и др. [См., например, пособия Д. И. Розенталя и др. — С. Г.]. Однако много примеров, явно указывающих на новую тенденцию: когнитивную недостаточность школьника, наличие лексических и смысловых лакун. К причинам отнесем следующие: лексическая и информационная недостаточность, скудные фоновые знания, отсутствие интереса к языку, истории, смыслу, непонимание морфемной структуры и внутренней формы слова, несоотнесение смыслового

ядра — корня — и группы родственных слов, непонимание словообразовательной парадигмы и др. Констатируем разрушение семантических полей, словообразовательных гнезд, деэтимологизацию, когнитивное удаление от этимона, возникновение случайных и наложение чуждых семантических полей. Вероятно, происходит разрушение сложившегося языкового фрейма и создание собственного речевого — ошибочного. Спектр проверочных слов, предлагаемых школьниками, демонстрирует высокую степень агномимичности слов.

Подытожив, можно сказать, что механизм подбора однокоренных слов учащимися показывает не только и не столько орфографическую несостоятельность, сколько лексическую недостаточность, когнитивный дефицит. Конечно, потеря внутренней формы слова является нормальным процессом языка с точки зрения диахронного подхода. Достаточно вспомнить классические примеры опрощения и других трансформаций в истории русского языка: *пчела (бык), надменный (дым), дважды (два + шедший), здесь* и мн. др. Однако потеря живых смыслов в таком объеме, как это происходит сегодня, сопоставима с национальным бедствием. Потери такого уровня говорят об опасной тенденции инволюции языка и являются показателем понятийного дефицита в общественном масштабе.

Хотя и с большой долей вероятности, но все же приведенные примеры — не прямой, а косвенный показатель агномимии. Чтобы утвердиться в результатах диагностики, мы предложили школьникам не только проверить, но и объяснить слова из списка непроверяемых слов, предлагаемых выпускникам в материалах ФИПИ для запоминания при выполнении задания 9. Список дан ниже.

Перечень слов с непроверяемыми гласными для запоминания к заданию 9 ЕГЭ по русскому языку 2019

Абонемент, авангард, авантюра, адвокат, адаптация, акварель, аккомпанировать, альманах, аннотация, аномалия, антагонизм, аппетит, апартаменты, аплодисменты, апелляция, аромат, артиллерия, балагур, багаж, бойкот, вакансия, велосипед, вестибюль, ватрушка, вереница, ветеран, ветеринар, винегрет, вибрация, виртуоз, витрина, габариты, гармония, гарнизон, гастроном, гардероб, гипотеза, горизонт, горчица, дезертир, демонстрировать, декларация, дефицит, диапазон, дилетант, директива, дирижёр, дифирамб, досконально, забастовка, игнорировать, иждивенец, инженер, интеллектуальный,

интеллигентный, кавычки, **каламбур**, **каморка**, карнавал, карьера, катастрофа, **кафтан**, коварный, колдовать, коллекция, комбинация, комбинезон, **компетентный**, комплимент, **компоновать**, **компромисс**, компьютер, **комфорт**, консервы, конституция, **конфорка**, коричневый, **корифей**, кровать, **ламинировать**, линолеум, **манифест**, **мансарда**, **менталитет**, **меридиан**, **метафора**, **метеорология**, **меценат**, мотив, **наваждение**, **ностальгия**, **окаймлять**, **оптимист**, **оранжерея**, оригинальный, **орнамент**, офицер, **ошеломить**, **палисадник**, **панорама**, **парадокс**, **перила**, **период**, **пескарь**, **пессимист**, подростковый, поколение, **поролон**, **предварительный**, президент, **прецедент**, **привередливый**, **привилегия**, **примитивный**, **приоритет**, **реабилитация**, **реальный**, **регламент**, **режиссёр**, **резиденция**, ремесло, **репродукция**, **реставрировать**, рецензия, секунда, семинар, сертификат, симметричный, **симптомы**, сиреневый, **смятение**, **стипендия**, **стремиться**, **суверенитет**, теория, **терраса**, тренер, **тренировать**, троллейбус, университет, **утрамбовать**, **фестиваль**, **фигура**, **филармония**, фонарь, **фразеология**, **шедевр**, **шеренга**, **эволюция**, **эклехтизм**, эксперт.

Агнонимами почти для половины выпускников (для 48 % опрошенных), как выяснилось по мере анализа слов, являются слова, выделенные полужирным шрифтом. По данным нашего эксперимента, из 150 слов, предлагаемых выпускникам для выполнения задания 9, 82 (что составляет 55 % *обязательного* минимума) являются полными или частичными агнонимами. Причем в зоне агнонимической активности оказались совсем не те слова, которые можно было бы предположить.

Можно констатировать расширение зон агнонимической активности выпускника школы: полными (для небольшой доли реципиентов частичными) агнонимами для школьников оказались и другие слова из предложенных в примерных контрольно-измерительных материалах: *изг..рь*, *д..визион*, *проз..рливый*, *н..гилист*, *ош..ломлённый*, *в..траж*, *д..легировать (полномочия)*, *ауд..енция*, *ст..лаж*, *б..стион*, *прост..раться*, *опп..нент*, *приз..млённый*, *т..тальный*, *б..чёвка*, *б..дон*, *арт..ллерия*, *м..раж*, *д..легат*, *з..ревать*, *н..тюрьморт*, *б..дминтон*, *к..лач*, *м..касины*, *п..литра*, *г..рбарий*, *л..зурь*, *б..грязны*, *б..гровый*, *приг..рюнился*, *ст..лизовать*, *р..стовицик*, *поч..тать (старших)*, *дезор..ентировать*, *взап..рти*, *плавун*, *г..стевать*, *потч..вать* и др.

«Поиск слов, — объясняет Г. М. Мандрикова, — осуществляется путем «перебора» семантических и звуковых признаков единиц внутреннего лекси-

кона», при этом «совпадение слов во внутренней речи по какому-нибудь из параметров и может привести к актуализации неуместной в определенном высказывании единицы» [4. С. 46]. При подборе однокоренных слов во внутренней речи происходит семантизация слова. Среди способов объяснения агнонимов Г. М. Мандрикова выделяет 3 группы и 18 подтипов дефиниций агнонимов [3. С. 21—22]. Созвучными с нашим исследованием являются следующие: опора на сходство звукобуквенного состава (росистый — раса), на предполагаемое однокоренное слово (ослепить — слепок), на пароним (обижать — обежать), на предполагаемое мотивирующее слово (калач — кол), части сем (баталия — баттл). В качестве обоснования подобранного однокоренного слова выдвигались, например, такие аргументы: плавун — это пловец; простираться — это постирать(ся), дивизион — это дивизия.

«Агнонимы, являясь важной характеристикой индивидуального лексикона, определяют речевой портрет отдельной языковой личности, но в то же время характеризуют и речевой портрет общества». Состав и количество агнонимов для каждого человека индивидуально, но термины «усредненная русская языковая личность», «совокупная языковая личность» («обобщенный, совокупный образ носителя того или иного языка» [5. С. 238—239] позволяют рассматривать проблему агнонимии как социальную. Задание по подбору родственных слов оказалось тестовым для проверки понимания слова, включения его в ментально-лингвальный комплекс [7. С. 3—4]. Лингво-ментальный комплекс — «это функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации» [7. С. 4]. Агнонимия — категории, которая обуславливает «лексическую недостаточность ментально-лингвального комплекса языковой личности» [3. С. 13].

Г. М. Мандрикова рассматривает проблему агнонимии в ортологическом аспекте — через призму лексико-семантической нормы «как суммы информации относительно значения слова». Она предлагает «считать освоение лексико-семантической нормы основным средством устранения агнонимических ошибок». А агнонимию считает показателем узуального «ослабления лексико-семантических норм» [3. С. 15].

Е. О. Савина, исследующая агнонимические зоны школьника на примере романа Л. Н. Толстого

«Война и мир», справедливо отмечает: «Экспериментальные исследования доказывают низкий уровень языковой компетенции школьников. Многие слова, встречающиеся в текстах русской классической литературы, для современного носителя языка непонятны или понятны лишь частично» [8. С. 4—5]. По подсчетам исследовательницы, 80% потенциальных агномимов «Войны и мира» являются иноязычными словами [8. С. 11].

С нашей точки зрения, серьезность и опасность нынешнего положения в том, что в состав агномимов сегодня попадают в немалом количестве слова с богатым словообразовательным прошлым, давно освоенные в языке или исконные слова, обросшие аффиксами типа *беспробудно, несоизмеримо, ослепительный, бесхребетный*, значение которых, как кажется обучающему, мотивировано, вполне выводимо из морфем слова. Однако, как показывает эксперимент, это далеко не так.

Возможно, имеет смысл разграничить первичную и вторичную агномимию. Непонимание неологизмов считаем первичной агномимией; непонимание слов, активно использовавшихся в недавнее время и использующиеся до сих пор грамотными носителями языка, охарактеризуем как вторичные агномимы. Количество агномимов второй группы огромно и составляет львиную долю предлагаемых для орфографического анализа в задании 9 ЕГЭ по русскому языку 2019 г.

Методический подход к проблеме агномимии заставляет искать пути выхода из создавшейся ситуации. Работа со словарями, чтение литературы (художественной, научно-публицистической, направленной на разные сферы деятельности и знания), комментарии и пояснения к тексту — все эти традиционные методы работы продуктивны при условии высокой мотивации школьника. При отсутствии таковой нужен поиск новых, современных средств. Учитывая высокую степень визуализации современной культуры и то обстоятельство, что усвоение слов происходит по преимуществу в текстовой деятельности, полезно было бы снабжать тексты электронными иллюстративными картинными и сюжетными словарями по типу мемов, комиксов, видеороликов. В качестве эксперимента мы провели небольшое исследование. Как текстовая основа была взята баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Выбор обусловлен наличием большого количества агномимов в тексте. Предварительно было проведено исследование по выявлению агномимов. Ниже представлены начальные строфы из «Песни о вещем Олеге». В тексте подчеркнуты

те фрагменты, которые выделили как непонятные или малопонятные школьники шестого, восьмого, одиннадцатого классов, более того — студенты-филологи второго курса Челябинского государственного университета.

*Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их селы и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.
Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.*

Как видим, более половины текста (62%) остается за пределами буквального и лексико-синтагматического понимания. Элемент домисливания переходит ту количественную планку, за которой следует качественный сдвиг: возникает полное непонимание, текст воспринимается как бессвязный набор слов. Во фрагменте превышены пределы допустимого для адекватной интерпретации текста современным шестиклассником.

Практика школьного и вузовского обучения показывает необходимость специальной работы по преодолению агномимии. Был проведен повторный эксперимент во второй группе учащихся: чтение и анализ баллады происходил после просмотра нескольких видеофрагментов: Мультфильм-диафильм П. Каева, художника В. Бордзиловского «Песнь о вещем Олеге» (1972 г.); иллюстрированное чтение А. Водяного; ролики мини-рок-опера на балладу А. С. Пушкина; В. С. Высоцкий «Песнь о вещем Олеге»; кантата Римского-Корсакова «Песнь о вещем Олеге», современный мультфильм аниматора М. Константиновой. Безусловно, после видеоряда общая идея баллады стала для школьников более прозрачной, однако беседа по тексту показала сохранение многих лакунарных зон. По всей вероятности, нужны другие виды иллюстративно-словесного комментария, а самое главное, необходимо искать новые формы показа-описания. Возможно, нужен возврат к иллюстративно-объяснительному методу обучения с элементами проблемного изложения на качественно новом уровне.

Нельзя не признать, что на стыке XX—XXI вв. появились словари агномимов: «Редкие слова в произведениях авторов XIX в.», «Словарь редких и забытых слов», «500 забытых и редких слов

из «Записок охотника» И. С. Тургенева» и др. Но это не те источники, которыми будут пользоваться продуктивно и успешно все школьники. Нужны словари и комментарии нового типа. В истории есть примеры подобных событий: например, так зародилась когда-то экзегетика — богословский раздел, истолковывающий библейские тексты. Это пример массового разъяснения текста, устранения агнонимии. Вспомним, например, как во второй половине прошлого века в СССР создавались учебные диафильмы, кинофильмы, записывались комплекты учебных грампластинок. Видимо, пришло время создавать такие учебные материалы в цифре в престижных для детей формах. Необходимо вернуться к обстоятельной подготовительной работе с любым текстом, в том числе и художественным, на всех уроках, включая все школьные предметы. Необходимы электронные иллюстративные учебные толковые словари, указатели к отдельным произведениям и / или по творчеству писателей, художников, мыслителей; интерактивные ресурсы об открытиях ученых и изобретателей, которые можно «полистать» или использовать непосредственно перед прочтением художественного произведения, параграфа по предмету и т. п. Как представляется, необходима серьезная государственная поддержка, консолидация творческой и педагогической элиты для создания таких ресурсов, которые будут современны и привлекательны для школьника по форме, глубоки и очевидны по содержанию. Если не предпринять серьезных усилий в указанном направлении, очень скоро мы будем говорить с нашими детьми и внуками на совершенно разных языках,

а богатейший отечественный культурный фонд прошлого останется за бортом бэкграунда молодого поколения. В. Д. Черняк обобщает происходящее так: «Нередко интеллектуальная деятельность оказывается невозможной или непродуктивной из-за отсутствия у участников коммуникации общего культурного кода» [11. С. 96].

Агнонимия в лингводидактическом аспекте имеет большой образовательный потенциал: «Очевидно, что лакуны в лексиконе современной молодежи являются существенным препятствием при освоении ею образовательных маршрутов и представляют собой проблему большой социальной значимости». В главе «Агнонимы в лексиконе языковой личности» В. А. Козырев справедливо отмечает: «Все увеличивающийся процент агнонимичной лексики в лексиконе студентов и школьников воздвигает барьеры при понимании разных типов текстов, делает затрудненным культурный диалог представителей разных поколений, заметно ухудшает качество образования» [1].

Таким образом, показателями агнонимии являются ошибочные дериваты и этимоны, искажения звучания и написания слов. Один из ключей к решению проблемы расширения фоновых знаний школьника, устранения орфографической несостоятельности выпускников — решение проблемы агнонимии. Актуализация скрытых смыслов, внутренней формы слова — благотворнейший процесс для обучения, особенно обучения орфографии, для формирования интереса к родному языку и его истокам, процесс, активизирующий речемыслительную деятельность носителей учащегося.

Список литературы

1. Козырев, В. А. Русский язык и культура речи. Современная языковая ситуация: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 181 с.
2. Липнина, Е. М. Антропоцентрическая сущность агнонимов / Е. М. Липнина // Психология, социология и педагогика. — 2012. — № 11. — URL: <http://psychology.snauka.ru/2012/11/1227>.
3. Мандрикова, Г. М. Русская лексическая система в теоретическом и прикладном рассмотрении: категории агнонимии и таронимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. М. Мандрикова. — Москва, 2011. — 39с.
4. Мандрикова, Г. М. Явление таронимии в свете психолингвистического подхода / Г. М. Мандрикова // Вестник НГУ. Сер. История. Филология Вып. 2. Т. 7. — Новосибирск, 2008. — С. 44—48.
5. Мандрикова, Г. М. Лакунарность как показатель уровня развития языковой личности абитуриента / Г. М. Мандрикова // Философия образования. — 2005. — № 3 (14). — С. 237—242.
6. Морковкин, В.В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — Москва: Астра семь; Русские словари, 1997. — 414с.
7. Морковкина, А. В. Русские агнонимы в теоретическом и прикладном рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук /А. В. Морковкина. — Москва, 1993. — 19 с.

8. Савина Е. О. Потенциально агномимическое пространство романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Савина. — Тула — 2015. — 214с.

9. Цыбулько, И. П. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2018 года по русскому языку / И. П. Цыбулько. — Москва: Федеральный институт педагогических измерений, 2018. — http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535546943/russkiy_yazyk_2018.pdf.

10. Черняк, В. Д. Агномимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач / В. Д. Черняк // Русский язык сегодня: сб. ст. Вып. 2. — М.: Азбуковник, 2003. — С. 295—304.

11. Черняк, В. Д. Лакуны в тезаурусе и культурная грамотность / В. Д. Черняк // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: межвузов. сб. научн. пр. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. — С. 92—101.

Сведения об авторе

Глазкова Светлана Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, Челябинский государственный университет, Миасский филиал. Миасс, Россия, snglaz@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 47—54.*

AGNONYMY AS A CAUSE OF ORTHOGRAPHIC INCOMPETENCE OF SCHOOL GRADUATES

S.N. Glazkova

Chelyabinsk State University, Miass, Russia. snglaz@rambler.ru

The article ascertains the expansion of agnomym zones in modern Russian graduates' conceptual sphere, proving the lexical insufficiency of the instructional mental-lingual complex of the "averaged language personality" of the graduate. Agnomyms are considered to be a reason for spelling incompetence. It is proved by the example of the results of one of the tasks of the Unified State Examination in the Russian language, that more than half of the words offered for spelling analysis are agnomyms for graduates. Lacunae in the lexicon of modern adolescents are a significant obstacle for the development of their education. The article offers a methodological solution to the psycholinguistic problem posed. The key to solving the problem of agnomyms is the extension of the graduate cultural background. Actualization of hidden meanings, clarification of the inner form of the word are beneficial for teaching correct spelling.

Keywords: *agnonym, spelling incompetence, linguistic personality, Unified State Examination, test and measurement materials.*

References

1. Kozyrev, V. A. *Russkij yazyk i kul'tura rechi. Sovremennaya yazykovaya situatsiya* [Russian language and culture of speech. Modern linguistic situation]. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. (In Russ.).

2. Lipnina, E. M. Antropotsentricheskaya sushhnost' agnomimov [Anthropocentric essence of agnomyms] // *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2012. no.11. — Available at: <http://psychology.snauka.ru/2012/11/1227>, accessed 31.05.2019. (In Russ.).

3. Mandrikova, G. M. *Russkaya leksicheskaya sistema v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: kategorii agnomimii i taronimii* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Russian lexical system in theoretical and applied examination: categories of agnomymy and taronymy]. Moscow, 2011. (In Russ.).

4. Mandrikova, G. M. Yavlenie taronimii v svete psikholingvisticheskogo podkhoda [The phenomenon of taronymy in the light of the psycholinguistic approach] // *Bulletin of the NSU. Ser. Story. Philology Issue 2. T.7.* Novosibirsk, 2008. Pp. 44-48. (In Russ.).

5. Mandrikova, G. M. Lakunarnost' kak pokazatel' urovnya razvitiya yazykovoj lichnosti abiturienta [Lacunariness as an indicator of the level of development of the linguistic personality of an applicant] // *Filosofiya obrazovaniya*. 2005. no. 3 (14). Pp. 237-242. (In Russ.).

6. Morkovkin, V.V., Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonyms (words that we do not know)]. Moscow, Astra sem'; Russkie slovari, 1997. (In Russ.).
7. Morkovkina, A.V. *Russkie agnonimy v teoreticheskom i prikladnom rassmotrenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [*Russian Agnonyms in Theoretical and Applied Consideration*]. Moscow, 1993. 19 P. (In Russ.).
8. Savina E.O. *Potentsial'no agnonimicheskoe prostranstvo romana L.N. Tolstogo «Vojna i mir»* : dis. ... kand. filol. nauk [*Potentially agnonymic space of the novel by L.N. Tolstoy «War and Peace»*]. Tula, 2015. 214 P. (In Russ.).
9. Tsybulko, I. P. *Metodicheskie rekomendatsii dlya uchitelej, podgotovlennye na osnove analiza tipichnykh oshibok uchastnikov EGEH 2018 goda po russkomu yazyku* [*Methodical recommendations for teachers, prepared on the basis of the analysis of typical mistakes of the participants of the USE 2018 in the Russian language*]. Moscow (Federal Institute of Pedagogical Measurements), 2018. – Available at: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1535546943/russkiy_yazyk_2018.pdf), accessed 31.05.2019 (In Russ.).
10. Chernyak, V. D. Agnonimy v leksikone yazykovoj lichnosti kak istochnik kommunikativnykh neudach [Agnonyms in the vocabulary of the linguistic personality as a source of communicative failures] // *Russkij yazyk segodnya: Sat. Art. Issue 2*. Moscow, Azbukovnik, 2003. P. 295 – 304. (In Russ.).
11. Chernyak, V.D. Lakuny v tezauruse i kul'turnaya gramotnost' [Lakuny in thesaurus and cultural literacy] // *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [*Lacunarity in language, picture of the world, dictionary and text*]. Novosibirsk, Publishing house NGPU, 2009. Pp.92-101. (In Russ.).

АКТУАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГИЧНОСТИ КАК КОМПОНЕНТА АРХАИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

М. Н. Ельцова, Е. Л. Словицова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

В статье изучается трансляция мифологического мышления в рекламном слогане, а также связь слогана с архаическим мышлением. Мифологичность представляется как праобразное мышление, соотносимое с категорией образности и архетипическим восприятием. Слоган как автономное явление изучается с точки зрения реализации в нем компонентов мифологичности как актуализации родовых экзистенциальных смыслов.

Ключевые слова: *рекламный дискурс, слоган, мифологичность, категории дискурса, архаическое мышление.*

Современные лингвистические исследования ориентированы на изучение комплексных особенностей дискурса и текста. В этом свете рекламный текст рассматривается как креализованное явление, синтез знаков различных семиотических систем и всевозможных типов восприятия окружающего мира.

Как нами отмечалось ранее, рекламный слоган, представляющий единицу стяжения смысла рекламного текста, является результатом креации смыслов, реализованных вербальными единицами, но актуализирующими также смыслы аудиальной, визуальной, вкусовой и др. систем восприятия [9]. На наш взгляд, изучение связи рекламного слогана с архаическим мышлением имеет важное значение для понимания его функционирования как коммуникативной единицы и его прагмалингвистических особенностей.

Как справедливо замечает А. А. Никонова, в современной научной литературе используется целый ряд понятий, характеризующих особенности мышления древнего человека: первобытное мышление или сознание, мифологическое, мифопоэтическое или мифическое сознание, архаическое сознание [20]. Почти всегда эти термины используются как синонимы, без выделения особенностей каждого. Согласно А. А. Никоновой и по нашим наблюдениям, понятие «первобытное» мышление/сознание более типично для работ историков и этнографов. А в его семантике заложено хронологическое ограничение определенным периодом в истории человечества, то есть первобытностью. Термины «мифологическое» и «мифическое» мышление/сознание были заимствованы из работ К. Леви-Стросса [14] и, как наиболее популярные, закрепились в философских, социологических, культурологических

и лингвистических исследованиях. Однако, останавливаясь на данном термине, мы замыкаемся на одной из особенностей системы представлений древнего человека, закрепившейся в конкретной форме (мифе) и обусловленной определенным мировоззрением и типом мышления — архаическим. Что касается понятия «архаическое мышление», то этот термин представляется нам более емким, не ограниченным одним культурным феноменом (миф) или жесткими историческими рамками (первобытностью). Таким образом, вслед за А. А. Никоновой, в своем исследовании мы используем термин «архаическое мышление». Под ним мы понимаем этап в развитии мышления человека и особый тип умственной деятельности, который возник еще в первобытности и отражает один из способов моделирования действительности [20. С. 6].

В целом большинство ученых сходятся во мнении, что архаическое мышление — это мышление пространственно-образное, правополушарное. Среди наиболее характерных особенностей архаического мышления выделяют:

1. оперирование перцептивными представлениями и прототипами, образцами и архетипами;
2. неспособность к детально аналитической дифференциации индивидуальных признаков и сохранению их в долговременной памяти;
3. безразличие к логическим противоречиям и стремление установить между объектами, действиями и т. п.
4. какие-то формы мистической, сверхъестественной связи;
5. партиципация, метафоризация окружающего мира, использование мифа как средства разрешения противоречий;

6. синкретизм, неразличение естественного и сверхъестественного, вещи и представления, объекта и свойства, «начала» и принципа, цели и действия;

7. анимизм, тотемизм, практика магии и т. д. [19].

Наиболее существенными, на наш взгляд, являются следующие характеристики архаического мышления:

- Мифологичность
- Архетипичность
- Руководство принципом партиципации
- Синкретизм
- Чувственно-образное восприятие

В рамках данной статьи мы остановимся на мифологичности, актуализируемой в рекламном слогане, который способен выступать как автономной единицей, так и компонентом рекламного текста.

Миф как феномен культуры всегда представлял большой интерес для специалистов разного профиля. На протяжении XX в. внимание к нему только росло. Это привело к тому, что, по словам Е. М. Мелетинского, миф стал «одним из центральных понятий социологии и теории культуры» [18. С. 29]. В результате его исследования в русле этнологии, антропологии, социологии, аналитической психологии, семиотики и структурализма возникло множество теорий мифа, которые по-разному интерпретируют данный феномен. Принято выделять философский, культурологический, психологический и филологический подходы. Если представители философского подхода [3; 21; 31 и др.] видят в мифе ключ к осознанию смысла бытия человека в культуре и пониманию природы и сущности познания, то в рамках культурологического подхода [13; 14; 15 и др.] изучаются место и роль мифа в первобытном обществе, в результате чего формируется представление о традиционной культуре, о свойственной ей мышлении и деятельности древнего человека. Психологическая традиция интерпретации мифа [22; 28; 30; 33] рассматривает миф как основу человеческой психики, существующей в области бессознательного, и одного из значимых мотивов человеческой деятельности. Для филологического подхода [1; 5; 23 и др.] объектом исследования становится текст мифа как древнейший вид литературы. В рамках данного подхода мифологические тексты исследуются с точки зрения языка и выразительных средств, сравниваются версии мифа, выявляются общие сюжеты в различных мифологиях, а также анализируется связь мифа и сказки. На стыке филологической

и психологической парадигм появилась семиотическая традиция исследования мифа [14; 16; 18; 24 и др.], в которой миф предстает как древнейшая знаковая форма.

В последнее время в связи с повышенным интересом к сфере массовой коммуникации и тотальным масштабом распространения рекламы в современных СМИ изучение мифа получило новое дыхание. Появились работы, посвященные изучению, с одной стороны, мифологической природы рекламы и, с другой, технологий мифотворчества в рекламном пространстве. Комплексной работой по исследованию отношений рекламы и мифа является, на наш взгляд, монография Л. Л. Геращенко «Мифология рекламы» [7].

В нашем исследовании под мифологичностью архаического мышления мы понимаем его склонность к постижению мира посредством мифа. В исследовании был проведен комплексный лингвистический анализ слоганов с точки зрения актуализации в них мифологичности архаического мышления. Особое внимание мы уделили такой характеристике мифа, как вневременность, и проанализировали слоганы на синтаксическом, лексическом и морфологическом уровнях для выявления средств ее реализации.

Одной из основных особенностей мифа является особое магико-религиозное время, в котором разворачивается действие. Как пишет М. Элиаде, мифическое время есть время «трансисторическое» [32], находящееся вне любой системы отсчета, время в вечности. При этом просмотр рекламы, как мы можем заключить, выполняет функции ритуала, который вынимает человека из реального времени и погружает в сакральное (рекламное).

Для того чтобы определить, каким образом мифическое время выражается в слогане, мы вводим в исследование категорию «вневременность» (она же вечность, находящаяся в дихотомической оппозиции к категории «временность»), на основании которой проводится анализ рекламных слоганов из нашей базы. Под вневременностью мы понимаем один из содержательных типов нелокализованности действия или события во времени.

Анализ показал, что в слоганах наблюдается выраженная вневременность высказывания, которая реализуется на синтаксическом, лексическом, морфологическом и семантическом уровнях.

На уровне *синтаксиса* наблюдается, в первую очередь, высокий процент номинативных конструкций, которые являются одним из наиболее продуктивных способов создания слоганов. Как известно, номинативные предложения, априори

выражая настоящее время, фактически не несут в себе категорию времени, которая может обозначаться только благодаря контексту, и не обладают модальными модификациями. Более того, многие предложения (особенно предложения с существительными конкретно-предметного значения), а также предложения, которые осложнены собственно указательным значением, вообще не способны претерпевать временные и какие-либо изменения. Основным «выразителем» главного члена в таких предложениях является имя существительное в именительном падеже или его «заместители». Как замечает Ю. А. Иванова, «имена служат для выражения понятия вечности и, следовательно, постоянного признака объекта» [10. С. 76]. Имя — это и понятие, связанное с субъектом предложения. Субъект, т. е. имя вещи, естественнее всего поэтому мыслится в терминах пространства, протяженности, тогда как предикат — в терминах длительности. Как мы заметили ранее, архаическое мышление считается пространственно-образным, а следовательно, вывод о том, что категория пространства доминирует над категорией времени является логичным.

Рассмотрим примеры номинативных предложений в слоганах.

ГАЗ. Русские машины

Патра. Пиво с пробкой

Mentos. Свежее решение

Bounty. Райское наслаждение

Как мы можем заметить из приведенных выше примеров, главный член предложения выражен, как правило, именем существительным в именительном падеже, которое распространяется согласованным препозиционным или несогласованным постпозиционным определением.

Кроме того, феномен вневременности ярко выражен в различных типах односоставных предикатных предложений. Под предикатными мы понимаем такие предложения, в которых синтаксически опорный компонент может быть однозначно интерпретирован как сказуемое [8. С. 70]. В предикатных предложениях можно выделить именные (именная часть выражена прилагательным или причастием) и собственно глагольные. Среди глагольных категория вневременности ярко выражена в инфинитивных и деепричастных конструкциях. Как отмечает М. Г. Луннова, особенностью инфинитивных предложений является их вневременная семантика, которая связана с морфологическими свойствами инфинитива, так как у этой глагольной формы отсутствуют показатели временных

значений [17. С. 321]. Приведем примеры «инфинитивных» слоганов:

Форд Фокус. Всегда желать большего

Subaru. Мыслить. Чувствовать. Управлять.

Tchibo. Давать самое лучшее.

Chewits. Жевать не переживать.

Пиносол. Чихать на насморк!

В этом случае мы можем говорить также о нелокализованности действия, выраженного инфинитивом, что придает инфинитиву значение постоянного свойства чего-либо, проявляющегося в прошлом, настоящем и будущем.

Что касается деепричастных конструкций, то в отношении проявления в них категории времени единых взглядов среди лингвистов нет. Однако большинство современных исследователей полагают, что деепричастие не обладает категорией времени [4; 6; 11 и др.]. В. В. Виноградов отмечал вневременность деепричастий на -а, -я от основ несовершенного вида, считая, что «в предложении <...> вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием» [6. С. 320]. Деепричастие, как правило, соотносится с основным действием, которое в слогане отсутствует. Таким образом, деепричастные конструкции являются ярким временным носителем нелокализованности. Рассмотрим примеры деепричастных слоганов:

Nissan. Превосходя ожидания

Авиакомпания Сибавиатранс. Набирая высоту

Отдельно стоит отметить случай формирования категории вневременности за счет редукции глаголов. По сравнению с предыдущими способами реализации мифологического времени в синтаксисе этот можно считать менее продуктивным, однако он тоже имеет место быть. О. А. Дмитриев характеризует такую группу слоганов как эллиптические слоганы с редуцированными глаголами и отмечает, что такие слоганы близки к предикатным именным [8. С. 80]. Рассмотрим этот случай на примерах:

BMW. С удовольствием за рулем.

BMW. На вершине совершенства.

Називин. Для носов и носиков...

Такие слоганы, как правило, допускают трансформацию в двусоставные предложения, при этом имя бренда с точки зрения его семантической роли выступает либо в качестве агенса, либо в качестве инструмента (терминология по Ч. Филлмору [29]). Например:

BMW. С удовольствием за рулем. (=Вы с удовольствием будете находиться за рулем BMW).

Таким образом, мы можем говорить о том, что

категория вневременности наиболее ярко реализуется в синтаксисе слоганов за счет использования номинативных предложений, инфинитивных, деепричастных и эллиптических конструкций.

Вынесем эти выводы с примерами в таблицу 1 для наглядности.

Таблица 1

Реализация категории вневременности на уровне синтаксиса

Типы предложения	Примеры слоганов
Номинативные	<i>Audi A6. Динамика опережения</i> <i>Bridgestone. Победа над дорогой</i> <i>Pedigree. Знак заботы и любви</i>
Инфинитивные	<i>Золотая бочка. Надо чаще встречаться</i> <i>Tchibo. Давать самое лучшее.</i> <i>Терафлю. Некогда болеть.</i>
Деепричастные	<i>Nissan. Превосходя ожидания</i> <i>Ситроен. Опережая воображение</i> <i>Авиакомпания Сибавиатранс.</i> <i>Набирая высоту</i>
Эллиптические	<i>BMW. С удовольствием за рулем.</i> <i>BMW. На вершине совершенства.</i> <i>Називин. Для носов и носиков...</i>

На уровне семантики мы рассмотрели реализацию категории вневременности в глубинной семантике глагола-предиката. Одной из основных семантических категорий глагола является оппозиция предельность/непредельность. А. А. Караванов трактует категорию предельности/непредельности как универсальную семантическую категорию, отражающую онтологические характеристики глагольного действия и не располагающую системой стандартных грамматических средств для ее выражения [12. С. 103]. Исследователи определяют предел действия как некую критическую точку, к которой стремится действие; по достижении этой точки действие прекращается, исчерпав себя. Только предельные глаголы обладают признаком внутреннего предела: если они совершенного вида, то выражают достижение этого предела, если несовершенного — стремление к его достижению. Непредельные глаголы не выражают внутреннего предела. Мы полагаем, что недостижение предела или отсутствие потенциала предела в семантике глагола указывает на вечность временного континуума мифа.

На основе анализа слоганов мы можем заключить, что глаголы в рекламных слоганах являются непредельными, при этом еще 50% представляют собой предельные глаголы несовершенного вида. В целом 75% процентов глаголов в слоганах так

или иначе указывают на отсутствие предела действия (в том числе и глаголы состояния).

Рассмотрим указанное на примерах, приведенных в Таблице 2.

Таблица 2

Использование непредельных глаголов в слоганах

Предикат выражен непредельными глаголами	<i>КАМАЗ. Танки грязи не боятся</i> <i>МТС. Люди говорят</i> <i>Билайн. Живи на яркой стороне</i> <i>МегаФон. Будущее зависит от тебя</i> <i>Toyota. Управляй мечтой</i>
Предикат выражен предельными глаголами несовершенного вида	<i>Emirates. Совершайте открытия</i> <i>БонАква. Раскрывает истинный вкус.</i> <i>Oral-B. Чисти как стоматолог.</i>

На лексическом уровне категория вневременности не ярко выражена. Наиболее распространенным случаем реализации этой категории в лексике является использование наречий, выражающих положительную (всегда) или отрицательную (никогда) постоянность и неизменность, а также маркер настоящего времени (сейчас) (Таблица 3).

Таблица 3

Лексические средства выражения категории вневременности в слоганах

Всегда	<i>Всегда Coca-Cola</i> <i>Сбербанк. Всегда рядом</i> <i>Чай Линтон. Всегда первый</i> <i>Old Spice. Всегда на пределе.</i>
Никогда	<i>Rexona. Никогда не подведет</i>
Сейчас	<i>YVES SAINT LAURENT Parisienne.</i> <i>Жить. Любить. Сейчас.</i> <i>Pringles. Попробовав раз, ем и сейчас</i>

На уровне морфологии просматривается доминирование форм глагола в настоящем времени, как правило, в третьем лице единственного и множественного числа.

МТС. Люди говорят
Peugeot 206. Притягивает взгляды
Время с Толстяком летит незаметно!
БонАква. Раскрывает истинный вкус.
Rampers. Малыши вдохновляют.
Люди любят Доширак.

На наш взгляд, в данном случае можно говорить о «вневременном настоящем».

В результате проведенного нами анализа реализации мифологического времени в контексте слогана можно сделать вывод: наиболее актив-

но категория вневременности мифа проявляется в слоганах на синтаксическом уровне, хотя средства ее выражения обнаруживаются на всех уровнях, кроме фонетического. Таким образом, мы можем заключить, что выбор синтаксических средств играет существенную роль в процессе мифотворчества для создания ярко выраженной вневременности.

При этом мифологичность в слогане транслирует побудительность. Миф призван служить образцом для подражания, таким образом регулируя и поддерживая порядок в обществе и устанавливая нормы. Такую функцию мифа исследователи называют санкционной или социально-регулятивной. Миф создает баланс между представлениями о мире и нормами поведения человека, гармонизирует отношения социума с человеком и человека с природой. Представляя собой некую модель для поведения, миф имплицитно побуждает к действию, как пишет Р. Барт: «он носит императивный характер» [2. С. 90]. Как известно, основной целью рекламы также является формирование образца для подражания и побуждение к действию, то есть в данном контексте к приобретению товара. Таким образом, побудительная целевая установка мифа имплицитно заложена и в рекламе, однако в последней она может принимать и эксплицитный

характер в связи с потребностью в более сильном воздействии. В таких случаях мы наблюдаем использование побудительных конструкций:

Camelot. Оставь свой след

Venus. Почувствуй себя богиней.

Заботься о себе. Garnier

Mirinda. Оттянись со вкусом!

Святой Источник. Доверяй своей природе.

На основе анализа слоганов из нашей базы мы можем заключить, что побудительные конструкции являются продуктивным способом создания слогана.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что актуализируемая в рекламном слогане мифологичность, апеллирует и к чувственно-образному восприятию, характерному архаическому мышлению, транслируя императивность и оказывая прямое и косвенное воздействие на адресата. В ходе исследования было установлено, что побудительная целевая установка мифа имплицитно заложена и в рекламе, хотя в самой рекламе данная установка часто принимает эксплицитный характер в связи с потребностью в более сильном воздействии на адресата. Дальнейшее изучение актуализации параметров архаического мышления представляется достаточно интересным и перспективным.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Н. *Древо жизни* / А. Н. Афанасьев. — М.: Современник, 1965. — 464 с.
2. Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика* / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
3. Бергсон, А. *Собрание сочинений в 4-х томах* / А. Бергсон. М.: Московский клуб, 1992. — Том 1. — 325 с.
4. Бондарко, А. В. *Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис.* / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987. — 264 с.
5. Веселовский, А. Н. *Историческая поэтика* / А. Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — 408 с.
6. Виноградов, В. В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)* / В. В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
7. Геращенко, Л. Л. *Реклама как миф: Диссертация доктора философских наук: 24.00.01* / Л. Л. Геращенко. — Моск. гос. ун-т культуры и искусств. — Москва, 2006. — 285 с.
8. Дмитриев, О. А. *Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста: Дис. ... канд. филол. наук* / О. А. Дмитриев. — Орел, 2000. — 149 с.
9. Ельцова, М. Н. Особенности связи слогана с архаическим мышлением с точки зрения реализации чувственно-образной составляющей / М. Н. Ельцова, Е. Л. Словицова // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика [Электронный ресурс]*. — 2017. — № 6. — С. 75—80. — Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/1039/view>.
10. Иванова, Ю. А. *Категория мифологического времени в современном романе-мифе: На примере романа Джеймса Джойса «Улисс»: Диссертация кандидата филологических наук* / Ю. А. Иванова. — Санкт-Петербург, 2002. — 188 с.
11. Камынина, А. А. *Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов* / А. А. Камынина. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.

12. Караванов, А. А. К вопросу о характере категории предельности древне-русского глагола // Вопросы языкознания / А. А. Караванов. — 1992. — № 6. — С. 103—112.
13. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Электронный ресурс] / Л. Леви-Брюль. URL: <https://psy.wikireading.ru/88734> (дата обращения 10.05.2018)
14. Леви-Сторсс, К. Миф, ритуал и генетика / К. Леви-Сторсс / Пер. с фр. С. С. Неретиной // Природа. 1978. — № 1. — С. 90—106.
15. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 480 с.
16. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
17. Луннова, М. Г. Определенная и неопределенная временная семантика односоставных предложений / М. Г. Луннова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2012. — № 27. — С. 319—321.
18. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — М.: «Восточная литература», 2000. — 407 с.
19. Меркулов, И. П. Когнитивные особенности архаического мышления / И. П. Меркулов // Противоречие и дискурс. — М.: ИФ РАН, 2005. — С. 63—78.
20. Никонова, А. А. Проблема архаического сознания и становление отечественной культурологической мысли, 20—30-е гг. XX в.: Дис. ... канд. филос. наук / А. А. Никонова. — С-Пб, 2003. — 201 с.
21. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Пер. с нем. В. М. Бакусева, Ю. М. Антоновского, Я. Э. Голосовкера и др.; Ред. совет: А. А. Гусейнов и др.; Ин-т философии РАН. — М.: Культурная революция, 2005. — 2014 с.
22. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. — Москва: Наука, 1966. — 212 с.
23. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. М.: Изд-во Правда, 1989. — 283 с.
24. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 336 с.
25. Рыбочкина, Ю. Л. Стилистические средства создания образов в рекламном слогане / Ю. Л. Рыбочкина // Иностранные языки в высшей школе. — 2009. — № 4. — С. 98—104.
26. Словицова, Е. Л. Синергетические категории дискурса (на материале рекламного дискурса) / Е. Л. Словицова, М. Н. Ельцова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — Пермь, 2012. — Вып. 2 (18). — С. 67—73.
27. Словицова, Е. Л. Апелляция дискурса к разным видам восприятия человека посредством категории образности / Е. Л. Словицова // Вестник Челябинского государственного университета: Филология и искусствоведение. — Вып. 73. — № 1 (292). — Челябинск: ЧелГУ, 2013. — С. 263—267.
28. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. — М.: Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.
29. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Зарубежная лингвистика. III. — М.: Прогресс, 1999. — С. 127—259.
30. Фрейд, З. Психология бессознательного: Сб. Произведений / З. Фрейд / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. — 448 с.
31. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 томах / Ф. В. Й. Шеллинг. — М.: Мысль, 1987. — 1273 с.
32. Элиаде, М. Мифы, сновидения, мистерии / М. Элиаде. Пер. с англ. — Киев: Валкер, 1996. — 288 с.
33. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. Пер. с англ. — М. — К.: ЗАО «Совершенство» — «Port-Royal», 1997. — 241 с.

Сведения об авторах

Ельцова Мария Николаевна — канд. филол. наук, доцент, кафедра иностранных языков и связей с общественностью, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия. maria_eltsova@mail.ru

Словицова Екатерина Леонидовна — канд. филол. наук, доцент, кафедра лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет. slowikowa@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 55—62.

ACTUALIZING MYTH AS AN ARCHAIC THINKING COMPONENT IN ADVERTISING SLOGAN

M. N. Eltsova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia. maria_eltsova@mail.ru

Ye. L. Slovikova

Perm State National Research University, Perm, Russia. slowikowa@mail.ru

The problem this article tackles is related to translating the mythological thinking in advertisement slogans as well as the connection of slogan with archaic thinking. Mythology is represented as a kind of prototype thinking which is correlated with the meaning-image category and archetypal perception. The slogan is an autonomous phenomenon. The components of mythology as the actualization of generic existential meanings are studied in the slogan. We carried out a complex linguistic analysis of the slogans regarding to the actualization of the mythological nature of archaic thinking. Special attention is given to such a feature of myth as timelessness. The paper analyzes slogans at the syntactic, lexical and morphological levels to identify the means of timelessness actualization.

Keywords: *advertising discourse, slogan, mythology, discourse categories, archaic thinking.*

References

1. Afanas'ev, A.N. *Drevo zhizni* [Tree of life]. – Moscow: Sovremennik, 1965. – 464 p. (In Russ.)
2. Bart, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress, 1989. – 616 p. (In Russ.)
3. Bergson, A. *Sobranie sochinenii v 4-kh tomakh* [Collected works in 4 volumes]. Moscow: Moskovskii klub, 1992. – Tom 1. – 325 p. (In Russ.)
4. Bondarko, A.V. *Vremennaia lokalizovannost'* [Time localization] // *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Taksis*. [Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Taxis] / Ed. A.V. Bondarko. Leningrad, 1987. – 264 p. (In Russ.)
5. Veselovskii, A.N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. — Moscow: Vysshaia shkola, 1989. — 408 p. (In Russ.)
6. Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammar study of word)]. – Moscow: Vysshaia shkola, 1972. – 614 p. (In Russ.)
7. Gerashchenko, L.L. *Reklama kak mif: Diss. ... doct. filos. nauk*: [Advertisement as myth. Thesis]. – Moscow state university of culture and arts. – Moscow, 2006. – 285 p. (In Russ.)
8. Dmitirjev, O.A. *Strukturno-semanticheskaja kharakteritika slogana kak osoboj raznovidnosti reklamnogo teksta. Kand. Diss.* [Structure-semantic feature of slogan as special type of advertising text. Cand. Diss.]. Orel, 2000. 149 p. (In Russ.)
9. Eltsova, M.N., Slovikova, E.L. *Osobennosti svyazi slogana s arkhaiskim myshleniem s tochki zreniia realizatsii chuvstvenno-obraznoi sostavliaiuschei* [The features of interaction of slogan with archaic thinking in terms of realization of perceptual-meaning image part] // *Nauchnye issledovaniia i razrabotki. Sovremennaia kommunikativistika* [Scientific Research and Development. Modern Communication Studies] Volume 6, № 6, 2017, pp. 75-80. DOI: 10.12737/article_5a12b6ccc84792.93563415 Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18979/view> (accessed: 22.06.2018). (In Russ.)
10. Ivanova, Iu.A. *Kategoriia mifologicheskogo vremeni v sovremennom romane-mife: Na primere romana Dzheimsa Dzhoisa "Uliss": Diss. ... kand. filol. nauk* [Category of mythological time in modern myth novel: On example of the novel Uliss of J. Joice]. – Sankt-Peterburg, 2002. – 188 p. (In Russ.)
11. Kamynina, A.A. *Sovremennyi russkii iazyk. Morfologiya: Uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Modern Russian language: textbook for students of philological faculties of state universities]. Moscow: Moscow State Universiti Publ., 1999. 240 p. (In Russ.)
12. Karavanov, A.A. *K voprosu o kharaktere kategorii predel'nosti drevne-russkogo glagola* [To the issue of the category of limit Old-Russian verb] // *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics], 1992, № 6, pp. 103-112. (In Russ.)

13. Lévy-Bruhl, L. *Le surnaturel et la Naturel dans la mentalité primitive* [Russ. ed.: Levi-Briul' L. *Sverkh'estestvennoie v pervobytnom myshlenii*]. Available at: <https://psy.wikireading.ru/88734> (accessed 10.05.2018) (In Russ.)
14. Levi-Stross, K. Mif, ritual i genetika [Myth, sacramental, and genetics] / Transl. from French by S.S. Neretina // *Priroda*. 1978, № 1, pp. 90 – 106. (In Russ.)
15. Losev, A.F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. – Moscow: Moscow State Universiti Publ., 1982. – 480 p. (In Russ.)
16. Lotman, Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of artistic text]. – Moscow: Iskusstvo, 1970. – 384 p. (In Russ.)
17. Lunnova, M.G. Opredelennaia i neopredelennaia vremennaia semantika odnosostavnykh predlozhenii [Definite and indefinite time semantics of single sentences] // *Izvestiia PGPU im. V.G. Belinskogo* [Bulletin of Penza State Pedagogical University named after V. Belinskii], 2012, № 27, pp. 319 – 321. (In Russ.)
18. Meletinskii, E.M. *Poetika mifa* [Poetry of myth]. – Moscow: Vostochnaia literatura, 2000. – 407 p. (In Russ.)
19. Merkulov, I.P. Kognitivnye osobennosti arkhaiskogo myshleniia [Cognitive features of archaic thinking] // *Protivorechie i diskurs* [Contradiction and discourse]. Moscow: IF RAN, 2005, pp. 63-78. (In Russ.)
20. Nikonova, A.A. *Problema arkhaiskogo soznaniia i stanovleniia otechestvennoi kulturologicheskoi mysli, 20-30 gody XX veka. Diss. ... kand. filol. nauk* [The problem of archaic consciousness and formation of inland culturological ideas, 20s-30s of XX century. Thesis]. Sankt-Petersburg, 2003. 201 p. (In Russ.)
21. Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochinenii: V 13 tomakh* [Full collection of works in 13 volumes] / Transl. from German V.M. Bakusev, Iu.M. Antonovskii, Ia.E. Golosovker etc.; Ed.: A.A. Guseinov etc.; Insitute of Philosophy RAN. – Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia, 2005. – 2014 p. (In Russ.)
22. Porshnev, B.F. *Sotsial'naiia psikhologiiia i istoriia* [Social psychology and history]. – Moscow: Nauka, 1966. – 212 p. (In Russ.)
23. Potebnia, A.A. *Slovo i mif* [Word and muth]. Moscow: Pravda, 1989. – 283 p. (In Russ.)
24. Propp, V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of fair tails]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1986. – 336 p. (In Russ.)
25. Rybochkina, Yu.L. Stilisticheskie sredstva sozdaniia obrazov v reklamnom slogane [Stilistics means for creating images in slogan] // *Inostrannye iazyki v vysshei shkole* [Foreign languages in higher school], 2009, № 4, pp. 98-104. (In Russ.)
26. Slovikova, E.L. Sinergeticheskie kategorii diskursa (na materiale reklamnogo diskursa) [Synergetic categories of the discourse (on the material of the advertising discourse)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiiia* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], Perm, 2012, V. 2 (18), pp. 67-73. (In Russ.)
27. Slovikova, E.L. Apelliatsiia diskursa k raznym vidam vospriiatiia cheloveka posredstvom kategorii obraznosti [The Gestalt-synergetic approach to the Research of Sense Space of Advertising Discourse] // *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologiiia i iskusstvovedenie* [Bulletin of Cheliabinsk State University: Philology and Art-sciences], V. 73, № 1 (292). – Cheliabinsk: Cheliabinsk State University Publ., 2013, pp. 263-267. (In Russ.)
28. Toporov, V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. Sacramental. Symbol. Image: studies in mythology, elected]. – Moscow: Progress-Kul'tura, 1995. – 624 p. (In Russ.)
29. Fillmor, Ch. Delo o padezhe [The case of case] // *Zarubezhnaia lingvistika. III* [Foreign linguistics. III]. – Moscow: Progress, 1999, pp. 127-259. (In Russ.)
30. Freud, S. *Psikhologiiia bessoznatel'nogo: Sb. Proizvedenii* [Psychology of unconscious] / Ed. M.G. Iaroshvskii. Moscow: Prosveshchenie, 1990. – 448 p. (In Russ.)
31. Schelling, F.V.I. *Sochineniia v 2 tomakh* [Collected works in 2 volumes]. – Moscow: Mysl', 1987. – 1273 p. (In Russ.)
32. Eliade, M. *Myths, Dreams and Mysteries* (trans. Philip Mairet), Harper & Row, New York, 1967.
33. Jung, K.G. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and myth: six archetypes]. Trans. from English. – Moscow – Kiev.: ZAO Sovershenstvo - Port-Royal, 1997. – 241 p. (In Russ.)

ОЦЕНОЧНЫЕ МЕТАФОРЫ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА (ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В. А. Каменева, Е. А. Иванова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект 19-012-00522
«Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсоналогический аспект».

Статья посвящена изучению особенностей оценочной метафоры как эффективного средства воздействия на сознание избирателей. Показана роль оценочных метафор по актуализации агональности, интеграции и ориентации предвыборного дискурса конкретного политика. Исследование выполнено на материале речей Юлии Тимошенко в период с 2017 по 2019 год.

Ключевые слова: *политический дискурс, предвыборный дискурс, политическая лингвоперсоналогия, оценочная метафора, манипуляция, ассоциации, Юлия Тимошенко.*

Обособление политической лингвистики в качестве научного направления со своим понятийно-терминологическим аппаратом, объектом научного исследования, методами, приемами и принципами анализа [12; 13; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 24; 31] привело к тому, что хорошо изученные языковые явления вновь стали вызывать научный интерес. Так, например, вовлечение метафоры в исследовательское поле политической лингвистики спровоцировало появление таких теорий, как теория диахронической политической метафорологии [28; 21; 27; 2; 3; 6], общая теория политической метафорологии [25; 26; 14; 22; 30], лингвоперсоналогическая теория политической метафорологии [23; 29; 32; 4; 5; 9].

Данная работа основывается на теоретических положениях лингвоперсоналогической теории политической метафорологии. Как представляется, в рамках данной теории при исследовании метафоры можно сделать акцент на манипулятивной природе метафоры и ее роли в политическом дискурсе отдельно взятого политического деятеля в период избирательной кампании и выявить индивидуальные особенности метафоризации политического дискурса.

Гипотеза данной работы состоит в том, что метафоры с негативной оценочностью могут быть эффективными средствами при формулировке и разъяснении политиком своей позиции по ключевым вопросам, при поиске сторонников, а не только в борьбе с политическим противником.

Под оценочными метафорами в данной работе понимаются метафоры с четко выраженной оценочностью [1]. Такие метафоры актуализируют оценочные отношения языковой общности к референ-

ту метафоры по типу «хорошо / плохо» с разной степенью интенсивности [8].

Для верификации гипотезы исследования был проведен анализ предвыборных выступлений Юлии Тимошенко на русском языке в период с 2017 по 2018 год. Указанный период относится ко времени проведения парламентских выборов и подготовки к выборам президента на Украине, назначенные на 31 марта 2019 года. Для анализа привлекался материал выступлений Ю. Тимошенко на парламентских дискуссиях, доклады на съезде партии, обсуждения партийной программы, материалы переговоров с различными общественными и политическими деятелями.

Методика анализа включала следующие процедуры: 1) отбор языкового материала, относящегося к избирательным кампаниям; 2) идентификация оценочных метафор избирательного дискурса Юлии Тимошенко; 3) выявление метафор с негативной оценочностью; 4) описание сфер-источников метафорической экспансии с негативным ассоциативным рядом и соотнесенных сфер-магнитов; 5) выявление метафор с положительной оценочностью; 6) описание сфер-источников метафорической экспансии с положительным ассоциативным рядом и сфер-магнитов; 7) анализ выявленных метафор относительно целевой установки предвыборного дискурса: агональность, интеграция, ориентация.

В предвыборном дискурсе Юлии Тимошенко главным политическим оппонентом выступает П. Порошенко и его команда. Именно действующая власть является доминантной сферой-магнитом в предвыборном дискурсе Ю. Тимошенко.

Это подтверждает распространенное утверждение о доминанте агональности предвыборного дискурса [11; 10; 7].

Согласно полученным данным, самой частотной сферой-источником в метафорических наименованиях действующей власти выступает «преступление». В период проведения парламентских выборов и подготовки к президентским выборам 2019 года в выступлениях Юлии Тимошенко криминальная метафора является наиболее частотной.

Давая оценку своим оппонентам (команде действующего президента), Ю. Тимошенко обращается к такой сфере метафорической экспансии, как «преступные сообщества». Для подобной метафоризации Ю. Тимошенко использует лексемы с негативными коннотациями: «кланово-олигархические круги», «сборище коррупционеров по интересам», «мафия» и некоторые другие. «Власть «лелеет» нового кандидата в президенты, под которого подведены все олигархические деньги, и спасти страну можно одним способом — не пропустив снова эту мафию к власти» (16.09.2017). «Идет полный саботаж мафией рассмотрения Верховной Радой проекта постановления об отмене повышения цены на газ и введении моратория» (09.11.2018). «Большинство в парламенте — это мафия» (08.11.2018). Обращение к данной сфере-магниту позволяет выстроить ассоциативный ряд: «действующая власть = экономические преступления = нажива олигархов = обеднение простых людей».

Для оценки действий представителей власти, принимающих участие в выборах, Ю. Тимошенко также использует сферу-источник «политико-экономические преступления». Были зафиксированы лексемы: «коррупция», «коррупционная составляющая», «коррумпируемый», «коррупционный» и др.

Деятельность политических деятелей, находящихся в данный момент во власти, метафоризируется политиком при помощи сферы-магнита «экономические преступления» при помощи лексем, имеющих ярко выраженную негативную оценочность: «грабеж», «афера», «рейдерство», «жадность», «мошенник», «поборы», «ограбление», «дерибан», «финансовая пирамида». «Если такое произойдет — Украину обберут до нитки под псевдо-фальшивые патриотические лозунги» (17.12.2018). «Нашим «реформаторам» такой «популизм» и не снился. Срочно они собираются только на дерибан бюджетных средств» (03.01.2019).

Используя метафоры с негативной оценочностью, Юлия Тимошенко демонстрирует свое негативное отношение практически ко всем проводимым ре-

формам в стране: медицинской, пенсионной и другим. Это помогает политику бороться с политическим конкурентом и демонстрировать свою политическую концепцию. Например, «Медицинская реформа — афера против украинцев, призываем депутатов не голосовать» (19.10.2017). «Для этого из НБУ необходимо убрать искусственную инфляцию, которая является технологией грабежа НБУ и бюджета страны — и тогда нам будут доступны кредиты по низким процентам» (11.12.2018).

Сфера-источник «преступление» используется политиком при обсуждении вопросов о цене на газ и о передаче газотранспортной системы Украины в управление транснациональным компаниям. «Повышение цены на газ убьет бюджет семей, это преступление власти» (07.09.2018). «Эту систему планируют передать в управление транснациональным мошенникам» (14.05.2018). «Повышение тарифов на газ — преступление, призываю созвать внеочередную сессию ВРУ» (19.10.2018). Обращение к данной сфере-магниту позволяет выстроить ассоциативный ряд: «действия властей в газовой сфере = преступление = Украина-жертва = новые политические силы = спасение страны».

Таким образом, действующая власть страны описывается при помощи таких сфер метафорической экспансии, как «преступные сообщества», «политико-экономические преступления», «экономические преступления». Обращение к последним позволяет Ю. Тимошенко выстроить ассоциативный ряд: «действия властей = преступление = угроза экономике страны = угроза благосостоянию граждан = новые политические силы = спасение страны».

Для разъяснения своей позиции по ключевым вопросам центральной сферой-магнитом в своем предвыборном дискурсе Ю. Тимошенко делает Украину. Для создания метафорических номинаций Украины, состояния ее экономики, ситуации в политике она использует зооморфную и морбиальную метафору. Рассмотрим каждую более подробно.

Для сферы-магнита «Украина» политик обращается к такой сфере-источнику, как «охота». Украина, ее ресурсы и богатства в речи Ю. Тимошенко показаны жертвой, на которую ведется охота, желанным трофеем транснациональных компаний и олигархов. «Сегодня страна «плывет без руля и парусов», и поэтому является легкой добычей для глобальных транснациональных корпораций, которые стремятся использовать Украину как ресурс в свою пользу» (03.11.2018). «И когда в глобальном пространстве появляется слабая жертва, которая имеет слабое, неинтеллектуальное и коррумпиро-

ванное руководство, которая также обескровлена войной и неправильно принятыми решениями — то она как раз и становится добычей» (15.05.2018). «Есть структуры извне, которые видят Украину как легкую наживу и добычу» (15.05.2018). Из этой же сферы-источника заимствуются лексемы для обозначения агрессоров, к которым Юлия Тимошенко относит коррумпированных чиновников, олигархов и транснациональные компании, желающие получить богатства Украины. «Коррупция — тотальный хищник, он не брезгует ничем и все уничтожает до основания» (09.12.2018).

В выступлениях Юлии Тимошенко Украина, ее политический строй, состояние экономики метафоризируются при помощи морбиальной метафоры, описываются как тяжелобольные пациенты, которых надо спасти, вылечить, за жизнь которых надо бороться. «Пусть уставшая и измученная наша родная Украина заживет так, как и положено прекрасному, трудолюбивому и богатому краю» (25.12.2018).

Применение морбиальной метафоры позволяет Ю. Тимошенко высказать свою оценку деятельности властей, которые представляют опасность как для жизни людей, так и для нормальной работы предпринимателей. «События с детским лагерем являются диагнозом, который составляют две патологии» (18.09.2017). Речь шла об обстоятельствах и причинах, обусловивших возникновение пожара в детском лагере «Виктория». «Чтобы наши предприниматели и работодатели не захлебнулись из-за обязательного медицинского страхования, все должно быть сбалансировано» (23.11.2018).

При описании своего видения экономической ситуации в стране, оценке отношения властей к бизнесу Ю. Тимошенко метафорически использует слова из этой же сферы-источника. «Если мы не создадим правильную структуру исполнительной власти, не устраним лишние метастазы коррупционного террора для бизнеса, то будет трудно строить эффективное управление экономикой» (19.10.2018). «И поэтому залечить эти раны — святая обязанность нашего поколения. О становлении Украины как независимого государства со своей единой поместной православной церковью в Украине» (19.04.2018).

Как видно из приведенных примеров, семантика лексем, входящих в контекст употребления морбиальных метафор, негативна, как и оценка политиком средств и способов, которыми власть пытается решить насущные проблемы страны, связанные с распределением бюджетных средств,

повышением цен на газ и отменой субсидирования. Кроме того, используя данную сферу-источник, политик формирует ассоциации с собой как заботливым человеком, переживающим за страну, ее людей, их благосостояние.

Для объяснения своей политической позиции и борьбы с конкурентами за места в парламенте и президентское кресло, Ю. Тимошенко прибегает к военной метафоре. Как показал анализ, в риторике Ю. Тимошенко оценка реформ действующей власти, репрезентируются как война, как боевые действия. «Это — война! Война, которую ведут против каждого украинца на своей родной земле. Я не верю в случайность программ и стратегий действующей власти» (16.09.2017).

Борьба за управление страной в указанный период описывается как бой: большой, настоящий, бой, от исхода которого зависит жизнь народа, его благосостояние и процветание, бой, который обязательно надо выиграть, бой с несколькими врагами одновременно, бой на нескольких фронтах. По словам Юлии Тимошенко, местные выборы — это «большой бой за право сохранить Украине право на жизнь, сломать систему, которая полностью пропитана коррупцией, лоббизмом и пренебрежением интересов нашего государства и людей» (15.11.2017). «Следует также быть внимательными, потому что сейчас начинается большой бой за Украину. И проиграть можно не только на фронтах, а при непонимании их планов, манипуляций и технологий» (03.11.2018). «Мы защитим каждый избирательный участок, там будет настоящий бой между деньгами, информационным и административным ресурсом против тех, кто хочет эту систему менять, и «Батькивщина» — среди них» (15.05.2018). Как показал анализ, семантика лексем, входящих в контекст употребления военных метафор негативна: «фальшивый», «отчаяние», «бой», «непонимание», «удар».

В оценке действий парламента и президента Ю. Тимошенко регулярно использует лексемы, относящиеся к театрально-цирковой деятельности, подчеркивая несерьезное отношение действующей власти к выполнению их обязанностей. Например, шоу, танцы, игры. Это позволяет ей обозначить свое отношение к выполнению обязанностей политика перед гражданами и дискредитировать своих политических конкурентов. Так, различные отчеты и выступления политиков с отчетами оцениваются Ю. Тимошенко как танцы, фокусы, фарс. Например, выступление премьер-министра Украины Владимира Гройсмана

и членов правительства с отчетом о деятельности правительства. «Отчет правительства — политические кулуарные танцы и борьба за право грабить страну» (16.04.2018). «Это шоу, которое сейчас демонстрируют по всем каналам телевидения» (03.04.2018).

В своих выступлениях Ю. Тимошенко часто обращается к сфере-источнику метафорической экспансии «бутафория». Как показал анализ, своих политических оппонентов на парламентских и президентских выборах Ю. Тимошенко описывает как часть реквизита. Подобная метафоризация позволяет показать, что подобные политические деятели не являются самостоятельными, а принимают решения, лоббируя интересы олигархов страны или транснациональных компаний. «И как только люди, которые являются марионетками и выполняют недопустимые для Украины вещи уйдут из своих постов, а через новые выборы изменится власть — будет опубликовано поименно, кто несет ответственность за ситуацию в стране» (26.10.2017). «Если мы не прекратим эту «доброжелательность», которая разрушает Украину в том числе через марионеток в парламенте, то у Украины не будет будущего» (04.06.2018).

Для прояснения своей политической концепции Ю. Тимошенко обращается к фитоморфной метафоре. Борьба за права и свободы человека в предвыборном дискурсе Ю. Тимошенко репрезентируется в этих метафорах. Например, «это означает, что эти права человека и сегодня — как первые весенние побеги у дороги: их запросто могут затоптать, вырвать с корнем, уничтожить. Поэтому они нуждаются в защите» (10.12.2018).

В выступлениях Юлии Тимошенко в период с 2017 по 2019 год были зафиксированы метафоры с положительной оценочностью. Отметим, что метафоры с положительной оценочностью использовались политиком только для интеграции — поиска и сплочения сторонников. В своей риторике Юлия Тимошенко использует сакральные метафоры говоря об украинских поэтах и писателях, боровшихся за самостоятельность Украины. Например, в своих ежегодных поздравлениях 4 сентября в день памяти Василия Стуса — украинского поэта, диссидента, политзаключённого. «Василий Стус — не просто великий поэт. Это — абсолютная, чистая, кристаллизованная совесть

нации. Он не требует канонизации. Потому что он сам — Канон, критерий и мерило... Символ и знак, жертва, принесенная на алтарь свободы, независимости, духа и воли Украины...» (04.09.2018). В подобном ключе политик отзывается и о Тарасе Шевченко. «Помним славного Кобзаря — пророка и проводника нации» (09.03.2017). «Он — пророк прямого действия, его стихи не имеют срока давности» (09.03.2018).

Подобным образом Юлия Тимошенко описывает украинских военных. «И появление в сегодняшней Украине этих действительно великих людей, наших героев, рождение нашей армии, — это настоящее рукотворное чудо, не менее потрясающее, чем омофор Богородицы над Константинополем...» (14.10.2018). Как показал анализ, семантика лексем, входящих в контекст употребления сакральных метафор Ю. Тимошенко положительный: «великий», «потрясающий», «чудо», «герой», «чистый», «свобода».

Говоря про талантливых украинских детей из интернатов, принявших участие в двенадцатом благотворительном фестивале «Навстречу мечте», целью которого является поддержка детей из школ-интернатов, детей из семей переселенцев, а также детей с инвалидностью, Юлия Тимошенко использует зооморфную метафору. «Они показали, что имеют большие крылья, на которых они готовы лететь к своей мечте» (21.07.2018).

Выводы

Исследование показало, что оценочные метафоры, во-первых, активно использовались Ю. Тимошенко в период выборов в парламент Украины. Во-вторых, оценочные метафоры частотны в выступлениях Ю. Тимошенко в предвыборной президентской гонке 2019 года. Метафоры с негативной оценочностью используются ею в борьбе с политическими противниками и для дистанцирования собственной политической платформы от конкурентов. Как показал анализ, для борьбы с политическими конкурентами и разъяснения своей позиции по ключевым вопросам Ю. Тимошенко не использует метафоры с положительной оценочностью. Подобные метафоры применялись политиком лишь для поиска и сплочения единомышленников. Дальнейший анализ роли оценочных метафор в идиолектах политиков позволит выявить инвариантные особенности метафоризации дискурса предвыборных кампаний.

Список литературы

1. Ананченко, О. Г. Роль негативных оценочных метафор в формировании концепта действительности / О. Г. Ананченко // Вестник Адыгейского государственного университета. Филология. — Майкоп, 2009. — С. 51—53.
2. Аникин, Е. Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 3 (44). — С. 26—32.
3. Балашова, Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. / Л. В. Балашова. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1998. — 217 с.
4. Каменева, В. А. Сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы / В. А. Каменева, А. А. Перевалова // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. — № 17(271). — С. 80—86.
5. Кондратьева, О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. Урал. гос. пед. ун-т, 2010. — № 4 (34). — С. 101—112.
6. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 40—54.
7. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина; под ред. О. Б. Сиrotининой. — М. : Изд-во ЛКИ, — 2007. — 227 с.
8. Садриева, Г. А. Функциональные особенности оценочных метафор в английском, русском и татарском языках / Г. А. Садриева // В мире научных открытий. — 2015. — № 3(63). — С. 297—303.
9. Сяосяо, Ц. Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе / Ц. Сяосяо // Политическая лингвистика. — 2016. — № . 4 (58). — С. 239—243.
10. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., — 2001. — 238 с.
11. Шейгал, Е. И. Культурные концепты политического дискурса / Е. И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы международной научно-практической конференции. — Пятигорск: ГТГЛУ, — 2002. — С. 24—26.
12. Bagdikian, B. H. The media monopolies / B. H. Bagdikian // American mass media industries and issues / in R. Atwan, B. Orton, W. Vesterman (eds.). — New-York : Random House, 1982. — P. 80—98.
13. Chaika, E. Language, the social mirror / E. Chaika. — Boston : Heinle and Heinle Publishers, 1994. — XII, 436 p.
14. Chilton, P. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house' / P. Chilton, M. Ilyin // Discourse and Society. — 4(1). — 1993. — pp. 7—32.
15. Czitrom, D. J. Media and the American mind: from Morse to McLuhan / D. J. Czitrom. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. — 254 p.
16. Diamond, J. Status and Power in Verbal Interaction: a study of Discourse in a Close-knit Social Network / J. Diamond. — Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1996. — 178 p.
17. Dijk, T. A. van. Discourse and the reproduction of racism / T. A. van Dijk. — Amsterdam : John Benjamins Publishing company, 1988. — 74 p.
18. Dolbeare, K. M. American Ideologies Today: shaping the New Politics of the 1990s / K. M. Dolbeare, L. J. Medcalf. — 2-nd. ed. — New York : McGraw-Hill, Inc, 1976. — XII, 239 p.
19. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough. — London; New-York: Longman, 1989. — 259 p.
20. Fowler, R. Language as Social Practice / R. Fowler // Handbook of Discourse Analysis. — London ; New York, 1985. — Vol. 4. — P. 61—83.
21. Harvey, A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Review. — 1999. — Vol. 275 (1603). — pp. 85—93.
22. Howe, N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse / N. Howe // Metaphor and Symbolic Activity. — 1988. — Vol. 3 (2), — pp. 87—104.
23. Ivanovic, I. Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse / I. Ivanovic // XLinguae Journal. — Vol. 10 (2). — 2017. — pp. 16—29.

24. Joseph, J. E. Ideologies of language / J. E. Joseph, T. J. Taylor. — London ; New York : Routledge, 1990. — 245 p.
25. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, — 1980. — 242 p.
26. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind / G. Lakoff. — Chicago: Chicago University Press, — 1987. — 614 p.
27. Musolff, A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe / A. Musolff // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. Aldershot: Ashgate, — 2001. — pp. 179—200.
28. Osborn, M. The metaphor in public address / M. Osborn, D. Ehninger // Speech Monographs. — 1962. — Vol. 29. — pp. 223—234;
29. Pasaribu, T. A. Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches / T. A. Pasaribu // LLT Journal. — 2016. — Vol. 19. — No. 2. — pp. 96—104.
30. Rickert, W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II / W. Rickert // Central States Speech Journal. — 1977. — Vol. 28. — pp. 106—112.
31. Roberts, C. Language and Discrimination: a study of Communication in Multi-ethnic Workplaces / C. Roberts. — London; New York : Longman Group UK limited, 1992. — XVII, 422 p.
32. Semino, E. Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci // Discourse and Society. — 1996. — 7(2), — pp. 243—269.

Источники

Официальный сайт Юлии Тимошенко. Режим доступа: <http://www.tymoshenko.ua/ru/>

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета. russia_science@mail.ru

Иванова Елена Алексеевна — магистрант кафедры английского филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета. soloelena94@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 63—70.*

EVALUATION METAPHORS OF PRE-ELECTION DISCOURSE (LINGUO-PERSONOLOGICAL APPROACH)

Kameneva V.A.

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. russia_science@mail.ru

Ivanova E. A.

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. soloelena94@mail.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00522.

Abstract: The article is made in the framework of political linguistics and is devoted to the study of the characteristics of the evaluation metaphor in the pre-election discourse of a politician. The study of evaluation metaphors within the linguo-personological approach helps to consider metaphor as an effective means of influence that helps a politician fight competitors, clarify his/her political concept and find voters' support. The study is carried out on the basis of the speeches of Yulia Tymoshenko in the period from 2017 to 2019. The conducted research shows the role of evaluation metaphors in the actualization of agonality, the integration and orientation of the pre-election discourse of this politician. Evaluation metaphors with a negative meaning are used by Y. Tymoshenko to combat political rivals and clarify the main aspects of her political platform. Metaphors with a positive meaning are used by the politician only for searching like-minded people.

Keywords: *political discourse, pre-election discourse, political linguistic personology; evaluation metaphor, manipulation, associations, Yulia Tymoshenko.*

References

1. Ananchenko, O. G. Rol' negativnyh ocenochnyh metafor v formirovanii koncepta dejstvitel'nosti [The role of negative evaluation metaphors in the formation of the concept of reality] / O. G. Ananchenko // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Philology]. – Maykop, 2009. – pp. 51-53. (In Russ.).
2. Anikin, E. E. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikacii Rossii [Historical dynamics of metaphorical systems in the Russian political communication] / E. E. Anikin, E. H. V. Budaev, A. P. Chudinov // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics]. – 2015. – № 3 (44). – pp. 26-32. (In Russ.).
3. Balashova, L. V. *Metafora v diahronii : na materiale russkogo yazyka XI-XX vv.* [Metaphor in Diachrony: On the Material of the Russian Language of the 11th-20th Centuries] / L. V. Balashova. – Saratov : Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 1998. – 217 p. (In Russ.).
4. Kameneva, V.A. Sfery-istochniki metaforicheskoy ehkspansii v rechah B. Obamy [Sources of metaphorical expansion in the speeches of B. Obama] / V. A. Kameneva, A. A. Perevalova // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012. – № 17(271). – pp. 80-86. (In Russ.).
5. Kondrat'eva, O. N. Metaforicheskaya reprezentaciya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiostile Yulii Timoshenko [Metaphorical representation of the political life of Ukraine in the idiostyle of Yulia Tymoshenko] / O. N. Kondrat'eva // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. – 2010. – № 4 (34). – pp. 101-112. (In Russ.).
6. Kondrat'eva, O. N. Dinamika metaforicheskikh modelej v politicheskoy kommunikacii (na primere vystuplenij Yu. Timoshenko) [Dynamics of metaphorical models in political communication (on the example of Y. Timoshenko's speeches)] / O. N. Kondrat'eva, K. A. Kovaleva // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. – 2016. – № 4 (58). – pp. 40-54. (In Russ.).
7. Parshina, O. N. *Rossijskaya politicheskaya rech' : teoriya i praktika* [Russian political speech: theory and practice] / O. N. Parshina ; edited by O. B. Sirotininoj. – M. : LKI Publ., – 2007. – 227 p. (In Russ.).
8. Sadrieva, G.A. Funkcional'nye osobennosti ocenochnyh metafor v anglijskom, russkom i tatarskom yazykah [Functional features of evaluation metaphors in English, Russian and Tatar] / G. A. Sadrieva // *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. – 2015. – № 3(63). – pp. 297-303. (In Russ.).
9. Syaosyao, C. Ob issledovanii metafory v amerikanskom prezidentskom diskurse [On the study of metaphor in American presidential discourse] / C. Syaosyao // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. – 2016. – №. 4 (58). – pp. 239-243. (In Russ.).
10. Chudinov, A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale : Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) : monografiya* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000): monograph] / A. P. Chudinov. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t. Publ., – 2001. – 238 p. (In Russ.).
11. Shejgal, E. I. Kul'turnye koncepty politicheskogo diskursa [Cultural concepts of political discourse] / E. I. Shejgal // *Kommunikaciya: teoriya i praktika v razlichnyh social'nyh kontekstah : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Communication: theory and practice in various social contexts: materials of the international scientific-practical conference]. – Pyatigorsk : GTGLU Publ., – 2002. – pp. 24-26. (In Russ.).
12. Bagdikian, B. H. The media monopolies / B. H. Bagdikian // *American mass media industries and issues* / in R. Atwan, B. Orton, W. Vesterman (eds.). – New-York : Random House, 1982. – pp. 80-98.
13. Chaika, E. *Language, the social mirror* / E. Chaika. – Boston : Heinle and Heinle Publishers, 1994. – XII, 436 p.
14. Chilton, P. Metaphor in political discourse: The case of the common 'European house' / P. Chilton, M. Ilyin // *Discourse and Society*. – 4(1). – 1993. – pp. 7-32.
15. Czitrom, D. J. *Media and the American mind : from Morse to McLuhan* / D. J. Czitrom. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1982. – 254 p.
16. Diamond, J. *Status and Power in Verbal Interaction : a study of Discourse in a Close-knit Social Network* / J. Diamond. – Amsterdam : John Benjamins Publ. Co., 1996. – 178 p.
17. Dijk, T. A. van. *Discourse and the reproduction of racism* / T. A. van Dijk. – Amsterdam : John Benjamins Publishing company, 1988. – 74 p.
18. Dolbeare, K. M. *American Ideologies Today: shaping the New Politics of the 1990s* / K. M. Dolbeare, L. J. Medcalf. – 2-nd. ed. – New York : McGraw-Hill, Inc, 1976. – XII, 239 p.

19. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – London ; New-York : Longman, 1989. – 259 p.
20. Fowler, R. *Language as Social Practice* / R. Fowler // *Handbook of Discourse Analysis*. – London ; New York, 1985. – Vol. 4. – pp. 61-83.
21. Harvey, A. D. *The Body Politic: Anatomy of a Metaphor* / A. D. Harvey // *Contemporary Review*. – 1999. – Vol. 275 (1603). – pp. 85-93.
22. Howe, N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse* / N. Howe // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1988. – Vol. 3 (2), – pp. 87-104.
23. Ivanovic, I. *Comparative study of metaphor in British and United States of America (US) political discourse* / I. Ivanovic // *XLinguae Journal*. – Vol. 10 (2). – 2017. – pp. 16-29.
24. Joseph, J. E. *Ideologies of language* / J. E. Joseph, T. J. Taylor. – London ; New York : Routledge, 1990. – 245 p.
25. Lakoff, G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, – 1980. – 242 p.
26. Lakoff, G. *Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago: Chicago University Press, – 1987. – 614 p.
27. Musolff, A. *The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe* / A. Musolff // *Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process* / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. Aldershot : Ashgate, – 2001. – pp. 179-200.
28. Osborn, M. *The metaphor in public address* / M. Osborn, D. Ehninger // *Speech Monographs*. – 1962. – Vol. 29. – pp. 223-234;
29. Pasaribu, T. A. *Domains of Political Metaphors in Presidential Speeches* / T. A. Pasaribu // *LLT Journal*. – 2016. – Vol. 19. – No. 2. – pp. 96-104.
30. Rickert, W. *Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II* / W. Rickert // *Central States Speech Journal*. – 1977. – Vol. 28. – pp. 106-112.
31. Roberts, C. *Language and Discrimination: a study of Communication in Multi-ethnic Workplaces* / C. Roberts. – London; New York : Longman Group UK limited, 1992. – XVII, 422 p.
32. Semino, E. *Politics Is Football: Metaphor in the Discourse of Silvio Berlusconi in Italy* / E. Semino, M. Masci // *Discourse and Society*. – 1996. – 7(2), – pp. 243-269.

Source:

Oficial'nyj sajt Yulii Timoshenko [The official website of Yulia Tymoshenko]. date of access : <http://www2.tymoshenko.ua/ru/> (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ ТАТАРСТАНА 1920—1930-Х ГГ.

З. Н. Кириллова, Г. Ф. Калганова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Наша работа посвящена исследованию применения татарского языка в качестве государственного в высших учебных заведениях Татарстана в 1920—1930-е гг. С целью изучения данной социолингвистической проблемы были проанализированы первые документы Татарской автономной республики. В статье дан обзор основным вузам республики, определено место в них татар и изучены особенности применения татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык, высшие учебные заведения, применение языка, Татарская республика, 1920—1930-е гг., государственный язык.

В 20—30-е гг. XX в. в Татарской автономной советской социалистической республике (ТАССР) активно проводился процесс реализации татарского языка как государственного. Данный процесс был начат 25 июня 1921 г., т. е. к первой годовщине образования республики был подписан декрет, который впервые в истории татарского народа объявил татарский язык официальным государственным языком наравне с русским [11. С. 3—4; 3. С. 145]. Однако необходимо констатировать и тот факт, что татарский язык, богатый древними литературными традициями, в XVII—XVIII вв. и в первой половине XIX в. играл роль второго государственного языка во внутренней политике России и в дипломатических отношениях с восточными странами. Татарский язык преподавался не только в Казани, но и в учебных заведениях многих городов России [6. С. 78].

В первые годы после провозглашения татарского языка государственным работа шла с большими трудностями. Претворению в жизнь постановлений декрета мешали страшный голод 1921 г. и его последствия, нехватка квалифицированных татар, одинаково хорошо знающих татарский и русский языки, малочисленность татарских преподавателей с высшим образованием, нехватка учебников, учебных пособий и программ для обучения татарскому языку и т. д. Только с середины 1922 г. начали выходить новые декреты и постановления, посвященные реализации татарского языка не только в государственных учреждениях, но и в кооперативах, профсоюзах, кантонах, волостях и сельских советах. После этого началась большая кампания по внедрению татарского языка во все сферы общественной жизни республики [7. С. 24].

В первом документе 1921 г. по реализации татарского языка как государственного обучения национальному языку коренного населения было определено только для желающих. Однако на основании инструкции, которая была принята 21 декабря 1922 г., во всех школах второй ступени, профессионально-технических учебных заведениях, в партийных школах, рабочих факультетах и вузах, а в городах также в последних классах школ первой ступени для всех учащихся изучение татарского языка стало обязательным [24. С. 6, 13; 5. С. 112—113].

В 1920-е гг. Татарская республика имела лишь 5 вузов и намного отставала от центра России, например к середине 1920-х гг. в Москве действовало 28 вузов, а в Ленинграде (ныне — Санкт-Петербург) — 24 вуза [2. С. 107]. Из вузов Татарской республики, которые все были расположены в столице Казани, лишь Казанский государственный университет и Казанский ветеринарный институт были старыми учебными заведениями: КГУ был открыт в 1804 г., а ветеринарный институт работал с 1874 г. Восточный педагогический институт, Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства, а также Татарский коммунистический университет были образованы лишь после революции, в основном в 1922 г.

В течение 1920-х гг. происходил заметный сдвиг по привлечению татар в эти учебные заведения. Например на протяжении 1922—1931 гг. количество татар, обучающихся в вузах, увеличилось на 18,8% [7. С. 25]. Для подтверждения обратимся к некоторым статистическим данным по численности татарских студентов республики: 1922/1923 гг. — 5,17%, 1923/1924 гг. — 9,7%, 1924/1925 гг. —

11,7%, 1925/1926 гг. — 14%, 1926/1927 гг. — 8,2%, 1927/1928 гг. — 9,8%, 1929/1930 гг. — 20,1%, 1930/1931 гг. — 24%. Среди вузов малое количество татарских студентов наблюдалось в Казанском ветеринарном институте и в Казанском государственном университете. Например в 1925—1927 гг. в ветеринарном институте татары составляли 3,7—3,8%, а в Казанском университете — 6,7—7,03% [12. Л. 147]. Для облегчения поступления татар в высшие учебные заведения были образованы специальные подготовительные группы.

В 1925 г. было принято постановление Совета народных комиссаров РСФСР о подготовке преподавателей для нерусских школ и в соответствии с ним при ряде университетов и педагогических институтов были организованы национальные отделения (например, при Казанском педагогическом институте были открыты марийское, удмуртское, чувашское отделения). Началась работа и по созданию учебников на национальных языках. В Татарской республике эту работу, в которой приняли участие более ста педагогов-ученых, лингвистов, учителей, авторов учебников, с 1921 г. начал курировать Академический центр при Народном комиссариате просвещения Татарской республики.

В 1920—1930-е гг. большое внимание уделялось учебникам по татарскому языку и литературе. В это время работу по созданию учебников татарского языка для русских школ и для нетатар, изучающих татарский язык, вели известные педагоги М. Курбангалиев, Р. Газизов, Х. Бадиги, З. Бадигуллин, З. Бадамшин, М. Галеев и др. Началась работа по созданию минимумов по татарскому языку для студентов-татар и нетатар; эту работу возглавили открывшиеся к 1930-м гг. в вузах кафедры татарского языка [1. С. 148]. Были созданы учебники и по другим специальностям, а также многочисленные терминологические словари по разным областям. Например, до 1927 г. было создано 15 тысяч татарских терминов, составивших базу для терминологических словарей [7. С. 26].

В эти годы были определены два основных метода в преподавании татарского языка другим национальностям: переводно-грамматический и натуральный методы. При обучении по первому методу слова родного языка являлись тем необходимым средством, с помощью которых обучающиеся изучают новый для них язык. А исходная точка натурального метода — действительно реальный предмет, при отсутствии которых предлагается использовать картины или модели этих предметов, т. е. применять и наглядные средства обучения.

Автор многочисленных учебников и программ, видный педагог и методист М. Х. Курбангалиев в обучении не рекомендовал применять чисто переводно-грамматический или только натуральный методы. «Принимая за основу натуральный метод, — пишет он, — необходимо применять и метод переводно-грамматический» [8. С. 3—4].

В 1934 г. М. Х. Курбангалиев издал специальный учебник по татарскому языку для студентов-нетатар, обучающихся в техникумах, на рабфаке, в вузах и втузах [9]. В нем автор уделял особое внимание сравнительному изучению как общих элементов татарского и русского языков, так и особенностей татарского языка в сопоставлении с формами и оборотами русской речи. К сказанному следует добавить и то, что М. Х. Курбангалиев и Р. С. Газизов издали также специальный учебник по сопоставительной грамматике татарского и русского языков [10], который активно применялся на уроках татарского языка.

Остановимся на истории преподавания татарского языка в одном из вузов Казани того времени. Казанский финансово-экономический институт (ныне Институт управления, экономики и финансов Казанского федерального университета) был основан в 1930 г. на базе экономического факультета Казанского государственного университета, поэтому основной профессорско-преподавательский состав был сформирован из преподавателей университета. Преподавание татарского языка велось с момента основания вуза. Кафедра, отвечающая за языковую подготовку студентов в разные годы, называлась по-разному: в 1931 г. — кафедра татарского языка и литературы; с января 1932 г. по 1935 г. — кафедра языков; с 1935 по 1946 гг. — Методическое бюро и кабинет языков; с 1946 г. по 2012 г. — кафедра иностранных языков.

Согласно архивным документам в 1930-е гг. по линии «коренизации» (под «коренизацией» понималась подготовка специалистов со знанием татарского языка) института выдвигались следующие позиции:

- 1) организация коренизированных групп с преподаванием на татарском языке;
- 2) подготовка научных кадров из «националов» (т. е. татар или других национальностей);
- 3) организация комиссии по разработке терминов, а также составлению и переводу учебников по различным специальностям на татарский язык;
- 4) преподавание татарского языка не татарам;
- 5) переориентирование изучения татарского языка в рамках финансово-экономической специальности.

В 1931 г. было создано татарских коренизированных (т. е. однородных по национальному составу) групп: 4 — на дневном отделении, 3 — на рабфаке и одна группа для чуваш. В последующие годы это число варьировалось. В коренизированных группах предусматривалось преподавание всех дисциплин на татарском языке. Уже к концу 1931 г., согласно архивным документам, на татарском языке были подготовлены учебники по статистике, финнауке и счетоведению [19. Л. 40].

В том же 1931 г. была создана терминологическая комиссия во главе с профессором М. Х. Курбангалеевым, которая включала в себя кафедральные бригады и занималась разработкой терминов по различным специальностям. В частности, по диалектическому материализму и политической экономике уже в 1932 г. были разработаны более 500 и 700 терминов соответственно [21. Л. 14—16]. Архивные документы свидетельствуют о работе терминологической комиссии и по чувашскому языку, но работа не была завершена [22]. Были составлены или переведены на татарский язык учебники по следующим предметам: «Финансы СССР», «Статистика», «Экономическая география СССР», «Политическая экономическая география капиталистического мира», «Счетоведение»; на татарском языке читались также «Экономика и финансы промышленности», «Математика» [20. Л. 37; 4. С. 77—78]. Поскольку все же ощущалась нехватка соответствующей литературы и лекторов, владеющих татарским языком, система обучения в коренизированных группах иногда выглядела следующим образом: лекции читались на русском языке с опорой на литературу на русском языке, а консультации проводились на татарском с переводом заданий на татарский язык; карты и наглядные пособия также были оформлены на татарском языке. В этих же группах к 3 семестру обучение планировалось полностью перевести на русский язык [21. Л. 14].

Профессионализация изучения татарского языка в то время имело непосредственное практическое применение, поскольку в районах, удаленных от Казани, общение, как деловое, так и повседневное, происходило на татарском языке в силу преобладания татарского населения в сельской местности. Поэтому при направлении студентов на практику рекомендовалось включить в их практическую работу элементы речевой деятельности по татарскому языку, а именно: практика в живой речи, собирание терминов, знакомство с образцами деловых бумаг и т. д.

Методическое бюро языков вело активную деятельность по пропаганде изучения различных языков. Например, в плане работы кабинета языков по внеаудиторной работе на 1936—1937 учебный год были включены следующие мероприятия:

- выпуск стенгазет на иностранном языке;
- организация литературных кружков по русской и татарской литературе;
- организация литературных вечеров на иностранных языках;
- организация кружков по изучению немецкого и английского языков для научных работников института;
- организация цикла лекций по литературе на русском и татарском языках;
- организация консультаций по немецкому, английскому, французскому, русскому и татарскому языкам.

Кабинет языков получал литературу на 13 языках: на иностранных языках, русском, татарском, башкирском, чувашском, марийском, крымско-татарском и др. языках [23. Л. 35].

Относительно *методов* преподавания языков имеются довольно любопытные сведения. По отношению к родным языкам применялся популярный в 1930-х гг. бригадно-лабораторный метод, а по отношению к неродным (иностранным языкам) — комбинированный, сочетающий элементы бригадно-лабораторного и аудиторного методов (разговорная речь, чтение вслух, перевод, «беспрерывные» упражнения над разделами грамматики и синтаксиса). Бригадная форма обучения включала в себя сначала индивидуальную работу, а затем проработку материала в бригадах по 5—6 человек [21. Л. 35].

С 1939 г. в архивных документах КФЭИ по линии методического бюро преподавание татарского языка не упоминается. В том же году, как известно, татарский язык был переведен на кириллицу, и политика «коренизации» и «татаризации» сворачивается.

В других вузах Казани в 1930-е гг. ситуация была схожа: «коренизация» вуза (в той или иной мере), разработка научной терминологии, нехватка учебной литературы. Так, в Казанском государственном университете татарский язык для татар преподавался на факультетах: геофак, физмат, биофак, химфак [17. Л. 57]. В Казанском химико-технологическом институте им. С. М. Кирова до 1939 г. татарский язык преподавался факультативно для студентов-татар. В частности, в отчете кафедры языков за 1934—1935 учебный год

отмечается деятельность различных кружков: для ликвидации неграмотности, литературный, переводческий [18; 4. С. 78—79].

Несмотря на многочисленные трудности, к концу 1930-х гг. полноценное функционирование татарского языка уже могли обеспечить кадры татар, подготовленные в вузах Татарской республики для

работы в разных областях. Таким образом, можно прийти к заключению, что в 1920—1930-е гг. была проделана большая работа по применению татарского языка в различных сферах, по привлечению татар в высшие учебные заведения, а также по преподаванию татарского языка в вузах Татарской республики.

Список литературы

1. Байрамова, Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия / Л. К. Байрамова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. — 267 с.
2. За 5 лет. К 5-й годовщине провозглашения ТССР. — Казань: Изд. ТЦИК, 1925. — 208 с.
3. Калганова, Г. Ф. Из истории языковой политики Республики Татарстан в реализации татарского языка в финансово-экономической сфере (1920-е годы) / Г. Ф. Калганова // Ученые записки Казанского государственного финансово-экономического института. — Вып. 18. — Казань: Изд-во КГФЭИ, 2006. — С. 145—150.
4. Калганова, Г. Ф. Функционирование татарского языка в финансово-экономической сфере: история и современность / Г. Ф. Калганова. — Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования» (редакционно-издательский отдел), 2012. — 248 с.
5. Кириллова, З. Н. Двухязычие без диглоссии в Татарстане: сравнение двух периодов // Филология и культура. *Philology and Culture*. — 2014. — № 4 (38). — С. 123—127.
6. Кириллова, З. Н. Основные этапы процесса реализации татарского языка 1920—1930-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. ISSN1997—2911. — Тамбов: Грамота, 2014. — № 10. Ч. 2. — С. 78—80.
7. Кириллова, З. Н. Функционирование татарского языка в сфере образования (опыт 20—30-х гг. XX века) // Филология и культура. *Philology and Culture*. — 2013. — № 2 (32). — С. 24—28.
8. Корбангалиев, М., Газизов, Р. Руслар өчен татар теле дәреслеге. 2 баскыч мәктәпләрнең 5 нче уку елы өчен / М. Корбангалиев, Р. Газизов. — Казан: Татгосиздат, 1930. — 177 б.
9. Корбангалиев, М. Татар теле дәреслеге. Татарлардан башкалар өчен (Техникум, рабфак, вуз һәм вузлар өчен) / М. Корбангалиев. — Казан: Татгосиздат, 1934. — 252 б.
10. Курбангалиев, М., Газизов, Р. Систематическая грамматика татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка / М. Корбангалиев, Р. Газизов. — Казань: Татиздат, 1932. — 171 с.
11. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), фонд (ф.) 732, опись (оп.) 1, дело (д.) 49. — 103 л.
12. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 766. — 204 л.
13. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 768. — 297 л.
14. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 769. — 235 л.
15. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 1138. — 126 л.
16. НА РТ, ф. 732, оп. 1, д. 1307. — 429 л.
17. НА РТ, ф. 1337, оп. 32, д. 57. — 30 л.
18. НА РТ, ф. 2647, оп. 2, д. 35. — 5 л.
19. НА РТ, ф. 7351, оп. 1, д. 1. — 42 л.
20. НА РТ, ф. 7351, оп. 1, д. 12. — 60 л.
21. НА РТ, ф. 7351, оп. 1, д. 13. — 64 л.
22. НА РТ, ф. 7351, оп. 1, д. 26. — 45 л.
23. НА РТ, ф. 7351, оп. 1, д. 135. — 35 л.
24. Сборник Декретов, Постановлений, важнейших Циркуляров и других материалов в области реализации татарского языка. — Казань: Изд. Центр. Комиссии по реализации татарского языка при ЦИК ТАССР, 1925. — 88 с.

Сведения об авторах

Кириллова Зоя Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Республика Татарстан, Россия. zkirillova@yandex.ru

Калганова Гульнара Фаритовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Республика Татарстан, Россия. gkalganova@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 71—76.*

THE USE OF THE TATAR LANGUAGE IN TATARSTAN UNIVERSITIES IN THE 1920S — 1930S

Z. N. Kirillova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. zkirillova@yandex.ru

G. F. Kalganova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. gkalganova@yandex.ru

This article is devoted to the history of the Tatar language use at universities of the Tatar Republic during the 1920s and 1930s. For this purpose, archival materials and the first documents of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic (TASSR) created in 1920 were analyzed. Since 1921, in the Republic the governmentalization of the Tatar language was put into practice, notably, in almost all spheres of public life. The main attention is paid to the study of the functioning of the Tatar language as an official one in higher educational institutions of the Republic. For this purpose, archival documents and published materials were researched; review of the main universities and institutes was made using statistic data with the view to defining the number of Tatars there (for example, during 1922–1931 the number of Tatars studying at universities increased by 18.8%); implementation of the Tatar language in different higher educational institutions was studied; the main teaching methods were described; textbooks in the Tatar language were specified, and difficulties encountered in teaching Tatar were defined.

Keywords: *the Tatar language, higher educational institutions, application of language, the Tatar Republic, the 1920s and 1930s, state language.*

References

1. Bajramova, L.K. *Tatarstan: jazykovaja simmetrija i asimmetrija* [Tatarstan: language symmetry and asymmetry]. Kazan, 2001. 267 p. (In Russ.).
2. *Za 5 let. K 5-j godovschine provozglashenija TSSR* [Over 5 years. For the 5th anniversary of the proclamation of the Tatar Soviet Socialist Republic]. Kazan, 1925. 208 p. (In Russ.).
3. Kalganova, G.F. Iz istorii yazykovoj politiki Respubliki Tatarstan v realizacii tatarskogo jazyka v finansovo-ehkonomicheskoj sfere (1920-e gody) [From the history of the language policy of the Republic of Tatarstan in the implementation of the Tatar language in the financial and economic sphere]. *Uchenyjy zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo finansovo-ehkonomicheskogo instituta, vypusk 18* [Scientific notes of the Kazan state financial and economic institute, rel. 18]. Kazan, 2006, pp. 145–150. (In Russ.).
4. Kalganova, G.F. *Funkcionirovanie tatarskogo jazyka v finansovo-ehkonomicheskoj sfere: istorija i sovremennost'* [The functioning of the Tatar language in the financial and economic sphere: history and the present]. Kazan, 2012. 248 p. (In Russ.).
5. Kirillova, Z.N. Dvujazychie bez diglossii v Tatarstane: sravnenie dvuh periodov [Bilingualism without diglossia in Tatarstan: comparison of the two periods]. *Filologija i Kul'tura* [Philology and Culture], 2014, no. 4 (38), pp. 123–127. (In Russ.).
6. Kirillova, Z.N. Osnovnye etapy protsessy realizatsii tatarskogo jazyka 1920–1930-h godov [Main stages in the process of the Tatar language implementation of the 1920–1930s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii*

i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2014, no. 10, vol. 2, pp. 78–80. (In Russ.).

7. Kirillova, Z.N. Funkcionirovanie tatarskogo jazyka v sfere obrazovanija (opyt 20–30-h gg. XX veka) [Functioning of the Tatar language in education in the 1920s–30s]. *Filologija i Kul'tura* [Philology and Culture]. Kazan, 2013, no. 2 (32), pp. 24–28. (In Russ.).

8. Korbangaliev, M., Gazizov, R. *Ruslar ochen tatar tele dereslege. 2 baskych mekteplerneng 5 nche uku jyly ochen* [The Tatar language textbook for the Russians. For the 5th grade of the 2nd level schools]. Kazan, 1930. 177 p. (In Tatar).

9. Korbangaliev, M. *Tatar tele dereslege. Tatarlardan bashkalar ochen (Tehnikum, rabfak, vuz hem vtuzlar ochen)* [The Tatar language textbook for non-Tatars]. Kazan, 1934. 252 p. (In Tatar).

10. Kurbangaliev, M., Gazizov, R. *Sistematicheskaja grammatika tatarskogo jazyka v sravnenii s grammatikoj russkogo jazyka* [Systematic grammar of the Tatar language in comparison with Russian grammar]. Kazan, 1932. 171 p. (In Russ.).

11. *Natsional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National archive of the Republic of Tatarstan] (NA RT), fund (f.) 732, op. 1, d. 49. 103 p. (In Russ.).

12. NA RT, f. 732, op. 1, d. 766. 204 p. (In Russ.).

13. NA RT, f. 732, op. 1, d. 768. 297 p. (In Russ.).

14. NA RT, f. 732, op. 1, d. 769. 235 p. (In Russ.).

15. NA RT, f. 732, op. 1, d. 1138. 126 p. (In Russ.).

16. NA RT, f. 732, op. 1, d. 1307. 429 p. (In Russ.).

17. NA RT, f. 1337, op. 32, d. 57. 30 p. (In Russ.).

18. NA RT, f. 2647, op. 2, d. 35. 5 p. (In Russ.).

19. NA RT, f. 7351, op. 1, d. 1. 42 p. (In Russ.).

20. NA RT, f. 7351, op. 1, d. 12. 60 p. (In Russ.).

21. NA RT, f. 7351, op. 1, d. 13. 64 p. (In Russ.).

22. NA RT, f. 7351, op. 1, d. 26. 45 p. (In Russ.).

23. NA RT, f. 7351, op. 1, d. 135. 35 p. (In Russ.).

24. *Sbornik Dekretov, Postanovlenij, vazhnejshih Cirkuljarov i drugih materialov v oblasti realizacii tatarskogo jazyka* [Collection of the decisions, regulations, most important circulars and the other important materials in the field of implementation of the Tatar language]. Kazan, 1925. 88 p. (In Russ.).

ИНТЕГРАТИВНАЯ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Н. Н. Кислицына

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

Рассматривается возможность фреймового моделирования взаимоотношений семантических компонентов, входящих в структуру значения языковой единицы. Демонстрируется возможность интеграции когнитивных (фреймовое моделирование) и лингвистических (компонентный анализ) методов. Конвергенция данных подходов позволяет преодолеть фрагментарность представления концептуальных и лингвистических структур. Потенциал модели заключается в возможности объяснения, как ментальные образы получают лингвистическую репрезентацию.

Ключевые слова: коннотация, компонентный анализ, фреймовое моделирование, элементарные компоненты смысла, семема, сема.

Человек — это одна из сложнейших синергетических систем, изучение которой требует не столько привлечения данных разных наук, сколько их конвергенции с целью постижения Homo sapiens sapiens «как мыслящего и чувствующего существа» [26. С. 131]. Иными словами: «Человек представляет собой многоаспектную разноплановую систему мыслительной деятельности, и поэтому языковеды активно обращаются к внелингвистическим, социопсихологическим теориям личности» [1. С. 7]. Фактически, каждая из существующих наук — это попытка ученых постичь, объяснить и впоследствии использовать полученные знания для понимания самого человека, его места в окружающем мире и его возможностей влиять на других людей и этот мир.

Известный лингвофилософ А. Ф. Лосев указывал на возможность разработки и применения общенаучных понятий, которые могли бы использоваться как в гуманитарных, так и в точных и естественных науках по причине сходства протекания процессов в сложных системах [17. С. 5—92]. В наше время данные тенденции проявляют себя в появлении целого ряда новых наук, необходимых для исследования и рациональной организации самых разных сфер человеческой деятельности. Многие вопросы, лежащие в сфере информационных, когнитивных и социогуманитарных наук, для своего решения требуют консолидированных усилий ученых из разных областей знаний.

Одним из таких «вечных» вопросов, приобретшем особую актуальность в последнее время, благодаря возможности использования новых технологий, является **вопрос о соотношении языка, мышления и сознания**. Ни лингвист, ни семиотик, ни философ, психолог или социолог не смогут приблизить-

ся к решению этой проблемы, оставаясь в рамках только своей науки, пользуясь исключительно своей методологической базой. По словам руководителя отделения нейрофизиологии и когнитивных наук НИЦ «Курчатовский институт» К. В. Анохина «Познание окружающего физического мира, <...> строится на когах — единицах нашего когнитивного опыта, информационного взаимодействия с миром. Не случайно многие из выдающихся физиков вновь и вновь поднимают вопрос, не отражают ли знания в современной квантовой физике в значительной степени механизмы нашего когнитивного аппарата, процессов восприятия и мышления» [цит. по 25. С. 89]. Эта идея созвучна мысли, высказанной А. Ф. Лосевым, а именно: «И язык, и речь, и вся человеческая жизнь есть не что иное, как квантованная, то есть квантовано-осуществленная смысловоразличительная функция. Язык не есть просто мысль, **но практически квантованная мысль**. И речь не есть просто язык, **но практически квантованная мысль**» [17. С. 21] (здесь и далее выделено нами — Н. К.). Определение языка и речи как «практически квантованной мысли» позволяет нам повторно обратиться к высказыванию К. В. Анохина о когах, обеспечивающих информационное взаимодействие человека с окружающей средой, и предположить, что вышеупомянутые коги и кванты являются теми сущностями, которые возможно соизмерить с сущностями лингвистического плана — **смыслом** и **семами**. Следует отметить также связь этих элементарных единиц с ноэмами Э. Гуссерля, которые представляют собой «предметное содержание мысли» [7. С. 231] и, таким образом, напрямую связаны с понятием смысла, ибо последний содержится в ноэме и обуславливает ее принадлежность к структуре

сознания. Интегративное изучение когов, квантов, нозм и сем позволяет говорить о конвергентной направленности проводимого исследования и продуктивном синтезе различных научных направлений.

Новизна работы заключается в разработке методологии, позволяющей найти один из возможных вариантов решения задачи, которую ставит перед лингвистами-теоретиками «интеграционный вызов в когнитивной науке» [19. С. 15]. Семный принцип описания значений наполняется новым содержанием при рассмотрении его с позиций когнитивной лингвистики. Микрокомпоненты значения — семы, рассматриваемые как элементы компонентного анализа (КА), связанного с системно-структурными и парадигматическими представлениями о языке, являются не просто семантическими компонентами, но обеспечивают связь лексического значения с внеязыковыми факторами. «Связь лексического значения с внеязыковыми факторами наблюдается именно в предметно-логической части семемы» [12. С. 32], а компоненты предметно-логической части семемы — семы — «выполняют роль «стрелки», переводящей понятия, признаки предметов и явлений объективного мира в составляющие элементы явления языкового, лексического значения слова: с одной стороны, это категории процесса познания, концептуальные явления, а с другой — это уже элементы смысловой структуры слова, «представляющие» в структуре языка логические категории» [23. С. 88]. Синтез лингвистических и концептуальных сущностей в предметно-логической части соотносится с одним из постулатов когнитивного подхода: язык является способом организации информации о мире.

Т. И. Ахмедов, рассуждая о роли теоретических моделей особых состояний сознания с точки зрения возможности их использования в психотерапевтических целях, отмечал, что существует множество «способов передачи смысла: он сплетен из необозримого количества культурных кодов — символов, заимствований, реминисценций, ассоциаций, цитат, отсылающих ко всему необъятному полю жизни как культурному феномену. Иными словами, ни говорящий, ни слушающий <...> не отдадут себе отчета в том, какие именно оттенки значений и смыслов вспыхивают на каждой отдельной грани *рассыпанного, раздробленного* текста» [2. С. 47]. Далее, ссылаясь на Р. Барта, автор описывает пять кодов, организующих семиотическое пространство текста, одним из которых является «семный код», в котором «воплощены коннотации, множество озвучаемых, скрытых смыслов» [2. С. 47].

Полагаем, что наряду с семами, которые в лингвистике определяются как элементарные смыслы, опре-

деленные комбинации которых образуют значение слова, в доменах иных наук также существуют термины, именующие аналогичные явления, соотносимые со смысловыми, когнитивными структурами, со структурой значений языковых единиц и с системой получения и хранения знаний. Согласно этому утверждению можно предположить, что конвергирование данных понятий и соответствующих методик исследования окажется полезным для получения нового знания.

Такой подход нашел отражение в коллективной монографии под редакцией В. И. Заботкиной, посвященной «разработке проблем методологической интердисциплинарности», «освоению нового инструментария и новых методов анализа» [19. С. 7]. В работе излагаются методы когнитивного анализа семантики слова, позволяющие эмпирически определить взаимосвязь концептуальных структур и значения слова. При этом звучит утверждение авторов о том, что «фрагментарность применения корпусных методов для анализа семантики слова» [19. С. 8] может быть преодолена, если исследование осуществляется с когнитивных позиций. В более широком смысле можно сказать, что использование принципов когнитивной науки позволит преодолеть фрагментарность гуманитарных наук вообще, ибо, как мы отметили в самом начале нашей работы, объектом их изучения, в конечном счете, является человек, его сознание и мышление без которых он, собственно говоря, не может существовать как личность.

Лингвофилософские и лингвопсихологические постулаты, сформулированные В. фон Гумбольдтом, гласящие, что «сознание осуществляется через язык», «мышление развивается через язык», а «язык вызывается мышлением» [6] можно интерпретировать следующим образом: окружающий мир служит материалом для мышления, а язык является своеобразным инструментом для овладения и «обработки» данного материала; результат обработки будет зависеть от многих факторов, в том числе и от личности говорящего, и от культурно-исторических характеристик лингво-социума, частью которого данный индивид является.

Данные положения созвучны идеям Л. С. Выготского, высказанным в работах по теоретической психологии. Рассуждая о взаимоотношении языка и мышления, ученый подчеркивал: во-первых, **когнитивную значимость языка**, определяя последний как «важнейшее вспомогательное средство мышления» [5. С. 218], как «орудие мысли, инструмент анализа» [5. С. 356]; во-вторых, **коммуникативную значимость языка** и роль носителей языка, утверждая, что существование и развитие значений обусловлено «**сотрудничеством сознаний**» [5. С. 444].

Таким образом, представляется, что в настоящее время разработка теории значения с позиций когнитивно-коммуникативного подхода к языку является наиболее актуальной: она обуславливает системность, целостность и новизну исследования.

В предлагаемой нами концепции коннотативное значение слова исследуется гибридным методом, а именно: совмещением техники проведения компонентного анализа и фреймового моделирования. Термин модель определяется В. И. Карасиком как «исследовательский конструкт реальности», который «представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка и рядоположенными феноменами» [10. С. 6]. Такой подход представляется обоснованным, так как позволяет «связать» все компоненты «языкового знака, которые принадлежат ему в языке и речи» [4. С. 9] с «определенными когнитивными контекстами — когнитивными структурами, или блоками знания» [4. С. 7] и, таким образом, проследить, как функционирует (в нашем случае) коннотативное значение языковой единицы.

Компонентный анализ (КА), возникший в недрах датского структурализма и американской этнолингвистики, получил широкое распространение и дальнейшее развитие в отечественной и зарубежной теоретической и прикладной лингвистике. С помощью разложения содержания семемы на минимальные единицы (семы) и построения определенных «пропорциональных равенств» [15. С. 503] исследуются значения многозначного слова. Следует сказать о важном моменте, который, рассуждая о КА, подчеркнул в своей работе Дж. Лайонз: признавая очевидность значительного вклада, который внес КА в развитие теории лингвистических описаний, ученый указал, на ограниченность КА в тех случаях, когда языковой материал характеризуется «семантически недопустимыми комбинациями» [15. С. 505]. Так, автор отметил, что компонентный анализ «не способен разрешить проблемы неопределенности» и указал направление, в котором следует искать выход, определив его как поиск соответствия «семантических компонентов» языковой единицы «когнитивной истинности» или «реальности» [15. С. 502—506], что мы и попытаемся продемонстрировать в рамках данной статьи.

Процедура КА базируется на логическом принципе выделения элементарных компонентов смысла, которые имеют как языковую, так и неязыковую природу. Как отмечает В. В. Левицкий, «В целом логический принцип выделения компонентов основан на использовании определений тех или иных понятий» [16.

С. 119]. Таким образом, семантическая классификация семем является производной от иерархии сем, и только введение иерархии сем дает возможность представить толкование слова-семемы в последовательности заключенных в нем смысловых «узлов».

Алгоритм компонентного анализа заключается в выделении семемы (отдельного значения многозначного слова), а затем составления перечня сем — «элементарных смысловых единиц» [16. С. 114], входящих в состав анализируемой семемы. Выделяемые семы организуются в таблицу или список (ступенчатую идентификацию) и располагаются иерархически, в зависимости от их значимости, при этом, как правило, коннотативная сема выносится за рамки компонентного анализа, являясь, по мнению ряда исследователей, лишь дополнительной информацией стилистического, эмоционального или культурно-исторического характера.

Существенным дополнением к традиционной методике КА стал проведенный в работе Н. А. Студульской «поэтапный компонентный анализ слова *brand*, целью которого являлось установление содержания и динамики вербализуемого им концепта» [24. С. 113]. Самым значимым, в аспекте нашего исследования, в данной работе является последующее представление концептуального каркаса BRAND «в виде фреймана» [25. С. 116]. Описанная методика важна тем, что в ней высказаны ценные мысли о возможности интегрирования классического компонентного анализа с современными когнитивными процедурами, о соизмеримости единиц компонентного анализа и элементов фреймового моделирования.

Исследование языковых значений с позиций когнитивной науки осуществляется с помощью разных методик, в основе которых лежит принцип моделирования познавательных процессов с помощью схем, сценариев и подобных структур. Одним из наиболее успешно применяемых подходов является фреймовое моделирование — «метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства» [3. С. 37]. Значимым свойством данного подхода, по словам Н. Н. Болдырева, является возможность «моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц» [3. С. 37]. Ученый подчеркивает «отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т. е. непрерывность перехода от языка к опыту» [3. С. 37]. Это утверждение автора может служить отправной точкой комплементарного исследования, целью которого является попытка выявления механизмов взаимодействия когнитивных

структур и значения языковых единиц, фокусируясь на отдельных компонентах значения, играющих важную роль в процессе устной и письменной коммуникации, которые по своей природе занимают маргинальное положение между знаниями и значением, к числу которых можно отнести и коннотацию.

В качестве анализируемой языковой единицы в работе предлагается слово *баба*. Выбор данной лексической единицы не случаен, так как ее значение является наглядным подтверждением высказывания А. М. Кузнецова о том, что «лексическое значение вообще большей своей частью обращено во внеязыковую реальность» [14. С. 53]. В толковом словаре С. И. Ожегова многозначное слово *баба* представлено следующими отдельными лексико-семантическими вариантами или семемами:

1. *Замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (прост.).*

2. *Вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутол. оттенком) (прост.).*

3. *То же, что жена (в 1 знач.) (прост. и обл.).*

4. *То же, что бабушка (во 2 знач.) (прост. и обл.); в детской речи — то же, что бабушка (в 1 знач.). Жили-были дед и б.*

5. *перен. О робком слабохарактерном мужчине (разг.).*

6. *Теплая покрывка на чайник для сохранения тепла, распаривания, заварки. Вязаная б. * Каменная баба — древнее каменное изваяние в виде человеческой фигуры. Снежная или снеговая баба — человеческая фигура, слепленная из комков снега. [21].*

Пять семем анализируемой лексемы по данным словарной статьи являются стилистически маркированными. Шестое значение лексемы *баба* представляет семема с переносными значениями, возникшим благодаря метафорическому переносу. Анализ значений семем демонстрирует, что не каждый стилистически маркированный лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова и не каждое переносное значение является носителем коннотативного значения. Следует сказать, что под коннотацией автор статьи понимает «компонент лексического значения слова, выражающий эмоционально-оценочное отношение говорящего к окружающему миру» [13. С. 243]. Природа коннотации обуславливает ее связь со стереотипными представлениями носителей языка, их менталитетом, а также такими логико-философскими, психологическими и лингвистическими категориями как оценка, отношение, номинация, экспрессивность, стилистическая маркированность и др.

Родовой семьей, или архисемой, общей для всех значений лексемы *баба*, является сема 'человек'.

Интегральной семьей для всех семем, кроме пятой, является сема 'женщина'. В соответствии с определением значения слова *баба*, взятым из словаря С. И. Ожегова, дифференциальными семемами семемы *баба*₁ являются семы: 'замужняя', 'крестьянка', 'из простонародья'. Выделяя данные минимальные единицы плана содержания, мы пользуемся словами естественного языка как единицами метаязыка, «извлекая» их из толкования ЛСВ конкретного слова. Однако, по объективным причинам (проблема представления значения слова в лексикографических источниках) любое толкование в самом авторитетном словаре при всей своей достаточности предполагает возможность дополнения значимой/подразумеваемой информацией.

Для проведения компонентного анализа с целью выделения отрицательно окрашенной коннотативной семы возьмем семему номер 5. *перен. О робком слабохарактерном мужчине (разг.).* Наличие отрицательного значения у анализируемой семемы, подтверждается также данными из других толковых словарей русского языка, в частности, в словарной статье словаря Т. Ф. Ефремовой оно представлено в следующей формулировке: 2. *перен. Робкий, нерешительный мужчина, юноша (обычно с оттенком неодобрительности)* [9]. В отличие от остальных семем анализируемой лексемы, кроме стилистической маркированности и употребления в переносном значении, в этой семеме содержится сема оценки, которая позволяет говорящему выразить свое отношение к объекту/субъекту. Наличие отрицательной коннотации составитель словаря представила в виде дополнительного комментария: «обычно с оттенком неодобрительности», который, используя метаязык, можно представить как сему 'оценка отрицательная'.

Таким образом, в семеме номер 5 с помощью метафорического механизма активируется сема 'оценка отрицательная', что обуславливает возможность использования пятого ЛСВ для отрицательно коннотированной номинации мужчины и, таким образом, доминирование коннотативного значения над денотативным значением.

Интересно отметить, что данная отрицательная коннотация прослеживается и в родственном польском языке: «*Nie to baba co baba, a to baba co nie baba, a baba!*», гласит пословица. Фактически, смысл этого высказывания строится на противопоставлении денотативного и коннотативного значений: Не то баба, что баба, а то баба, что не баба, а баба! (перевод наш — Н. К.). Другими словами: не тот человек является бабой, который родился бабой/женщиной, а тот кто родился не бабой/не женщиной (т. е. мужчиной), а ведет себя как баба.

В словаре В. И. Даля приводятся следующие примеры употребления слова *баба* в этом значении: *Эка баба, что нюни распустил. Он такая баба, что всякому в обиду дается, вялый, дрянной, робкий, неуправный* [8]. Таким образом, результат компонентного анализа семемы *баба*₅ (архисему 'человек', общую для всех ЛСВ слова *баба*, намеренно опускаем) может быть представлен как: 'мужчина' — интегральная сема; 'робкий', 'слабохарактерный' — дифференциальные семы, выделяемые нами именно в таком качестве, исходя из принципа функции определения, в которой данные слова выступают в словарном толковании анализируемой семемы.

Анализ двух семем *баба*₁ и *баба*₅ продемонстрировал истинность высказывания Е. А. Маклаковой и И. А. Стернина о значении слова как о «варьирующем наборе конституирующих семантических компонентов — сем» [18. С. 25]. Не следует упускать из вида значимость контекста, способствующего актуализации коннотативного значения, а также межструктурных отношений и взаимовлияния отдельных значений многозначного слова. Вполне логично предположить, что межсемемная интерференция позволяет использовать в качестве уточнения минимальную единицу плана содержания 'ведет себя как женщина', что в аспекте отрицательного истолкования предполагает (с опорой на контекстуальное употребление и лексикографическое представление) наличие таких компонентов смысла, как 'сварливый', 'нерешительный', 'ненадежный', 'нюни распускает'.

Фреймовое моделирование взаимоотношений семантических компонентов, представляющих содержательные признаки концепта, объективируемого анализируемой языковой единицей, в нашем случае — лексемой *баба*, выполним по стандартной процедуре, которая описывается в работах Н. Н. Болдырева, М. Минского, А. А. Кибрика [3, 20, 11]. Семантические компоненты, т. е. элементарные компоненты смысла, которые были выделены в процессе проведения КА семем *баба*₁ и *баба*₅ являются теми компонентами, которые логично использовать при построении соответствующих фреймов.

Кроме того, при построении фрейма, в целом соответствующего ЛСВ *баба*₅ мы воспользуемся преимуществом, которое предоставляет подход фреймового моделирования, а именно: возможностью эксплицировать те элементы информации, которые подразумеваются в толковании слова, но в практике проведения КА традиционно опускаются.

Такой подход позволяет наглядно представить «передвижение» элементарных компонентов смысла с отрицательной коннотацией с второстепенных позиций в авангард, причем катализатором такого движения становятся оценочные семы, которые образуют соответствующие слоты фрейма. Фрейм, представляющий содержание *баба*₁ представлен на Рисунке 1, количество его слотов соответствует количеству элементарных смыслов, выделенных при проведении КА данного слова:

Рис. 1. Фрейм *баба*₁

Фрейм, следующий ниже и представляющий структуру содержания *баба*₅ с отрицательным коннотативным значением, выглядит иначе. Обращает на себя внимание наполнение слотов 'робкий', 'слабохарактерный', 'сварливый', 'нерешительный', 'ненадежный', 'нюни распускает': общий смысл, объединяющий эти слоты, позволяя им занимать один иерархический уровень, — это отрицательная оценка. Если мы «поднимемся» на уровень выше к слоту 'ведущий себя как женщина', то следует сказать, что на этом уровне (при условии его обособленного, автономного рассмотрения) отрицательная оценка явно не прослеживается, так как женщина может себя вести как хорошо, так и плохо, что приложимо и к мужчине, и к ребенку (см. Рисунок 2):

Рис. 2. Фрейм *баба*₅

Расположение слотов ‘робкий’, ‘слабохарактерный’, ‘сварливый’, ‘нерешительный’, ‘ненадёжный’, ‘нюни распускает’ на одном уровне обусловлено наличием в каждом фреймовом элементе категориального признака отрицательной оценки.

Значимость актуализации отрицательной оценки и ее реализацию в коннотативном значении слова проиллюстрируем, используя предлагаемую методику, на примере слова *крыша*:

1. *Верхняя, покрывающая часть строения. Шиферная, железная, черепичная к. Есть к. над головой у кого-н. (перен.: есть где жить; разг.). Под одной крышей с кем-н. (перен.: в одном доме с кем-н.). Убрать урожай под крышу (поместить в хранилища). К. мира (перен.: о Памире).*

2. *Выше крыши (разг. шутол.) — о том, что превышает чьи-н. возможности, слишком обременительно.*

3. *Крыша поехала у кого (разг. ирон.) — тронулся (в 3 знач.), не совсем нормален, а также вообще крайне устал, растерян.*

4. *Под крышей чего, в знач. предлога с род. п. — пользуясь поддержкой, а также прикрываясь кем-н. [21].*

В аспекте нашего исследования особый интерес представляет четвертая семема лексемы *крыша*, а именно ее толкование как «прикрытия». В связи с традицией, возникшей в криминальных кругах, «прикрывать» кого-либо или «крышевать» за определенную плату, у этого слова возникает отрицательная коннотация, которая в словарных дефинициях толковых словарей явно не прослеживается, но определенно понимается носителями языка (см. подробнее С. А. Питина) [22. С. 62].

Фреймовое моделирование с использованием дифференциальных сем (выделенных в результате проведения КА семемы номер четыре) в качестве «наполнения» слотов демонстрирует «передвижение» элементарных компонентов смысла с отрицательной коннотацией с второстепенных позиций на уровень

выше, а катализатором такого движения вновь становятся оценочные семы (рис. 3).

Жирным шрифтом выделены элементы смысла общие для всех семем лексемы *крыша*. Данное интегрированное построение позволяет совместить классическое системное представление лексического значения (КА) и инновационную модель когнитивной природы (фрейм), систему и функцию, статику и динамику — свойства, присущие языку и речи.

Представленная в работе модель является одним из вариантов интеграции различных методик исследования значения языковых единиц; она последовательно конвергирует классический системно-структурный метод и метод, относящийся к методологической парадигме, выстраиваемой когнитивной лингвистикой. Интеграция методов компонентного анализа и фреймового моделирования позволяет преодолеть недостатки КА, в частности, это касается случаев неопределенности и неоднозначности значения языковых единиц, с одной стороны, а с другой — ограничить исследовательский волюнтаризм при фреймовом моделировании, допускающем отражение в слотах фрейма как лингвистической, так и экстралингвистической информации. Приведенные примеры, демонстрируют возможность холистического представления коннотативного значения языковых единиц, сохраняя баланс между его разнородными компонентами.

Использование данного подхода приближает исследователей к решению следующих актуальных проблем:

- создание моделей пригодных для анализа взаимодействия языковых и неязыковых значений и знаний;
- соотнесение содержательных признаков концепта с элементарными смыслами слова, объективирующего определенный концепт;
- экспликацию интерференции слотов различных фреймов, запускающую механизмы метафоризации и метонимизации, результатом которых является возникновение переносных значений, и в том числе, значений коннотативных.

Рис. 1. Фрейм *крыша*₄

Список литературы

1. Агапова, С. Г. Принципы построения дискурса: коммуникативный аспект: учебное пособие на модульной основе с диагностико-квалиметрическим обеспечением / С. Г. Агапова, Л. В. Гущина. — Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2017. — 96 с.
2. Ахмедов, Т. И. Психотерапия в особых состояниях сознания: (История, теория, практика) / Т. И. Ахмедов, М. Е. Жидко. — М.: АСТ, 2003. — 765 с.
3. Болдырев, Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. Мичуринск: МГПИ, 2000. Вып.1. — С. 36—45. — URL: <http://docplayer.ru/28989417-Freymovaya-semantika-kak-metod-kognitivnogo-analiza-yazykovyh-edinic.html>.
4. Болдырев, Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н. Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — URL: <https://studylib.ru/doc/2681941/n.n.boldyrev---tambovskij-gosudarstvennyj-universitet>.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. I. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского / Л. С. Выготский. — М.: Педагогика, 1982. — 488 с.
6. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию. Серия: История лингвофилософской мысли / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 2000. — 400 с.
7. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М.: Академический проект, 2009. — 489 с.
8. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — URL: <http://slovari.299.ru/word.php?id=672>.
9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — URL: <https://www.efremova.info/word/baba.html#.WsY-cy5uapo>.
10. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2013. — 320 с.
11. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филологических наук / А. А. Кибрик. — М.: Институт языкознания РАН, 2003.
12. Кислицына, Н. Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира (на материале русского, украинского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук / Н. Н. Кислицына, Киев, 2002.
13. Кислицына, Н. Н. Особенности перевода топонимов: коннотативный аспект / Н. Н. Кислицына, О. С. Жаглина // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции (Москва 14—16 апреля 2016 г.) / Под общ. Ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. — М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. — 620 с.
14. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов — М.: Наука, 1986. — 125 с.
15. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. — 536 с.
16. Левицкий, В. В. Семасиология: монография для молодых исследователей / В. В. Левицкий. — Винница: Нова Книга, 2012. — 680 с.
17. Лосев, А. Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы / А. Ф. Лосев // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. — М., 1989. — С. 5—92.
18. Маклакова, Е. А. Теоретические проблемы семной семасиологии / Е. А. Маклакова, И. А. Стернин. — Монография. — Воронеж: «Истоки», 2013. — 277 с.
19. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В. И. Заботкиной — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 344 с.
20. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Энергия, 1979. — 152 с.
21. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова — URL: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=%D0%91%D0%90%D0%91%D0%90>
22. Питина, С. А. Гибридизация в эргонимах (на материале названий кафе и ресторанов) / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 11 (411). Филологические науки. Вып. 111. — С. 60—64.

23. Соколовская, Ж. П. Исследования по лексической семантике. Семантическая структура слова / Ж. П. Соколовская. — Ялта: Крымучпедгиз, 2000. — 144 с.
24. Стадильская, Н. А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта / Н. А. Стадильская // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32 (286). Филология. Искусствоведение. Вып. 71. — С. 112—117.
25. Чумаков, В. Коды вавилонской библиотеки мозга / В. Чумаков // В мире науки: Когнитивные науки, 2013. — С. 89. — URL: <http://www.nrcki.ru/files/pdf/1460645008.pdf>.
26. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. — М.: Наука, 1965. — 359 с.

Сведения об авторе

Кислицына Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1 Института иностранной филологии (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Симферополь, Россия. nkislitsyn@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 77—86.*

INTEGRATIVE TECHNIQUE OF THE CONNOTATIVE WORD MEANING STUDY

N. N. Kislitsyna

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia. nkislitsyn@rambler.ru

The possibility of correlation of concepts relating to the domains of different sciences but having a direct relation to the person's information exchange with the environment (cogs, quanta, noemata, semes) is considered in the article. The synthesis of linguistic and conceptual entities corresponds to one of the cognitive approach postulates: language is the way to organize information about the world. The connotative word meaning is investigated in the article by the hybrid technique which is demonstrated on the model which combines the componential analysis (CA) and frame modelling (FM). Such an approach allows "to connect" all components of "the linguistic sign which belong to it in the language and speech" with "cognitive contexts" and "to trace" the way the connotative meaning of language unit is functioning. Several sememes were exposed to the procedure of CA, after which the received components were used as the "construction material" for the development of a corresponding frame. The resulting frames show the hierarchical shift of slots which leads to actualization and manifestation of connotative meaning of a language unit.

Keywords: *connotation, componential analysis, frames modelling, elementary components of meaning, sememe, seme.*

References

1. Agapova, S.G., Gushhina, L.V. *Principy postroenija diskursa: kommunikativnyj aspekt: uchebnoe posobie na modul'noj osnove s diagnostiko-kvalimetriceskim obespecheniem* [Principles of discourse creation: communicative aspect: the manual on a modular basis with diagnostiko-qualimetric provision]. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovanija [Fund of science and education], 2017. 96 p. (In Russ.).
2. Ahmedov, T.I., Zhidko, M.E. *Psihoterapija v osobyh sostojanijah soznaniya: (Istorija, teorija, praktika)* [Psychotherapy in special conditions of consciousness: (History, theory, practice)]. M.: AST, 2003. 765 p. (In Russ.).
3. Boldyrev, N.N. Frejmovaja semantika kak metod kognitivnogo analiza jazykovyh edinic [Frame semantics as a method of the cognitive analysis of language units]. *Problemy sovremennoj filologii* [Problems of modern philology]. Michurinsk: MGPI, 2000. Vyp.1. S. 36–45. Available at: <http://docplayer.ru/28989417-Frejmovaya-semantika-kak-metod-kognitivnogo-analiza-jazykovyh-edinic.html>, accessed 24.12.2018. (In Russ.).
4. Boldyrev, N.N. Principy i metody kognitivnyh issledovanij jazyka [Principles and methods of cognitive researches of language]. *Principy i metody kognitivnyh issledovanij jazyka* [Principles and methods of

cognitive researches of language]. Tambov : Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. Available at: <https://studylib.ru/doc/2681941/n.n.boldyrev-tambovskij-gosudarstvennyj-universitet>, accessed: 07.10.2018. (In Russ.).

5. Vygotskij, L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]: V 6-ti t. T.I. *Voprosy teorii i istorii psihologii* [Questions of the theory and history of psychology] / Pod.red. A.R. Lurija, M.G. Jaroshevskogo. M.: Pedagogics, 1982. 488 p. (In Russ.).

6. Humboldt, W. von *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [The selected works on linguistics]. Serija: *Istorija lingvofilosofskoj mysli* [History of a lingvophilosophical thought]. M.: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.).

7. Husserl, E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii* [The ideas to the pure phenomenology and phenomenological philosophy]. M.: Academic project, 2009. 489 p. (In Russ.).

8. Dal', V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Available at: <http://slovari.299.ru/word.php?id=672>, accessed: 18.02.2019. (In Russ.).

9. Efremova, T.F. *Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of Russian language. Explanatory- word-formation]. M.: Russkij jazyk [Russian language], 2000. Available at: <https://www.efremova.info/word/baba.html#.WsY-cy5uapo>, accessed: 15.01.2019. (In Russ.).

10. Karasik, V.I. *Jazykovaja matrica kul'tury* [Language culture matrix]. M.: Gnozis, 2013. – 320 p. (In Russ.).

11. Kibrik, A.A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive: dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [The analysis of a discourse in cognitive prospect. Theses]. M.: Institut jazykoznanija RAN, 2003. (In Russ.).

12. Kislitsyna, N.N. *Prilagatel'nye so znacheniem obobshhennoj polozhitel'noj ocenki kak fragment jazykovoj kartiny mira (na materiale russkogo, ukrainskogo i anglijskogo jazykov): diss. ... kand. filol. nauk* [Adjectives with the meaning of the generalized positive evaluation as a fragment of a linguistic picture of the world (on the material of the Russian, Ukrainian and English languages). Theses]. Kiev, 2002. (In Russ.).

13. Kislitsyna, N.N., Zhaglina, O.S. *Osobennosti perevoda toponimov: konnotativnyj aspekt* [Specific features of the toponyms translation: connotative aspect]. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskah peredovyh sociogumanitarnyh praktik. Materialy Pervoj mezhdunarodnoj konferencii* [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: in search of front lines of socio-humanitarian practices. Materials of the First international conference]. M.: MGPU, 2016, pp. 243 – 246 . (In Russ.).

14. Kuznecov, A.M. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From the component analysis to the component synthesis]. M.: Nauka, 1986. 125 p. (In Russ.).

15. Lyons, J. *Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics] Blagoveshhensk: BGK named after I.A. Baudouin de Courtenay, 1999. 536 p. (In Russ.).

16. Levickij, V.V. *Semasiologija: monografija dlja molodyh issledovatelej* [Semasiology: the monograph for young researchers]. Vinnica: Nova Kniga, 2012. 680 s. (In Russ.).

17. Losev, A.F. *V poiskah postroenija obshhego jazykoznanija kak dialekticheskoi sistemy* [In search of creation of general linguistics as dialectic system]. *Teorija i metodologija jazykoznanija: Metody issledovanija jazyka* [Theory and methodology of linguistics: Language research methods]. M., 1989. P. 5–92. (In Russ.).

18. Maklakova, E.A., Sternin, I.A. *Teoreticheskie problemy semnoj semasiologii* [Theoretical problems of seme semasiology]. Voronezh: «Istoki», 2013. 277 p. (In Russ.).

19. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'juterno-korpusnyj podhod* [Methods of the cognitive analysis of semantics of a word: computer and case approach] / Pod obshh. red. V. I. Zabolotkin. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. 344 p. (In Russ.).

20. Minsky, M. *Frejmy dlja predstavlenija znaniy* [Frames for representation of knowledge]. M.: Jenergija, 1979. 152 p. (In Russ.).

21. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Ju. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of Russian language]. Available at: <http://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=%D0%91%D0%90%D0%91%D0%90>, accessed: 10.01.2019. (In Russ.).

22. Pitina, S.A. *Gibridizacija v jergonimah (na materiale nazvanij kafe i restoranov)* [Hybridization in the ergonims (on the material of cafe and restaurants names)] *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university]. 2018. # 11 (411). *Filologicheskie nauki. Vyp. 111. S. 60–64.* (In Russ.).

23. Sokolovskaja, Zh.P. *Issledovanija po leksicheskoj semantike. Semanticheskaja struktura slova* [Researches on lexical semantics. Semantic structure of a word]. Jalta: Krymuchpedgiz, 2000. 144 p. (In Russ.).
24. Stadul'skaja, N.A. Komponentnyj analiz znachenija slova kak sposob vyjavlenija sodержanija koncepta [Component analysis of a word meaning as a way of detection of the concept contents]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university]. 2012. # 32 (286). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 71. P. 112–117. (In Russ.).
25. Chumakov, V. Kody vavilonskoj biblioteki mozga [Codes of the Babylon library of a brain]. *V mire nauki: Kognitivnye nauki* [In the world of science: Cognitive sciences]. 2013. P. 89. Available at: <http://www.nrcki.ru/files/pdf/1460645008.pdf>, accessed: 12.12.2018. (In Russ.).
26. Einstein, A. *Fizika i real'nost'* [Physics and reality] M.: Nauka, 1965. 359 p. (In Russ.).

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «СЕРДЦЕ» И «ДУША» В ТЕКСТАХ ДНЕВНИКОВ К. ЧУКОВСКОГО И М. КАРИМА

А. А. Латыпова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

В статье сравниваются фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа» в русском и башкирском языках. Материалом исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) в идиостилиях писателей К. Чуковского и М. Карима. Работа основывается на сравнительно-типологическом методе. Фразеологический состав разделили на 2 семантические группы. По классификации Ю. П. Солодуба в составе ФЕ выделили виды межъязыковых структурно-типологических соответствий. Рассмотрели структурно-грамматические параметры ФЕ.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, эквиваленты, безэквиваленты, субстантивный, глагольный, компаративный АФЕ, наречный.*

Данная работа представляет собой анализ фразеологических единиц (ФЕ), извлеченных из дневников К. Чуковского и М. Карима.

Во фразеологизмах отражается история народа, его обычаи, культура, мировоззрение, национальное представление о мире [9. С. 78]. Одним из источников обогащения национальной фразеологии является язык писателя. Имя К. Чуковского широко известно в русской литературе, а М. Карима мы знаем как башкирского писателя, поэта и драматурга. Можно сказать, что произведения К. Чуковского являются источником русских фразеологизмов, а творчество М. Карима — хранитель башкирских фразеологизмов. Выбор дневниковых записей К. Чуковского и М. Карима для исследования ФЕ с компонентами «сердце» и «душа» обусловлен необходимостью доказать существование общих черт использования и образования ФЕ обоих языков и выявить их различия. Тексты идиостилей писателей характеризуются искренностью, именно в дневниках автор «исповедуется», тем самым наиболее часто обращается к фразеологизмам «сердце» и «душа». Дневник — средоточие внутренних переживаний писателя.

Цель заключается в выявлении сходств и различий фразеологических единиц с компонентами «сердце» и «душа» в русском и башкирском языках с точки зрения различных классификаций и лексико-грамматических особенностей. Цель предопределила следующие задачи: 1) сравнить употребление ФЕ с компонентами «сердце» и «душа» в русском и башкирском языках (на материале дневников К. Чуковского и М. Карима); 2) дать

семантическую и лексико-грамматическую характеристики ФЕ, классифицировать их.

Мы изучили труды В. П. Жукова, А. В. Жукова, В. М. Мокиенко, А. М. Бабкина, Ю. П. Солодуба, С. Г. Алексеевой, Ф. Г. Фаткуллиной и др., опирались на традиционную классификацию фразеологических единиц В. В. Виноградова. Согласно теории последнего, фразеологизмы с указанными значениями относятся к фразеологическим единствам и фразеологическим сращениям. Фразеологизмы данной группы рассматриваются нами как фрагмент фразеосемантического поля «Человек» на основе общности семантики, структурно-грамматических особенностей, предполагающих сходство их образной организации [4].

По классификации Ю. П. Солодуба выделяются группы межъязыковых структурно-типологических соответствий, отражающих возможности сопоставления русских и башкирских фразеологизированных единиц с соматизмами. Первый вид составляют ФЕ-эквиваленты, которые тождественны по смыслу и по грамматическому строю. Ко второму виду относятся ФЕ с неполным соответствием первого уровня, где совпадают только их значения, а грамматическое оформление различно. Третий вид представляют ФЕ с неполным соответствием второго уровня, совпадающие только по форме, но имеющие разные значения, разную образную структуру. Четвертый вид — безэквивалентные ФЕ, где отсутствуют соответствия между языками.

Весь фразеологический материал с компонентами «сердце» и «душа», изложенный в дневниках К. Чуковского и М. Карима, разделили на две

семантические группы, которые соответствуют следующим семантическим полям:

- ФЕ, выражающие состояние человека;
- ФЕ, выражающие качество человека.

Семантическая функция зависит от того, с какой целью автор употребляет ФЕ в данном контексте. В работе лексико-грамматическую форму ФЕ, использованных в дневниках, не изменяли, т. е. учитывали особенности их функционирования в контексте.

Приведем фразеологические единицы, выражающие состояние человека. В рамках данной группы рассмотрено употребление фразеологических единиц, отражающих такие человеческие эмоции, как радость, переживание, спокойствие, гнев, горе, интерес и т. д., посредством которых выражается отношение говорящего к описываемым событиям [2]

Для выражения состояния человека писатели часто прибегают к фразеологизмам с компонентами «душа» и «сердце», которые относятся к глагольным, субстантивным, наречным, адъективным словосочетаниям.

Первую группу составляют глагольные ФЕ с подчинительной связью со структурой «Глагол+Существительное». Например, поднять дух — күнел кутәреү, ныло сердце — йөрәк әрнене, мутит душу — күнелде болғау (Из дневника М. Карима); чует сердце — йөрәк һизә, излил душу — күнелен асты, выматывать душу — йәнде бөтөрөү, отдать душу — күнел биреү (Из дневника К. Чуковского). Данная группа ФЕ имеет эквиваленты в русском и башкирском языках. Есть и ФЕ с неполным соответствием первого уровня. Например, душой не тянет — күнеле менән тартмай, душа не лежит — күнел ятмай, радоваться от души — ысын күнелдән кыуаныу (Из дневника М. Карима); задушить работой — эш өсөн тын да ала алмау, истратить душу — күнелде әрәм итеү, душить слезами — һығылып илау (Из дневника К. Чуковского).

Также есть фразеологизмы со структурой простого предложения с открытой позицией субъекта характеристики, которым также свойственно наличие межъязыковых фразеологических эквивалентов. Например, душа отдыхала — йән ял итте, душа заболела — күнел сирләне, душа ноет — күнел әрней, душа ликовала — йән рәхәтләнде, душа не лежит — күнел ятмай (Из дневника М. Карима); сердце болит — йөрәк ауырта, чует сердце — йөрәк һизә (Из дневника К. Чуковского).

В русском языке среди глагольных ФЕ наиболее распространенным структурным типом являет-

ся модель «Глагол+Предлог+Существительное». Например, радоваться от души — ысын күнелдән кыуаныу, проник в душу — күнелемә килеп инде, на душе просветлело — күнел яктырып китте, кольнуло в сердце — йөрәккә сәнсеү (Из дневника М. Карима). Схватиться за сердце — йөрәккә тоноу, помереть от сердца — йөрәктән үлеү, принять к сердцу — йөрәккә якын алыу (Из дневника К. Чуковского). В башкирском языке отсутствует категория предлогов, слова связываются с помощью аффиксов. Следовательно, вышеперечисленные ФЕ имеют неполное соответствие первого уровня, т. е. совпадают только по значению.

Вторую группу составляют субстантивные ФЕ. Субстантивными называются фразеологические единицы, обозначающие предмет или субстантивированное действие, характеризующие как лицо, так и предмет, и функционально соотносимые с существительными, являющимися стержневым компонентом субстантивных фразеологических единиц [5. С. 36].

В русском языке среди субстантивных ФЕ выделяют несколько моделей.

Первая модель — «Существительное+Существительное». Например, отдохновение души — күнел ялы, сила духа — күнел/ йән көсө, разрыв сердца — йөрәк ярсығы (Из дневника М. Карима); изящества души — күнел байлығы (Из дневника К. Чуковского). Данные фразеологизмы являются эквивалентами, совпадающими по лексическому составу и грамматической структуре.

Вторую модель представляют словосочетания «Существительное+Предлог+Существительное». Например, на душе камень — күнелдә таш, равновесие в душе — күнел тигезлеге, на душе тоска — күнелдә һағыш, уныния в душе — күнелдә моңһоу, покой в душе — күнел/ йән тыныслығы, на сердце камень — йөрәктә таш, шрамы на сердце — йөрәктә (якты/ кара) эззәр (Из дневника М. Карима); улыбка из души — ысын күнелдән йылмайыу, недовольства в душе — күнелдә кәнәғәтһезлек, на душе муть — күнелдә яфа (Из дневника К. Чуковского). Поскольку в башкирском языке нет категории предлогов, вышеперечисленные фразеологизмы относятся к виду «неполное соответствие первого уровня».

К третьей модели субстантивных фразеологизмов относятся словосочетания «Существительное+Прилагательное». Например, распахнутая душа — асык күнел, душевное спокойствие — күнел тыныслығы, полная душа — тулы күнел, духовное содержание — йән азығы, душевная кра-

сота — күңел матурлығы, духовный хаос — күңел буталсығы, убогие души — кара күңелле/ эсле (Из дневника М. Карима); душевная ясность — күңел билгеһе, человеческой души — кеше күңеле, задушевное чувство — күңел тойғоһо (Из дневника К. Чуковского).

Среди эквивалентов модели «Существительное+Прилагательное» есть ФЕ с неполным соответствием первого уровня. Например, сердечный привет — кайнар сэләм, слабая сердцем — йөрәге сак тора.

Вышеперечисленные ФЕ употребляются в дневниках писателей со значением характеристики внутреннего, психоэмоционального состояния человека. Например, в дневнике М. Карим при описании эмоций, которые он испытывает при общении с женой, использует глагольные фразеологизмы, выражающие внутренние переживания. Например, «кольнуло в сердце» в предложении «...когда услышал голос ее (жены), кольнуло в сердце» [4. С. 196], «душа отходит» в контексте «после взаимных обид не скоро душа отходит» [Там же. С. 172]. Также есть ФЕ со структурой простого двусоставного предложения с открытой позицией субъекта характеристики. Например, «суматоха в стране душу мутит, взбалтывает, дух от нее млеет» [Там же. С. 182]. Обращается также к субстантивным фразеологизмам с компонентом «сердце». Например, «также звериные укусы оставляют шрамы на сердце...» [Там же. С. 199].

В данных контекстах компоненты «сердце» и «душа» являются объектами воздействия, символизируют любовь, соединяющую в себе самые разнообразные переживания.

Использование фразеологизмов с компонентами «сердце» и «душа» помогает в создании представлений о состоянии человека. Корней Чуковский в отличие от М. Карима в дневнике больше обращается к наречным сочетаниям, что составляют третью группу ФЕ с компонентами «сердце» и «душа». Например, положив (положивши) руку на сердце — кулыма икмәк тотоп (эйтеү, һөйләү, яуап кайтарыу). Данная ФЕ используется со значением характеристики действия человека, означает совершенно сердечно, откровенно, искренне говорить, отвечать. Прослеживаем использование безэквивалентного фразеологизма.

В текстах дневников писателей представлены ФЕ, передающие человеческие качества, использование которых направлено на раскрытие особенностей поведения человека. Например, ФЕ «в духе (Мурки)» К. Чуковский использует для передачи настроения, чувства кого-то. В башкирском языке

эквивалент отсутствует. Среди фразеологизмов, использованных в тексте дневника К. Чуковского, есть и безэквивалентные. Например, не раз встречается выражение «богемный дух» со значением качества человека. Так писатель называет беспечного человека.

В дневниках писателей есть субстантивные ФЕ с моделью «Прилагательное+Существительное», которые имеют эквиваленты в башкирском и русском языках. Например, духовная пища — йән азығы, нежная душа — нескә күңелле, душевная ясность — йән билгеһе, большое сердце — оло йөрәкле, светлой души (человек) — якты күңелле (Из дневника К. Чуковского); распахнутая душа — асык күңел, душевное спокойствие — күңел тыныслығы, полная душа — тулы күңел, духовное содержание — йән азығы. (Из дневника М. Карима). Вышеперечисленные ФЕ писатели используют для выражения качеств человека.

М. Карим, наблюдая за увлечением Мусы Джалиля, использует глагольный фразеологизм «күңел менән эшләү» с целью дать оценку другу, который в русском языке имеет фразеологический эквивалент «дать душу», где совпадают только значения. В русском языке данный фразеологизм может использоваться в форме деепричастия: «исполняет это дело, отдавшись всей душой» [4. С. 148].

Также есть ФЕ со структурой простого двусоставного предложения с открытой позицией субъекта характеристики. Например, «душой един» в предложении: «Не то что он (внук) слушается меня во всем, а душой един со мной» [Там же. С. 183]. Данный фразеологизм характеризует внука М. Карима.

При характеристике человека М. Карим использует адъективные фразеологические единицы (АФЕ), которые также дают качественную оценку предметам, где главным составным элементом является прилагательное [7. С. 187]. В дневнике М. Карима наблюдается употребление компаративных АФЕ, представляющих собой «устойчивые сочетания слов, основанные на сравнении и функционально соотносимые с прилагательными». Например, «чистая (душа), как серебро» — «(күңеле) таза көмөш кеүек». В данном случае прилагательное обладает положительным оценочным значением [6, 234]. Данный фразеологизм имеет эквивалент в русском языке. В башкирском языке компаративные АФЕ в свой состав включают сравнивающий компонент «кеүек», что в русском языке соответствует союзу «как». Писатель в дневнике при описании своих друзей (Р. Гамзатова,

М. Джалиля, Н. Устюна) и родственников обращается к данным фразеологизмам, для того чтобы выразить любовь, уважение, покорность, благодарность и подчеркнуть настоящую дружбу.

Таким образом, фразеологизмы активно используются в речи носителей русского и башкирского языков. Наше исследование базировалось на языковом материале, выбранном из дневников К. Чуковского и М. Карима.

Выделяя общие черты, можно сказать, что в сопоставляемых языках есть фразеологизмы с компонентами «сердце» и «душа», которые сходны по структуре и значению. Фразеологизмы служат в основном для выражения качества и состояния человека. С точки зрения лексико-грамматического строя, в идиостилях писателей по количеству употребления субстантивные ФЕ используются шире, чем глагольные, адъективные, наречные. Частое обращение писателей к данной группе ФЕ связано с целью выразить субъект действия, дать характеристику, где главным компонентом выступает

имя существительное. Схожесть сопоставляемых ФЕ связана с общечеловеческими законами мышления, одинаковыми общественными условиями, физиологическими и психологическими потребностями человека [3. С. 137].

Исследование помогло выявить и различия в использовании фразеологизмов с компонентами «сердце» и «душа», которые обусловлены типологической разницей языков, а также национальными особенностями мировоззрения. Как в русском, так и в башкирском языке присутствуют безэквивалентные ФЕ, есть фразеологизмы с категорией неполного межъязыкового соответствия первого и второго уровней. Также различными в структурах ФЕ являются специфические для каждого языка грамматические формы и особенности их функционирования в контексте.

Безэквивалентные ФЕ отражают специфику менталитета и национального сознания, способствуют сохранению языковых норм каждого языка, делая его уникальным.

Список литературы

1. Буянова, Л. Ю., Коваленко, Е. Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Коваленко. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2004. — 232 с.
2. Габбасова, А.Р., Фаткуллина, Ф. Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции / А. Р. Габбасова, Ф. Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. — 2013. № 4. — С. 32.
3. Жуков, В.П., Жуков, А. В. Русская фразеология. Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 2006. — 310 с.
4. Каримов, И. М. Год без Мустая / И. М. Каримов, А. М. Каримова // Уфа: «Издательство Инеш», 2006. — 216 с.
5. Николенко, И. А. Без поэзии сердце остынет [Электронный ресурс- agidel.ru] // Республика Башкортостан // 2012. № 204. С. 4.
6. Рахимкулов М. Г. Башкирия в русской литературе. 1 том / М. Г. Рахимкулов. — Уфа: Башк.книжн. изд-во, 1998. — 512 с.
7. Сакаева, Л.Р., Фаткуллина, Ф.Г., Ялалова, Р. Р. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь-здоровье в английском, немецком и русском языках // Вестник Башкирского государственного университета. 2017. Том 22. № 3. с. 735—739.
8. Солодуб, Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки, 1990. — № 6. — с. 55—65.
9. Фаткуллина, Ф. Г. Фразеологическая картина мира как форма отражения национального менталитета // Сборник «В мире международной русистики» Материалы IV Международной виртуальной конференции «Образовательные технологии в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве». — Ереван, США, Италия, Болонский университет, 2011. — С. 56—64.
10. Чуковский, К. И. Дневник 1930—1969 / К. И. Чуковский. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, Звездный мир, 2003. — 671с.

Сведения об авторе

Латыпова Алия Айратовна — соискатель кафедры башкирской филологии и журналистики, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. kaipkulova1990@mail.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 87—91.*

STRUCTURAL-GRAMMATICAL PARAMETERS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENTS “HEART” AND “SOUL” IN K. CHUKOVSKY’S AND M. KARIM’S DIARIES

A.A. Latypova

Bashkir state University, Ufa, Russia. kaipkulova1990@mail.ru

The article is devoted to the complex analysis of phraseological units with components “heart” and “soul” in the Russian and Bashkir languages. The material of the study is phraseological units (PUs) characteristic of K. Chukovsky’s and M. Karim’s idioms and used in the diaries of these writers. The work is based on the comparative-typological method. The phraseological units extracted from these writers’ diaries were divided into two semantic groups expressing the state and quality of a person. According to the classification of Y. P. Solodov, PUs manifest certain types of cross-language structural-typological correspondences, reflecting the comparability of Russian and Bashkir. The first type consists of PU-equivalents, the second – PUs with incomplete compliance of the first level, the third type – PUs with incomplete compliance of the second level, the fourth type is represented by non-equivalent PUs. Structural and grammatical parameters of PUs are considered. The analysis of verbal, substantive, comparative adjectival, adverbial phraseological units is carried out.

Keywords: *phraseological units, equivalents, nonequivalents, substantive, verbal, comparative adjectival, adverbial.*

References

1. Buyanova, L. Y., Kovalenko, E. G. *Russkij frazeologizm kak mental'no-kognitivnoe sredstvo yazy'kovoj konceptualizacii sfery moral'nyx kachestv lichnosti* [Russian idiom as a mental-cognitive linguistic conceptualization of the sphere of the moral qualities of the person] / L. Y. Buyanova, E. G. Kovalenko. - Krasnodar: Publ., 2004. - 232 p. [in Russ.]
2. Gabbasova, A. R., Fatkullina, F. G. *Yazy'kovaya kartina mira: ee osnovny'e priznaki, tipologiya i funkcii*. [Language picture of the world: its main features, typology and functions] / A. R. Gabbasova, F. G. Fatkullina // *Modern problems of science and education*. - 2013. No. 4. - P. 32. [in Russ.]
3. Zhukov, V.P., Zhukov, A.V. *Russkaya frazeologiya* [The Russian phraseology]. Studies' benefit. - Moscow: Higher school, 2006. - 310 p. [in Russ.]
4. Karimov, I.M., Karimov, A.M. *God bez Mustaya* [Year without Mustay]. M.: “Publishing house Inesh”, 2006. - 216 p. [in Russ.]
5. Nikolenko, I.A. *Bez poezii serdtse ostynet* [Without poetry the heart cool] [Electronic resource] / I.A. Nikolenko. - URL: agidel.ru (accessed: 23.07.2017). [in Russ.]
6. Rakhimkulov, M.G. *Bashkiriya v russkoj literature* [Bashkiria in Russian literature] 1 volume / M. G. Rakhimkulov. - Bash.book.ed., 1998. - 512 p. [in Russ.]
7. Sakaeva, L. R., Fatkullina, F. G., Yalalova, R. R. *Strukturno-grammaticheskaya xarakteristika substantivny'x i ad`ektivny'x frazeologicheskiz edinic, xarakterizuyushhix bolezni-zdorov'e v anglijskom, nemeckom i russkom yazy'kax* [Structural-grammatical characteristic of noun and adjectival frazeologiceskij units characterizing disease-health in English, German and Russian languages] // *Bulletin of Bashkir State University*. 2017. Volume 22. No. 3. p. 735-739. [in Russ.]
8. Sologub, U. P. *Natsionalnaya spetsifika i universalnyye svoystva frazeologii kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [National specificity and universal properties of phraseology as an object of linguistic study] // *Philological Sciences*, 1990. - № 6. - p. 55-65. [in Russ.]
9. Fatkullina, F.G. *Frazeologicheskaya kartina mira kak forma otrazheniya natsionalnogo mentaliteta* [Phraseological picture of the world as a form of reflection of the national mentality] // *The Collection of articles “In the world of international Russian studies”. Proceedings of the IV International virtual conference “Educational technologies in a virtual linguistic-communicative space”*. - Yerevan, United States, Italy, University of Bologna, 2011. - P. 56-64. [in Russ.]
10. Chukovsky, K.I. *Dnevnik 1930-1969* [Diary 1930-1969]. Moscow: OLMA-PRESS Star world, 2003. - 671 p. [in Russ.]

ПРОЯВЛЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВАЦИИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТАХ ГДР И ФРГ (НА ПРИМЕРЕ БИОГРАФИЙ ФРИДРИХА II И МАРТИНА ЛЮТЕРА)

М. К. Мовчан

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Статья рассматривает планы повествовательной точки зрения, реализуемые в текстах исторических биографий, написанных в ГДР и ФРГ. Выявлено доминирование нарраториальной точки зрения на всех планах, реализующейся в выборе деталей, грамматических показателей, оценке и др. Персональная позиция манифестируется в оценочности, цитации, дейксисе и др.

Ключевые слова: *нарратив, перспектива, точка зрения, исторический дискурс, биография.*

Основополагающим принципом, по которому строится нарративное высказывание, является перспективация, т. е. «преломление действительности с той или другой точки зрения» [9. С. 161]. Не случайно одним из важнейших критериев нарративности является критерий повествовательной перспективы. Сама же перспектива есть отношение между точкой зрения (ТЗ) и повествуемыми событиями [1. С. 321—322; 9. С. 121, 299; 25. С. 82].

Особый интерес представляет проблема ТЗ по отношению к фактуальным текстам, которыми являются, в частности, труды историков. Хотя любой исторический текст претендует на объективность [7. С. 204], уже сама постановка исторического вопроса предполагает личный взгляд историка, поскольку вопрос ставится с позиции того времени, в котором живёт историк. В связи с этим надёжность исторического нарратива с эпистемологической позиции может подвергнуться сомнению [4. С. 79, 155; 11. С. 259, 276; 18. С. 329; 23. С. 336].

ТЗ в нарративе является сложной структурой, в которой выделяют пять планов:

1) перцептивный (отвечающий на вопросы: «Чьи глаза видят мир в повествовании? Кто выбирает детали в рассказе?»);

2) идеологический (план оценки);

3) пространственный (организация пространства в зависимости от нарраториальной позиции);

4) временной (передача времени в повествовании, определяемая нарративной дистанцией);

5) языковой (лексические и грамматические средства, используемые для передачи речи нарратора и персонажей) [8. С. 9—11; 9. С. 122—126].

В отличие от художественных (фикциональных) текстов, в фактуальных текстах ТЗ обычно не изучается так детально, хотя ей также уделяется внимание в исследованиях, посвящённых историческому нарративу. В частности, информационные лакуны связываются при этом с умолчанием о фактах, которые в других текстах могут присутствовать [3. С. 228; 25. С. 73—74]. Кроме того, ТЗ определяет пристрастность исторического нарратива, зависящую не только от убеждений самого историка, но и от господствующих в обществе взглядов, в том числе и политических [5; 13; 20; 22; 24]. В связи с этим, актуальным является изучение разных планов ТЗ, их языкового аспекта, в исторических нарративах, принадлежащих различным дискурсным формациям, в частности, созданных в ГДР и ФРГ с 1949 по 1990 гг.

ТЗ может быть постоянной и варьирующейся, может принадлежать нарратору или какому-либо персонажу (т. е. быть нарраториальной и персональной). При исследовании исторического нарратива более предпочтителен термин «историограф», чем нарратор [9. С. 65, 163], поэтому, говоря о нарраториальной ТЗ в исторических трудах, мы будем иметь в виду ТЗ историографа.

По В. Шмиду, в фактуальном тексте находит реализацию только нарраториальная ТЗ [9. С. 126]. Так, в биографиях прусского короля Фридриха II и Мартина Лютера, написанных западногерманскими историками К. О. фон Аретином («*Friedrich der Große: Größe und Grenzen des Preußenkönigs: Bilder und Gegenbilder*»), Ф.-В. Кантценбахом («*Martin Luther: Der bürgerliche Reformator*») и восточногерманскими историками И. Миттенцвай («*Friedrich II.*

von Preußen: Eine Biographie») и Г. Брендлером («Martin Luther: Theologie und Revolution»), в первую очередь можно проследить именно ТЗ историографа. Однако в этих текстах реализуется и персональная ТЗ, чередующаяся или пересекающаяся с нарраториальной. Реализации обеих ТЗ прослеживаются на каждом из пяти планов.

Перцептивный план

Перцептивная ТЗ в первую очередь проявляется в выборе деталей и эпизодов. Это особенно важно для «параллельных» биографий: что сообщают разные авторы об одной и той же исторической личности, а о чём по какой-либо причине умалчивают.

Так, в обеих биографиях Фридриха отдельные эпизоды и характеристики представлены одинаково подробно. К ним относятся: эпизод с делом о мельнице [10. С. 113; 21. С. 209—211], вечера в резиденции Сан-Суси [10. С. 125; 21. С. 174—175] и др. В биографиях Лютера это эпизод с грозой, побудившей его стать монахом [12. С. 25; 17. С. 19], появление на свет «95 тезисов» (с пояснениями по поводу того, были ли они на самом деле приколоты к дверям церкви) [12. С. 107; 17. С. 27] и др.

Однако есть фрагменты повествуемой реальности, представленные только в одной из «параллельных» биографий. Так, в биографиях Фридриха это визит И. С. Баха в Сан-Суси [10. С. 70—71] или характеристика отношения Фридриха к немецкому языку как к «неблагозвучному» [21. С. 219—220]. В биографиях Лютера это, например, более подробное повествование об учении «героя» [12. С. 13—15], его знакомстве с будущей женой, о её победе из монастыря у Брендлера [12. С. 362—363]. Ф. В. Кантценбах признаёт неизученность работ Лютера с 1509 по 1519 гг. [17. С. 22], в то время как Г. Брендлер не упоминает ни о какой лакуне и основной акцент при передаче событий этого периода делает на беспорядках в обществе [12. С. 41—47]. Возможно, отсутствие лакуны у Брендлера связано с тем, что его труд был написан позже и, следовательно, проблема на тот момент могла быть изучена другими историками и теологами более детально. В целом можно сказать, что тексты восточногерманских авторов отличаются большей подробностью и обширностью.

В каждой из анализируемых биографий отобранные события и их характеристики представлены преимущественно с нарраториальной ТЗ. Она манифестируется в следующих средствах:

1) использовании цифровых данных, например, о численности армии: «21500 Österreicher, darun-

ter 307 Offiziere, gingen in die Gefangenschaft» [10. С. 80]; «Der Schwäbische Bund... warf mit einem Heer von 1300 Landsknechten und 1500 Reitern... die Parteiläufer Sickingens nieder...» [12. С. 301];

2) использовании лексем со значением «казаться, производить впечатление», в первую очередь глагола *scheinen*, в настоящем времени (пересечение с временным планом): «...**scheint** der Weg zur Lösung darin zu bestehen, dass Luther nicht das Erscheinen an sich, sondern nur die massenweise Verbreitung der Thesen ohne seinen Willen bedauerte» [17. С. 28];

3) причинности, выражающейся следующими средствами;

— союзами и предлогами со значением «потому что / из-за»: «Die Wirklichkeit dieser despotischen Herrschaft, die nicht **wegen** der unfähigen Mitarbeiter notwendig war, sondern **weil** Friedrich unfähig war, anders zu regieren, sah anders aus» [10. С. 126]; «...spitzten sich <...> die Verhältnisse in anderen Bereichen zu. Das bekamen <...> Verleger und Buchhändler zu spüren, **denn** die Zensur <...> wurde verschärft» [21. С. 70] и др.;

— глаголами со значениями причины («способствовать», «быть обязанным» и т. д.): «...**indem** er [Luther. — *M. M.*] <...> neue Fronten aufriss und verdeutlichte, **hatte** er die Bewegung **vorangetrieben**» (также наречие *indem*) [12. С. 376]; «Die **verdankten** ihren Erfolg dem tapferen Ausharren ihrer Infanterie...» [10. С. 44] и др.;

— существительными со значением причины, следствия или воздействия: «Das politische Gewicht der Reichsstände war die **Ursache**, die den Kaiser für eine Anhörung Luthers gewann» [17. С. 46]; «Die <...> Berliner hatten <...> keinen **Grund** zu lauter Freude. Den Bürgern und Bauern <...> ging es denkbar schlecht...» [21. С. 9] и др.

Персональная ТЗ в перцептивном плане манифестируется главным образом в «глаголах внутренних процессов» [15. С. 78—79] и лексических единицах иных частей речи, также обозначающих когнитивную деятельность: «...bedrängte ihn [Luther. — *M. M.*] der Gedanke, das Papsttum sei der Antichrist...» [12. С. 161]; «Das Jahr 1520 war insofern ein Entscheidungsjahr, als... Luther auf ihn [Den Kaiser. — *M. M.*] große **Hoffnungen setzte**» [17. С. 31] и др. В то время как К. Хамбургер заявляет о неуместности подобных средств в историческом повествовании [15. С. 78—79], В. Шмид высказывает компромиссный взгляд. Он утверждает, что фактуальный текст может содержать единицы со значением когнитивной деятельности при наличии ссылок на источники, которые могли бы подтвердить,

что исторический персонаж действительно о чём-то думал или чего-то желал. Если же ссылок на источники нет, то подобные утверждения о когнитивной деятельности персонажа являются лишь предположениями [9. С. 30]. О правомерности употребления глаголов и иных обозначений «внутренних процессов» в историческом нарративе говорит и Е. В. Мишалова, даже подчёркивая необходимость их использования. Историк, по её утверждению, неизбежно имеет дело с интенциональным поведением людей и поэтому использует при повествовании об этом поведении «интенциональные» слова, выражающие намерения, цели и желания исторических личностей [6. С. 171—172]; ср. также [4. С. 71].

Стоит заметить, что в исторических нарративах прослеживаются ТЗ не только отдельных персонажей, но и групп людей, объединённых по социальному или национальному признаку — «социальных индивидов» [2. С. 252—253] или «квази-персонажей» [7. С. 210]. Для М. Яна подобные случаи являются «коллективной фокализацией» [16. С. 48]. Например: «Es war <...> kein reines Missverständnis, dass die Bauern... in den Theologen ihre Schiedsrichter **erkennen wollten**» (совмещение ТЗ крестьян и нарратора («не было недоразумением, что...»)) [17. С. 60]; «Österreich **hatte gehofft**, seinen Verbündeten Frankreich mobilisieren zu können...» [10. С. 120] (государства выступают как персонажи, и передаются их «чувства»).

Идеологический план

В исторических нарративных текстах идеологическая ТЗ также является главным образом нарраториальной. Она манифестируется при помощи эмоционально-оценочной лексики и выразительных средств, например: «Die letzte Aufzeichnung Luthers <...> kann **nicht besser ausdrücken**, was den Auftrag **dieses großen Bürgers** in zwei Welten ausgemacht hatte...» [17. С. 80] (не только работа Лютера получает положительную оценку, но и он сам оценивается как «великий гражданин»); «An seiner Einmaligkeit **hat Friedrich nie gezweifelt**» [10. С. 107] (несмотря на использование глагола *zweifeln* (сомневаться) по отношению к Фридриху, ирония историографа по поводу самомнения монарха позволяет обозначить ТЗ как нарраториальную).

Идеологический план нарраториальной ТЗ также реализуется в приверженности нарратора каким-либо идеям, политическим или иным. О политических идеях правомерно говорить прежде всего в связи с текстами, написанными в ГДР.

В них события и персонажи оцениваются в марксистско-ленинском ключе, при помощи антонимичных предикатов типа «прогрессивный / реакционный»: «Friedrich II. war <...> klug und geistreich bis zum Sarkasmus auf der einen und **konservativ undreaktionär** <...> auf der anderen Seite» [21. С. 53]; «Die den **Fortschritt** ermöglichenden Germanen <...> waren Barbaren in jedem Sinne des Wortes...» [12. С. 22].

В текстах западногерманских авторов приверженность конкретным политическим идеологиям не прослеживается, однако идеологии могут подвергаться критике. Такова биография Мартина Лютера, написанная Ф. В. Кантценбахом и критически оценивающая трактовку образа Лютера марксистами. Данный историограф не считает правомерным оценивать деятельность реформаторов исходя из категорий «прогрессивный / реакционный», «буржуазный / пролетарский», полагая данные категории неподходящими для изучаемой эпохи: «Nun sind derartige Kategorien wie «proletarisch» oder «bürgerlich» kaum bruchlos aus dem Selbstverständnis des 19. oder 20. Jahrhunderts in die Zeit Luthers zurückzuprojizieren» [17. С. 50].

Работа Ф. В. Кантценбаха не является идеологически нейтральной и потому, что в ней подчёркивается значимость современных историографу демократических ценностей, зародившихся, по его мнению, в эпоху Просвещения: «...die Unterschiede zwischen den Menschen sind durch die Entwicklung der Menschenrechte in der Zeit der Aufklärung, durch das demokratische Freiheitsdenken, das die Moderne prägt, aufgehoben» [17. С. 34].

Для текста К. О. фон Аретина не характерны указания на политические идеологии и теории, но в нём можно предположить наличие отсылок к психоанализу. В частности, проблемное отношение Фридриха к женщинам, возможно, объясняется именно с психоаналитической позиции: «[Friedrichs] **überstarke Bindung** an die Mutter und die Schwestern sowie seine **geradezu krankhafte Abneigung** gegen Verheiratete in seiner Umgebung gehören zu seinem **gestörten Verhältnis zum weiblichen Geschlecht**» [10. С. 39].

Ф. В. Кантценбах открыто подвергает идеи психоанализа критике, не лишённой эмоциональной оценки. Ср. вводную главу о различных подходах к образу Лютера: «Von verschiedenen Männern, die Luther als Freunde oder Feinde begegnet sind, ist am besten auszugehen, um sich im Streit um Luthers Werk nicht auch noch seine Person zum Mythos, zum medizinischen Fall, zum psychopathologischen

Problem verstellen zu lassen, an dem sich Poeten und **Psychoanalytiker** — **warum auch nicht!** — versuchen mögen, während dem, der sich solcher **aristokratischen** Sehweisen enthält, eigentlich nur unsicheres Tasten nach der Wahrheit übrigbleibt...» [17. С. 8]. Психоанализ приводится здесь как один из способов интерпретации истории, однако историограф относится к нему скептически и иронически. На это указывает эпитет *aristokratisch* с усилением *solch-*, а также тот факт, что психоаналитики стоят в трактовке автора на одной ступени с «поэтами» и им противопоставлена позиция «настоящего» историка, опирающегося на свидетельства современников и стремящегося к «правде» (*Wahrheit*).

Персональная ТЗ в идеологическом плане, как и нарраториальная, в первую очередь манифестируется при помощи эмоционально-оценочной лексики: «Der König sah in dem Sohn <...> einen **verlogenen Verschwender**, der sich mit **Schach- und Winkelzügen** hinterrücks den Anordnungen des Vaters widersetzte» [10. С. 34] (об отношениях Фридриха с отцом); «...die **alten Graubärte in der Theologie** schüttelten bedenklich ihr Haupt...» (о противниках Лютера и его «Тезисов») [12. С. 174] и др.

Персональная ТЗ в данном плане также может быть коллективной, например: «...von dem gelöst wirkenden, musikalischen und heiteren Studenten Luther, der **auf seine Studiengenossen sehr normal gewirkt hat, hätte man einen solchen Lebensentschluss doch nicht erwartet**» [17. С. 20] — о реакции соучеников Лютера на его уход в монастырь (коллективная ТЗ выражена не только словом *Studiengenossen* (товарищи по учёбе), но и неопределённо-личным местоимением *man*).

Пространственный план

В историческом нарративе данный план особенно сложен для выделения и анализа. Трудность составляет определение места действия, что в первую очередь относится к фрагментам, посвящённым дипломатическим, военным действиям, политическим интригам с участием нескольких государств. В таких случаях государства сами выступают как «социальные индивиды», что создаёт дополнительную сложность при определении места действия и, возможно, даёт право говорить о некоей обобщённой локации — «международной арене».

При повествовании о перемещениях в пространстве (например, о военных походах или путешествиях с целью богословских диспутов) пространственный план выражается более чётко: при по-

мощи географических названий. Однако в таких фрагментах события передаются в ускоренном темпе (*Zeitraffung*), и указываемые в повествовании места быстро сменяют друг друга. В этих случаях мы наблюдаем пересечение пространственного и временного планов.

При повествовании о повседневной жизни место действия лучше поддаётся определению. В биографиях Фридриха, например им является либо всё государство в целом, либо более конкретные места, в частности, Берлин или Потсдам [10. С. 33—39, 40—41, 68, 108—110; 21. С. 21—23, 38—41, 68—70, 80].

Данные особенности относятся к нарраториальной ТЗ и характеризуются наличием нарративной дистанции. Однако при переходе на персональную ТЗ указания на пространство становятся более определёнными. Например: «Als das Wormser Edikt erschien, hatte Luther schon seine erste Eingewöhnungszeit auf der **Wartburg** hinter sich. Die Umstellung war ihm **nicht ganz leichtgefallen**» [12. С. 247] (пересечение пространственного плана с перцептивным, включающим эмоции Лютера в Вартбурге).

Персональная ТЗ в пространственном плане принадлежит и «социальным индивидам», например: «Viele Franzosen **wussten** gar nicht so recht, wo **dieses** Berlin eigentlich lag...» [10. С. 8] (показатели — глагол *wissen* (знать) и дейктик со стилистически сниженным оттенком («этот Берлин»)).

Временной план

При рассмотрении временного плана необходимо иметь в виду параметры порядка действий, их длительности и частоты в зависимости от чьего-либо восприятия, а также различие в знании о событиях: каким и на каком этапе оно является у нарратора и персонажей [9. С. 124; 19. С. 136—155].

Временной план анализируемых исторических текстов также преимущественно относится к нарраториальной ТЗ. Грамматическим показателем позиции историографа является не только прошедшее время (претерит), создающее нарративную дистанцию, но и настоящее время (презент), указывающий на временную позицию самого историографа, его современников и адресатов. Для подобных случаев характерна диалогичность: при помощи настоящего времени, а также объединяющего местоимения «мы», нарратор вовлекает адресата в диалог, «приглашая» к рассуждению о ходе истории: «**Liest man** Friedrichs Briefwechsel aus diesen Tagen, **stellt sich der Eindruck ein**, als

haben er für nichts anderes als für Vergnügen <...> Zeit gefunden» [21. С. 69]; «**Wir dürfen** das Jahr 1519/20 als das Wendejahr in der Auffassung von Kirche und Konzil bei Luther ansehen» [17. С. 36] и др.

В любом историческом нарративе присутствует такой показатель нарраториального времени, как наличие дат. При этом важно отметить, что соблюдение хронологического порядка в нарративе не является обязательным [9. С. 159]. Перестановка событий, использование аналепс (возвращения назад) и пролепс («забегания» вперёд) также характеризует нарраториальную ТЗ.

Перспективные элементы (пролепсы) сигнализируют об осведомлённости историографа: ему/ей известно, что произойдёт в дальнейшем и что произошло ранее, а персонаж не может обладать такими знаниями в полной мере. Например: «**Dreiundzwanzig Jahre** <...> **hatte Friedrich noch vor sich**, als er <...> aus dem Krieg heimkehrte» [10. С. 106]; «...er [Luther. — М. М.] **ahnte nicht**, welchen Sturm die 95 Thesen des Jahres 1517 **auslösen sollten**» [17. С. 26].

Особенностью отдельных пролепс в историческом повествовании является отсылка ко времени рассказывания. Грамматически такие пролепсы характеризуются использованием настоящего времени и дейктиков, например: «**Liest** man diese 27 Punkte **heute**, so **empfindet** man sie <...> als zeitgebunden» (об одной из работ Лютера) [17. С. 36].

Говоря о временном плане, следует также упомянуть итерацию [14. С. 73], используемую для повествования о повседневной жизни «героев», например: «Im Haushalt ging es <...> sparsam zu. Gäste fanden stets im großzügiger Weise Aufnahme und Versorgung <...> Bei Tisch sprach Luther „über Gott und die Welt“» [17. С. 77].

В случаях, когда историограф останавливается подробнее на том или ином эпизоде, время рассказывания увеличивается. Так, в повествовании о значимом для Лютера моменте, диспуте в Вормсе, указывается даже время по часам и сообщаются дополнительные детали: «Am Dienstag, dem 16. April 1521, **vormittags gegen 10 Uhr**, rollten Luther und seine Begleiter <...> durch das Martinstor nach Worms hinein <...> An die hundert berittene Edelleute hatten <...> ihm das Geleit gegeben <...> Trompeten verkündeten das Ereignis...» [12. С. 233].

Указание на время суток, день и час может сигнализировать и о персональной ТЗ: «**Am 22. Oktober** wurde ein Kriegsgericht berufen <...> Der Tod des Freundes war die <...> schrecklichste Lektion, die er [Der Vater. — М. М.] sich für ihn [Friedrich. —

М. М.] ausgedacht hatte <...> Der Kronprinz war Augenzeuge des Verbrechens. In **höchster nervlicher Erregung** <...> verbrachte er die nächsten **Stunden und Tage**» [21. С. 22—23] (о персональной ТЗ свидетельствует и передача эмоций, что позволяет говорить о пересечении с перцептивным планом).

Языковой план

Языковой план находит проявление в лексических, грамматических и стилистических средствах, отличающих либо нарратора, либо персонажей [9. С. 144]. Однако в историческом нарративе звучат «голоса» не только историографа и персоналий, но и других историков, чьи работы цитируются прямо или косвенно [10. С. 100, 108, 125, 127—128, 145; 12. С. 290, 313; 17. С. 11, 21, 48; 21. С. 79, 81, 144, 157] и др. Поскольку эти цитаты выбирает историограф, их правомерно отнести к нарраториальной ТЗ.

На ТЗ историографа указывает и лексика, в частности, специфические термины, к которым даются пояснения: «... eine sog. **Kreisassoziation**, d. h. einen freiwilligen Zusammenschluss der Reichskreise...» [10. С. 47]; «...**artes** bedeutet nicht nur Künste; es ist auch die <...> Bezeichnung für die Handwerke» [12. С. 21]. В связи с последним примером заметим также, что для биографий Лютера в целом характерно использование латинских терминов и вкраплений, характеризующих развитие научной и теологической мысли в его эпоху.

Нарраториальной ТЗ принадлежат различные эмоционально-оценочные средства, в которых языковой план пересекается с идеологическим. Среди них наиболее яркими являются повторы, также на словообразовательном уровне и связанные с игрой слов: «**Auch** in künstlerischen Fragen erstarrte sein [Friedrichs. — М. М.] **Urteil** in alten **Vorurteilen**...» [10. С. 145]; «**Wieder** will Luther der Klarheit der Heiligen Schrift <...> nichts genommen wissen. **Wieder** verteidigt er das christliche Mysterium. **Wieder** kümmert er sich <...> nicht um die kirchlichen und politischen Folgen...» [17. С. 67] и др.

Персональная ТЗ (и её наложение на нарраториальную) также находит выражение в эмоционально-оценочной лексике: «Die Herren vom Allerheiligenstift **stellten sich auf die Hinterbeine**, hielten die römische Messe <...> Das **Ärgerlichste** <...> war, dass sie sich dabei des Rückhaltes beim Kurfürsten erfreuen konnten» [12. С. 305] (пренебрежительное отношение к противникам («встали на задние ноги») и досада по поводу их действий характеризуют ТЗ Лютера).

Кроме того, персональная ТЗ манифестируется в цитатах персонажей. При косвенном цитировании нарраториальная ТЗ накладывается на персональную: «Kriege sind den Musen feindlich, **konstatierte** der Mann, der bis dahin vier Kriege führte...» [21. С. 218] (здесь нарраториальной ТЗ также присуща ирония, основанная на противопоставлении слов и дел Фридриха); «Johannes Cochlaeus, Luthers <...> Gegner, **höhte**: Ganz Deutschland weint und klagt, Luther aber hält Hochzeit» [17. С. 62] и др.

Выводы

При анализе четырёх «параллельных» биографий, принадлежащих историческим дискурсам ГДР и ФРГ, было установлено, что важнейшую роль в историческом нарративе играет перспективация, предполагающая наличие определённой точки зрения. Точка зрения, нарраториальная или персональная, включает пять планов: перцептивный, идеологический, пространственный, временной и языковой. Возможны как пересечения между планами, так и наложения одной ТЗ на другую.

Установлено, что во всех пяти планах анализируемых историко-биографических текстов преобладает нарраториальная ТЗ. Однако в историческом повествовании присутствуют и элементы персональной ТЗ, принадлежащей не только отдельным действующим лицам, но и «социальным индивидам».

В перцептивном плане нарраториальная ТЗ манифестируется в выборе событий и деталей, использовании точных цифр и лексических единиц со значением причинности и кажимости. Персональная ТЗ находит выражение в лексике, обозначающей мысли и чувства.

Основным проявлением идеологического плана является эмоционально-оценочная лексика, характерная как для нарраториальной, так и для персональной ТЗ. Кроме того, нарраториальная ТЗ реализуется в отсылках к популярным теориям или их критике.

В пространственном плане нарраториальная ТЗ реализуется в неопределённости места действия или частой его смене, а персональная — в дейктивных средствах и более конкретных характеристиках места в целом.

Во временном плане нарраториальная ТЗ манифестируется в глагольных временах (прошедшем и настоящем), исторических датах и нарушении хронологии. Персональная ТЗ находит отражение в точных указаниях на время и в увеличении времени рассказывания.

В языковом плане нарраториальная ТЗ реализуется в терминах и эмоциональной лексике, а также в цитировании других историков. Цитаты исторических персонажей и эмоционально-оценочные лексические средства являются средствами выражения персональной ТЗ.

Особенностью исторических нарративов является наличие позиции «квази-персонажей»: коллективов, обладающих единой ТЗ.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (госзадание № 34.12771.2018/12.2) и службы *Deutscher Akademischer Austauschdienst* (стипендия по программе *Immanuel Kant, Linie A* № 91688584).

Список литературы

1. Андреева, В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): дис. ... д. филол. наук / В. А. Андреева. — СПб., 2009. — 361 с.
2. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 292 с.
3. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 308 с.
4. Дройзен, И. Г. Историка / И. Г. Дройзен. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 584 с.
5. Корнева, Л. Н. Германский фашизм: немецкие историки в поисках объяснения феномена национал-социализма (1945—90-е годы) / Л. Н. Корнева. — Кемерово: КемГУ, 1998. — 128 с.
6. Мишалова, Е. В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания / Е. В. Мишалова // Эпистемология и философия науки. — 2012. — Т. XXXI, № 1. — С. 157—173.
7. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1 / П. Рикёр. — М., СПб.: Университетская книга, 1998. — 313 с.
8. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. — СПб.: Азбука, 2000. — 348 с.
9. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.
10. Aretin, K. O. von. Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs / K. O. von Aretin. — Freiburg: Herder, 1985. — 173 S.

11. Baumgartner, H. M. Erzählung und Theorie in der Geschichte / H. M. Baumgartner // Theorie und Erzählung in der Geschichte / J. Kocka & Th. Nipperdey (eds.). München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 259—289.
12. Brendler, G. Martin Luther. Theologie und Revolution / G. Brendler. — Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1983. — 452 S.
13. Brinks, J. H. Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit / J. H. Brinks. — Frankfurt, New York: Campus Verlag, 1992. — 342 S.
14. Genette, G. Die Erzählung / G. Genette. — Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2010. — 283 S.
15. Hamburger, K. Die Logik der Dichtung / K. Hamburger. — München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987. — 302 S.
16. Jahn, M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative / M. Jahn. — Cologne: English Department, University of Cologne, 2017. — 100 p.
17. Kantzenbach, F.-W. Martin Luther. Der bürgerliche Reformator / F.-W. Kantzenbach. — Göttingen: Musterschmidt, 1972. — 104 S.
18. Koschorke, A. Wahrheit und Erfindung. Grundzüge einer Allgemeinen Erzähltheorie / A. Koschorke. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012. — 480 S.
19. Lahn, S. Einführung in die Erzähltextanalyse / S. Lahn, J. Chr. Meister. — Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2013. — 324 S.
20. Mertens, L. Priester der Klio oder Hofchronisten der Partei? Kollektivbiographische Analysen zur DDR-Historikerschaft / L. Mertens. — Göttingen: V&R Unipress, 2006. — 179 S.
21. Mittenzwei, I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie / I. Mittenzwei. — Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1987. — 250 S.
22. Mommsen, W. J. Der perspektivische Charakter historischer Aussagen und das Problem von Parteilichkeit und Objektivität historischer Erkenntnis // W. J. Mommsen // Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft / R. Koselleck, W. J. Mommsen, J. Rüsen (eds.). München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. S. 441—468.
23. Patzig, G. Das Problem der Objektivität und der Tatsachenbegriff / G. Patzig // Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft / R. Koselleck, W. J. Mommsen, J. Rüsen (eds.). München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1977. S. 319—336.
24. Rüsen, J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason / J. Rüsen // History and Theory. — 1987. — Vol. 26. — P. 87—97.
25. Viehöver, W. Erzählungen im Feld der Politik, Politik durch Erzählungen. Überlegungen zur Rolle der Narrationen in den politischen Wissenschaften / W. Viehöver // Politische Narrative. Konzepte — Analysen — Forschungspraxis / F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz (eds.). Wiesbaden: Springer, 2014. S. 67—91.

Сведения об авторе

Мовчан Марина Константиновна — аспирант кафедры немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, и сотрудник кафедры английского языка НГУ, Новосибирск, Россия. mmovchan3@gmail.com.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 92—100.*

PERSPECTIVATION IN BIOGRAPHICAL NARRATIVE TEXTS WRITTEN IN THE GDR AND FRG (AS EXEMPLIFIED BY FREDERICK II'S AND MARTIN LUTHER'S BIOGRAPHIES)

M. K. Movchan

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. mmovchan3@gmail.com.

The article deals with the five planes of the narrative point of view originally singled out by B. A. Uspenskiy and W. Schmid for fictional narrative and realized in historical biographies created in the GDR and the

FRG. It is established that in all the five planes the narratorial, i. e. the historian's, point of view predominates. This point of view is realized through selecting details, grammatical means, evaluations etc. However, the personal point of view can also be observed and is presented not only by the historical personalities' positions but also in the so-called "collective" viewpoints that belong to whole groups of characters (national or social). The personal points of view are manifested in evaluative means, words denoting thoughts and feelings (e. g. "verbs of inner processes"), quotations, deixis etc. Both points of view may overlap.

Keywords: *narrative, perspective, point of view, historical discourse, biography.*

References

1. Andreeva, V.A. *Tekstovyye i diskursnyje parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoj nemeckojazychnoj prozy): dis. ... d. filol. nauk* [Textual and discursive parameters of literary narrative (as exemplified by modern German prose). Thesis]. Saint Petersburg, 2009. (In Russ.).
2. Danto, A. *Analiticheskaja filosofija istorii* [Analytical philosophy of history]. Moscow, Idea-Press, 2002. 292 p. (In Russ.).
3. Dijk, T.A. van. *Jazyk. Poznanije. Kommunikacija* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Baudouin de Courtenay Publ., 2000. 308 p. (In Russ.).
4. Droysen, J.G. *Istorika* [Historics]. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2004. 584 p. (In Russ.).
5. Korneva, L.N. *Germanskij fashizm: nemeckije istoriki v poiskakh objasnenija fenomena nacional-socializma (1945–90-je gody)* [Germanic fascism: German historians searching for the explanation of the Nazi phenomenon (1945 up to 1990's)]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 1998. 128 p. (In Russ.).
6. Mishalova, Je.V. *Istoricheskij narrativ kak forma organizacii i reprezentacii istoricheskogo znanija* [Historical narrative as the form of knowledge organization and representation]. *Epistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2012, Vol. XXXI, no. 1, pp. 157–173. (In Russ.).
7. Ricoeur, P. *Vremja i rasskaz* [Time and narrative]. Vol. 1. Moscow, Saint Petersburg, *Universitetskaja Kniga* [University Book] Publ., 1998. 313 p. (In Russ.).
8. Uspenskij, B.A. *Poetika kompozicii* [The poetics of composition]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russ.).
9. Schmid, W. *Narratologija* [Narratology]. Moscow, *Jazyki slavjanskoj kultury* [The Languages of the Slavic Culture] Publ., 2003. 312 p. (In Russ.).
10. Aretin, K.O. von. *Friedrich der Große. Größe und Grenzen eines Preußenkönigs*. Herder, Freiburg, 1985. 173 p. (In German).
11. Baumgartner, H.M. *Erzählung und Theorie in der Geschichte. Theorie und Erzählung in der Geschichte*. J. Kocka & Th. Nipperdey (eds.). Deutscher Taschenbuch Verlag, Munich, 1979. Pp. 259–289. (In German).
12. Brendler, G. *Martin Luther. Theologie und Revolution*. VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin, 1983. 452 p. (In German).
13. Brinks J.H. *Die DDR-Geschichtswissenschaft auf dem Weg zur deutschen Einheit*. Campus Verlag, Frankfurt, New York, 1992. 342 p. (In German).
14. Genette, G. *Die Erzählung*. Wilhelm Fink Verlag, Paderborn, 2010. 283 p. (In German).
15. Hamburger, K. *Die Logik der Dichtung*. Deutscher Taschenbuch Verlag, Munich, 1987. 255 p. (In German).
16. Jahn, M. *Narratology: A Guide to the Theory of Narrative*. English Department, University of Cologne, Cologne, 2017. 100 p.
17. Kantzenbach, F.-W. *Martin Luther. Der bürgerliche Reformator*. Musterschmidt, Göttingen, 1972. 104 p. (In German).
18. Koschorke, A. *Wahrheit und Erfindung. Grundzüge einer Allgemeinen Erzähltheorie*. S. Fischer Verlag, Frankfurt/Main, 2012. 480 p. (In German).
19. Lahn, S., Meister, J.Chr. *Einführung in die Erzähltextanalyse*. Verlag J. B. Metzler, Stuttgart, Weimar, 2013. 324 p. (In German).
20. Mertens, L. *Priester der Klio oder Hofchronisten der Partei? Kollektivbiographische Analysen zur DDR-Historikerschaft*. V&R Unipress, Göttingen, 2006. 179 p. (In German).
21. Mittenzwei, I. *Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie*. VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, Berlin, 1987. 250 p. (In German).

22. Mommsen, W.J. Der perspektivische Charakter historischer Aussagen und das Problem von Parteilichkeit und Objektivität historischer Erkenntnis. *Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft*. R. Koselleck, W.J. Mommsen, J. Rüsen (eds.). Deutscher Taschenbuch Verlag, Munich, 1977. Pp. 441–468. (In German).
23. Patzig, G. Das Problem der Objektivität und der Tatsachenbegriff. *Objektivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft*. R. Koselleck, W.J. Mommsen, J. Rüsen (eds.). Deutscher Taschenbuch Verlag, Munich, 1977. Pp. 319–336. (In German).
24. Rüsen, J. Historical Narration: Foundation, Types, Reason. *History and Theory*, 1987, vol. 26. Pp. 87–97.
25. Viehöver, W. Erzählungen im Feld der Politik, Politik durch Erzählungen. Überlegungen zur Rolle der Narrationen in den politischen Wissenschaften. *Politische Narrative. Konzepte – Analysen – Forschungspraxis*. F. Gadinger, S. Jarzebski, T. Yildiz (eds.). Springer, Wiesbaden, 2014. Pp. 67–91. (In German).

МЕДИЦИНСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМ И СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФУНКЦИИ

С. И. Маджаева, Е. Ю. Гагарина

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

Статья посвящена рассмотрению медицинского интернет-форума и социальной сети как актуальных способов обсуждения информации. Выявляются основные характеристики медицинского интернет-форума и общения в социальной сети, определяются их задачи и функции. Утверждается, что вербальное содержание медицинского интернет-форума и социальной сети отражает важные аспекты коммуникации врача и пациента, публикуемый в их рамках текст имеет коммуникативную установку на конкретного адресата.

Ключевые слова: *Интернет, интернет-дискурс, интернет-коммуникация, коммуникативная установка, медиасреда, медицинский интернет-форум, самопрезентация, социальная сеть.*

Для современного этапа развития общества характерна возрастающая роль информационной сферы, резкое увеличение потока информации во всех областях профессиональной деятельности человека. Интерес к медиасреде в качестве источника информации охватил абсолютно все возрастные категории людей. Интернет-коммуникация все чаще заменяет очное общение, что в некоторых случаях формирует новую сферу информационного взаимодействия, так как Интернет является многогранным инструментом хранения, переработки, передачи информации, что существенным образом изменило образ жизни членов общества. Сегодня сеть Интернет по праву можно считать информационным хранилищем и «мировым разумом». Интернет влияет на сознание человека, следовательно, инициирует изменения в обществе. Являясь одним из ведущих каналов общения, который воздействует на картину мира людей, он выступает значимым фактором изменений в языке, в поведении и структуре языковой личности.

Компьютерная коммуникация анализировалась в работах А. Г. Аврамовой, С. Н. Антоновой, Е. Н. Галичкиной, Е. Ю. Гагариной, Е. И. Головановой, В. М. Громовой, К. В. Овчаровой и других. Значимость лингвистических исследований данного рода обусловлена принципами организации системы современных информационных технологий. В настоящее время человек использует различные гаджеты с наличием множества чатов (Viber, WhatsApp, Telegram), персонализируя себя, задавая новые уровни самоидентификации и самопрезентации, осуществляя общение в заданном формате.

По определению Е. Н. Галичкиной, интернет-коммуникация представляет собой пространство, которому присущи «специфический язык (аббревиатуры, смайлики, краткие предложения), специфические нормы взаимодействия (раскрепощенность), избирательная трансляция» [2. С. 11]. В связи с этим в интернет-форуме и социальной сети реализуется особый вид дискурса — интернет-дискурс, определяемый как письменное коммуникативное взаимодействие людей в рамках интернет-общения, имеющего интерактивный характер. Мы считаем, что понятия интернет-дискурс и интернет-коммуникация равнозначны, так как это коммуникативное взаимодействие, возможное при наличии Интернета, где значимы не только канал сообщения, количество коммуникантов, код и форма общения, но еще и профессиональная принадлежность его участников.

Нельзя не отметить такой важный аспект интернет-коммуникации, как ее жанровая составляющая [6]. Интернет-форум и общение в социальной сети являются жанрами компьютерной коммуникации. Мы придерживаемся классического подхода к определению жанров и выделяем три их признака: тема, стиль и композиция.

Интернет-форум является одним из самых распространенных способов обсуждения актуальных вопросов во Всемирной паутине. Это сайт, где можно вступить в дискуссию и получить интересующую информацию. Участники интернет-форума подбираются в соответствии с их интересами. Интернет-форум тематичен, имеет название (или имя), его тематика строго определена правилами. Каждый участник форума проходит процедуру

персонализации: указывает свое реальное имя или ник, статус, возраст.

Принимая во внимание, что интернет-форум не является одномоментным общением в сети Интернет и имеет фиксированную форму речи, а также то, что это публичная и общедоступная площадка для обмена мнениями, мы предлагаем различать два вида форумов: 1) с участием квалифицированных специалистов, которые готовы ответить на поднятые в ходе общения вопросы, и 2) общий форум, где на заданную тему ведется переписка между интернет-пользователями в стиле обсуждения различных историй из жизни участников, обмена бытовыми мнениями, а также присутствуют иные подобные линии разговора. В обязательную техническую часть профессиональных интернет-форумов входит наличие администратора или модератора, который устанавливает требования и осуществляет контроль за регистрацией специалистов.

Основными характеристиками общения в рамках интернет-форума предлагаем считать следующее:

— участие любого человека, имеющего доступ в сеть;

— отсутствие временных ограничений: в отличие от общения on-line у участников дискуссии есть возможность обдумать чужие реплики, подготовить и (при желании) отредактировать свои;

— ответственность: участник группы, с одной стороны, вносит вклад в развитие групповой динамики, с другой стороны, полностью ответственен за собственное психологическое состояние;

— эмоциональность: «восприятие Сети как источника эмоциональной поддержки зависит от опыта пользования сетью» [4. С. 19].

Следует отметить, что все форумы тематически обусловлены. Мы рассматриваем область медицины в интернет-форуме и социальной сети, руководствуясь тем, что медицина необходима абсолютно всем, поэтому Интернет неизбежно превращается в консультационный центр по многим вопросам, в частности, по вопросам здоровья. Человеку важна и нужна информация. Врач, являясь одним из ключевых субъектов (и доминантных концептов) медицинского институционального дискурса, формирует данный дискурс [8. С. 152]. Он «представлен в языковом сознании как многомерная сеть значений, которая выражается лексическими единицами» [8. С. 153].

Нами выявлены следующие функции медицинских интернет-форумов:

— установление контакта и направление дискуссии;

— концентрация внимания на сложившихся ситуациях;

— рекомендации, направленные на лечение и оздоровление участников форума, вербально оформленные тексты врача;

— проведение он-лайн консультаций по затронутым направлениям.

Медицинский интернет-форум предполагает взаимодействие врача и участников форума (пациентов) с целью выяснить причины тех или иных заболеваний и убедить в необходимости обращения к специалистам. Врач выполняет просветительские и рекомендательные функции, а также выражает объективную позицию в использовании различной доступной информации, размещенной в пространстве Интернета, и тем самым ведет работу по сохранению здоровья человека и формированию бережного к нему отношения. Именно это является главным стимулом для участия врачей в медицинских интернет-форумах и их активной работы в социальной сети.

Безусловно, текст специалиста в рамках медицинского интернет-форума носит персонализированный характер: врач, контактируя с участником (пациентом), через текст позиционирует свои профессиональные знания, умения и компетенции. Врач дает рекомендации, осуществляет обработку информации на основе полученных сообщений и порождает новые. Текст выступает как «трансформационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [7. С. 130].

Полагаем, что врач несет ответственность за публикуемый в Интернете текст, так как он стремится убедить пациента изменить образ жизни, поднять его дух, призвать к определенным действиям и т. д. Текст врача, имея коммуникативную установку на определенного участника форума или социальной сети, реализует поставленную им цель коммуникации. Тексты, размещенные в рамках медицинского интернет-форума, можно разделить на следующие виды: высказывание врача (мнение, выводы, новости), рекомендация как ответ на обозначенную проблему, текст-оценка, где врач высказывает субъективное мнение по итогам обсуждения. Пациент: *Могут ли болеть придатки после курса гексикона и тержинана в свечах?* Врач: *Обычно после курса лечения гексиконом и тержинаном никаких побочных эффектов не возникает. Если боли в пояснице появились, то вам действительно следует проверить придатки, запишитесь к гинекологу* (URL: <https://medcanal.ru/topic/26446-mogut-li-bolet-pridatki-posle-kursa-geksikona-i-terzhinana-v-svechah>).

Учитывая вышеизложенное, считаем необходимым отметить положительные стороны использования медицинских интернет-форумов:

- доступное и публичное общение с врачом;
- коммуникативный процесс в условиях ограничения информации;
- добровольное установление необходимых контактов с возможностью их прерывания в любой момент;
- отсутствие непосредственного выражения эмоций и проявления негативных личностных особенностей пациента. Для участников медицинских интернет-форумов имеется возможность проявить себя посредством эмодзи, которые установлены на используемом устройстве, а также через словесное описание эмоций (например, в скобках после основного текста послания) либо с помощью средств литературной образности (аллегорий, цитат, метафор, ссылок и т. п.).

Врач в условиях интернет-форума и общения в социальной сети выполняет ряд обязательных действий: авторизация, характеристика речевого действия (совет, рекомендация, оценка). Он регистрируется и сообщает свою специальность. Например, дает о себе общие сведения (фамилия, имя, пол, образование), указывает специализацию (терапия) и должность (врач). Кроме того, пользователям доступна информация о рейтинге врача (размещается в виде звездочек, одна звездочка приравнена к определенному баллу). Микрополе оппонента (пациента) характеризуется только именем или ником, иногда возрастом. Например: «*Какие средства помогут почистить печень, дополнительно не перегружая ее. Может, кто-нибудь уже испытал на себе чудодейственную силу препаратов и лекарств?*» (URL: 03.ru — консультации онлайн | Скорая помощь врачей.03.ru).

В рамках микрополя «совет» врач использует местоимение «я». Например: Dosechka — 6/8. 2011, 18:23: *У меня последнее время давление 140/88 и очень часто, и это в 19 лет. Как быть?* Врач (регистрация: 31.7. 2011. Москва, пользователь № 18105): *У вас повышенное АД, поэтому необходимо выяснить причину. Для этого я рекомендую Вам сдать анализы крови (общий и биохимию), сделать ЭКГ и с результатами обратиться за консультацией к врачу-кардиологу. Если у Вас есть близкие родственники, страдающие этим заболеванием, поинтересуйтесь, когда оно проявилось. Наследственность играет здесь не последнюю роль. Для разьяснения какой-либо информации врачом используется страдательный залог: *Впервые**

эффект «паруса» в области прикрепления фасции к проксимальным фалангам был описан английским анатомом Hicks в 1954 году. При магнитно-резонансном исследовании пациентов с пяточной болью было обнаружено, что патологические изменения возникают только в центральной части фасции.

Особенностью медицинских интернет-форумов является полисубъектность, что «часто приводит к столкновению различных, порой полярных, оценок» [5. С. 147]. Например, пациент: *Добрый день! Хочу поставить импланты, имплантолог посоветовал поставить NobelGroovi. Стоимость 27000 за имплант. А какой все-таки лучше NobelReplace или NobelGroovi? И как они отличаются по цене? Кроме того пародонтолог, у которого я прошла три процедуры по лечению десен, не советует ставить импланты, предлагает бюгельное протезирование, ссылаясь на то, что в моем возрасте (59 лет) костная ткань разрежена из-за остеопороза, импланты не будут долго держаться. К тому же пародонтит. Хотелось бы услышать независимое профессиональное мнение. Врач: Оба врача правы и не правы одновременно: Диагноз остеопороз может поставить ТОЛЬКО эндокринолог на основании денситометрии + специального анализа крови на маркеры остеопороза. Для выяснения этого вопроса советовал бы Вам обратиться не в районную поликлинику, а в специализированный центр или институт. Остеопороз (или остеопения) — это действительно очень серьезно и дело тут не в зубах и имплантатах, а в том, что при нарушении обмена костной ткани, Вы находитесь в группе риска по целому ряду серьезных травм (почитайте в нэте про остеопороз). В случае если он у Вас есть — это не приговор, он успешно лечится!!! НО, кто Вам сказал, что он у Вас есть?!! Пародонтолог?!! На основании чего?!! Это не его компетенция, максимум что он может — это заподозрить у Вас нарушение костного обмена по косвенным признакам... И если он действительно такой грамотный, он должен направить Вас в специализированный научный центр к эндокринологу, а не нести чушь про бюгельное протезирование, которое (уж тем более при наличии остеопороза) перегрузит Ваши зубы и приведет Вас в конечном счете к полностью протезированию!!! Разумным планом в Вашей ситуации было бы: 1. сдать анализ крови (можно в любой сетевой лаборатории крови) на маркеры остеопороза (при положительном результате обратиться в центр эндокринологии или подобный); 2. пройти консервативную пародонтологическую*

санацию; 3. провести имплантацию в области отсутствующих зубов. А вот какую систему выбрать — должен выбирать ВАШ ортопед, который будет на этих имплантатах протезировать!!! Вы ведь не за имплантатами в клинику обращаетесь, а за ЗУБАМИ!!! И ГЛАВНОЕ: Важно выбрать не имплантаты, протезы или коронки, а руки специалиста, который будет их ставить!!! (URL: https://www.medsovet.info/forum/topic_18707/page_2). Данный пример свидетельствует о существовании различных мнений в медицинской среде. Врачебные рекомендации во многом зависят от опыта, знаний и моральных качеств конкретного специалиста.

Одним из самых востребованных жанров интернет-коммуникации и медиасреды в русскоязычном пространстве выступает социальная сеть (Одноклассники, ВКонтакте, Twitter, Instagram, YouTube, Facebook) как интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети. Мы полагаем, что социальные сети раскрывают новые грани Интернета как средства социальной коммуникации и самореализации личности. Общение в социальных сетях сегодня стало частью повседневной жизни миллионов людей во всем мире [9; 10]. Возможности социальной сети многообразны: это и деловые контакты, предложения о работе, партнерстве, быстрая и качественная обратная связь, прямой контакт с аудиторией, инициация проекта, его продвижение и многое другое.

Общение в социальной сети — это жанр интернет-коммуникации, предназначенный для обеспечения доступного взаимодействия между людьми или группами лиц в Интернете; его информационная наполняемость отличается от иных жанров наличием особого контента (фото и видеоразделы). Социальная сеть — хорошо организованная структура, которая объединяет и выделяет виды межличностного взаимодействия [1. С. 293]. Ключевую функцию в социальной сети выполняет пользователь, задачи которого связаны с обменом информацией и своими знаниями, а также с вербальной (тексты, посты) и графической самопрезентацией как визуальным инструментом коммуникации (фотографии, видео) [3. С. 136].

Инструмент поиска — одно из важных преимуществ социальных сетей, дающее возможность приобретать нужные контакты и устанавливать связи между людьми. Структура сети предполагает формирование профиля каждого участника, где он указывает данные о себе (дата рождения,

школа, вуз, любимые занятия, место работы и др.). По этой информации профиль пользователя могут найти другие участники. Непрерывный обмен информационными и эмоциональными ресурсами позволяет участникам сети накапливать данные для удовлетворения своих потребностей.

Медицина не осталась в стороне и уверенно проникла в социальные сети. Врачи активно ведут свои страницы. Приведем пример страницы врача из социальной сети Facebook. Раздел «Информация» представлен им в полной мере: *Главный врач, к. м. н. в Астраханская Клиническая Больница ФГБУЗ ЮОМЦ ФМБА России; Работала; Главный врач в компании «Правобережная больница»; Изучала управление в здравоохранении в Президентская программа подготовки управленческих кадров; Изучала управление в здравоохранении в РАНХиГС; Изучала организация здравоохранения и общественное здоровье в АГМА; Изучала психиатрия-наркология в Российский Государственный Медицинский Университет; Изучала Лечебное дело в АГМА.*

10.11.2018 опубликован пост: *Сегодня врачи АКБ ФГБУЗ ЮОМЦ ФМБА РОССИИ провели мероприятие для КЦ CARING. Практический семинар по оказанию первой медицинской помощи! Жизненно важные знания в нужный момент смогут спасти жизнь. Но мы желаем, чтобы их не пришлось применять на практике.* Комментарий в данном посту: «Полезно знать» (URL: https://www.facebook.com/veshneva?fref=pb&hc_location=friends_tab).

Если медицинский интернет-форум преследует цель обсудить определенную тему, заявленную на сайте материалами, и его дискуссии имеют преимущественно психотерапевтическое значение для участников, то социальная сеть предлагает определенную картотеку личностей, профили которой профессионально ориентированы, здесь представлены результаты работы врача, отзывы о нем, комментарии и т. д.

Так, например, социальная сеть богата личностями, которые работают в тематических сообществах, созданных на любом сервисе блогах. Например, социальная сеть Facebook, Врачи-консультанты — Медицинский консультативный центр Юнимед: *Всего одна бессонная ночь может повлиять на невосприимчивость организма к инсулину. А хронический недосып значительно повышает риск заболевания диабетом второго типа! Если с вашим организмом начали происходить странные вещи — запишитесь на консультацию*

к грамотному эндокринологу. Бессонница, раздражительность или постоянная жажда могут быть проявлениями сбоя в эндокринной системе (URL: <https://www.facebook.com/search/top/?q=врачи%20консультанты>).

Другие примеры: социальная сеть Одноклассники, Врачи РФ: *Группа ТОЛЬКО ДЛЯ ВРАЧЕЙ* — в профиле должно быть указано ваше образование. *ПАЦИЕНТЫ В ГРУППУ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!!! КОНСУЛЬТАЦИИ НЕ ОКАЗЫВАЮТСЯ!!! Пользователи с закрытыми страницами в группе не принимаются — откройтесь на время рассмотрения заявки. Всех врачей также приглашаем на наш основной сайт — vrachirf.ru. Там в разделе «связаться с нами» можно задать все вопросы (URL: <https://ok.ru/vrachirf>); социальная сеть Вконтакте, Молодые врачи России: *Молодые врачи России* — это группа единомышленников, объединенных высокой и прекрасной целью: лечение людей!!! Студенты и выпускники медицинских ВУЗов, а также те, кто только хочет поступить и уже состоявшиеся врачи, имеющие богатый опыт, но молодые душой — приглашаем Вас!!! (URL: <https://vk.com/club167721>).*

Медицинский интернет-форум и профиль врача в социальной сети непрерывно обновляются в связи с детализацией обсуждаемых проблем и вопро-

сов. Медицинские темы могут вызывать интерес среди участников. С нашей точки зрения, спектр мнений, представленных на форуме и в социальной сети, отражает существующие взгляды: опыт взаимодействия с конкретными больницами, врачами; на форум выносятся боль и страдание людей, в связи с чем можно говорить об эмоциогенности медицинского форума. Для него характерны открытые дискуссии, способные привлекать новых сторонников, убеждать и способствовать формированию реальных партнерских отношений между врачами и пациентами.

Таким образом, медицинский интернет-форум и профиль врача в социальной сети являются значимыми инструментами общения врача и пациента. Будучи предельно интерактивными, медицинский интернет-форум и личный профиль врача представляют собой средство для достижения просветительских целей и выступают перспективной площадкой для формирования пространства диалога между врачами и пациентами, что может способствовать дальнейшему развитию отечественной медицины и ее гуманизации. Основными функциями врача в интернет-форуме являются установление контакта, предоставление достоверной информации, выдача рекомендаций по конкретному вопросу.

Список литературы

1. Гагарина, Е. Ю. Языковая личность виртуального врача в социальной сети / Е. Ю. Гагарина // Термины в коммуникативном пространстве. — Астрахань, 2017. — С. 293—296.
2. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство / Е. Н. Галичкина. — Волгоград: Парадигма, 2012. — 322 с.
3. Голованова, Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 5 (360). — С. 135—141.
4. Жичкина, А. Е. Социально-психологические особенности населения Сети / А. Е. Жичкина, К. Ю. Ефимов // Планета Интернет. — 1999. — № 30. — С. 18—21.
5. Колокольцева, Т. Н. Диалог vs диалогичность в интернет-коммуникации / Т. Н. Колокольцева // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. — М. : Флинта : Наука, 2012. — С. 139—157.
6. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2011. — 224 с.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1970. — 464 с.
8. Маджаева, С. И. Вербализация концепта «врач» — лингвокультурный и когнитивный аспекты / С. И. Маджаева // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия Гуманитарные науки. — 2010. — № 24 (95). — С. 152—156.
9. Facebook вошел в тройку самых популярных соцсетей в России [Электронный ресурс]. — URL: <http://siliconrus.com/2015/06/vk-odno-book/> (дата обращения: 08.11.2018).
10. Behaviorgraphics: Discovering the “Me” in Social Media [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.briansolis.com/2011/02/behaviorgraphics-discovering-the-mein-social-media> (дата обращения: 14.10.2018).

Сведения об авторе

Маджаева Санья Ибрагимовна — заведующая кафедрой латинского и иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета, доктор филологических наук, доцент. sanya-madzhaeva@yandex.ru

Гагарина Елена Юрьевна — доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук GagarinaE@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 101–106.*

MEDICAL INTERNET-FORUM AND SOCIAL NETWORK: DEFINITION, FUNCTIONS

S. I. Madzhaeva

Astrakhan State medical university, Astrakhan, Russia. sanya-madzhaeva@yandex.ru

E. Yu. Gagarina

Astrakhan State medical university, Astrakhan, Russia. gagarinaE@yandex.ru

Internet-forum and social network are described in the article as a way of information discussion. The authors give the characteristics, definitions of the medical internet-forum and social network, identify their functions and tasks. The text is characterized as an important aspect of communication, including doctor-patient communication, that has communicative adjustment for a definite addressee, and represents a specific goal of communication. Communication in a social network on the Internet is computer-mediated communication held on a technical platform provided by a specialized Internet resource. It is argued that a social network is a platform for communication that provides most of the opportunities for solving various tasks. It is alleged that the verbal content of the medical Internet forum and social network reflects important aspects of communication between the doctor and the patient.

Keywords: *Internet, internet-communication, communicative attitude, medical internet-forum, medialisation, self-presentation, social network.*

References

1. Gagarina, E.Yu. Yazykovaya lichnost' virtual'nogo vracha v sotsial'noj seti [Language personality of a virtual doctor in a social network]. *Terminy v kommunikativnom prostranstve* [Terms in the communicative space]. Astrakhan', 2017. Pp. 293–296. (In Russ.).
2. Galichkina, E.N. *Komp'yuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer communication: linguistic status, symbolic means, genre space]. Volgograd, 2012. 322 p. (In Russ.).
3. Golovanova, E.I., Chasovskij, N.V. Internet-mem kak ehlement vizualizatsii v SMI [Internet meme as an element of visualization in the massmedia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudrstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 5 (360), pp. 135–141. (In Russ.).
4. Zhichkina, A.E., Efimov, K.Yu. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti naseleniya Seti [Social and psychological characteristics of the Network population]. *Planeta Internet* [Planet Internet], 1999, no. 30, pp. 18–21. (In Russ.).
5. Kolokol'tseva, T.N. Dialog vs dialogichnost' v internet-kommunikatsii [Dialog vs dialogue in online communication]. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation]. Moscow, 2012. Pp. 139–157. (In Russ.).
6. Leontovich, O.A. *Metody kommunikativnykh issledovanij* [Methods of communicative research]. Moscow, 2011. 224 p. (In Russ.).
7. Lotman, Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow, 1970. 464 p. (In Russ.).
8. Madzhaeva, S.I. Verbalizatsiya kontsepta «vrach» – lingvokul'turnyj i kognitivnyj aspekty [Verbalization of the concept “doctor” – linguistic-cultural and cognitive aspects]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosuniversiteta* [Scientific statements of Belgorod state University], 2010, no. 24 (95), pp. 152–156. (In Russ.).
9. *Facebook voshel v trojku samykh populyarnykh sotssetej v Rossii* [Facebook is among the three most popular social networks in Russia]. Available at: <http://siliconrus.com/2015/06/vk-odno-book/>.
10. *Behaviorgraphics: Discovering the “Me” in Social Media*. Available at: <http://www.briansolis.com/2011/02/behaviorgraphics-discovering-the-me-in-social-media>.

НАРРАТИВНЫЕ СХЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Н. В. Монгилева

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова

В статье поднимается проблема нарративных схем, реализующих интерпретирующий механизм лингвокультуры, в «неявном» культурном каноне повествования из опорных смыслов, экономических элементов, метафорических моделей. На анализе текстов о воспитании и отношении к детям в «чужой» для говорящего культуре делается вывод, что нарратив говорящего продолжает следовать логике русской лингвокультуры.

Ключевые слова: *нарратив, лингвокультура, культурные схемы*

Введение

В современном научном знании культура и язык рассматриваются как контексты формирования личности человека. В непрерывной коммуникации с другими членами культурной общности индивид усваивает через родной язык культуру сообщества, интегрируя в себе в процессе коммуникации язык, культуру, лингвокультуру, а также реализуя себя через язык и с помощью языка [3, 4, 6].

Согласно существующим определениям лингвокультуры, это особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры [9]; самостоятельная система, возникающая на стыке языка и культуры, существующая в виде некоторого пространства из общих компонентов образов сознания (в отличие от индивидуального образа сознания) и культурно-носных смыслов, облеченных в языковые знаки [5]. Лингвокультура образуется из совокупности единиц языка, востребованных культурой, так как языковые средства и грамматическая система языка максимально удобны для закрепления инвентаря культурозначимых смыслов и размышлений о них [11].

Но существующие определения лингвокультуры не учитывают ее влияние на дискурсивную деятельность членов культурной группы.

В концепции Н. Н. Болдырева, индивидуальная познавательная деятельность человека осуществляется на опорных конструкциях, предоставленных языком и культурой, и с опорой на собственный языковой опыт, представленный в его картине мира. Н. Н. Болдырев определяет познавательную активность человека как действие третьей интерпретирующей функции языка (наряду с когнитивной и коммуникативной) [1, 2]. Языковые явления и категории опосредуют и результаты

познания и оперирование разными типами знания о мире. Языковая интерпретативная деятельность человека осуществляется через типизированные схемы знаний, коллективные (фреймы, скрипты, когнитивные структуры и модели и т. д., то есть все то, как знание представлено в коллективной сознании) и те, что непосредственно зависят от индивидуальной концептуальной системы человека.

По нашему мнению, определенная часть типизированных схем в дискурсивной деятельности индивида предоставляется ему лингвокультурой. Не только языковые явления и категории направляют векторы интерпретативной деятельности языкового сознания. На уровне лингвокультуры существуют приемлемые и привычные для культурной группы способы повествования. Дискурсивные шаблоны, лингвистический тематический репертуар, стершиеся метафоры усваиваются индивидом в рутинной дискурсивной практике и в сумме формируют «неявный» культурный канон нарратива о явлениях и событиях определенной сферы опыта. Через конфигурацию опорных смыслов, данную в шаблонах привычного словоупотребления, логика культурной экосистемы «укореняется» в индивидуальную концептуальную систему.

В своей концепции культурной лингвистики Фарзад Шарифиан рассматривает концептуальную систему индивида как локус культурного знания. Язык является первичным механизмом «хранения» культурного знания и средством его передачи другим индивидам [13. С. 5]. В языке реализуется и фиксируется концептуализированный опыт этноса на протяжении всей истории существования в виде *концептуализаций*. Структура языка мотивирована культурно сформированными концептуализациями [13. С. 181].

Нарратив о событиях во многом мотивирован лингвокультурой и ее шаблонами в виде культурных канонов: о чем и как принято говорить, о чем не принято, что необходимо упомянуть в разговоре о чем-либо, иначе «могут не так понять», «не о том подумать», «просто не поймут». Это говорит о существовании сюжетных канонов, которые соответствуют привычному для всей культурной группы способу концептуализации действительности, и о стремлении членов культурной группы соблюсти это соответствие для успешного коммуникативного взаимодействия.

Когнитивный феномен лингвокультуры

В работах Эдвина Хатчинса можно найти пример связи привычных речевых выражений с логикой познавательной когнитивной экосистемы. Так, смысл фраз *Кто следующий в очереди?/// Кто приехал перед кем?/// Насколько я вдалеке от (и как долго я должен ждать, прежде чем) получения услуги?* обусловлен логикой восприятия очереди как линии, которая в свою очередь восходит к культурной привычке упорядочивать хаотичную массу объектов в линейную последовательность. По словам Э. Хатчинса, мы говорим о *первом в очереди, рядом, задней линии*, формируя дискурсивные практики, в которых понимание линейной массы объектов в пространстве как очереди взаимно дополняется [12. С. 41]. Э. Хатчинс приводит примеры культурной практики очереди и в других видах деятельности: одинаковый характер расположения текста в книге и обозначений домов и улиц, номер строки является ключевым компонентом в математике [12. С. 42].

Наиболее знаменитое исследование Э. Хатчинса, где он сравнивает системы ориентирования пилотов Боинга и мореплавателей Микронезии, продемонстрировало, что даже линейность в восприятии объектов при ориентировании является не универсальным способом восприятия внешней среды, а следствием культурной практики. Для пилотов Боинга их модель пути представляется в виде передвигающейся точки от пункта назначения к пункту отправления, а для микронезийских мореплавателей модель пути состоит из неподвижного канона и удаляющихся и приближающихся островов. Интересно, что при этом местные мореплаватели представляют свой путь не с позиции «птичьего полета», как на географической карте в нашем привычном понимании, а с позиции видимой из канона линии горизонта [10, 12]. Выше сказанное позволяет делать вывод о том, что каждая культура

может быть осмыслена как когнитивная экосистема (*cognitive ecosystem* у Э. Хатчинса), характеризующаяся культурно-специфичной матрицей восприятия окружающего мира, логика которой определяет и осмысление физических сущностей, и характер рассуждений об этих сущностях.

Включение методологических принципов анализа познавательной деятельности в исследование лингвокультуры позволит ответить на вопрос, каким образом через дискурсивные практики подерживается это «видение определенным образом», обеспеченное культурным знанием, общим для всех членов культурной группы. Привычный способ репрезентации смыслов в динамическом процессе коммуникативного взаимодействия происходит по логике культурной познавательной системы, *лингвокультура выступает регулирующим механизмом соответствия нового знания культурной экосистеме в целом.*

Установление связи между дискурсивной привычной практикой и логикой познавательной экосистемы позволяет говорить о *когнитивном феномене лингвокультуры*: нарративные каноны рутинного дискурса определяются культурно-специфичной матрицей восприятия окружающего мира.

Логика культурной экосистемы

Например, ниже приводится нарратив молодой женщины о различии русских и американских женщин (размещено на сайте <https://deti.mail.ru/article/mama-po-amerikanski-chem-menya-udiviliroditeli-v-/> дата обращения 09.02.2019). Анализ речи говорящего позволяет обнаружить опорные точки, по которым структурируется логика «видения» ситуации происходящего, и «запускается» аксиологическая характеристика.

Пример № 1

Американки не лечат простуду, а ждут, пока «само отвалится»

Там, где я бы стала спорить с ребенком, убеждать его сделать так, как мама сказала, американские родители «отпустят ситуацию». Однажды я решила все же спросить у американской знакомой на прогулке, почему двое из троих ее детей в шортах. Сама она, ежась в теплой кофте и делая глоток горячего кофе из стаканчика, пожаловалась, как же сегодня холодно. Ответ меня слегка поставил в тупик: «Я им сказала, что на улице прохладно, предупредила. Они сами выбрали так одеться, это их решение». Одному из «решающих» было 4 года. Потом эта же знакомая объясняла мне, что такой подход учит детей отвечать

за свои решения. *Замерзнут — в следующий раз оденутся или прогулка будет недолгой. Никакой трагедии в том, что ребенок может заболеть, замерзнув, моя знакомая не видит. Все дети болеют — это нормально, скажет она. Сопли, легкая температура — не повод сидеть дома или считать ребенка больным. Это и понятно: идти к педиатру с температурой меньше 39,5 здесь бессмысленно, вас все равно отправят гулять дней 5, так как «скорее всего у ребенка вирус, пейте больше, пройдет само». Вот почему американки кажутся очень спокойными в вопросах детских болячек, не пичкают малышей лекарствами и не лечат простуды, а ждут, пока «само отвалится».*

В дискурсе о болезнях для русской лингвокультуры частотна концептуальная метафора БЫТЬ БОЛЬНЫМ — БЫТЬ ПРИКРЕПЛЕННЫМ К БОЛЕЗНИ (*какая-то зараза прицепилась, подцепить болезнь, подхватить простуду, какая-то болячка прицепилась, все болезни к нему липнут*), болезнь концептуализируется как сущность, динамика сил которой сильнее динамики сил субъекта (*напасть какая-то, болезнь развивается, страх перед простудой*). Такое «видение» ситуации, свойственное русской лингвокультуре, автоматически влечет представление о болезни как о внешней доминирующей силе, когда факт заболевания и развитие событий не зависят от субъекта. Как логическое следствие, в высказываниях о лечении привычна метафорическая модель ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ — ВОЙНА (*защищать от инфекции, бороться с простудой, бороться с бактериями, губительна для вируса, антибиотики — тяжелая артиллерия, противостоять болезни, когда организму лучше — «мы отводим войска», температура убивает вирусы, его организм должен бороться*).

В примере № 1 говорящий вводит в нарратив лексические элементы смыслового содержания «отсутствие признаков войны с болезнью» *никакой трагедии, отправят гулять* (в данном контексте «находиться без контроля со стороны врача»).

Также в повествовании есть элементы, указывающие на несоответствие актуальной ситуации некоторой более фундаментальной модели «естественного» положения дел. В небольшом по объему отрывке наблюдается несколько выражений для выделения смыслового аспекта «автономность ребенка от матери»: *...дети в шортах. Сама она... // Они сами выбрали ... это их решение // отвечать за свои решения // Я им сказала*. Столь намеренное указание на автономность

свидетельствует о том, что для говорящего более привычна модель осмысления матери и ребенка как единое целое, сквозь матрицу концептуальной метафоры МАТЬ И ДИТЯ — ОДНО ЦЕЛОЕ, которая в свою очередь восходит к когнитивной схеме СУБЪЕКТ — ОБЪЕКТ СВЯЗИ — СУБЪЕКТ, свойственной русской лингвокультуре. В матрице такого культурно-специфичного кода ребенок является не автономной сущностью, а частью организма матери.

Схема СВЯЗЬ прослеживается в выражениях *не повод сидеть дома.. ждут, пока «само отвалится»* (последнее даже стало подзаголовком текста). Второй пример имеет одно из словарных значений *открепиться, отделиться*, то есть «нечто составляло часть целого, но, утратив связующий элемент, отделилось», для сравнения *хвостик отвалился (о разочаровавшемся поклоннике)* или разговорное *отвали!*.

То, что для говорящего более привычно осмысление ребенка и матери как единого целого видно по дополнительным элементам, которые введены для разрешения ситуации непонимания: мать все же волнуется, но не показывает вида *кажутся спокойными*, именно простуда не считается серьезным заболеванием, а также *Это и понятно: идти к педиатру ... здесь бессмысленно не повод сидеть дома...*

Но если же попытаться представить ситуацию сквозь матрицу концептуальной метафоры РЕБЕНОК — АВТОНОМНЫЙ ОРГАНИЗМ, то возможность самостоятельных решений у ребенка становится вполне допустимой, также болезнь может пониматься как необходимый этап развития любого организма — и детского, и взрослого.

В приведенном примере нарратив говорящего об отношении к детским болезням и к маленьким детям (их автономность / неавтономность по отношению к матери, ответственность взрослых за детей, специфика отношения к болеющим, слабым детям, необходимость «сражаться» с болезнью и т. д.) отражает логику осмысления актуальной ситуации по опорным схемам, свойственным русской лингвокультуре.

Нарративные схемы лингвокультуры

Мы говорим о нарративных схемах лингвокультуры, имея ввиду стабильно проявляемые в речи носителей культуры опорные смыслы в структурировании тематического нарратива.

Для русского дискурса о семейных и межличностных отношениях, в том числе отношения

между матерью и ребенком, характерна когнитивная модель СУБЪЕКТ — ОБЪЕКТ СВЯЗИ — СУБЪЕКТ *я к маме привязана, у меня с дочерью особая связь, ребенок — связующее звено, привязать к себе ребенком, женщина в два прищипа, он еще за юбку матери держится, у него с матерью еще пуповина не отрезана* (о схеме СВЯЗЬ в русском дискурсе в [7]). Одним из следствий такой концептуализации межличностных отношений являются скрипты, функционирующие в русском дискурсе.

Осмысление матери и ребенка как один организм, соединенный первородной связью, выступает в дискурсе о семейных отношениях как культурное фреймовое знание о сопричастности, созависимости и эмоциональной общности двух субъектов. Данный пакет знаний функционирует в дискурсе о семейных отношениях, делая логичными и привычными высказывания, например *сын у нас... // сама за собственным сыном* (в высказываниях усилена посессивность); *какого ей видеть, что ее родная дочь...* (введен элемент «неотчуждаемой» собственности); *мы уже не кашляем // да как мы хорошо улыбаемся* (замена *он* на *мы*) (о скриптах русского дискурса об отношениях см. [8])

Логические выводы о сопричастности матери к болезням и самочувствию ребенка присутствуют в качестве контекста и в нарративе об американских матерях *кажутся спокойными // никакой трагедии // Ответ меня слегка поставил в тупик*. По нашему мнению, они введены для восстановления соответствия нарратива аксиологическим характеристикам соответствующего тематического нарратива в русской лингвокультуре.

Причинно-следственные выводы о сопричастности матери и ребенка обуславливают в том числе и структуру повествования о болящем ребенке, они проявляются в виде вставок об эмоциональном состоянии «беспокоящейся матери». Последнее не только является частью нарративного канона, но, нередко, говорящий в описании состояния ребенка для выражения серьезности положения вводит конструкции, описывающие эмоциональное состояние матери: *но она просто никакая была, по стеночке ходила... // она всю ночь не спала // я места себе не нахожу // меня всю просто потрясло, когда мне это сказали // она просто на грани, еле держится*. «Высшая степень беспокойства матери» является привычной сюжетной линией в нарративах о болящих детях.

В следующем отрывке «высшая степень беспокойства матери» выступает опорным смыслом

в модели восприятия ситуации. Повествование строится, с одной стороны, с выделением эмоционального состояния мамы, с другой, указывая на отсутствие в поведении собеседников (американские врачи) признаков понимания этого состояния. Отрывок из рассказа женщины, проживающей в США, размещенный на <http://www.forumdaily.com/tossiyanka-o-rabote-detskih-vrachey-v-usa/>:

Пример № 2

Я очень волновалась (любая мама меня поймёт), вспоминала, как в России детский кардиолог проводила это исследование, объясняла мне всё, что видит, и успокаивала меня. В этот раз всё оказалось совсем по-другому. Так как в США УЗИ делают не врачи, а технические работники, комментариев и объяснений они не дают. Становится не по себе, когда видишь на УЗИ то, что видеть у своего ребёнка не хочется, а тебе мило улыбаются и молчат. Единственное, что мне удалось услышать от специалиста в конце исследования: «Вам позвонят, если что». Это «если что» держало меня в напряжении почти неделю.

Муж и друзья успокаивали меня и объясняли, что мне сразу бы сообщили о проблеме. Я тоже пыталась не волноваться и убеждала себя в том, что, видимо, я ошиблась, и у малыша всё отлично, пока через 6 дней мне не позвонила медсестра и спокойным ласковым голосом сказала, что у малыша проблемы с сердцем на УЗИ. Какие, она объяснить по телефону не может, это может сказать только врач. Моё состояние в тот момент было сравнимо с бессознательным, но следующий вопрос медсестры меня сразу вернул в сознание и просто обескуражил. Она поинтересовалась, хочу ли я, чтобы моего ребёнка посмотрел кардиолог или нет? Наверное, в Америке есть мамы, которые бы ответили на этот вопрос «нет», раз она меня об этом спросила, но мой ответ был очевиден — «да». О том, что кардиолог нас сможет посмотреть через 2,5 месяца, нам сообщили по телефону ещё через 3 дня.

Ряд элементов введены в нарратив для усиления состояния беспокойства *сравнимо с бессознательным // очень волновалась // держало меня в напряжении*. При этом говорящий указывает на понимание близких и соотечественников *Муж и друзья успокаивали // в России ... объясняла мне всё ... успокаивала меня*. В описании поведения медицинского персонала элементы *ласковым, мило* (хотя медработники должны быть спокойными и вежливыми) введены как несоответствующие ситуации. Усиление описания вежливости, а так-

же подчеркивание сроков реакции на факт заболевания *почти неделю // пока через 6 дней // через 2,5 месяца // ещё через 3 дня* трансформируются с смыслом «черствости», «неискренности» именно на фоне поведенческих ожиданий «беспокойства» и «срочных мер борьбы с болезнью». Вставка *Наверное, в Америке есть мамы, которые бы ответили на этот вопрос «нет», раз она меня об этом спросила* восстанавливает соответствие «нормальному» положению дел: видимо, есть плохие матери, которые не беспокоятся слишком. Тем самым смысловое пространство актуальной ситуации приводится в соответствие когнитивным схемам родной лингвокультуры.

Нарратив и его шаблоны являются частью культурного знания. Последнее отличается тем, что может и не быть частью убеждений всех членов этнической общности, но это знание, о котором известно всем, информация по умолчанию, не требующая проговаривания.

Анализ текстов о разнице в подходах к воспитанию и к детским болезням у российских и зарубежных родителей, показывает, что авторы текстов стараются максимально эксплицировать смыслы о самостоятельности выбора ребенка и об умении нести ответственность за свое решение. Высказывания собеседников на эту тему авторы приводят, как правило дословно, оформляя часто как прямую речь, выделяя их в самостоятельное повествование внутри текста: *Потом эта же знакомая объясняла мне // но следующий вопрос медсестры Она поинтересовалась.*

Например, сравним два отрывка из текста, размещенного на https://www.kleo.ru/items/kids/education_of_children.shtml, о норвежских родителях и детях:

Пример № 3

...Своих питомцев родители с младенчества пичкают шоколадками, мороженым, яркими «химическими» конфетками. Диатез? Ну и что же? У всех диатез, это вполне нормально для ребенка, ничего страшного. Зачем же лишать детей «радости от сладостей»? И с любовью суют в ротик новую конфетку, заливая сверху газировкой. Зубки испортятся? Какая ерунда. Все дети пьют кока-колу, и ничего, ведь она якобы абсолютно безвредна. Вредным почему-то считается чай: слишком много кофеина для неокрепшего детского организма. В кока-коле его куда меньше!...

Пример № 4

...Однажды я спросила у мужчины, чей сын болел гриппом: «Что же вы его не лечите?» Мальчик шмыгал носом, как хороший паровоз (сморкаться

его не учили совсем), кашлял, как старый хроник-туберкулезник, и от души чихал всем в лицо (закрывать рот, когда чихаешь? — право, смешно, все же свои). «Ты что??? — возмущился папаша. — Никто не будет пихать в него лекарство насильно, если он того не хочет. А если совсем плохо станет, мы лишь ненавязчиво предложим ему: не выпьешь ли, детка, таблеточку? Возможно, тебе станет лучше. Но просто предложим, а не захочет, не надо. В конце концов, это простая простуда, сама пройдет. Вот поспит и вылечится»...

В примере № 3 основная смысловая опора нарратива — это «беспокойство родителя за ребенка»: говорящий перечисляет признаки болезней и вредной еды как причины для беспокойства/спокойствия. Насколько это смысловое содержание близко и понятно представителю русской лингвокультуры демонстрирует целая палитра кратких разговорных формул для языковой репрезентации смысла «не повод для беспокойства»: *Ну и что же? // У всех... // это вполне нормально для ребенка // ничего страшного // Какая ерунда.*

В примере № 4 говорящий задействует множество способов, чтобы передать читателям аргументы норвежского родителя: описание ситуации разговора, собственный вопрос, эмоциональная реакция собеседника *возмущился, Ты что???*, ответ воспроизведен с максимальными деталями и распространенными предложениями, все оформлено в прямую речь для эффекта аутентичности. При этом для выражения смысла «принцип самостоятельности выбора у ребенка» говорящему пришлось ввести избыточные элементы *Никто не будет // просто предложим // насильно // если он того не хочет // ненавязчиво предложим.*

Если в № 3 любая из формул «не повод для беспокойства» могла быть использована для всех причин и симптомов сразу (например, *это нормально...*), то во втором говорящему понадобилось использовать повторения *просто — ненавязчиво* и перифразы *насильно — если он того не хочет*. Но необходимо обратить внимание, что говорящий ввел в нарратив описание состояния болеющего ребенка, усилил его красочными сравнениями и комментариями. Тем самым говорящий оставляет в нарративе сюжетную линию «серьезность состояния ребенка», которая имплицитно несет смысловое содержание «повод для беспокойства». Это свидетельствует о том, что, рассказывая о чужих взглядах и менталитете, говорящий остался на смысловых опорах родной лингвокультуры: для репрезентации смысла через матрицу другой

лингвокультуры у говорящего нет соответствующих экономных языковых средств и нарративного канона, а используя ресурсы своего языка, он избыточно детализирует описание для успешной коммуникации с читателем.

Выводы

Схемы лингвокультуры — актуальные для дискурсивной деятельности говорящего закономерно в конфигурации смыслов, которые определяют ракурс видения и распределения значимости в тематических нарративах.

Ракурс рассмотрения ситуации о воспитании и болезнях детей в модели МАТЬ И РЕБЕНОК — ОДНО ЦЕЛОЕ задает базовые смысловые опоры несамостоятельности ребенка, неспособности принять правильное решение, неспособности противостоять болезни, а значит эти функции автоматически переносятся на мать, которая становится главным действующим лицом «борьбы с болезнью». Поэтому в матрице ситуации говорящего появляется смысловая опора «полезно/ вредно для детского организма» и дискурсивные шаблоны *вредно для ребенка, нормально для ребенка*. В примере № 3, как только говорящий обнаружил знакомые ему смыслы «вредно для детей», в нарративе появились рассуждения без негативной оценки. Хотя речь идет о противоположном мнении, говорящий толерантен к чужой точке зрения (*Вредным почему-то считается чай: слишком много кофеина для неокрепшего детского организма*), ведь более глубинная структура совпадает с собственной.

Смысловая опора «неавтономности» ребенка задает необходимость взрослому принимать решения — и в матрице восприятия ситуации возникает ключевая точка «важно/ не важно для принятия решения», а также «повод/ не повод для беспокойства».

Смысловое содержание «беспокойство родителя за ребенка» в нарративах о болезнях становится следствием восприятия ситуации сквозь матрицу модели ЛЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ — ВОЙНА и схемы СВЯЗЬ: это и борьба за *самое дорогое*, и необходи-

мость осуществлять некоторые важные функции за ребенка (сам же он не понимает в силу возраста), и часть культурного канона, разделяемого другими членами культурной группы (мать без признаков беспокойства могут посчитать бездушной).

Нарратив о «необычном» воспитании в другой стране становится вполне логичным в ракурсе модели РЕБЕНОК — САМОДОСТАТОЧНАЯ СУЩНОСТЬ, которая предполагает, что ребенок обладает теми же характеристиками, что и взрослый. Если ребенок концептуализируется как автономная сущность, за которой закреплено право решения и функции «борьбы с болезнью», то из матрицы восприятия ситуации исчезает смысловой компонент «для ребенка» (все едят конфеты, все пьют колу, все болеют, все выздоравливают).

Также меняется ракурс значимых моментов в осмыслении ситуации выбора. Взрослый начинает «бороться с болезнью» не когда он видит симптомы у ребенка (он принимает решение), а когда ребенок жалуется на плохое самочувствие (ребенок принимает решение).

В этом ракурсе разделение на «для ребенка» и «для взрослого» не актуально, а значит довольно популярны в подобных нарративах шаблоны теряют «необычность»: таскают за собой своих детей (это взрослые, только маленькие, может быть, им интересно вместе), предлагают выбирать, постоянно хвалят (акцентируют правильное решение, учат принимать правильные решения, выбор уже есть рождения) и т. д.

Нарративы о чужих культурах, нравах и обычаях становятся эффективным материалом для анализа феномена влияния схем родной лингвокультуры говорящего. Так как описание и рассуждения о других культурах всегда базируется на смысловых опорах родной лингвокультуры, схемы и структура нарратива которой усваивается вместе с родным языком и в процессе дискурсивной практики с членами своей культурной группы. Нарративы о «необычном» строятся на соотношении с шаблоном родной лингвокультуры и в соответствии с ее логикой.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1. — С. 5—12.
2. Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н. Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (93). — С. 9—16.
3. Красных, В. В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный

общегуманитарный подходы) / В. В. Красных // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 2. — С. 90—97.

4. Красных, В. В. Роль языка в свете интегративных исследований / В. В. Красных // Человек и язык в коммуникативном пространстве. — Красноярск, 2013. — Т. 4. — С. 46—50.

5. Красных, В. В. Что день грядущий нам готовит? (К вопросу о современной научной парадигме в области гуманитарного знания) / В. В. Красных // Жанры речи. — 2017. — № 2 (16). — С. 172—192.

6. Кубрякова, Е. С., Шахнарович, А. М., Сахарный, Л. В. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. — М.: Наука, 1991. — 240 с.

7. Монгилева, Н. В. Архетипический образ «связь» в метафоризации отношений между людьми / Н. В. Монгилева // Когнитивные исследования языка. Вып. 27. Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике. Сборник научных трудов / отв. ред. вып. В. П. Демьянков. — Москва — Тамбов, 2016. — С. 217—224.

8. Монгилева, Н. В. Скрипты связи в русскоязычном дискурсе о межличностных отношениях / Н. В. Монгилева // Когнитивные исследования языка. Вып. 34: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире / отв. ред. вып. Л. А. Манерко. — Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. — С. 184—187.

9. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: монография / Т. Н. Снитко. — Пятигорск: ПГЛУ, 1999. — 156 с.

10. Сушин, М. А. Концепция ситуативного познания в когнитивной науке: критический анализ: дисс ... канд. философ. наук / М. А. Сушин. — Москва, 2014.

11. Федоров, М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры / М. А. Федоров // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. — 2014. — № 6—2. — С. 83—86.

12. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition / E. Hutchins // *Philosophical Psychology*. — 2014. — Vol. 27:1. — P. 34—49.

13. Sharifian, F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language* / F. Sharifian. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017, xvii, 171 p.

Сведения об авторе

Монгилева Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова. Костанай, Республика Казахстан. natmong@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 107—114.*

LINGUOCULTURAL NARRATIVE SCHEMES

N.V. Mongilyova

A. Baitursynov State University, Kostanay, Kazakhstan. natmong@rambler.ru

The article poses a problem of narrative schemes that are customary for a cultural group as a realisation of a linguocultural interpreting mechanism. Linguoculture also exists for an individual as an “implicit” canon of narration: plot lines, reference meanings, use of economical elements in thematic narratives. Practical material includes texts about upbringing and attitude to children’s diseases where a culture that is “alien” for a speaker is narrated. Contemplating on the Western methods of upbringing, a Russian language speaker bases their ideas on conceptual structures “a cause for concern”, “fighting against a disease”, “non-autonomy of a child” that are relevant characteristics of the Russian narrative on children. The analysis revealed the difficulties of the speaker (abundance of details, paraphrase) for conveying the concept “a child’s independence of choice”, despite the immersion into a foreign culture, they do not have a basic foundation “autonomy of a child” in order to perceive this structure. The article concludes that a narrative on Western approaches to upbringing continues to follow the logic of the Russian cultural narrative.

Keywords: *narrative, linguoculture, cultural schemes.*

References

1. Boldyrev, N.N. Antropocentricheskaja sushhnost' jazyka v ego funkciyah, edinicah i kategori-jah [Anthropocentric nature of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, no. 1, pp. 5-12. (In Russ.).
2. Boldyrev, N.N. Rol' interpretiruyushchej funkcii v formirovanii yazykovykh kategorij [The role of an interpretative function in linguistic category formation] / N. N. Boldyrev // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2011, no. 1 (93), pp. 9-16. (In Russ.).
3. Krasnikh, Viktoria V. Rol' i funkcii jazyka kak objekt sovremennykh integrativnykh issledovanij (psiholingvisticheskij, lingvokul'turologicheskij, psiholingvokul'turologicheskij i kompleksnyj obshhchegumanitarnyj podhody) [Role and function of language as a subject of modern integrative research (psycholinguistic and integrated all-humanitarian approaches and approaches based on linguo-cultural and psycho-linguo-cultural studies)] / V. V. Krasnikh // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2015, no. 2. pp. 90–97. (In Russ.).
4. Krasnikh, Viktoria V. Rol' jazyka v svete integrativnykh issledovanij [The role of language in the light of integrative research] / V. V. Krasnikh // *Chelovek i jazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in the communicative space]. Krasnojarsk, 2013, V. 4. pp. 46–50. (In Russ.).
5. Krasnikh, Viktoria V. Chto den' grjadushhij nam gotovit? (K voprosu o sovremennoj nauchnoj paradigme v oblasti gumanitarnogo znanija) / V. V. Krasnikh // *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2017, no. 2(16), pp. 172–192. (In Russ.).
6. Kubrjakova, E.S., Shahnarovich, A.M., Saharnyj, L.V. *Chelovecheskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi* [The Human Factor in Language. Language and speech production]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 240 p. (In Russ.).
7. Mongilyova, N.V. Arhetipicheskij obraz «svyaz'» v metaforizacii otnoshenij mezhdru lyud'mi [The archetypal image of “bondi” in metaphorization of people's interaction]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka. Vyp. 27. Antropocentricheskij podhod v kognitivnoj lingvistike. Sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive studies of language. Vol. 27. Anthropocentric approach in cognitive linguistics: collection of papers]. Dem'yankov V.P. (ed.), Moscow, Tambov, 2016. pp. 217-224. (In Russ.).
8. Mongilyova, N.V. Skripty svjazi v russkojazychnom diskurse o mezhllichnostnykh otnoshenijah [Bonding scripts in the Russian-language discourse on interpersonal relationships]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka. Vyp. 34: Cognitio i Communicatio v sovremenno global'nom mire* [Cognitive studies of language. Vol.34: Cognitio and Communicatio in today's globalized world]. Manerko L.A. (ed.). Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2018. pp. 184-187. (In Russ.).
9. Snitko, T.N. *Predel'nye ponjatija v Zapadnoj i Vostochnoj lingvokul'turah* [Limit concepts in Western and Eastern linguocultures]. Pjatigorsk, PGLU, 1999. p.156. (In Russ.).
10. Sushhin, M.A. *Koncepcija situativnogo poznanija v kognitivnoj nauke: kriticheskij analiz: diss ... kand. filosof. nauk* [The concept of situational cognition in cognitive science: a critical analysis. Thesis]. Moscow, 2014. (In Russ.).
11. Fedorov, M. A. Termin «Lingvokul'tura» v aspekte teorii kul'tury [The term “Linguoculture” in the aspect of the theory of culture]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy], 2014, no. 6-2, pp. 83-86. (In Russ.).
12. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition. *Philosophical Psychology*, 27:1, pp. 34-49.
13. Sharifian, F. *Cultural Linguistics: Cultural conceptualisations and language*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia, 2017, XVII, 171 p.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КАК ОСНОВА ГРАДАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Нгуен Мань Хай

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

В статье рассмотрены структурные и семантические особенности построения градации, основанной на синонимических рядах имён прилагательных в современном художественном тексте. Наиболее эффективной градационной конструкцией с синонимическими именами прилагательными является трёхчастная модель. Первый компонент такой конструкции имеет более общее значение, третий обладает наиболее выраженным гранд-оттенком, а второй служит связующим звеном между ними.

Ключевые слова: синонимы, синонимический ряд, имя прилагательное, градация, градуальность, градуальные отношения, гранд-оттенки.

Исследование художественного текста является одним из приоритетных направлений современной лингвистики, направленной на выявление реализации в тексте различных языковых средств. Интенции автора, особенности его художественного метода и идиостиля диктуют ему необходимость выбора того или иного средства языка, и задача исследователя — интерпретировать применение автором языковых элементов, выявить структурную и семантическую специфику языковых конструкций, а также определить те их особенности, которые обусловили необходимость их использования мастером слова.

Градация особо выделяется среди стилистических ресурсов русского языка. Под *градацией* понимается стилистическая фигура, состоящая в расположении ряда слов в порядке нарастания (климакс) или убывания (антиклимакс) их смыслового и эмоционального значения [9. С. 78]. Её основной функцией является функция выразительности [15. С. 6], то есть, используя в речи градацию, говорящий изначально нацелен на то, чтобы сделать высказывание более ярким, выразительным, значимым, эффектным. Градация служит одним из средств синтаксической стилистики, так как она направлена на «смысловое, стилистическое использование единиц синтаксического уровня языка» [12. С. 145], чаще всего — однородных членов. Градация осуществляется с помощью различных языковых средств: её лингвистическая суть тесно связана с синонимией, потому что градация представляет собой «ряды однородных членов предложения или ряды любых однородных конструкций, позволяющих постепенно усиливать или ослаблять идею текста, настроение и т. д.» [7. С. 77].

Синонимы являются эффективным и ярким средством создания градации в языке художественной литературы, потому что градация опирается на свойственную синонимии градуальную семантику, представляющие собой языковую универсалию градуальные отношения между компонентами синонимических рядов.

Цель статьи — анализ синонимических рядов имён прилагательных как языкового средства создания градации в языке произведений современной русской художественной литературы. Материалом для исследования стали художественные тексты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка [14]. Для объяснения лексических значений имён прилагательных использовался толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой [6], для определения принадлежности качественных имён прилагательных к узואальным синонимическим рядам современного русского языка — словарь синонимов З. Е. Александровой [1].

Важную роль синонимов как средства градации отмечают многие современные исследователи (П. П. Березницкая, М. В. Бондаренко, С. М. Колесникова, Т. А. Колосова, О. М. Кузнецова и др.). Установлено, что «градация выступает одним из основных факторов возникновения и сосуществования» синонимов [2. С. 3]. М. В. Бондаренко противопоставляет синонимические и градуальные ряды: для первых рядов обязательным компонентом содержания являются только единые признаковые семы, а для вторых, помимо признаков, также количественные, «отвечающие за количество градуального признака у каждого из членов ряда и, соответственно, за порядок расположения лексических единиц относительно друг друга» [3. С. 17].

Отмечается, что синонимические средства относятся к имплицитным способам выражения градуальности, «в которых обнаруживается степень величины признака» [8. С. 39]. В современной русистике говорят о существовании в современном русском языке функционально-семантического поля градуальности и градации, одним из компонентов которого являются синонимы [8; 9; 10; 11]. Однако назвать данную проблему в полной мере рассмотренной нельзя. К примеру, анализируя градационные отношения между однородными определениями в современном художественном тексте, И. Б. Грузнова вообще не затрагивает вопрос использования в качестве однородных определений синонимических имён прилагательных, не анализирует семантические отношения членов градационных рядов [5]. В настоящее время установление структурных и семантических особенностей использования синонимических по значению имён прилагательных в градационных конструкциях необходимо и актуально.

Имена прилагательные служат эффективным средством характеристики персонажей, предметов и явлений, поэтому градационное их использование в тексте обычно связано с намерением автора точно и ярко описать того или иного героя. Например: «*Встал Буринский — суровый, необъятный, величественный, выше всех на две головы*» (М. Шишкин. *Всех ожидает одна ночь*) [14]. В данном градационном ряду существует четыре компонента, три из которых можно назвать синонимами, объединёнными семантикой большого размера и обладающими гранд-оттенком (термин С. М. Колесниковой [10]) ‘очень’. Данные лексемы *необъятный* (‘огромный по размерам, по протяженности; безграничный’ [6]), *величественный* (‘имеющий внушительный вид: высокий рост, горделивую осанку и т. п. (о человеке)’ [Там же]), а также несогласованное определение «*выше всех на две головы*» рассматриваются как контекстуальные синонимы, потому что в их семантике определяется гранд-оттенк. Первый член синонимического ряда — *суровый* отличается по смыслу от остальных компонентов, имеет значение ‘очень строгий, серьёзный’ [6] и объединён с ними гранд-оттенком ‘очень’. Градуальное значение, заложенное в семантику каждого из использованных в данном ряду компонентов, способствует созданию градации как стилистического приёма. Результатом становится яркое и сильное описание героя, предстающего перед нами как великан, который превосходит всех вокруг своими размерами, а возможно, и другими

качествами, намёк на что заложен положительной коннотацией использованных в ряду лексем.

Градационное использование синонимических имён прилагательных в речи персонажа художественного произведения становится средством юмористической характеристики данного героя. Например:

«— *Как ты мне надоел, — стонет Смерть, — надоел хуже смерти. Банальный, трусливый, неоригинальный, никчёмный, бесталанный...*

— *Хватит собачиться — заходи.*

— *...Стереотипный, бестолковый, глупый человек, — закончила Смерть, переступая через порог моей квартиры*» (И. Грошек. *Лёгкий завтрак в тени некрополя*) [14].

В данном случае обыгрывается выразительная сила градации: вместо экспрессии её итогом становится нудность, что и вызывает улыбку читателя. Подчёркиванию избыточности подобранных персонажем эпитетов служит разрыв перечисления репликой другого персонажа. Среди использованных восьми компонентов градационного ряда можно выделить члены двух синонимических рядов. Во-первых, синонимичны лексемы *банальный* — ‘лишённый своеобразия, оригинальности; заурядный’ [6], *неоригинальный* — ‘лишённый оригинальности’ [Там же], *стереотипный* — ‘неизменно повторяющийся, ставший обычным, общепринятым; шаблонный, трафаретный’ [Там же]. Данные слова являются языковыми синонимами, размещёнными в словаре синонимов в синонимическом ряду с доминантой *банальный* [1. С. 22]. Во-вторых, синонимами можно считать лексемы *никчёмный* — ‘никуда не годный; бесполезный’ [6], *бесталанный* — ‘не имеющий таланта; бездарный’ [Там же], *бестолковый* — ‘непонятливый, несообразительный’ [Там же], *глупый* — ‘тот, кто умственно ограничен, недогадлив, несообразителен, бестолков’ [Там же]. Зафиксированы в словарях как синонимы только слова *глупый* (доминанта) и *бестолковый* [1. С. 90], остальные являются контекстуальными синонимами, не обнаруживают в семантике полного сходства, однако все четыре слова объединены значением отсутствия положительных качеств — пользы, таланта, толка. Кроме того, в градационном ряду используется имя прилагательное, отличающееся по смыслу от двух приведённых выше рядов — *трусливый* — ‘легко поддающийся чувству страха; боязливый’ [6]. Выделенные имена прилагательные объединены в длинную характеристику объекта, которая задумана персонажем как градация (должна пораз-

ить собеседника перечнем негативных оценочных эпитетов), но реализована как юмористический приём, как комическая характеристика самого произносящего реплику героя — Смерти.

Встаёт вопрос об оптимальном количестве компонентов градационного ряда: с одной стороны, есть минимальное количественное ограничение, зафиксированное в словарях лингвистических терминов: «Число компонентов градации — не менее трёх» [13. С. 76]; с другой, — нет максимального ограничения. Сколько компонентов, введённых писателем в градационный ряд, дадут наибольший экспрессивный эффект?

Трёхкомпонентное построение градации, как правило, очень продуктивно: в данном случае первый компонент градационного ряда выглядит как нейтральный, наименее яркий, обладающий наиболее общим значением; последний — как наиболее интенсивный эмоционально и семантически, сосредоточивающий гранд-оттенок в максимальном виде; а второй занимает среднее положение, связывая оба конечных компонента ряда. Например: «Бой приближался к Князьему валу, а Вольга стоял всё такой же **безучастный, опустошённый, опустивший руки**» (Алексей Иванов. Сердце Пармы) [14]. Компоненты данного градационного ряда имеют семантику: *безучастный* — ‘не проявляющий участия, интереса к кому-либо, чему-либо; безразличный, равнодушный’ [6], *опустошённый* — ‘ощущающий духовное опустошение, не способный к активной жизни’ [Там же], *опустивший руки* — причастная форма от фразеологизма *опускать (опустить) руки* — ‘утрачивать (утратить) способность или желание действовать, делать что-либо’ [4. С. 287]. Как видим, значение первого имени прилагательного является более общим, затем происходит конкретизация семантики, становится ясной причина безучастности героя — духовное опустошение, а третий компонент, фразеологизм, демонстрирует результат — утрату способности и желания действовать. Синонимы являются контекстуальными.

Большинство авторов, чувствуя потенциальную силу трёхчастного градационного ряда с синонимичными именами прилагательными, заложенные в нём возможности создания точной и яркой характеристики чего-либо, стремятся именно к такому структурному построению градации. Ещё один пример: «Разобрав его вещички, тётя Рая долго плакала — всё было **ношеное, старое** и **какое-то нищенское**» (М. Трауб. Замочная скважина) [14]. В данном градационном ряду чётко проявляется

нарастание интенсивности значения, усиление гранд-оттенка в каждом последующем компоненте градации. Кстати, градация нарастающего типа (климакс) используется в современном художественном тексте практически исключительно, антиклимакс как разновидность градации встречается крайне редко. Семантика первого компонента менее интенсивная, более общая: *ношенный* — ‘бывший в носке; не новый, подержанный (об одежде, обуви)’ [6]; второй компонент обладает более интенсивным значением, его гранд-оттенок усиливается: *старый* — ‘бывший в употреблении, пользовании долго; поношенный, подержанный’ [Там же]; третий компонент максимально экспрессивен: *нищенский* — ‘свойственный нищему, характерный для него’ [Там же], значение переносное. Данные синонимы являются контекстуальными.

Отмечается тенденция к выражению последнего компонента градационного ряда более чем одним словом. В вышеуказанных примерах, для реализации данной функции используются фразеологический оборот — *опустивший руки* и уточняющее определение — местоимение *какое-то*. Средством распространения третьего имени прилагательного в градационной конструкции может быть сравнительный оборот: «*Опять допросы, наглый свет настольных ламп, за которым не видно лицо следака, а лишь слышен его **ровный, скучающий, липкий, как намокшая осенняя паутина, голос***» (А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею) [14]. В градационном ряду три компонента — контекстуальные синонимы, имена прилагательные *ровный* — ‘размеренный, спокойный’ [6], *скучающий* — ‘выражающий скуку, свидетельствующий о том, что человеку скучно’ [Там же], *липкий* — ‘навязчивый, неотвязный’ (перен., разг., фам.) [Там же]. Расширяющая третий элемент ряда языковая единица (в данном случае сравнительный оборот) является средством интенсификации значения, предназначенным для придания последнему компоненту градации наиболее интенсивного гранд-оттенка.

Финальный компонент трёхэлементной градационной конструкции часто отличается от двух других компонентов структурно и семантически. Одним из наиболее распространённых отличий служат возможность его реализации с помощью фразеологизма и наличие разного типа распространяющих членов. Заключительный компонент является наиболее интенсивным по сравнению с другими компонентами градационного ряда эмоционально и семантически и используется в переносном значении. Именно третий компонент

чаще других является контекстуальным синонимом в синонимическом ряду. Кроме того, являясь контекстуальным синонимом, третий элемент нередко представлен не именем прилагательным, а причастным оборотом. Например: «*Перечитаем снова взъерошенный, сумбурный, раздёрванный чёрточками текст*» (А. Рекемчук. Мамонты) [14]. Первое имя прилагательное (*взъерошенный*) употреблено в переносном значении ‘взволнованный, рассерженный’ [6]; второе (*сумбурный*) имеет семантику ‘отличающийся сумбуром’ [Там же]; третий компонент (причастный оборот *раздёрванный чёрточками*) одновременно уточняет, конкретизирует описание и усиливает его за счёт яркого переносного значения, заложенного в глагол *раздёргивать* — ‘дёргая, разрывать, разделять на части’ [Там же]. Создаётся образ объекта (текста), лишённого целостности, ясности, даже смысла.

Современные писатели, испытывая тяготение к трёхэлементным градационным конструкциям с именами прилагательными (Кстати, в исследовании И. Б. Грузновой также приводятся исключительно трёхчастные примеры без акцентирования автором внимания на данной структурной особенности конструкции [5]), имеют также потребность к юмористическому использованию конструкций, количество компонентов в которых значительно (более пяти). Один из подобных примеров из произведения И. Грошека рассмотрен нами выше. Его нельзя назвать единичным. Такой длинный синонимический ряд делает градацию «антиградацией»: конструкция утрачивает свою выразительность, длинное перечисление нивелирует, снижает или утрачивает действие гранд-семантики. Чаще всего такие конструкции используются в речи комических персонажей, которых автор стремится показать слишком многословными, не умеющими действовать, склонными к постоянному бессмысленному словоизлиянию. Например: «*Ты коварный! Ты самый злобный, мерзкий, глупый, противный, дурацкий, нефертикультянный, отвратительный, мерзопакостный мальчишка, — глухо доносилось из прозрачного кладбищенского холмика с высоким крестом*» (И. Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть 2007) [14].

Мы видим в данном градационном ряду из девяти компонентов четыре языковых синонима *мерзкий, противный, отвратительный, мерзопакостный* из синонимического ряда с доминантой *отвратительный* [1. С. 302] и семантикой (по доминанте) ‘вызывающий отвращение; противный, гадкий’ [6]. Кроме того, градационная конструкция включает языковые синонимы *глупый* (доминанта) и *дурацкий* [1. С. 90] с семантикой (по доминанте) ‘тот, кто умственно ограничен, недогадлив, несообразителен, бестолков’ [6], а также лексему *коварный* — ‘проникнутый коварством, преисполненный коварства’ [Там же] и окказиональное имя прилагательное *нефертикультянный* с неясным значением и явным комическим смыслом. Хотя налицо градационное выстраивание имён прилагательных, большое количество компонентов лишает градационную конструкцию экспрессивности и заставляют читателя воспринимать лексику с негативной оценочностью без учёта её коннотации и экспрессивности.

Таким образом, синонимические имена прилагательные являются важным средством построения градационных конструкций в языке современной художественной литературы. Основная разновидность градационной конструкции данного типа включает три компонента: первый имеет более общее значение; третий — наиболее интенсивен по семантике; а второй является соединяющим элементом между ними. Для усиления гранд-оттенка последнего компонента синонимического ряда он имеет отличительные черты в структуре и семантике: рассматриваемый синоним часто контекстуальный, выражен фразеологизмом или причастным оборотом, расширяется, например, уточняющим определением или сравнительным оборотом. Значительные по составу компонентов градационные ряды с именами прилагательными часто используются повествователем, мастером слова, как комическое средство речевой характеристики персонажей. В них градация, при внешнем соблюдении правил построения, перестаёт быть активным стилистическим средством интенсификации, используя в одном и том же предложении многокомпонентные (пять или более) синонимичные ряды имён прилагательных, и становится элементом юмористической характеристики многословного героя.

Список литературы

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник : ок. 11 000 синоним. рядов. — 11-е изд., перераб. и доп. / З. Е. Александрова. — М. : Русский язык, 2001. — 568 с.
2. Березницкая, П. П. Типология и структура градуальных полей в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / П. П. Березницкая. — Краснодар, 2004. — 20 с.

3. Бондаренко, М. В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / М. В. Бондаренко. — Воронеж, 2001. — 20 с.
4. Булыко, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Булыко. — Мн. : Харвест, 2007. — 448 с.
5. Грузнова, И. Б. Градационные отношения между однородными определениями (на материале произведений современных писателей) / И. Б. Грузнова // Казанская наука. — 2012. — № 7. — С. 142-144.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — М. : Дрофа, 2000. — 1233 с. — URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения: 08.02.2019).
7. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — Назрань : Пилигрим, 2010. — 486 с.
8. Колесникова, С. М. Категория градуальности в современном русском языке / С. М. Колесникова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. — М., 1999. — 44 с.
9. Колесникова, С. М. Градуальность: системные связи и отношения / С. М. Колесникова : монография. — М. : Изд-во «Прометей», 2012. — 283 с.
10. Колесникова, С. М. Функциональная грамматика: предикативность, градуальность, оценочность : учеб. пособие / С. М. Колесникова. — М. : МПГУ, 2016. — 288 с.
11. Колосова, Т. А. Центр и периферия функционально-семантического поля градации в современном русском языке / Т. А. Колосова, О. М. Кузнецова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. : История, филология. — 2015. — Т. 14. — № 9. — С. 78-84.
12. Крылова, М. Н. Синтаксическая стилистика прозы Б. Акунина / М. Н. Крылова // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы : мат. междунар. науч.-практ. конф. Научный центр «Диспут». — Вологда : Маркер, 2016. — С. 145-146.
13. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2010. — 562 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.02.2019).
15. Щербаков, А. В. Градация как стилистическое явление современного русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Щербаков. — Кемерово, 2004. — 23 с.

Сведения об авторе

Нгуен Мань Хай — аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. nmhaihn213@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 115—120.*

SYNONYMIC SERIES OF ADJECTIVES AS THE BASIS OF GRADATION IN THE FICTION TEXT

Nguyen Manh Hai

Moscow Pedagogical State University. nmhaihn213@gmail.com

The article considers the structural and semantic features of the construction of gradation based on synonymous series of adjectives in the modern fiction text. Synonymous adjectives are an important means of building gradation constructions in the language of modern fiction. It is proved that the three-part model is the most effective gradation construction with synonymous adjectives. The first component of such a structure has a more general meaning, the third has the most expressed grand-hue, and the second has the role of a link between them. The final component of the three-part construction often has structural and semantic differences that serve to intensify its meaning (it can be expressed by a phraseologism, a participial construction, can be expanded, etc.). Not infrequently gradation series with adjectives are used by the writer (the narrator) as a comic means of speech characterization of the characters.

Keywords: *synonyms, synonymic series, adjective, gradation, gradual, gradual relationship, grand-hue.*

References

1. Aleksandrova, Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: prakticheskii spravochnik: ok. 11 000 sinonim. riadov* [Dictionary of synonyms of the Russian language: practical guide: about 11 000 synonymic series]. – 11-e izd., pererab. i dop. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 568 p. (In Russ.).
2. Bereznitskaia P.P. *Tipologii i struktura gradual'nykh polei v russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Typology and structure of grad fields in Russian. Abstract of thesis]. Krasnodar, 2004. 20 p. (In Russ.).
3. Bondarenko, M.V. *Gradual'nost' kak svoistvo leksiki i osnovanie dlia postroeniia leksicheskoi paradigmy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05* [Gradualist as a property of the vocabulary and foundation to build lexical paradigm. Abstract of thesis]. Voronezh, 2001. 20 p. (In Russ.).
4. Bulyko, A.N. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Minsk, Kharvest Publ., 2007. 448 p. (In Russ.).
5. Gruznova, I.B. Gradatsionnye otnosheniia mezhdru odnorodnymi opredeleniiami (na materiale proizvedenii sovremennykh pisatelei) [Gradational relations between homogeneous definitions (based on the works of modern writers)]. *Kazanskaia nauka* [Kazan science], 2012, no. 7, pp. 142-144. (In Russ.).
6. Efremova, T.F. *Novyi tolkovo-slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 1233 p. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>, accessed 08.02.2019. (In Russ.).
7. Zherebilo, T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran', Piligrim Publ., 2010. 486 p. (In Russ.).
8. Kolesnikova, S.M. *Kategoriia gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01* [The category of graduation in the modern Russian language. Abstract of thesis]. Moscow, 1999. 44 p. (In Russ.).
9. Kolesnikova, S.M. *Gradual'nost': sistemnye svyazi i otnosheniia: monografiia* [Graduation: system connections and relations: monograph]. Moscow, Prometei Publ., 2012. 283 p. (In Russ.).
10. Kolesnikova, S.M. *Funktsional'naia grammatika: predikativnost', gradual'nost', otsenochnost': ucheb. posobie* [Functional grammar: predicatively, gradualist, evaluation: training manual]. Moscow, MPGU Publ., 2016. 288 p. (In Russ.).
11. Kolosova, T.A., Kuznetsova, O.M. Tsentr i periferiia funktsional'no-semanticheskogo polia gradatsii v sovremennom russkom yazyke [Center and periphery of the functional-semantic field of graduation in the modern Russian language]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii, filologiiia* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, no. 9, pp. 78-84. (In Russ.).
12. Krylova, M.N. Sintaksicheskaiia stilistika prozy B. Akunina [Syntactic stylistics of the prose of B. Akunin]. *Nauka segodnia: fakty, tendentsii, prognozy: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Science today: facts, trends, forecasts: materials of the International scientific-practical conference]. Scientific center «Dispute». Vologda, Marker Publ., 2016, pp. 145-146. (In Russ.).
13. Matveeva, T.V. *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Full dictionary of linguistic terms]. Rostov n/D, Feniks Publ., 2010. 562 p. (In Russ.).
14. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian national corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>, accessed 08.02.2019. (In Russ.).
15. Shcherbakov, A.V. *Gradatsiia kak stilisticheskoe iavlenie sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Gradation as a stylistic phenomenon of the modern Russian literary language. Abstract of thesis]. Kemerovo, 2004. 23 p. (In Russ.).

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

С. А. Песина^{1,2}, И. Р. Пулеха¹, Д. М. Калашник³

¹Магнитогорский государственный университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

Цель статьи заключается в исследовании функциональных особенностей лексических средств, маркирующих категорию неопределенности, представлении их классификации и причин, обуславливающих их широкое использование в различных типах дискурса. Результаты проведенного исследования, представленный иллюстративный материал рассматриваются как доказательства тенденции к усилению частотности использования единиц категории неопределенности в процессе коммуникации с целью достижения необходимого прагматического эффекта.

Ключевые слова: маркеры категории неопределенности, когнитивная категория, когнитивный прототип, аппроксиматор, дискурс.

Изучение категории неопределенности в языкознании осуществляется с позиций разных подходов. В отечественной лингвистике категория определенности-неопределенности связывается, прежде всего, с местоименными категориями, в германских языках основным средством выражения данной категории является артикль. В прагматике неопределенность рассматривается в качестве одного из средств достижения перлокутивного эффекта того или иного высказывания.

Следует отметить, что авторы не сходятся во мнении относительно названия семантических единиц, принадлежащих категории неопределенности. В анализе англоязычного дискурса данное явление известно как *vague expressions/tagging/general extenders/list completers / language, or linguistic vagueness / set marking tags / utterance final (terminal) tags / vague word clusters*. Причина подобного терминологического разнообразия кроется в функциональной многоаспектности данной категории слов. Кроме того, как ни странно, именно наличие у говорящего и слушающего общего фонда знаний о мире делает возможным употребление неопределенных именных групп, поскольку их референты (или возможные референты) домысливаются слушающим, если он понимает, к какой категории они относятся [4; 5].

Исследователи отмечают чрезвычайную пространственность неопределенных именных групп в английском языке, особенно в его разговорной форме, по причине их вариативной функциональ-

ности и общей «лености» языка. Все это свидетельствует о значительной частотности и общей популярности лексики данной категории, без которой естественная коммуникация не была бы невозможной [6; 7].

Несомненно, некоторая семантическая неточность, нечеткость и размытость присущи не только категории, исследуемой в рамках данной статьи, но и лексическому значению в целом, семантика которого имеет «сборный», кластерный характер [8; 9; 10].

Представим далее современные классификации лексических маркеров категории неопределенности (*vague category markers*). В приведенной ниже небольшой группе слов искомые лексемы объединены по принципу типа союзной связи и состоят, главным образом, из двухкомпонентных выражений, используемых в академической речи. Назовем эти единицы «**Группа лексических маркеров категории неопределенности с разделительным союзом (or-expressions)**»: *or whatever, or anything, or something (like that)*:

— *Bye one and get ten free or whatever.*

Аналогичная двухместная модель маркеров категории неопределенности общего характера может содержать и соединительный союз («**Группа лексических маркеров категории неопределенности с соединительным союзом (and-expressions)**»): *and so on (and so forth), and everything, and that sort of thing, and something of that nature:*

— *But er yeah. Have you done anything on the intentionalist fallacy and the effective fallacy and that sort of thing?*

— *Before we go on to the third lecture where we talk about the liver and pancreas and so on...*

Другая классификация данных устойчивых выражений основывается на их функциональных особенностях. Она включает:

1) маркеры категории неопределенности, завершающие список или перечисление (vague tagging). *Часть слов и словосочетаний этой и следующей довольно большой группы относится к разговорной лексике и сленгу:*

and things (like that), and all the rest of it, and all that sort of thing, etcetera/etc./et cetera, and/or something (like that), and something of that nature, and so on and so forth, or anything, or so, and/or stuff (like this/that), or what/where/whoever, and everything (like that/else), and that kind of thing, and that (sort/kind/type of thing, lot. Наречия или вводные слова *like, kind of, sort of*, получившие в англоязычной лингвистической литературе наименование *hedges*, в отечественной лингвистике — *модальными операторами*.

В англо-русских лингвистических и семиотических словарях подобные слова-маркеры категории неопределенности определяются как *слова-ограничители* и трактуются как лексические единицы, размывающие границы экстенционального. Зачастую их причисляют к классу аппроксиматоров (см. третью группу в данной классификации). Основным аргументом для подобного решения является способность подобных языковых средств осуществлять семантическую коррекцию, внося в семантику модальный окрас приблизительности:

— *He's very smart but he's also kind of young and naive and quiet and sort of shy.*

2) Во второй группе представлены Маркеры категории неопределенности, являющиеся словами-заменителями или словами-заполнителями (placeholders, fillers, or dummy nouns): *whatshisname, thingy/thing ie, what is it, thingamajig, thingy bob, thing ummy bob, thingummy.*

3) в третью группу можно включить то, что некоторые исследователи называют **аппроксиматоры (approximants).** Они определяются как разноуровневые языковые средства, функционирующие в области качественных и количественных взаимоотношений и характеризующиеся наличием семантического компонента «аппроксимативность» [1]: *almost, about, around* и др. В. И. Карасик называет их «специальными знаками приблизительности» [2]. Сюда же относятся слова, имеющие

следующие суффиксы и постпозитивы: *-ish, -odd, -something, -anything:*

There were sixty or so people there. We'll see you at seven or thereabouts. It's half two-ish.

В эту же группу аппроксиматоров входят собирательные существительные: *heaps of loads of, oodles of*, и т. п. и местоимения-квантификаторы: *some, lots of, several* и др.:

The computer caused loads of problems.

Ряд исследователей отдельно выделяют группу так называемых **слов общего характера, завершающих перечисление (generalized list completers)**, которая является довольно представительной и частотной в устном и письменном дискурсе:

and/or something, something/anything (like that), and/or stuff (like that), or what, or whatnot, and all, and everything, and crap:

I left all the foils and equipments and stuff on the goddam subway.

They did not have a maid or anything, and they always opened the door themselves.

It is a pretty good book and all [17].

Для отсылки к скрытым категориям в поверхностной структуре предложения нередко используются такие второстепенные члены, как приложения-экземплификаторы, включающие в себя ряд элементов необходимой категории. Их роль состоит в том, чтобы вызвать в сознании слушающего ассоциации с другими элементами данной категории и, как следствие, всю соответствующую когнитивную категорию.

В целом, неопределенные именные группы сигнализируют о том, что слушающему предлагается интерпретировать приведенные элементы как типичный иллюстративный материал базового уровня, который отсылает к более высокому — суперординатному — уровню соответствующей когнитивной категории. Функция приведенных тематически близких слов заключается в том, чтобы очертить соответствующий суперординатный уровень (катеорию в терминологии Э. Рош). Таким образом, воспринимающее сознание посредством элементов соответствующей категории неопределенности побуждается к домысливанию, к собственному выбору в пределах данной категории.

Чтобы осуществить референцию к когнитивной категории нет необходимости называть все элементы категорий в соответствии с принципом экономии когнитивных усилий говорящего. Достаточно дать один-два типичных представителя категории и соответствующий «завершитель списка», например, *etcetera*:

...Some languages, like English, lexicalize or semi-lexicalize them by means of modal verbs ('may', 'must', etc.), modal adjectives ('possible', etc.), modal adverbs ('possibly', etc.) and modal particles ('perhaps', etc.). [16. С. 238].

Говорящий, как правило, психологически точно выбирает когнитивный прототип категории, с тем, чтобы наверняка обеспечить понимание того, о какой конкретно категории идет речь: перечисление менее типичных или маргинальных членов категории может затруднить понимание. Например, всем известно, что вопрос *Would you like a drink?* отсылает слушающего, прежде всего, к категории спиртных напитков. Поэтому, в следующем примере, говорящий, зная, что его спутник предпочитает безалкогольные напитки, безошибочно выбирает один из центральных представителей категории безалкогольных напитков — апельсиновый сок, который бесспорно является прототипом данной категории.

— *Would you like a drink — an orange juice or something?* [14].

Обычные и скрытые категории противопоставляются категориям *ad hoc*. Эти категории обладают концептуальной реальностью только для говорящего, поэтому их трудно домыслить. Например, в сознании человека может существовать персональная категория «что я люблю делать на отдыхе» или «способы отомстить соседям, которые шумят» и т. п. Перечень членов подобных уникальных категорий является закрытым и трудноопределимым. При актуализации *ad hoc* категорий приводится, как правило, законченный список их элементов, а маркеры категории неопределенности в этом случае не только невозможны, но и неуместны:

He ordered himself, too, the very dinner the boy had always chosen — soup, whitebait, cutlets, and a tart [15. С. 22].

В приведенной ситуации из известного произведения Дж. Голсуорси без экспликации всех элементов категории «обед, который всегда заказывал молодой Джолион» читатель не смог бы их точно определить, так как она носит уникальный характер, существует только в сознании автора.

Представим далее возможный перечень функций, которые выполняют в речи исследуемые нами лексические элементы:

1. Все данные лексемы могут выступать маркерами общей неопределенности, когда предмет разговора не требует точных формулировок (в том числе может быть выбран говорящим преднамеренно для достижения нужного перлуковитивного эффекта или поддержания необходимого климата общения);

2. говорящий отсылает адресата к известному знанию или информации, таким образом, слова категории неопределенности выступают в качестве связующего звена между старой и новой информацией/знанием;

3. слова категории неопределенности отсылают к другим членам конкретной когнитивной категории, у которой может быть открытый трудноисчислимый до конца перечень элементов, т. е. выступать субститутом неопределенного числа чего-либо;

4. говорящие пытаются уйти от прямых ответов или скрыть свою точку зрения; в языке может отсутствовать требуемое слово или говорящий не знает его;

5. говорящий не имеет точного ответа на поставленный в ходе коммуникации вопрос;

6. говорящий экономит время, свои речевые и когнитивные усилия;

7. коммуниканты пытаются сократить разделяющую их коммуникативную/психологическую дистанцию;

8. говорящие фокусируются на важной информации, оставляя без внимания детали, которые считают неважными;

9. говорящий не уверен или ему не интересна обсуждаемая тема;

10. говорящий использует технику хеджирования. Данная функция означает «речевое страхование», т. е. собственную защиту от радикальных, агрессивных или оскорбительных высказываний в чей-либо адрес. Хеджирование — это использование в речи слов и оборотов, функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее неясными.

Кроме того, в процессе коммуникации может возникнуть ситуация, при которой актуализация лексических единиц неопределенности может быть вызвана устранением избыточных данных, сомнением, незнанием нюансов вопроса, использованием различных дипломатических ходов, умолчанием, амбивалентностью, отсутствием интереса к предмету разговора или человеку, ограниченностью лексических ресурсов языка или его незнанием и т. п. [3].

Приведем далее наиболее частотные единицы категории неопределенности, употребляемые в английском языке:

or something (like that); or whatever and whenever; etc. / etcetera/ et cetera; (and) (all) that/those sort(s)/ type(s) /kind of thing; (or) anything (like that); (and) staff (like that); and that; and so on; and this, that

and the other; and things like that; and so forth; and all that sort/kind of stuff; and everything (else); and things; and all that; and stuff; and so on.

В отечественном языкознании лексические единицы категории неопределенности получили название «неопределенные именные группы». Соответственно, в русском языке данным маркерам категории неопределенности могут соответствовать следующие единицы: *типа/(на)вроде (того), и все такое (прочее), в этом духе/роде, и так далее/тому подобное, по типу того, и бла-бла-бла.*

Итак, представленные в рамках данной статьи лексические маркеры категории неопределенности выполняют важнейшие функции в процессе коммуникации, зачастую свидетельствуя о наличии общих интересов и способности к взаимопониманию [11; 12; 13]. Данные лексические средства обладают способностью экономить время, сокращая дистанцию к взаимопониманию и реализуя принцип речевой экономии, могут выступать в качестве своеобразного механизма защиты, маркируя неуверенность и сомнение.

Список литературы

1. Адамович, С. В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения / С. В. Адамович // Гродно : ГрГУ, 2011. — 183 с.
2. Карасик, В. И. Интерпретативные модусы общения / В. И. Карасик // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1., 2011. — С. 255—262.
3. Мартынова, И. А. Лексические маркеры неопределенности в разговорном англоязычном дискурсе / И. А. Мартынова // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2., 2016. — С. 30—34.
4. Назарова, О. Л., Песина, С. А. Социальный характер языка как совокупность коллективных типизированных знаковых ситуаций / О. Л. Назарова, С. А. Песина // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2016. — С. 134—140.
5. Песина, С. А., Зимарева, О. Л., Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов / С. А. Песина, О. Л. Зимарева // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (50), 2017. — С. 146—154.
6. Песина, С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления / С. А. Песина // Вестник ОГУ: Проблемы онтологии, теории познания и философской антропологии. — Оренбург, 2009. № 7(101): июль. С. 178—181.
7. Песина, С. А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики / С. А. Песина // Вестник ТГУ. — Томск, 2006. № 291: июнь. С. 177—182.
8. Песина, С. А. Языковая картина мира в философском и лингвистическом осмыслении / С. А. Песина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал, 2005. № 3 (10). — С. 358—362.
9. Песина, С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка / С. А. Песина // Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
10. Песина, С. А., Дружинин, А. С. Когнитивный и антропоцентрический подход к процессу коммуникации / С. А. Песина, А. С. Дружинин // Вестник Брянского государственного университета. 2016, № 3 (29). С. 161—165.
11. Песина, С. А. Слово в понимании философии языка и лингвистики / С. А. Песина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2011. № 2 (4). — С. 122—131.
12. Песина, С. А. Репрезентация слов в лексиконе / С. А. Песина // Международный конгресс: сб. мат-лов; Ин-т языкознания Рос. Академии наук, Тамб. гос. Ун-т. Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2010. С. 121—123.
13. Пулеха, И. Р., 2017. Приложение в современном английском языке / Пулеха И. Р. // монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. 127 с.
14. Channell J. Vague Language. — New York: Oxford University Press, 1994. — 226 p.
15. Galsworthy, J., 1994. The Man of Property. Hertfordshire: Wordsworth Editions. 293 p.
16. Lyons J. Language, Meaning and Context. — London: Fontana Linguistics, 1981. — 256 p.
17. Salinger, J. D. The Catcher in the Rye // Penguin, 2011.

Сведения об авторах:

Песина Светлана Андреевна — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета им. Г. И. Носова, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета. spesina@bk.ru.

Пулеха Ирина Рудольфовна — кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. irinapulekha@mail.ru.

Калашников Дмитрий Михайлович — кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. dkalashnik@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 121—126.*

**LINGUOCOGNITIVE APPROACH TO THE INTERPRETATION
OF THE UNCERTAINTY CATEGORY
(ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

S. A. Pesina

*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia,
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. spesina@bk.ru*

I.R. Pulekha

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia. irinapulekha@mail.ru

D.M. Kalashnik

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia. lyalyax@bk.ru

The purpose of the article is to study the functional peculiarities of language units of uncertainty, to present their classification and to understand the reasons that lead to their widespread use in various types of discourses. The classification of language units of uncertainty is based on their functional features. The possible list of their functions includes the following features: they act as a link between the old and the new information; they serve as a reference to an open list of elements that is difficult to enumerate to the end; they can act as markers of general uncertainty, when the subject of the conversation does not require precise wording; when speakers focus on important information, disregarding details; when the speaker uses hedging techniques and some others. Our study proved that markers of the category of uncertainty are not considered as redundant, and are viewed as qualifying elements that structure the content of the statement. The results of the study, as well as the presented illustrative material, are considered as evidence of increasing frequency of use of language units of uncertainty in the communication process in order to achieve the necessary pragmatic effect.

Keywords: *uncertainty category markers, cognitive category, cognitive prototype, approximator, discourse.*

References

1. Adamovich, S. V. *Semanticheskaja kategorija approksimacii i sistema sredstv ee vyrazhenija* [Semantic category of approximation and the system of means of its expression] / S. V. Adamovich // Grodno : GrGU., 2011. – 183 s. (in Russ.)
2. Karasik, V. I. Interpretativnye modusy obshhenija [Interpretative communication modes] / V. I. Karasik // *Uchenye zapiski Tavricheskogo nac. un-ta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologija. Social'nye kommunikacii.* T. 24 (63). № 1. Ch. 1., 2011. – pp. 255–262. (in Russ.)
3. Martynova, I. A. Leksicheskie markery neopredelennosti v razgovornom anglojazыchnom diskurse [Lexical markers of uncertainty in colloquial English discourse] / I. A. Martynova // *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija.* № 2, 2016. – pp. 30–34. (in Russ.)
4. Nazarova, O. L., Pesina, S. A. Social'nyj harakter jazyka kak sovokupnost' kollektivnyh tipizirovan-

nyh znakovykh situacij [The social nature of the language as a set of collective typed character situations] / O. L. Nazarova, S. A. Pesina // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. № 3. 2016. – pp. 134–140. (in Russ.)

5. Pesina, S. A., Zimareva, O. L. Semanticheskij analiz i reprezentacija znachenij v strukture mnogoznachnyh slov [Semantic analysis and representation of meanings in the structure of multi-valued words] / S. A. Pesina, O. L. Zimareva // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. № 1 (50), 2017. – pp. 146–154. (in Russ.)

6. Pesina, S.A. Kognitivnyj podhod k vzaimodejstvu jazyka i myshlenija [Cognitive approach to the interaction of language and thinking] / S.A. Pesina // *Vestnik OGU: Problemy ontologii, teorii poznanija i filosofskoj antropologii*. – Orenburg, 2009. № 7(101) : July. pp. 178-181. (in Russ.)

7. Pesina, S.A. Razgranichenie jazyka i rechi v svete prototipicheskoj semantiki [Differentiation of language and speech in the light of prototypical semantics] / S.A. Pesina // *Vestnik TGU*. – Tomsk, 2006. № 291 : ijun'. pp. 177-182. (in Russ.)

8. Pesina, S.A. Jazykovaja kartina mira v filosofskom i lingvisticheskom osmyslenii [Language picture of the world in philosophical and linguistic understanding] / S.A. Pesina // *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki : Nauchnyj zhurnal*, 2005. № 3 (10). – pp. 358-362. (in Russ.)

9. Pesina, S.A. *Invariantnost' v kognitivnoj lingvistike i filosofii jazyka* [Invariance in cognitive linguistics and language philosophy] / S.A. Pesina / Uchebnoe posobie. M. : FLINTA : Nauka, 2014. (in Russ.)

10. Pesina, S.A., Druzhinin, A.S. Kognitivnyj i antropocentricheskij podhod k processu kommunikacii [Cognitive and anthropocentric approach to the communication process] / S.A. Pesina, A.S. Druzhinin // *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, №3 (29). pp. 161-165. (in Russ.)

11. Pesina, S.A. Slovo v ponimanii filosofii jazyka i lingvistiki [The word in understanding the philosophy of language and linguistics] / S.A. Pesina // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Filosofija*. 2011. № 2 (4). – pp. 122 – 131. (in Russ.)

12. Pesina, S.A. Reprezentacija slov v leksikone [Representation of words in the lexicon] / S.A. Pesina // *Mezhdunarodnyj kongress : sb. mat-lov ; In-t jazykoznanija Ros. Akademii nauk, Tamb. gos. Un-t. Tambov : Izdatel'skij dom TGU*, 2010. pp. 121-123. (in Russ.)

13. Puleha, I. R., 2017. *Prilozhenie v sovremennom anglijskom jazyke* [Application in modern English] / Puleha I. R. / Monograph. Magnitogorsk : Izd-vo Magnitogorsk. gos. teh. un-ta im. G. I. Nosova, 2017. 127 s. (in Russ.)

14. Channell, J. *Vague Language*. – New York: Oxford University Press, 1994. – 226 p.

15. Galsworthy, J., 1994. *The Man of Property*. Hertfordshire : Wordsworth Editions. 293 p.

16. Lyons, J. *Language, Meaning and Context*. London: Fontana Linguistics, 1981. 256 p.

17. Salinger, J. D. *The Catcher in the Rye* // Penguin, 2011.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВА И НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА)

А. К. Пирниязова

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажинияза, Нукус, Республика Каракалпакстан

Данная статья посвящена изучению каракалпакских фразеологизмов, выражающих благодарность, пожелание, проклятие, их связь с этнокультурой. Современная фразеология все более выходит за рамки фразеологической семантики, расширяет свой метаязык, использует не только собственно лингвистические методы описания фразеологизмов, но и тесно связывается с современной когнитивной лингвистикой, которая широко привлекает фразеологический материал для моделирования концептосферы определенного народа.

Ключевые слова: *фразеологизм, значение, доброжелательство, недоброжелательство, этнокультура, экспрессивно-эмоциональное значение, стиль, менталитет, традиция, культура, концепт, концептосфера, метафора, духовный мир, обычай.*

В языкознании с давних пор привлекает внимание ученых проблема о фразеологизмах, изучаемых в качестве особенной группы словарного состава. Из классической филологии нам известно, что в античной мировой науке исследования по некоторым вопросам фразеологии начал Аристотель [10. С. 86], а в XIX веке в тюркской филологии термин *фразеология* был употреблен Мирза Казембеком (1802—1870) [13. С. 9].

Формирование и развитие фразеологии в тюркском языкознании известный ученый Б. Юлдашев рассматривает в три периода: первый охватывает период с середины XVIII века до 30-х годов XX века. Это время, когда шло накопление эмпирического материала и создание теоретико-методологических основ фразеологии. Второй период охватывает 30—50-е годы XX века, это период формирования фразеологии как отдельной отрасли лингвистики. Третий период — период развития фразеологии и включения ее в междисциплинарные исследования — начинается с 60-х годов XX века и продолжается по сей день [13. С. 4—5].

Специальные исследования известных тюркологов С. К. Кенесбаева, Ш. У. Рахматуллаева проложили дорогу к возникновению и развитию тюркской фразеологии. Кандидатская диссертация Ш. У. Рахматуллаева посвящена особенностям глагольных фразеологизмов [20].

Вместе с тем, на сегодняшний день довольно мало системно написанных специальных трудов по фразеологии каракалпакского языка. По некоторым вопросам фразеологии можно указать на тру-

ды профессора Е. Бердимуратова [9]. Вопросы отражения именительных фразеологизмов в двуязычных словарях изучались С. Т. Наурызбаевой [18]. Г. Айназарова в научном аспекте исследовала вопросы симметричных двухкомпонентных фразеологизмов. Труд Г. Айназаровой изучает фразеологизмы по строению, в том числе особенную структуру, лексико-семантические и стилевые особенности двухкомпонентных фразеологизмов [1]. Б. Юсупова наряду с этим особо отмечает то, что фольклорная фразеология отличается большими особенностями, и то, что имеются фразеологизмы, обладающие индивидуальными авторскими качествами [26. С. 153].

Один из известных русских лексикологов Н. М. Шанский, говоря о состоянии исследования и изучения фразеологизмов в русском языке, отмечает, что на сегодняшний день семантические особенности фразеологизмов русского языка больше изучены по стилевому употреблению в художественной литературе и публицистике, и то, насколько важно изучение фразеологизмов в других аспектах. Сегодня в объект исследований должны превратиться лексический состав, структура, значение, морфологические особенности фразеологизмов [25. С. 55]. Мы считаем, что эти мысли касаются и фразеологии каракалпакского языка и вопросов её изучения.

Стоит отметить, что современная фразеология все более выходит за рамки фразеологической семантики, расширяет свой метаязык, использует не только собственно лингвистические методы

описания фразеологизмов, но и тесно связывается с современной когнитивной лингвистикой, которая широко привлекает фразеологический материал для моделирования концептосферы определенного народа. Важность внутренней формы для исследования национально-культурной специфики и когнитивного момента различных языков подчеркивается во многих трудах (В. Н. Телия, Д. О. Добровольский, Т. З. Черданцева, В. А. Маслова).

В любом языке встречается целый ряд фразеологизмов с национально-культурной семантикой. Они отражают национальную культуру комплексно, то есть всеми элементами фразеологизма в совокупности, или расчлененно, то есть единицами своего состава, или своими прототипами, поскольку изначально генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и др. Национально-культурная семантика фразеологизмов выражается национально-культурным элементом, то есть элементом плана содержания фразеологизмов, отражающим своеобразие национальной культуры страны.

Во фразеологизмах сконцентрированы и закреплены представления народа о морали, поведении, а также стереотипы и социально-исторические факты. В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [22].

Целью данной статьи является изучение фразеологизмов в каракалпакском языке, выражающих благодарность, пожелание, проклятие, а также их связь с этнокультурой. Прежде чем рассмотреть эту проблему, определим наше отношение к понятию **«фразеологизм»** и к **объему фразеологии**.

На современном этапе наметилось несколько подходов к фразеологическому материалу. Широкий подход выражен в работах А. И. Ефимова, Е. М. Галкиной-Федорук, А. А. Реформатского, В. Виноградова. Они относят к фразеологии любое устойчивое словосочетание, пословицы, поговорки, сказочные зачины, афоризмы, крылатые слова. Широкого взгляда на объект фразеологии придерживается также М. М. Копыленко, который подчеркивает, что в рамках фразеологии могут изучаться все виды индивидуальной и групповой сочетаемости лексем [14]. Узкое понимание объекта фразеологии находим в работах А. И. Молоткова, М. Т. Тагиева, И. А. Федосова и др. Так, А. И. Молотков выделяет как объект фразеологии только разряд устойчивых словесных комплексов [17].

В каракалпакском языке вопрос о фразеологизмах рассматривался по-разному, до сих пор используются термины типа фразеологические единицы, фразеологические сочетания, устойчивые словосочетания, идиомы, фраземы, фразеологизмы. Исследователи фразеологизмов изучают их, разделив на три группы: *фразеологические сращения*, *фразеологические единства* и *фразеологические сочетания*, или на четыре группы, добавив к ним *фразеологические слова* [9. С. 18].

Обсуждая классы фразеологических единиц, выделенные учеными, В. Н. Телия пишет: «...мы предпочитаем в соответствии со сложившейся традицией называть сочетания с полностью переосмысленным значением фразеологизмами-идиомами, или просто идиомами, тем самым сохраняя структурно-семантический их изоморфизм с идиомами других типов (словообразовательными, синтаксическими и т. п.) вплоть до понятия идиоматичности языка L_1 , относительно языка L_2 » [22. С. 59].

Мы в нашей работе фразеологию рассматриваем в узком смысле. Фразеологизм — это воспроизводимое в готовом виде семантически несвободное сочетание слов, характеризующаяся семантической целостностью и идиоматичностью.

Основная часть фразеологизмов в языке с семантической стороны обращена на человека, описание его действий: они оценивают физические, психологические, этические, интеллектуальные качества человека, характеризуют общественное состояние, профессию, возраст, жизненный опыт, родственные связи человека. Такое состояние называется антропоцентрическими свойствами фразеологизмов [7. С. 5—17].

Обычаи и традиции каракалпакского народа формировались на протяжении долгих лет. Образ жизни, быт, культура находят свое отражение в менталитете. Язык является великим даром, предоставленным человечеству, эта одна из важнейших и неотъемлемых частей национальной культуры. Поэтому язык является не только средством общения, но и средством создания материальных и духовных благ, источником воспитания, развивающим человека, обеспечивающим соответствие его поведения и человеческих качеств. В языке отражаются реальный образ жизни нации, его исторический опыт, традиции и обычаи, многовековая история и культура.

Г. А. Антипов, И. Ю. Марковина, О. А. Донских, Ю. А. Сорокин считают, что к национально-специфическим компонентам культуры относятся:

1) традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды

(выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований);

2) бытовая культура, тесно связанная с традициями, вследствие чего ее нередко называют традиционно-бытовой культурой;

3) повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический кинетический коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

4) «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

5) художественная культура, отражающая культурные традиции того или иного этноса» [5. С. 76—77].

В компоненты национальных особенностей каракалпакской культуры входят обычаи и традиции. Одна из основных культурных национальных особенностей каракалпакского народа — национальные обряды традиционных культурных образцов. При этом национальные обряды могут отличаться от обрядов других национальностей только при условии их сохранения в исконном, народном понимании.

Языку и культуре присущи общие признаки: это — форма сознания, отражающая мировоззрение народа и человека, они смешиваются, вступая в диалог. Так как субъект отношений — это субъект определенной культуры, имеются частные и общие формы их существования; и обоим явлениям присущи нормативность, историчность и взаимосмещение, переходящее от одной области к другой. Язык — неотъемлемая часть культуры. Его познание, усвоение происходят через формирование, совершенствование специфических признаков национального мышления. Культура живет в языке, тексте.

Каракалпаки считаются народом, имеющим очень богатые духовные ценности, они выделяются среди народов мира своеобразием традиций, обычаев, национальной культурой. Народ, имеющий стотомник устного народного творчества, которое является неотъемлемой частью духовных жемчужин, отличается и богатством своего языка («Каракалпакский фольклор» 100 томов. Нукус: «Каракалпакстан», 2007—2017 гг.). Каракалпакский народ — народ с острым словом, богатым языком, каждое свое слово подтверждающий пословицами и поговорками, фразеологизмами.

К. Айымбетов писал: «Творения мастеров слова прошлого — искусство народного слова, устная литература, народная мудрость, большая часть фольклора — народные пословицы и поговорки, фразеология... Слова, употребляемые в народном просторечии в иносказательном значении называются фразеологией, типы высказывания (иносказания, остроты, крылатые слова) языковеды изучают в языкознании» [3. С. 92].

Фразеологизмы в каракалпакском языке являются образцами художественного слова, которые построены компактно, и малым количеством слов они передают большое понятие, имеют глубокое значение, экспрессивность и сильную образность. Посредством художественных фразеологизмов можно достичь четкого и ясного изображения различных тонких чувств и изменений в душе человека. Это образец языка образного мышления, пропитанного образцами народной мудрости. И в устном народном творчестве, и в произведениях писателей фразеологизмы оживляют, иносказательно художественно изображают их язык. Т.о. фразеологизмы — готовое средство в языке, оживляющее язык художественного произведения, иносказательного, художественного описания в устной речи.

Ученые, изучающие фразеологизмы отмечают отличия значений, сфер употреблений фразеологизмов. Фразеологизмы, согласно различным формам взаимодействия мнениями через язык, отличаются друг от друга. С точки зрения особенностей употребления профессор Е. Бердимуратов разделяет фразеологизмы на три группы:

1. Общие стилевые фразеологические словосочетания. Фразеологические словосочетания не ограничиваются разговорной речью или только одним стилем письменной речи, они активно употребляются в обеих формах.

2. Фразеологические словосочетания, присущие разговорной речи.

3. Фразеологические словосочетания, присущие письменному стилю. Воспринимаются как устойчивые словосочетания, активно употребляемые в определенной сфере, присущей письменной речи [9. С. 267—270].

Итак, одна группа фразеологизмов присуща разговорной речи, вторая группа присуща письменной речи, а третья группа употребляется и в устном разговорном, и в письменных стилях. Являющиеся нашим объектом изучения фразеологизмы, обозначающие доброжелательства и зложелательства, присущи устной разговорной речи.

По своей семантике фразеологизмы с компонентами культовых лексем делятся на три группы: 1) фразеологизмы со значениями доброжелательства, 2) фразеологизмы со значениями недоброжелательства, 3) фразеологизмы с нейтральными значениями.

Фразеологизмы с нейтральными значениями: *О, жасаган!* — «О, сотворитель!», *Қудайым-ай!* — «Боже мой!», *Қудайға аян* — «Известно богу». Словосочетания с нейтральными значениями, как видно из примеров, не имеют ингерентных эмоционально-экспрессивных оттенков.

В каракалпакском языке в коммуникации широко употребляются фразеологизмы в значении доброжелательства и недоброжелательства. По традициям и обычаям народа пожелание друг другу добра считается одной из самых гуманных качеств человека, присущих нашему народу. Когда человек злится на кого-то, он желает ему зла, употребляет в речи фразеологизмы со значением проклятия.

Фразеологизмы со значениями доброжелательства и недоброжелательства используются для выражения эмоционального и душевного состояния человека. Эти словосочетания и фразы отражают отношения дружбы, вражды, добра и зла между людьми, и, в повседневной жизни часто употребляясь в конкретных ситуациях, они превратились в языковые штампы. Каракалпакские фразеологизмы в значении доброжелательства и недоброжелательства обозначают эмоциональные чувства людей. Если первое обозначает положительную, приятную эмоцию, то второе обозначает отрицательную, неприятную эмоцию.

От души, переполненной добрыми чувствами, часто исходят не просто слова, а фразеологизмы в виде сочетаний, содержащих параллельные конструкции. И фразеологизмы в значении проклятия передаются также через фразеологизмы, состоящих из параллельных конструкций.

Г. Айназарова отмечает симметричные двухкомпонентные фразеологизмы в каракалпакском языке в значении доброжелательства и недоброжелательства с сильной экспрессивно-эмоциональной окрашенностью: *түбиң бир, шақаң мың болсын* — «чтобы корень был один, а ветвей — тысячу»; *дәртке дауа, қәстеге шына берсин* «пусть бог даст каждой проблеме свое решение, а больному выздоровление»; *абыройың ассын, мәртебең тассын* «чтобы повысился твой авторитет, умножились достоинства», *қыршынынан қыйылғыр, шыбыгынан шырпылғыр* «чтобы умер в молодые годы, чтобы поломался тонкой тростиночкой»;

усләганның қолында, тислегеннің аўзында кеткир «чтобы был у хваткого в руках, у зубастого во рту»; *үйиң күйип, шийиң қалғыр* «чтобы дом твой сгорел, и остались только циновки» др. [1. С. 10].

Каракалпакский народ, поскольку он проживал в низовьях Амударьи, в основном занимался рыболовством, земледелием и животноводством. Люди общались между собой посредством языка через добрые пожелания и добрые намерения. Они каждый раз желали друг другу добрые пожелания, исходя из своих ремесел, являющихся источником дохода. В связи с этими ремеслами сформировались фразеологизмы. Люди произносили этикетное слово «*Жылымың майлансын*» в адрес рыбака в смысле «пусть будет улов богатым!». Значение этой фразы — пожелание попадания в рыболовную сеть большого количества рыбы. Фраза «*Қырманың қызыллансын*» говорилась земледельцам осенью. Её значение — пожелание сбора богатого урожая. Фраза *Төрт түлигиң сай болсын* — «будь зажиточным, состоятельным» применялась по отношению к человеку, занимающегося животноводством. Наш народ занимался разведением четырех видов скотины — крупного рогатого скота, верблюдов, коней, мелкой скотины.

В отдельном употреблении лексема *шаңарақ* в прямом смысле означает название одной части юрты. Через название этой части юрты, посредством метонимического способа употребляется в значении *хозяйства, семьи*. Семья — символ народа. Пожелание *шаңарағың шайпалмасын* — означает пожелание крепкой, устойчивой, здоровой семьи. В семье, за столом, после приема пищи в адрес этого дома, хозяев дома произносится *пәтия* «пожелания»: *Жаның жайылсын, ушың узайсын* «чтобы твоя душа стала спокойной, а жизнь длинной»; *Бәледен — бәтерден, қәуиптен-қәтерден сақласын* «Пусть бережет (бог) от разных бед, опасностей и угроз»; *Тастым дегенде төгілмесин, жеттим дегенде жығылмасын* «Пусть не разливается, только наполнившись, пусть не падает, только дойдя»; *Жан геүдеге аманат, жүргейсизлер саламат* «Душа в твоём теле временна, будьте всегда здоровы».

В ритуализованной ситуации «свадьба» наличествует такой элемент, как произнесение речевых формул, пожеланий в адрес молодоженов. В данных речевых формулах ярко прослеживается иерархия пожеланий, которые представлены доминантными основополагающими универсальными концептами, такими как семейное счастье, потомство, долгая жизнь, здоровье, любовь — эти концепты проявляются на вербальном уровне.

По традициям каракалпакского народа, когда молодые создают семью, справляют свадьбу, пожилые аксакалы произносят в их адрес добрые пожелания — *пәтия*. При произнесении *пәтия* в основном употребляются тождественные двухкомпонентные фразеологизмы. Подавляющее большинство *пәтия* состоят из рифмованных фразеологизмов: *Туби бир, шақасы мың болсын* «(по отношению к молодым) — в значении пожелания их скорейшего размножения, чтобы у них было много детей»; *Бақ (бахыт) қарасын, Қыдыр дарысын!* — «Пусть улыбнется счастье, встретится Кыдыр», *Гүжүмдей саялы, жүзімдей мийуалы болың!* — «Будьте как карагач тенистым, как виноград плодovitым».

В адрес беременной женщины произносятся пожелания: *иши-тысың менен аман жүргейсең* — «будь жива — здорова вместе с ребенком в утробе»; при рождении ребенка; *бауы берик болсын* — «пусть он долго живет»; *бауырыңда қыймылдасын* — «чтобы он (ребенок) шевелился у тебя (у матери) под печеню!».

Фразеологизмы в качестве источников национальных культурных сведений обнаруживают добрые пожелания, отражающие чаяния народа. Фразеологическое изображение необходимых человеку концептов, подобных *бахыт* «счастье», *дәулет* «богатство», *несийбе* «в достатке» нашли свое отражение в языке. В связи с традициями и обычаями существуют своеобразные пожелания — *тилек, пәтия, дууа*. Они в основном состоят из фразеологизмов:

Ай жүр, аман жүр — «Будь всегда жив-здоров»;

Аузына май, астына тай — «Масла тебе в рот, да жеребца под тебя».

Душпаның пыяда, достың зыяда — «Пусть враг будет пешим, а друг высшим» [1. С. 80—81].

Человек произносит добрые пожелания и лично для себя. И в подобных пожеланиях тоже, в основном, употребляются фразеологизмы.

Он төртимде мениң *бахтым ашылғай,*

Дуз-несийбем Байсын елге шашылғай...

— «Чтобы в четырнадцать лет мне улыбнулось счастье,

И чтобы моя доля рассыпалась в краю Байсуна» [4. С. 36].

Бахтым ашылғай — исполнение желаний, успешное завершение начатого дела. *Дуз-несийбем шашылғай* — в значении исполнения желания, которое состоит в том, чтобы девушка стала невесткой Байсунского края, чтобы ей довелось жить в этом месте.

В каракалпакском языке формы **-ғай/-гей пожелательного** наклонения в предложении в основном выражают пожелания, мольбы, просьбы [27. С. 224]. Фразеологизмы, использованные в форме, приведенной в примере, выражают значение просьбы, пожелания. В последнее время вместо данной грамматической формы широко употребляется форма III лица повелительного наклонения. «Повелительное наклонение в форме *-сын/-син* применяется не в форме отдельного слова, а в форме устойчивого сочетания или предложной конструкции. То есть его просительное значение выявляется из контекста, или из сложившейся ситуации» [27. С. 225].

Например: *Жортқанда жолың, Қыдыр ата жолдасың болсын* — «Доброго пути, Пусть тебе будет спутником сам Кыдыр ата» и др.

Добрые пожелания люди желают друг другу перед дальней дорогой, перед началом какого-либо важного дела:

Қай шәхәрге сапар тартып шықтыңыз?

Баратуғын сапарыңыз оң болсын!

«В какой город вы путь держите?

Мы желаем вам счастливого пути!»

Сапары оң болыу — «счастливого пути!».

Здесь в форме II лица повелительного наклонения через фразеологизм выражается пожелание.

Одним из обрядовых песен, исполняемых в месяце Рамазан является — **ярамазан**. Об этом пишет профессор К. Айымбетов: «В давние времена, люди, промышлявшие пением ярамазана, собирали вокруг себя несколько молодых людей, отправлялись к другим родовым племенам, подсказывали к дому, где проживала молодая невестка или совершеннолетняя девушка и, не слезая с коня, пели ярамазан. После того, как ведущий пропоёт основной куплет песни, остальные все хором пропевают припев» [3. С. 30]. Тем, кто поет ярамазан, дарили различные подарки. После того, как примут подарки, они благословляют хозяев домов, выражают в их адрес добрые пожелания. В этих пожеланиях в основном используются фразеологизмы:

Асын, асын, асыңа, — «еда»

Берекет берсин басыңа, — «желаю благополучия твоей голове».

Қырғауылдай қорғалап, — «защищая, словно фазан».

Бөденедей жорғалап, — «прискакивая, словно перепелка».

Дәулет келсин қасыңа... — «пусть богатство придет к тебе».

Үйиңнің иши тоқ болсын, — «Чтобы ваша семья была сытой».

Бәле-қада жоқ болсын — «Чтобы не было горя и несчастья».

В произведении известного представителя каракалпакской поэзии XIX века народного поэта Ажинияза «Перепев Ажинияза и кыз Менеш» отражены картины благословения каракалпакского народа:

Менеш: ...*Қолым жайдым, Хожеке, пәтияңды бер...*

— «я распростираю руки, Хожеке, помолись за меня»

Ажинияз: ...Он жылда *отыңның басы улга толсын,*

— «Чтобы за десять лет вокруг твоего очага было полно сыновей».

Алғаның Бекеш пенен *қоса ағарып,*

— «Чтоб вместе состарились со своим супругом Бекешом».

Дәулетің жылдан, Менеш, жылға толсын,

— «Твое богатство, Менеш, из года в год по-полнялось».

Өзиңнің өмір жасың узын болсын...

— «Чтобы твоя жизнь была долгой» [6. С. 233].

Фразеологизмы со значениями доброжелательства и недоброжелательства широко употребляются в современном устном народном творчестве и в художественной литературе. Культовая лексика, находясь в составе постоянного фразеологизма и отражая экспрессивно-эмоциональные характеристики языкового штампа, часто употребляется и в междометиях.

Проклятие — произнесение злых пожеланий, плохих слов в адрес кого-либо. В каракалпакском языке используются фразеологизмы, значение которых *ғарғыс алыў* «получать проклятия», *ғарғысқа ушыраў* «становиться проклятым».

— *Хә, жүўермек қатқыр-аў,* турсаң болмай ма, моллаға кешиктің ғой! — «Эй, ты, озорник, ну-ка вставай, ведь ты опаздываешь к мулле!» [24. С. 120].

Духовная жизнь и культурный опыт народа отражается в концептах, совокупно несущих в себе величие его духовного мира. Фразеологические сравнения и метафоры, входящие в концепт доброжелательства и недоброжелательства, имеют значения, соответствующие быту, религиозной вере, промыслам, культуре, образу и условиям жизни каракалпакского народа, например, при назывании своих детей ласковыми словами «тайыншағым, кулыншағым», при произнесении добрых пожеланий в адрес молодоженов. Сравнение молодоженов с плодовитыми фруктовыми деревьями при произнесении пожеланий в их адрес — это всё фразеологические сравнения и метафоры. В образности фразеологизмов, употреб-

лении их в переносном метафорическом значении, в составе компонентов, общей связанности понятий находится внутреннее содержание духовного мира и многовекового опыта народа.

В эпоху глобализации очень важно бережно сохранить и передать будущему поколению неповторимые ценности национальной культуры каракалпакского народа, шедевры устного народного творчества, досконально изучив их влияние на развитие науки, культуры и языка. Это позволит молодому поколению по-новому взглянуть на историческое наследие. Фразеологический материал как самый культураносный пласт языка воплощает в себе идиоэтнические способы и формы познания мира, которые, в свою очередь, формируют специфическую зону как языковой, так и когнитивной картины мира каракалпакского народа, коллектива или его отдельного представителя.

Каждый народ любое слово воспринимает по-своему, у каждой нации существует своя вера. В изучаемых нами фразеологизмах отражается вера, духовный мир каракалпакского народа. Ежедневное утреннее приветствие, произнесение добрых пожеланий с наступлением рассвета, поход на учебу или работу только после получения благословения и благопожеланий родителей — это всё действия в жизни каждого человека, превратившиеся в традицию. У каракалпакского народа существует пословица «Доброе пожелание — половина счастья». И пословица «Не заслуживай проклятия, а заслуживай благодарность» предупреждает о том, что человек должен получать добрые пожелания, благословение, только в этом случае его дела могут идти в гору.

В фразеологизмах имеется содержание воспитательной важности. Согласно традициям, фразеологизмы со значением пожелания и благодарности используются людьми старшего поколения в благословении. Их значения очень понятны и приятны для людей. Поскольку подобные пожелания и благословения мы слышим очень часто, их можно выучить наизусть. Молодежь учится не по письменным текстам, а в устном виде.

Исследование этнолингвистических особенностей фразеологизмов каракалпакского языка со значениями доброжелательства и недоброжелательства позволяют решить целый ряд вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, характера лексического значения слов, различных вопросов этимологии, стилистики художественной речи. Всестороннее изучение фразеологической системы современного каракалпакского языка позволяет нам получить представление об их основ-

ных структурно-семантических и стилистических типах, узнать их происхождение. Особенности функционирования помогают овладеть литературными нормами словоупотребления. Важно изучение фразеологизмов с точки зрения их специфических свойств в ряду других значимых единиц языка.

Таким образом, фразеологизмы со значениями доброжелательства и недоброжелательства имеют

семантические, грамматические и стилистические особенности. Ареал их использования тоже различен. Фразеологизмы со значением благопожеланий в основном употребляются согласно традициям и обычаям каракалпакского народа в различных содержаниях и формах. Фразеологизмы со значениями доброжелательства и недоброжелательства используются в процессе устной речи.

Список литературы

1. Айназарова, Г. Симметричные двухкомпонентные фразеологизмы в каракалпакском языке / Г. Айназарова. — Нукус, 2000.
2. Qaraqalpaq tilinde ten'les yeki komponentli frazeologizmlerdin' leksika-semantikali'q ha'm stillik wo'zgeshelikleri / G. Aynazarova. — No'kis: Qaraqalpaqstan, 2015. — 70 b.
3. Айымбетов, Қ. Қарақалпақ фольклоры / Қ. Айымбетов. — Нөкіс: Қарақалпақстан, 1977. — 223 б.
4. «Алпамыс» дәстаны. Қарақалпақ фольклоры. 100 томлық. — Нөкіс: Қарақалпақстан, 2007. — Т. 1—8. — 754 б.
5. Антипова, Г.А., Марковина, И.Ю., Донских О. А., Сорокина Ю. А. Текст как явление культуры. — Новосибирск: Новосибирский Государственный Университет, 1989. — 297 с.
6. Эжинияз. Шығармалары / Эжинияз. — Нөкіс: Қарақалпақстан, 1975. — 248 б.
7. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии. Антропоцентрические и аксиологические аспекты / Г. А. Багаутдинова: автореф. дис... докт. филол. наук. — Казань, 2007.
8. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. Лексика / Н. А. Баскаков. — Нукус: Билим, 1996. — Т. IV. — 146 с.
9. Бердимуратов, Е. Әдебий тилдиң функциональлық стильлериниң раўажланыўы менен карақалпақ лексикасының раўажланыўы / Е. Бердимуратов. — Нөкіс, 1973. — 310 б.
10. Бушуй, А., Холиёров, Л. Фразеология ва паремиология тарихидан // Тил ва адабиёт. — Тошкент, 2002. — № 4. — Б. 86—91.
11. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977.
12. Добровольский, Д. О. Типология идиом // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Д. О. Добровольский. — М., 1990.
13. Йўлдошев, Б. Ўзбек фразеологияси ва фразеографиясининг шаклланиши ҳамда таракқиёти / Б. Йўлдошев. — Самарқанд, 2007. — 297 б.
14. Копыленко, М.М., Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии. — Воронеж, 1978.
15. Қарақалпақ тилиниң түсиндирме сөзлиги. — Нөкіс: Қарақалпақстан, 1982. — Т. I. — 401 б.
16. Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихоллингвистика / В. А. Маслова. — М., 1988.
17. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. — Л., 1977.
18. Наурызбаева, С. Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражения в каракалпакско-русском словаре / С. Наурызбаева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1967.
19. Пирниязов, Қ., Пирниязова, А. Қарақалпақ тилиниң лексикасы. — Нөкіс, 2004. — 48 б.
20. Рахматуллаев, Ш. Основные грамматические особенности образных глагольных фразеологических единиц современного узбекского языка / Ш. Рахматуллаев: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1952. — 16 с.
21. Тулекова, С. Фразеологизмы со значениями доброжелания и зложелания в казахском языке / С. Тулекова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1975.
22. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Школа, 1996. — 288 с.
23. Черданцева, Т. З. Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Т. З. Черданцева. — М., 1990.

24. Шамуратов, А. Шығармалары / А. Шамуратов. — Нөкис: Қарақалпақстан, 1992. — 308 б.
25. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — М., 1985.
26. Yusupova, B. Qaraqalpaq tilinin' frazeologiyası / B. Yusupova. — Toshkent: Tafakkur qanoti, 2014. — 241 б.
27. Хәзирги қарақалпақ әдебий тилиниң грамматикасы. — Нөкис: Билим, 1994. — 443 б.

Сведения об авторе

Пирниязова Алима Кудьяровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры каракалпакского языка Нукусского государственного педагогического института им. Ажинияза Республика Каракалпакстан. pirniyazova_alima@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 127—135.*

ETHNOLINGUISTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE MEANINGS OF BENEVOLENCE AND ILL-WILL (ON THE EXAMPLE OF THE KARAKALPAK LANGUAGE)

A.K. Pirniyazova

Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyaz, Nukus. Karakalpakstan. pirniyazova_alima@mail.ru

This article is devoted to the study of phraseological units, expressing gratitude, wish, curse, their connection with ethnic culture. Modern phraseology increasingly goes beyond phraseological semantics, expands its metalanguage, uses not only proper linguistic methods of describing phraseological units, but also is closely associated with modern cognitive linguistics, which widely attracts phraseological material for modeling the conceptual sphere of a certain people. Customs and traditions of the Karakalpak people were formed over many years. Karakalpaks are considered to be a people with rich spiritual values, they are distinct among the peoples of the world for their traditions, customs and national culture. The people with 100 volumes of oral folk art, which is an integral part of the world spiritual pearls, are also remarkable for the wealth of their language. National-cultural semantics of phraseological units is expressed by its national-cultural element, that is, by the element of the content plane of phraseological units reflecting the originality of the national culture of the country.

Keywords: *phraseology, goodwill, ill-will, ethnoculture, expressive-emotional meaning, style, mentality, tradition, culture, concept, conceptual sphere, metaphor, spiritual world, customs.*

References

1. Aynazarova, G. *Simmetrichnye dvuhkomponentnye frazeologizmy v karakalpakskom jazyke* [Symmetric two-component phraseological units in the Karakalpak language]. Nukus, 2000. - 24 p. (In Russ.).
2. Aynazarova, G. *Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti simmetrichnyh dvuhkomponentnyh frazeologizmov karakalpakskogo jazyka* [Lexico-semantic and stylistic features of symmetric two-component phraseological units of the Karakalpak language]. Nukus: Karakalpakstan, 2015. – 70 p. (In Karakalpak).
3. Ayimbetov, K. *Karakalpakskij fol'klor* [Karakalpak Folk]. Nukus: Karakalpakstan, 1977. – 223 p. (In Karakalpak).
4. *Dastan «Alpamys». Karakalpakskij fol'klor* [Epos «Alpamis». Karakalpak folklore]. 100 volumes. – Nukus: Karakalpakstan, 2007. Vol. 1-8. – 754 p. (In Karakalpak).
5. Antipova, G.A., Markovina, I.Yu., Donskikh, O.A., Sorokina, Yu.A. *Tekst kak javlenie kul'tury* [Text as a cultural phenomenon]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1989. – 297 p. (In Russ.).
6. Ajiniyaz. *Proizvedeniya* [Literary works]. – Nukus: Karakalpakstan, 1975. – 248 P. (In Karakalpak).
7. Bagautdinova, G.A. *Chelovek vo frazeologii. Antropocentricheskij i aksiologicheskij aspekty* [Man in phraseology. Anthropocentric and axiological aspects]. Autoref. dis... doct. of philological sciences. – Kazan, 2007. (In Tatar).
8. Baskakov, N.A. *Karakalpakskij jazyk. Leksika* [Karakalpak language. Vocabulary]. Nukus: Education, 1996. Vol. IV. - 146 p. (In Russ.).

9. Berdimuratov, E. *Razvitie karakalpakskoj leksiki v svyazi s razvitiem funkcional'nyh stilej literaturnogo jazyka* [Development of Karakalpak vocabulary in connection with the development of functional styles of the literary language]. Nukus: Karakalpakstan, 1973. - 310 p. (In Karakalpak).
10. Bushuy, A., Kholiyorov, L. Iz istorii frazeologii i paremiologii [Phraseological units and history of proverbs]. *Jazyk i literatura [Language and Literature]*. Tashkent, 2002. №4. - P. 86-91. (In Uzbek).
11. Vinogradov, V.V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. *Izbrannye trudy [Selected works]. Leksikologija i leksikografija [Lexicology and lexicography]*. M., 1977. (In Russ.).
12. Dobrovolskiy, D.O. Tipologija idiom [Typology of idioms]. *Frazeografija v Mashinnom fonde russkogo jazyka* [Phraseography in the Machinery Fund of the Russian language]. M., 1990. (In Russ.).
13. Yuldashev, B. *Istorija i razvitie uzbekskoj frazeologii i frazeografii* [History and Development of Uzbek Phraseological units and Phraseography]. Samarkand, 2007. – 297 p. (In Uzbek).
14. Kopilenko, M.M., Popova, Z.D. *Ocherki po obshhej frazeologii* [Essays on general phraseology]. Voronezh, 1978. (In Russ.).
15. *Tolkovyj slovar' karakalpakskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Karakalpak language]. Nukus: Karakalpakstan, 1982. Vol. I. – 401 p. (In Karakalpak).
16. Maslova, V.A. Jeksperimental'noe izuchenie nacional'no-kul'turnoj specifiki vneshnih i vnutrennih kachestv cheloveka (na materiale kirgizskogo jazyka) [Experimental study of national and cultural specificity of external and internal human qualities (by the material of the Kyrgyz language)]. *Jetnopsiholingvistika [Ethnopsycholinguistics]*. M., 1988. (In Russ.).
17. Molotkov, A.I. *Osnovy frazeologii russkogo jazyka* [The basics of the phraseology of the Russian language]. L., 1977. (In Russ.).
18. Naurizbaeva, S. *Tipy imennyh frazeologicheskikh edinic karakalpakskogo jazyka i ih otrazhenija v karakalpaksko-russkom slovare* [Types of nominal phraseological units of the Karakalpak language and their reflection in the Karakalpak-Russian dictionary]. *avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Autoref. dis... doct. of philological sciences]. Moscow, 1967. (In Russ.).
19. Pirniyazov, K., Pirniyazova, A. *Leksika karakalpakskogo jazyka* [Lexis of the Karakalpak language]. Nukus, 2004. – 48 p. (In Karakalpak).
20. Rakhmatullaev, Sh. *Osnovnye grammaticheskie osobennosti obraznyh glagol'nyh frazeologicheskikh edinic sovremennogo uzbekskogo jazyka* [The main grammatical features of figurative verbal phraseological units of the modern Uzbek language]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Autoref. dis...cand. philol. sciences]. – Moscow, 1952. – 16 p. (In Russ.).
21. Tulekova, S. *Frazeologizmy so znachenijami dobrozhelanija i zlozhelanija v kazahskom jazyke* [Phraseological units with the values of goodwill and ill-will in the Kazakh language]. *Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Autoref. dis...cand. philol. Sciences]. Alma-Ata, 1975. (In Russ.).
22. Teliya, V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M.: Languages of Russian culture, 1996. – 288 p. (In Russ.).
23. Cherdansova, T.Z. Motivacionnyj makrokomponent idiomu i parametr denotacii [Motivational macro component of the idiom and setting of denotation]. *Frazeografija v Mashinnom fonde russkogo jazyka* [Phraseography in the Machinery Fund of the Russian language]. M., 1990. (In Russ.).
24. Shamuratov, A. *Proizvedenija* [Literary works]. Nukus: Karakalpakstan, 1992. – 308 p. (In Karakalpak).
25. Shanskiy, N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. M., 1985. (In Russ.).
26. Yusupova, B. *Frazeologija karakalpakskogo jazyka* [Phraseology of the Karakalpak language]. Toshkent: *Thinking wings* [Wings of Cognition], 2014. – 241 p. (In Karakalpak).
27. *Grammatika sovremennogo karakalpakskogo literaturnogo jazyka* [Grammar of modern Karakalpak literary language]. Nukus: Education, 1994. – 443 p. (In Karakalpak).

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ЧЕЛОВЕКА

С. А. Путина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В работе рассмотрены особенности реализации социального статуса личности в аспекте социолингвистики и сопоставительной лингвокультурологии. Проиллюстрированы языковые особенности реализации социального статуса человека на примерах российской и британской лингвокультур. В работе выявлены причины, затрудняющие восприятие социального статуса личности в современном британском художественном тексте представителями российской лингвокультуры, проанализированы маркеры социального статуса человека в романе современного британского писателя Д. Лоджа «Хорошая работа».

Ключевые слова: *социальный статус личности, лингвокультура, индикатор социального статуса человека, культурный контекст.*

Введение

Изучение социального статуса языковой личности относится к важным направлениям социолингвистики и сопоставительной лингвокультурологии, что подтверждается значительным количеством работ по данной тематике в российской и зарубежной лингвистике. Социальный статус соотносится с позицией человека в социальной структуре группы или общества, связанной с другими позициями через систему прав и обязанностей [5].

В. И. Карасик полагает, что социальный статус обозначает «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [3. С. 5]. Ученый подчеркивает, что социальный статус человека является нормативным, многоплановым, неоднородным, «сквозным» понятием, он в той или иной форме закреплен в семантике многих языковых единиц [Там же С. 5—6]. Перспективными для изучения являются мысли автора о том, что «для языка не существенна дробная стратификация общества, важно обозначить верхние и нижние рубежи статусной группы», о нечеткости коннотаций статуса, о существовании коннотативных кластеров, о прототипной природе индексов социального статуса [Там же. С. 35].

В современной российской лингвистике исследуются тематически организованные единицы с семантикой «социальный статус лица» [2], «профессия и социальный статус» [4], влияние социального статуса на речевое поведение участников коммуникации [7]. О. Г. Лапшина изучает социальную составляющую языково-

го образа человека на материале предметных фразеологизмов [6]. С позиций когнитивной лингвистики рассматриваются особенности категоризации социального статуса человека в языке в работе О. В. Доброхотовой [2].

Интерпретация социального статуса личности в британской и российской лингвокультурах

«Бесклассовое» советское (с единым советским народом) и слабо дифференцированное постсоветское общество (исключением можно считать внешнюю атрибутику так называемой элиты и маркеры маргинальности) нередко вызывают естественные трудности у представителей российской лингвокультуры при восприятии социального статуса отдельной личности как в «своей», так и в «чужой» лингвокультуре. Трудности дифференциации представителей классового общества возникают при непосредственной коммуникации и при знакомстве с реализацией социального статуса персонажей в художественных произведениях. Непонимание существующих в социуме классовых различий, проявляющихся в повседневном и профессиональном общении, приводит к коммуникативным неудачам даже при хорошем знании иностранного языка, при наличии эмпатии, а при коммуникативно-дискурсивном обучении иностранному языку к ложной интерпретации аутентичного текста. Причина такого непонимания заключается в различных культурных и социально-культурных кодах.

Являясь соотносительной категорией, социальный статус человека включает в себя внешние (ранговые позиции в конкретном обществе) и внутрен-

ние характеристики ранговой позиции (подробнее см. 3. С. 31—37). Нередко во внимание принимаются лишь внутренние составляющие социального статуса личности человека: показатели стиля жизни, особенности речи. На встрече с представителями среднего класса английского города Амершима (присутствовал директор городского краеведческого музея, журналисты, учителя, бывший дипломат и др., причем многие из них неоднократно были в России, хорошо знакомы с ее историей и литературой) в рамках проекта «Оксфорд-Россия» автору работы было неоднократно указано на ее принадлежность к среднему классу, поскольку британские критерии «статусности» включали уровень владения английским языком (произношение, словарный запас, идиомы, грамматически правильные предложения) и образование (преподаватель высшей школы безоговорочно попадает в ранг высшего среднего класса или работающих представителей высшего среднего класса). Возражения по поводу несоответствия отечественных экономических показателей статусу среднего класса не встретили понимания у амершинцев. Категоризация социального статуса человека на языковом уровне в наивной картине мира не всегда совпадает с научной категоризацией рассматриваемого явления. Невысокий уровень дохода преподавателя высшей школы в России вступает в противоречие с остальными составляющими показателей стиля жизни людей среднего класса.

Известный британский антрополог К. Фокс справедливо считает деление британского общества на три класса (высший, средний и рабочий) упрощенным, поскольку школьный учитель и риэлтор будут отнесены к среднему классу на основании профессиональной деятельности. Они могут жить в одинаковых домах, ездить на автомобилях одной марки, иметь одинаковый доход, но принадлежать разным классам. Классовое различие проявляется в деталях: обстановке в доме, состоянии машины, пище и напитках, одежде, магазинах, домашних животных, отдыхе, тематике разговоров, употребляемых словах и их произношении. *A schoolteacher and an estate agent would both technically be «middle class». They might even both live in a terraced house, drive a Volvo, drink in the same pub and roughly earn the same annual income. But we judge class in much more subtle and complex ways: precisely how you arrange, furnish and decorate your terraced house, not just the make of car you drive, but whether you wash it yourself on Sundays, take it to a car wash or rely on the English climate... Similar fine distinctions are applied to exactly what, where, when, how and with*

whom you eat and drink; the words you use and how you pronounce them; where and how you shop; the clothes you wear; the pets you keep; how you spend your free time; the chat-up lines you use... [9. P. 15].

Российские критерии классовой принадлежности учитывают, прежде всего, экономические показатели. В российской наивной языковой картине мира социальный статус человека реализуется в основном в рамках оппозиции «богатый» — «бедный». В настоящее время нередко можно слышать в разговорах между жителями одной улицы в загородном поселке с особняками и соседствующими с ними доживающими свой век разваливающимися домами высказывания, отражающие противопоставление бедности и богатства: *Мы богатые, Мы можем себе это позволить, Такие заборы вышли из моды, поэтому обязательно нужна решетка сверху, Такая крыша больше миллиона тянет, Нам нужен человек для выгула собак, для уборки мусора, Она должна жить в достатке, Нам пришлось взять на прокат корейскую машину в Швейцарии, с одной стороны, и Поехал сдавать гвозди, чтобы купить сигарет и молока детям, Взяла кредит на постройку бани, Нет денег на лекарства, Дали бесплатную путевку в санаторий*, другой стороны. Разговоры о бедности и богатстве больше не считаются запретной темой в России с открытыми границами социальных ролей и социальных классов.

Если маркеры социального статуса человека достаточно легко идентифицируются представителями «своей» лингвокультуры при противопоставлении индексов «бедности» — «богатства», то индексация социального статуса представителей «своей» и «чужой» лингвокультур при детализации данной оппозиции нередко вызывает сложности при непосредственной коммуникации и при чтении современной художественной литературы даже при хорошем уровне владения иностранным языком.

Реализация социального статуса человека в современном британском художественном тексте

Рассмотрим обозначенную социальную, а значит и социолингвистическую и лингвокультурологическую проблему на примере известного романа современного британского писателя Д. Лоджа *Nice Work*. Героями романа являются представители разных полюсов британского среднего класса. Д. Лодж очень тонко и весьма иронично передает социально-культурный классовый контекст, его герои подчас карикатурны и узнаваемы, поскольку «для образованного читателя среднего класса, для которого написан роман, Вик богат, но ему не хватает вкуса» — *for the*

middle-class educated reader whom Lodge is addressing — as wealthy but lacking in a certain kind of taste [8. P. 7]. В доме Вика Уилкокса дорогая имитация камина: *rustic stone fireplace and the imitation-log gas fire* [10. P. 15], ковер кричаще-яркого цвета: *shaggy pink nylon fitted carpet* [10. P. 16], ковровое покрытие вместо привычного для высшего среднего класса пола из сосновых досок, сложная сигнализация, которую его старший сын иронично называет *sufferings of the rich* — муками богатых [10:18]. У преуспевающего Вика все в доме новое и дорогое, поскольку дом и машина должны олицетворять успех и богатство владельца. В доме четыре туалета, цвета терновника (красновато-синего), цвета авокадо (темно-зеленого), подсолнечника (ярко желтого) и просто белого цветов, явный, как он считает, маркер достатка: *Now he is a proud owner of four toilets — damson, avocado, sunflower and white, all centrally heated. Probably as good an index of success as any* [10. P. 16]. Выход из «ограниченного набора цветовых терминов: blue, red, yellow, and purple, including modifiers “light dark”», вероятно, относится не только к коннотациям социального статуса, реализующихся в обозначении модных товаров для женщин, служит признаком более высокого социального статуса (подробнее см. в 3. С. 36—37). У Вика шесть деловых костюмов, пять на каждый день недели и шестой запасной, в кухне можно найти все современные электроприборы, в гараже стоят британские сверкающий темно-синий Ягуар и серебристый «супермини» Метро неработающей жены. Вик считает себя патриотом, предпочитая дорогие британские марки автомобилей и бытовых приборов зарубежным.

Дорогие и новые машины, мебель, бытовая техника маркируют более высокий социальный статус человека и в российской лингвокультуре, однако богатые русские покупают импортные автомобили и технику.

Окружающие Вика предметы часто являются дорогой подделкой под старину. Вик очень похож на «нового русского»: выходец из бедной рабочей семьи преуспел в бизнесе, хорошо зарабатывает, но любит простую еду и напитки. Отец Вика — представитель рабочего класса, он и говорит как типичный его представитель, опуская согласные звуки в словах: *I don't 'old with central 'eating* [10. P. 173]. Его сын Вик смог подняться по социальной лестнице и легко идентифицируется соотечественниками, но не русскоговорящими читателями как представитель низшего среднего класса. В романе Д. Лоджа Вика иронично противопоставлена преподающая английскую литературу профессор Робин Пенроуз. Ее отец профессор, представитель образо-

ванных слоев среднего класса, его дочь повторяет его карьеру, получая небольшие деньги за временную работу в провинциальном английском университете: *This is the classic career of highly intelligent people from highly educated homes* [8. P. 11]. Она получила хорошее образование в школе, университете в Суссексе, Кембридже, живет в скромном доме, но с деревянными полами: *her long narrow living-room, formed by knocking down the dividing wall between the front and back parlours of the little house, which also serves as her study. There are books and periodicals everywhere — on shelves, on tables, on the floor* [10. P. 53]. Героиня ездит на Рено, бывшей машине ее матери, которая заводится с трудом, а не на Ягуаре, как Вик, окружена книгами, классической музыкой, старыми вещами, является сторонницей прогрессивных теорий, но весьма далека от понимания реальной жизни за стенами университета. Она сама и ее родители не считают материальный успех главным в жизни, академическая карьера является идеальной для них и для их дочери, а желание ее брата работать в Сити считается шагом вниз по социальной лестнице. Робин с трудом получила временную преподавательскую должность в провинциальном университете. Она умеет и любит работать, хотя ей дали много странных на взгляд русскоязычного читателя поручений по кафедре, не связанных с преподавательской деятельностью, таких как «быть тенью» управляющего заводом Вика, чтобы на практике познакомиться с особенностями производственной деятельности. Скромная зарплата университетского преподавателя не мешает ей любить и ценить свою работу, хотя ее будущая «тень» Вик очень удивился, когда узнал тему докторской диссертации Робин:

'My field is the nineteenth-century novel', said Robyn. 'And women's studies.'

'Women studies?' Wilcox echoed with a frown. 'What are they?'

'Oh, women's writing. The representation of women in literature. Feminist critical theory.'

Wilcox sniffed. 'You give degrees for that?' [2. P. 114].

Для Вика знакомство с британской литературой ограничилось лишь программой обычной британской школы, уроки по литературе он ненавидел из-за насмешек учителя, которому не нравилось провинциальное произношение учеников.

You teach English literature, don't you? ... What's that? Shakespeare? Poetry? ... Hated it, I did. The master was a toffee-nosed southerner, used to take the pi — used to make fun of our accents' [2. P. 114].

Однако в конце романа герой начинает не без удовольствия читать классиков английской лите-

ратуры, а героиня по-новому начинает воспринимать представителей низшего среднего и рабочего классов, что свидетельствует о нечеткости границ между существующими социальными группами.

Ярким маркером классовой принадлежности является бытовая лексика. Семь смертных грехов, по мнению К. Фокс, включают в себя замену престижной лексики высшего класса слова, употребляемые представителями других социальных групп — *U ad Non-U — upper class and non-upper class words*, к которым относятся:

lunch вместо более престижного *dinner*;

pardon вместо *sorry*;

toilet и *lavatory*;

serviette и *napkin*;

settee и *sofa*;

lounge и *drawing room* или *living room*;

sweet вместо *dessert* (подробнее см. 8. Р. 75—79].

Д. Лодж тонко передает лексические особенности речи представителей описываемых в романе социальных групп. Отца Вика приглашают на воскресный семейный обед (*dinner*), не на *lunch*, в доме не принято подавать закуски (*starters*), исключение в виде разрезанного на две части авокадо с оливковым маслом впервые сделано для Робин. Дети Вика впервые попробовали авокадо и не оценили его.

There were paper serviettes at every place setting and, reposing in blue-tinted glass dishes, halves of avocado pear. This last excited much wonderment and derision from the children.

'What's this?' Gary demanded, sticking a fork into his half, and lifting it into the air.

'It's avocado, stupid,' said Sandra.

'It's a starter,' said Marjory.

'We don't usually have a starter,' said Raymond [2. P. 235].

Контрастно обозначив классовые различия героев романа, поместив их в легко узнаваемые британскими читателями культурные контексты, Д. Лодж постепенно подводит читателя к мысли о том, что важен не социальный статус человека, а то, как люди реализуют себя в повседневной жизни, о возможностях непрерывного образования и самообразования, о ненадежности классовых барьеров, все еще охраняющих традиционные классовые маркеры в современной Великобритании.

Заключение

Индексация и восприятие социального статуса человека нередко вызывает сложности при непосредственной коммуникации с представителями «чужой» культуры и при чтении современной художественной литературы. Сложности понимания социального статуса личности в современном британском обществе вызваны несопадением культурных кодов, открытостью границ между классами. Многоплановость понятия «социальный статус человека», наличие национально-культурных особенностей его реализации в британской лингвокультуре требуют развернутых пояснений социально-культурных коннотаций для русского читателя.

Список литературы

1. Доброхотова, О. В. Категоризация социального класса человека в языке / О. В. Доброхотова: автореф. дис... канд. филол. н. — Тамбов, 2012. — 23 с.
2. Ермолаева, М. В. Семантические и коммуникативно-прагматические свойства процессуальных фразеологизмов социального статуса лица / М. В. Ермолаева: дисс... канд. филол. н. — Челябинск, 2006. — 237 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, — 2002. — 330 с.
4. Кашпур, Е. В. Сопоставительное исследование наименований лиц по профессии и социальному статусу во французском и русском языках / Е. В. Кашпур: дисс... канд. филол. н. — М., 2005. — 201 с.
5. Кравченко, А. И. Социология / А. И. Кравченко. — М.: Юрайт, 2012. — 528 с.
6. Лапшина, О. Г. Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов) / О. Г. Лапшина: автореф. канд... филол. н. — Тюмень, 2008. — 24 с.
7. Саушева, Е. В. Образ социального статуса коммуниканта в диалоговом дискурсе на материале английского и русского языков / Е. В. Саушева: дисс... канд. филол. н. — М., 2005. — 167 с.
8. *Nice Work by David Lodge. A commentary with annotations* / Edited by Karen Hewitt. Perm: Perm State University, 2006. — 53 p.
9. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2004. — 424 p.
10. Lodge D. *Nice Work*. London: Penguin group Penguin Books Ltd., 1989. — 384 p.

Сведения об авторе

Питуна Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sap.pitina@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 136—140.*

PECULIARITIES OF SOCIAL STATUS REALIZATION AND PERCEPTION

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

Social status is understood as a position of a person in a social system, presupposing a set of established rights, duties and patterns of behavior. Peculiarities of realization and perception of the social status of a person are viewed in the article in social and linguistic and language and cultural approaches. Language characteristics of the social status are illustrated through various Russian and British cultural contexts. Markers of the social status of a person in Great Britain are analyzed on the material of its ironical representations in the novel by a modern British writer David Lodge *Nice Work*. The open character of the studied notion is proved. The reasons of cross-cultural misunderstanding of the British social status perception by Russian readers and Russian social status markers perception by the British communicants are revealed.

Keywords: *social status of a person, language and culture, social status index, cultural context.*

References

1. Dobrokhotova, O.V. *Kategorizatsija sotsial'nogo statusa cheloveka v jazyke* (Man's social status categorization in language): avtoref. dis.... kand. philol. n. Tambov, 2012. — 23p. (In Russ.).
2. Ermolaeva, M.V. *Semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie svoystva protsessual'nykh frazeologizmov sotsial'nogo statusa litsa* (Semantic, communicative and pragmatic peculiarities of phraseological units of person's social status): dis.... kand. philol. n. Chelyabinsk, 2006. — 237 p. (In Russ.).
3. Karasik, V.I. *Jazyk sotsial'nogo statusa* (Language of social status). M.: Institut jazykoznanija RAN; Volgograd gop.ped. in-t, 2002. — 330 p. (In Russ.).
4. Kashpur, E.V. *Sopostavitel'noe issledovanie naimenovaniy lits po professii i sotsial'nomu statusu vo frantsuzskom i russkom jazykakh* (Comparative study of job titles and social status in French and Russian): dis.... kand. philol. n. M., 2005. — 201p. (In Russ.).
5. Kravchenko, A.I. *Sotsiologija* (Social science). M.: Yurajt, 2012. — 528p. (In Russ.).
6. Lapshina, O.G. *Sotsial'naja sostavljajushchaja jazykovogo obraza cheloveka (na materiale predmetnykh frazeologizmov)* (Social component of the language image of a person (on the material of objective phraseological units)): avtoref. dis.... kand. philol. n. Tyumen', 2008. — 24p. (In Russ.).
7. Sausheva, E.V. *Obraz sotsial'nogo statusa kommunikanta v dialogovom diskurse na materiale anglijskogo i russkogo jazykov* (Social image of communicant's status in dialogue discourse in English and Russian): dis.... kand. philol. n. M., 2005. — 167 p. (In Russ.).
8. *Nice Work by David Lodge. A commentary with annotations* / Edited by Karen Hewitt. Perm: Perm State University, 2006. — 53p.
9. Fox, K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior*. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2004. — 424 p.
10. Lodge, D. *Nice Work*. London: Penguin group Penguin Books Ltd., 1989. — 384 p.

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДЕКАРТОВСКОГО СИЛЛОГИЗМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Н. Б. Попова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются специфические формы изменения структуры декартовского силлогизма в художественном дискурсе французского Просвещения на материале творчества Монтескье и Вольтера. Утверждается, что изменение когнитивных механизмов касается в основном выдвижения на первый план «антитезиса» при общем сохранении концептуальной модели умозаключения тезис — антитезис — силлогизм и сохранении особенностей высокого стиля эстетики классицизма.

Ключевые слова: *тезис, антитезис, силлогизм, эпоха Просвещения, иносказание, ирония, сарказм.*

В современной лингвистике художественный дискурс мыслится как коммуникативный процесс, как способ коммуникации между автором (создателем произведения и его отправителем) и читателем. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования лингвистов-стилистов прошлого века, начиная с Майкла Риффатерра и включая отечественных ученых И. В. Арнольд, Ю. С. Степанова, К. А. Долинина и других [1; 5; 12; 14].

Заметим, что читатель на приемном конце акта коммуникации, получая сообщение в виде художественного текста, и воспринимая заложенную в нем информацию автора отдаленной эпохи, может быть не только современником автора, но и, например, читателем нашего времени. В этом случае он рискует получить недостоверную информацию, искаженную во времени и со сдвигами восприятия лингвистического, эстетического и социально-исторического характера. Очевидно, чтобы избежать таких искажений, современному читателю необходимо определенное погружение в тот культурно-лингвистический и социально-исторический контекст, к автору которого он обращается.

В такой ситуации оказываемся и мы, обращаясь к исследованию концептуальных основ мироощущения человеческим сознанием представителями эпохи французского Просвещения в поисках когнитивных механизмов картезианского силлогизма, оказавшего влияние не только на философию и язык, но на художественные практики целых двух столетий.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение, что когнитивные механизмы декартовского силлогизма в художественных практиках XVIII века могут претерпевать изменения в связи

с различиями общественно-политических отношений во Франции в двух столетиях: расцветом абсолютной монархии в XVII веке и ее неприятием в XVIII веке.

При этом наша исследовательская задача усложняется тем, что художественное мировосприятие французской литературы XVIII века остается в эстетической, поэтической и даже лингвистической зависимости от века XVII. Именно в рамках XVII века были сформированы французский литературный и поэтический язык, была задана Декартом концептуальная модель восприятия мира, были сформулированы эстетические каноны классицизма.

Итак, XVII век — это век логического осмысления языка, философии и искусства, которое происходит на основе предположения одинакового для всех логического мышления. Постулируемое Рене Декартом умозаключение «*Cogito, ergo sum*» распространяется на философию, язык, мышление, а, благодаря грамматике «Пор-Рояль» Арно и Лансло (1660), утверждается, приобретая универсальный характер и распространяясь на любые языковые и художественные практики.

Методика декартовского силлогизма восходит к структуре силлогизма Аристотеля, в который французский философ вносит особую, специфическую философскую компоненту — сомнение. *Сравним.* Логика Аристотеля предполагает наличие в умозаключении двух посылок и заключения, Например, у Аристотеля силлогизм выглядит так: «Все металлы электропроводны (*1 посылка*), медь металл (*2 посылка*), значит, медь электропроводна (*заключение*)». Декарт вместо второй посылки вводит элемент сомнения в виде антитезиса как основного

принципа его дедуктивного метода исследования, предлагая такую структуру умозаключения, как «тезис — антитезис — силлогизм». Подвергая сомнению выдвигаемую посылку, субъект мышления сам выводит заключение (силлогизм), так как, по убеждению Декарта, только при обращении к самому себе сомнение исчезает. Декартовское «я мыслю» рассматривается как абсолютно достоверная аксиома, из которой должны вытекать все истины [4].

Рационалистический постулат Декарта становится основой научного метода всей научно-исследовательской и художественной мысли XVII века. Французская литература XVII века в период ее становления во многом зависит от структуры декартовского силлогизма, несмотря на разнообразие литературных тенденций века. Композиционно и синтаксически каждое произведение в целом, каждое предложение в отдельности или в определенном комплексе стремятся к структурированию законченного логического суждения согласно причинно-следственной связи: «тезис — антитезис — силлогизм». При этом антитезис, в рамках которого суждение или тезис подвергаются сомнению, может быть выражен как формально (простым отрицанием выдвинутого суждения), так и глубоко семантически (иносказанием, включающем неприятие тезиса или неявное сомнение в нем).

Примером простого предложения, формально построенного по причинно-следственной связи декартовского силлогизма, может послужить часто цитируемая фраза из романа «Принцесса Клевская» Мадам де Лафайет: « Il faisait déjà tard (тезис), mais comme elle n'était pas habillée (антитезис), elle n'alla chez la reine (силлогизм)». (Было уже поздно, // но так как она не была одета, // она не пошла к королеве).

Примером построения целого произведения, отдельных эпизодов, абзацев, монологов по причинно-следственной связи декартовского силлогизма может послужить творчество Жана Расина, благодаря которому законы классицизма в течение двух считались совершенными, образцовыми, незыблемыми. Сошлемся на образец анализа причинно-следственной связи монолога Федры, известного как «монолог-признание», из одноименной драмы Расина, который мы уже подробно анализировали в своей статье 2008 года [10].

Методика преподавания во Франции XVII века широко использовала логический метод толкования текста. Этот метод рекомендовал наряду с поиском его «достоинств» (ясность, уместность, рациональ-

ность, употребление лексики согласно разделению жанров на высокие и низкие) анализ логического движения мысли по структуре строения декартовского силлогизма.

Логический метод был изложен Марио Рустаном в неоднократно переиздаваемой книге «Краткий очерк по французской экспликации. Методы и применение» [15]. Метод Марио Рустана опирается на концептуальную картину мира XVII века, на каноны французского классицизма, в частности, и в этой связи пригоден для анализа художественных текстов именно данного периода. Сам Рустан замечает, что читатель, который опирается на логический метод, не должен «объяснять отрывки из таких авторов, которые мыслят вкривь и вкось», так как его работа должна заключаться «в выявлении ясности мысли» [Цит. по 12, С. 59].

Однако, французская литература XVIII века, которая является объектом нашего исследования, опираясь и сохраняя основы эстетики и поэтики классицизма, включает элементы, которые, по выражению Марио Рустана, содержат мысли «вкривь и вкось». Ибо XVIII век — это уже век, социально-политически отличающийся от века предыдущего, когда абсолютистское государство перестает играть прогрессивную роль, а философы-просветители, как передовые люди эпохи, выступают против пережитков феодальных устоев и абсолютной монархии.

С точки зрения современной лингвистики и современной терминологии, мы можем констатировать, что в XVIII веке по сравнению с веком XVII меняется когнитивная схема и концептуальные модели восприятия мира, которые обусловлены интерпретирующей функцией нового сознания. А как справедливо замечает Н. Н. Болдырев, интерпретирующая функция сознания включает как «процесс и результат субъективного понимания и объяснения человеком мира», так и «процесс и результат субъективной репрезентации себя» в этом мире, [2. С. 11]. Таким образом, получатся, что концептуальная модель декартовского силлогизма своеобразно интерпретируется сознанием представителей эпохи Просвещения, которое опирается на все еще актуальную схему когнитивных механизмов эстетики «тождества» XVII века.

Первое поколение просветителей, среди которых назовем Монтескье и Вольтера, заняли позицию активной критики абсолютизма, что не могло не отразиться на дискурсивных формах их художественного творчества. В частности, при концептуальном сохранении классицистического образа поэтического языка и поэтического синтаксиса с ло-

гическим доминированием в нем разнообразных форм причинно-следственной связи происходит своеобразное преобразование структуры декартовского силлогизма. Меняется последовательность составляющих силлогизма, когда на первый план выдвигается антитезис, либо заменяется трехчленная структура силлогизма на двучленную с обязательным сохранением антитезиса, который поглощает одну из частей силлогизма (тезис или заключение). Таким образом, антитезис становится ведущей формой, и, мы бы сказали, движущей силой художественного дискурса периода французского Просвещения.

Тем не менее, методология логической интерпретации когнитивных механизмов декартовского силлогизма может быть применима к художественным произведениям эпохи французского Просвещения.

Начнем с произведения Монтескье «Персидские письма», которые стали первым по времени образцом художественной прозы просветителей. Произведение Монтескье написано в эпистолярной форме, типичной для французской литературы XVIII века [8].

Действие романа проходит во Франции, по которой путешествуя два молодых перса. В своих письмах они высказывают в виде удивленного непонимания свои суждения об общественной жизни Франции. Удивительным для них представляется и король Франции Людовик XIV:

(1) Le roi de France est vieux. (2) Nous n'avons point d'exemple dans nos histoires d'un monarque qui ait si longtemps régné. (3) On dit qu'il possède à un très-haut degré le talent de se faire obéir. (4) Il gouverne avec le même génie sa famille, sa cour, son état.

В этом описании высказывается суждение (*тезис*) — (1) *Король Франции стар*.

Далее идет оценка в виде ироничного удивления, отражающая сомнение (*антитезис*) — (2) *В нашей истории не найдется примера ни одного монарха, который бы так долго правил*.

За ним следует еще один *антитезис* — (3) *Говорят, что он обладает в чрезвычайно высокой степени талантом заставлять всех повиноваться себе*, в котором ироническое сомнение выражается неопределенным «говорят» (on dit) и явной насмешкой «иметь огромный талант заставить повиноваться себе», в которой уже прочитываются элементы силлогизма в характеристике жестокости и деспотизма короля.

И уже в форме заключения следует сам *силлогизм* — (4) *Он руководит с той же самой гениальностью семьей, двором, государством, сил-*

логизм, который, по сути, усиливает силлогизм-иносказание предыдущего антитезиса-силлогизма с новым подтекстом: король — не только деспот, но и самодур. При этом силлогизм звучит легко, изящно, легкомысленно в виде восходящей градации перечисления того, чем король гениально руководит: семьей, двором, государством. И в этом изяществе стиля, характерного для пышного двора Людовика XIV, данное заключение, абсурдное и саркастическое, по сути, отражает высшее мастерство социальной иронии автора.

Как видим, формально когнитивные механизмы декартовского силлогизма у Монтескье не нарушены. Но они концептуально иные. Акцентирование значимости антитезиса, введенного простым отрицанием и ироничным намеком на «талант» заставлять всех себе повиноваться, ведет к выводу саркастического силлогизма о «гениальной» способности короля руководить и семьей, и придворными, и государством. По идее заключительный силлогизм формирует сам читатель: король выжил из ума и не должен руководить страной. Декартовский силлогизм соблюден лишь формально, Монтескье пользуется им иносказательно не для прославления короля и абсолютизма, что было бы естественно для XVII века, а для их осмеяния и осуждения. Монтескье как автор-ироник остается как бы в стороне, так как французской действительности удивляется персидский путешественник. Ирония здесь проявляется конкретно в ее философском понимании по Сократу: «имитация незнания или непонимания» используется для «достижения подлинного знания». То есть ирония в творчестве Монтескье выступает как «методологический прием познания истины» [7. С. 352]. Тем самым, языковая личность автора, отраженная в речи его персонажей в рамках иронического дискурса произведения, передает критическое отношение Монтескье к ситуации в стране, к королю и его придворным [9].

Картезианский силлогизм у Вольтера по сравнению с Монтескье представляется кардинально измененным, как в плане содержания, так и в плане выражения, хотя и остается достаточно осязаемым, а, главное, философски и стилистически значимым.

В отличие от эпистолярной формы повествования Монтескье, Вольтер вводит новую филологическую форму критики общественно-политического режима, религии и философии — форму философской повести. Повесть «Кандид, или Оптимизм», элементы которой мы предлагаем рассмотреть через призму когнитивных механизмов картезианского силлогизма, представляется особенно интересной и значимой.

Вольтер опровергает в «Кандиде» так называемую теорию «предустановленной гармонии», которую он ранее разделял. Согласно этой теории, зло временно и преходяще, а совершенство вечно. Все, что происходит в мире, ведет к лучшему, к высшей гармонии и общему благу. Это собственно философия примирения с существующими феодальными отношениями. Однако позже Вольтер эту идею опровергает, а в повести «Кандид» ее саркастично проигрывает в глубоко философском смысле.

Сюжет повести [3] в полной мере отвечает когнитивным принципам декартовского силлогизма. Главного героя повести зовут Кандид, что значит «простодушный», а его наставника — Панглос, то есть «всезнающий». Наставник учит Кандида, что все в мире устроено разумно, все, что происходит, ведет к лучшему, а сам существующий мир есть лучший из миров. Кандид простодушно этому верит. И эта установка вполне вписывается в когнитивный механизм декартовского *тезиса*. Однако все, что в дальнейшем случается с героями, опровергает эту теорию: это жестокие и грабительские феодальные войны, ужасы инквизиции, страшные болезни, Лиссабонское землетрясение, которые герои повести стойко проживают. Так в плане развертывания сюжета выстраивается *антитезис*. Какой же выход предлагает Вольтер, нарисовавший столь неутешительную картину общественной жизни? Каким рисует философ заключительный *силлогизм* повествования? А силлогизм такой: Кандид находит свою невесту и женится на ней. Однако жена в конце жизни становится уродливой и сварливой, и все оказываются глубоко несчастными. То есть к силлогизму присоединяется анти-тезис, который выражается в осадке неприятия или критического отношения к такому «счастью». Тем не менее, в конце повести с определенной долей иронии звучит положительный элемент «печального» силлогизма: «возделывать свой сад». Этот силлогизм как итоговый штрих пера великого философа вошел в концептуальную картину мира разных эпох и разных культур.

Что касается собственно текстового проигрывания когнитивных механизмов декартовского силлогизма, их тоже у Вольтера можно найти. Однако это будет уже не та изящная и легкая ирония, которую мы видели у Монтескье. Саркастическая насмешка, составляющая стилистическое содержание вольтеровского когнитивного механизма антитезиса, представляется гораздо более очевидной.

Вот, например, как описывается землетрясение в городе Лиссабон:

(1) Après le tremblement de terre qui avait détruit les trois quarts de Lisbonne, (2) les sages du pays n'avaient pas trouvé un moyen plus efficace pour prévenir une ruine totale que de donner au peuple un bel autodafé: (3) il était décidé par l'université de Coïmbre que le spectacle de quelques personnes brûlées à petit feu, en grande cérémonie est un secret infaillible pour empêcher la terre de trembler.

В качестве *тезиса* (1) определяем факт самого землетрясения. Затем идет структура *антитезиса* (2) в форме отрицательного усиления «гениальности» мудрецов, которые решили продемонстрировать народу картину медленного сожжения «виновников» произошедшего природного катаклизма. *Силлогизм* (3) выражен в форме описания будущей торжественной церемонии сожжения, как беспримысленного способа предотвратить землетрясение. И в этом силлогизме явно присутствуют элементы *антитезиса*, выраженные в абсурдном контрасте факта сожжения надуманных жертв на медленном огне и самого пафоса церемонии.

При этом отметим, что обнаруженные когнитивные механизмы декартовского силлогизма вписываются в характерный для XVIII века «рубленный стиль» (*style coupé*), отличный от традиционной плавности периодов классицистической прозы. «Рубленный стиль» — это термин, который, по свидетельству Е. Г. Эткинды, вводится теоретиками XVIII века [13].

Один из них, аббат Доливэ писал, что этот стиль противостоит гармонии, т. к. в нем слишком много часто повторяющихся пауз, которые распределены без какой-либо симметрии между собой (*Rien de plus contraire à l'harmonie, que des repos trop fréquents, et qui ne gardent nulle proportion entre eux*). Этот стиль представляет собой «un tissu de petites phrases isolées, décousues, hachées, déchiquetées» (*не-что вроде ткани из коротких изолированных предложений, отрывистых, рубленных, искромсанных*).

Другой теоретик XVIII века, автор трактата о риторике, Кревье пишет о рубленном стиле: «Aux fatigantes période de nos dévanciers, nous avons substitué de petites phrases courtes, qui rendent le style brusque, sautillant, haché, qui en font, en un mot, si j'ose dire ce que je pense, un ciment sans chaux. Ce style ne peche point contre la clarté, mais il n'a point de dignité» (*утомительные периоды наших предшественников мы заменили на небольшие короткие фразы, которые делают стиль резким, подпрыгивающим, рубленным, который делают из него, осмелюсь сказать, цемент без извести. Этот стиль не грешит против ясности, но в нем нет достоинства*).

И, наконец, Шарль Борд видит в рубленном стиле не столько языковую инновацию, сколько «прогресс в искусстве умозаключения, доведенные до совершенства упражнениями в легкости и быстроте мысли» (un progres dans l'art du raisonnement, une facilité, une rapidité de pensées, perfectionnées par l'exercice) [13. С. 55].

Итак, рубленный стиль придает синтаксическому движению фразы напряжение, динамику действия и ощущение трагичности ситуации. Контрастные эпитеты на лексическом уровне во многом способствуют этому жесткому ритму разговорной речи: une ruine totale (полное разрушение) — un bel autodafé (красивое аутодафе), à petit feu (на медленном огне) — en grande cérémonie (при большой церемонии), personnes brûlées (сгоревшие люди) — un secret infailible (беспроигрышный секрет рецепта).

Следующий абзац, описывающий поиск жертв аутодафе с абсурдной мотивировкой обвинения в рамках того же разговорного рубленного стиля в виде нагромождения эпизодов, также строится по принципу нарушения причинно-следственной связи декартовского силлогизма. При этом каждый эпизод представляет собой противоречие, как по содержанию, так и по форме, а рубленный стиль, который отражается в ритмических паузах приведенных эпизодов, усиливает ощущение нарушения причинно-следственной связи:

On avait en conséquence // saisi un Biscayen // convaincu // d'avoir épousé sa commère, // et deux Portugais // qui en mangeant un poulet // en avaient arraché // le lard;

on vint lier // après le dîner // le docteur Pangloss // et son disciple Candide, // l'un // pour avoir parlé, // et l'autre // pour avoir écouté // avec un air d'approbation: // tous deux // furent menés // séparément // dans des appartements // d'une extrême fraîcheur, // dans lesquels // on n'était jamais // incommodé du soleil; //

huit jours après // ils furent // tous deux // revêtus d'un san-benito, // et on orna leurs têtes // de mitres de papier.

1) Схватили какого-то аборигена, которому якобы показалось, что он женился на своей куме;

схватили португальца, который не по правилам ел цыпленка, отрывая от нее сало, которого в принципе у него не может быть;

2) связали главных персонажей повести Кандида и Панглосса, обвиненных в том, что один просто говорил, а другой слушал с видом одобрения;

3) оба были, отдельно друг от друга, приведены в холодные камеры, в которые никогда не попадало солнце;

4) неделю спустя, оба были выряжены в санбенито, а их головы были украшены бумажными колпаками.

После противоречивых по содержанию эпизодов нахождения «виновников» землетрясения следует классический силлогизм: Кандида и Панглосса привели в холодные камеры (*тезис*), в которых никто не жаловался на наличие солнечного света (*антитезис* в форме отрицания), и через неделю они были одеты в инквизиторские одежды для казни (*силлогизм*). В этом силлогизме обращает на себя внимание ироничное использование изящных перифраз в рамках *антитезиса*: холодные тюремные камеры, куда не проникает солнце — это «апартаменты чрезвычайной прохлады, в которых не испытывается неудобство солнечного света». То есть когнитивный механизм заключения всего силлогизма — это явная насмешка автора, как личности философа-просветителя, над отжившими себя следами инквизиции с использованием тоже уже отжившего себя высокого стиля классицизма XVII века.

Далее идет описание одежды Кандида и Панглосса как «виновников» землетрясения и описание самой процессии их сожжения. Этот силлогизм воспринимается как *силлогизм-антитезис*: мнимая торжественность заключительной церемонии подбивается не только иронической педантичностью описания бумажных колпаков на головах жертв, но и комичностью музыкального сопровождения (une belle musique en faux-bourdon):

La mitre et le san-benito de Candide étaient peints de flammes renversées et de diables qui n'avaient ni queues ni griffes; mais les diables de Pangloss portaient griffes et queues, et les flammes étaient droites. Ils marchèrent en procession ainsi vêtus, et entendirent un sermon très pathétique, suivi d'une belle musique en faux-bourdon.

Представим картину медленной процессии, в которой осужденные на сожжение Кандид и Панглос идут одетые в санбенито (желтые балахоны осужденных). Эта мрачная, но торжественно церемониальная для инквизиции картина уточняется каким-то отстраненно странным описанием одежды (sanbenito) и епископских шапочек (mitres) осужденных. Колпак и санбенито Кандида были разукрашены языком пламени, смотрящим в низ, и чертями без хвостов и когтей, а черти Панглоса были с когтями и хвостами и языками пламени огня, направленного вверх. Возможно, писатель так иронично от лица инквизиторов для зрителей аутодафе дает уточнение, что Кандид — это ученик, а Панглос —

учитель. То есть жестокий по содержанию церемониал проходит как фарс.

Интерпретирующая функция когнитивного осознания читателем XXI века этого «фейкового» судилища приводит его к ассоциативному сопоставлению с историей дела Скрипалей. Это та же надуманная плохая игра. Маскарадный церемониал средневековой инквизиции как бы циклически повторяется в наше время, когда современный «фейк» заменяет реальную действительность, право, демократию. И в этой связи интерпретация концептуальной модели восприятия мира представителями первого поколения французского Просвещения (Монтескье и Вольтера) выглядит весьма актуальной и типологически значимой.

Заключение. Когнитивные механизмы декартовского силлогизма, сформировавшие концептуальные модели представления мира французского общества XVII века, оказываются действительными для интерпретации художественного дискурса представителей первого поколения французского Просвещения XVIII века Монтескье и Вольтера. При этом парадоксально, что декартовский силлогизм служит раскрытию нового когнитивного представления действительности, как инструмент критики французского общества XVIII века посредством отжившей себя эстетики и поэтики классицизма, служившей для его прославления в XVII веке.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декадирования). Л.: Просвещение, 1973.
2. Болдырев, Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н. Н. Болдырев // Вестник Тамб. гос. ун-та. — № 1 (93). — 2011. — С. 9—15.
3. Вольтер, Фр. М. А. Кандид, или Оптимизм / Фр. М. А. Вольтер. 2018. — М.: Эксмо — Пресс, — 224 с.
4. Декарт, Р. Сочинения. 2006. — М.: Наука. — 654 с.
5. Долинин, К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. Л.: Просвещение., 1978. — 343.
6. Заботкина, О. С. Хрестоматия по французской литературе XVIII века. Учебное пособие. Л.: Просвещение. — 1976. — 287 с.
7. Можейко, М. А. Ирония. / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия: Философия XX века. — М.: Харвест, Современный литератор, 2002. — С. 324—326.
8. Монтескье, Ш. Л. Персидские письма. 2010. — М.: Азбука. Классика. — 352 с.
9. Попова, Н. Б. Языковая личность в ироническом дискурсе / Н. Б. Попова // Языковой дискурс в социально практике. — Тверь, 2007. — С. 238—243.
10. Попова, Н. Б. Стратегии понимания и интерпретации картезианского силлогизма во французском классицизме / Н. Б. Попова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. — Челябинск, 2008. — С 208—212.
11. Попова, Н. Б. Дискурсивные практики иронии в творчестве Франсуа Мари де Вольтер / Н. Б. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусство. — 2014. С 118—122.
12. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М. — 355 с.
13. Эткинд, Е. Г. Семинарий по французской стилистике. Часть I, проза— 1964, М. — Л.: «Просвещение». — 350 с.
14. Riffaterre, M. Essais de stylistique structurale / M. Riffaterre. — Paris: Seuil, 1971.
15. Roustan, M. Precis d'explication francaise. Methode et applications / M. Roustan. — Paris, 8 ed., 1911.

Сведения об авторе

Попова Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романогерманских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. popova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 141–147.*

COGNITIVE MECHANISMS OF DESCARTES' SYLLOGISM IN THE ARTISTIC DISCOURSE OF THE 18TH CENTURY PHILOSOPHERS-ENLIGHTENERS

N.B. Popova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, popova@csu.ru

The article views the 18th century writer-enlighteners' artistic discourse and notes the change in the peculiarities of Descartes' syllogism as a methodological base of creation and comprehension of artistic practices of the French classicism. The discourse analysis of Montesquieu, Voltaire and Rousseau's style peculiarities permits to discover the cognitive changes in the style and contents of these writer-enlighteners' creative work. While the lexical level in the text of the 18th century writers retains the high vocabulary, periphrasis and clichés of classicism style, the syntactic level undergoes modifications in the aspect of Descartes' syllogism cognitive mechanisms. The Cartesian reasoning "thesis – antithesis – syllogism" changes its cognitive mechanism as the "antithesis" is put in the forefront.

Keywords: *thesis, antithesis, syllogism, the Enlightenment epoch, irony, circumlocution, sarcasm.*

References

1. Arnol'd, I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka* (Stilistika dekadirovaniya) [The Stylistics of Modern English (Decadating Stylistics)]. Leningrad: : Prosveshchenie, 1973. (In Russ.).
2. Boldyrev, N. N. Rol' interpretiruyushchej funkcii v formirovanii yazykovykh kategorij [The Role of Interpretative Function in Forming Linguistic Category]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tambov State University Bulletin]. No 1 (93), 2011, pp. 9–15. (In Russ.).
3. Volter, Fr. M.A. *Kandid, ili Optimizm* [Candide, or Optimism] 2018. - Moscow: Eksmo- Press., 2018. 224 p. (In Russ.).
4. Descartes, R. *Sochineniya* [Essays]. 2006, Moscow, Nauka [Science]. 654 p. (In Russ.).
5. Dolinin, K. A. *Stilistika francuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language] Leningrad: Prosveshchenie., 1978. – 343. (In Russ.).
6. Zobotkina, O. S. *Hrestomatiya po francuzskoj literature XVIII veka*. [Chrestomathy in French literature of the 18th century] Uchebnoe posobie. L.: Prosveshchenie. – 1976. – 287 s. (In Russ.).
7. Mozhejko, M. A. Ironia [Irony] *Vsemirnaya Ehnciklopediya: Filosofiya XX veka* [World Encyclopedia: The philosophy of the twentieth century]. - Moscow: Harvest, Modern writer, 2002. - P.324-326. (In Russ.).
8. Montesquieu, Ch. L. de. *Persidskie pisma* [Persian Letters]. - Moscow: 2010 (In Russ.).
9. Popova, N.B. Language personality in ironic discourse // *Language discourse in social practice*. 2007-Tver. - P. 238-243. (In Russ.).
10. Popova, N. B. Strategii ponimaniya i interpretacii kartezijskogo sillogizma vo francuzskom klassicizme [Strategies for understanding and interpreting Cartesian syllogism in French classicism] // *Slovo vyskazyvanie tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektah* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and culturological aspects]. Chelyabinsk, 2008, pp. 208-212. (In Russ.).
11. Popova, N.B. Diskursivnye praktiki ironii v tvorchestve Fransua Mari de Volter [Discursive practice of irony in the works of Francois Marie de Voltaire] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art]. 2014. pp. 118-122. (In Russ.).
12. Stepanov, Yu.S. *Francuzskaya stilistika* [French style]. Moscow: 1965. (In Russ.).
13. Etkind, E.G. *Seminarij po francuzskoj stilistike. Chast' I, proza* [Seminary on the French style. Part I, prose]. - Moscow - Leningrad: Prosveshchenie 1964. (In Russ.).
14. Riffaterre, M. *Essais de stylistique structurale*. – Paris: Seuil, 1971.
15. Roustan, M. *Precis d'explication francaise. Methode et applications* [Precis of French explanation. Methodes and applications] - Paris., 8 ed., 1911.

ЧАСТИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПЕРСОНИФИКАЦИИ ОБРАЗОВ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. А. Савельева

Бакирский государственный университет, Уфа, Россия

В статье рассматриваются функции частиц русского языка в формировании художественных образов литературных героев. Анализ функционального потенциала частиц проводится на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В статье приводятся основные результаты проведенного анализа и примеры функционирования частиц в качестве маркеров образов редактора литературного журнала Берлиоза, поэта Бездомного и доктора Стравинского.

Ключевые слова: *частицы, художественный образ, речевые ситуации, прагматическая ценность частиц.*

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению частиц в русском, английском и немецком языках, а именно выявлению ключевых характеристик данного класса и определению особенностей функционирования частиц в художественных текстах. Одной из предпосылок для проведения сопоставительного исследования становится наличие в русском, английском и немецком языках класса частиц. Сопоставительный метод позволяет выявить отличительные характеристики частиц в одном из указанных языков, а также признаки, которые являются общими для изучаемого класса в сопоставляемых языках.

В рамках исследования частиц в русском языке, направленного на выявление категориальных признаков и национально-специфических характеристик изучаемого нами класса для последующего сопоставительного анализа частиц в русском, английском и немецком языках, мы обращаемся к анализу функционального потенциала частиц в художественной литературе. Как было отмечено нами ранее, частицы наиболее часто встречаются в устной речи, одной из основных проявлений которой является диалогическая речь [9]. Е. А. Стародумова подчеркивает, что «первичной сферой деятельности частиц является устная диалогическая речь — следовательно, их первичные функции проявляются именно в диалоге (частицы прямо или косвенно участвуют в формировании речевых актов)» [10]. Для проведения анализа функций частиц был выбран роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который является многоплановым и содержит широкое разнообразие речевых событий, изображенных при помощи диа-

логов героев романа. Выбор романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в качестве материала для исследования объясняется следующим: роман содержит диалоги в различных стилях речи — образцы общения в официальной ситуации, а также образцы общения в неофициальной ситуации, которые позволяют выявить частицы — маркеры художественных образов.

Анализ функций и значений частиц, встречающихся в диалогах романа, позволяет предположить, что частицы выступают в качестве инструмента персонификации ключевых художественных образов романа. И. Горелов, В. Енгальчев отмечают, что: «... хороший писатель заставляет своих героев говорить — каждого! — особым языком, который не спутаешь с языком другого героя. Имеется в виду, конечно, не язык в целом, а стиль индивида (то есть система предпочтений)...» [2]. Отметим, что частицы рассматриваются нами в рамках определенных *речевых событий* (далее — РС), признаком которых является относительная завершенность. Поясним, что «речевое событие — это основная единица речевого общения (коммуникации), некое законченное целое со своей формой, структурой, границами» [5, С. 45]. При этом, речевое событие складывается из двух составляющих: то, что говорится, сообщается (словесная речь), и то, чем она сопровождается (мимика, жесты и прочее), — поток речевого поведения; во-вторых, это условия, обстановка, в которой происходит речевое общение между его участниками [5, С. 46]. Лисицкая Л. Г. определяет речевое событие как протекающий в конкретной речевой ситуации дискурс, а речевую ситуацию как ситуацию, составляющую контекст высказывания [4].

В целях подтверждения выдвинутого нами тезиса относительно функционирования частиц в качестве инструмента персонификации художественных образов предполагаем возможным рассмотреть ряд РС, в которых раскрываются художественные образы редактора литературного журнала Михаила Александровича Берлиоза, поэта Ивана Николаевича Понырева (известного в романе под псевдонимом Бездомного), доктора Стравинского в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [1]. Выбор данных образов для анализа объясняется следующим: во-первых, указанные персонажи (Берлиоз, Бездомный) можно назвать ключевыми персонажами романа, с которых начинается повествование. Во-вторых, художественный образ редактора литературного журнала используется в качестве антитезы художественному образу поэта Ивана Понырева, противопоставление которых ярко выражено в языке, используемом персонажами.

Действие романа начинается с появления Берлиоза и Бездомного на Патриарших прудах. Основываясь на описании героев, можно сделать вывод, что Берлиоз, редактор литературного журнала, представлен читателю как образованный, начитанный человек, который следит за своим внешним видом и поведением. В то время как поэт Бездомный склонен поддаваться эмоциям и небрежно относится к своему внешнему виду и речи. Рассмотрим РС, в котором к диалогу поэта и редактора присоединяется неизвестный иностранец, прибывший в Москву. В ходе беседы иностранный гость задает вопросы, на которые герои романа реагируют различным образом: «— Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? — спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз. — Нет, вы не ослышались, — учтиво ответил Берлиоз, — **именно** это я и говорил». Так, Берлиоз, подтверждая свою точку зрения, применяет усилительную частицу *именно*, которая употребляется для подчеркнутого указания на что-либо [11]. «— А вы соглашались с вашим собеседником? — осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному. — **На все сто!** — подтвердил тот, любя выразиться вычурно и фигурально». образу Берлиоза противопоставлен образ Бездомного, в ответе которого присутствует крайне экспрессивный, разговорный фразеологизм, использованный для выражения полного согласия говорящего. Указанный фразеологизм также является средством построения небрежного образа поэта. Следует отметить, что

частица *именно* является частотной в речи Берлиоза и употребляется в различных значениях:

«— Кирпич ни с того ни с сего, — внушительно перебил неизвестный, — никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью.

— *Может быть, вы знаете, какой именно?* — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор, — и скажете мне?

— *Охотно, — отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!*

Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

— *А кто именно? Враги? Интервенты?*»

Так, ранее частица *именно* была употреблена говорящим для подтверждения его точки зрения, подчеркивания правильности понимания его мнения собеседником. В приведенном выше фрагменте применение частицы *именно* раскрывает другую функцию частицы: во-первых, она выступает в качестве коннектора, способствуя когезии текста и процессу коммуникации, во-вторых, она выступает в качестве инструмента, с помощью которого говорящий уточняет детали вопроса. Используя частицу *именно* в качестве коннектора, говорящий делает отсылку к предыдущему высказыванию, тем самым обеспечивая логический ход диалога, выстраивая ход диалога от общего — к частному. Частица *именно* также выражает заинтересованность собеседника в диалоге (что также подчеркивается комментарием автора «вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор»). Употребление частицы обладает следующим прагматическим значением: *уточни, поясни свой аргумент, представь конкретный пример*. Эта частица вносит существенный вклад в формирование образа редактора в сознании читателя: частица *именно* указывает на подчеркнутое использование официального языка в повседневном РС — общении нескольких людей, один из которых является незнакомцем, на улице.

Когда заканчивается рассказ иностранного профессора о Понтии Пилате, собеседники возвращаются к реальности, и поэт Бездомный мысленно удивляется: «*Как же это я не заметил, что*

он успел сплести целый рассказ?.. — подумал Бездомный в изумлении, — **ведь вот уже и вечер!**» В его внутренней речи присутствуют экспрессивные частицы. Так, частица *же* выражает недоумение в анализируемом РС. Также отметим, что лексическая единица *это* определяется преимущественно в лексикографической практике как указательное местоимение [8; 11]. Однако, анализ РС показывает, что единица выступает в качестве экспрессивной частицы, подчеркивающей недоумение говорящего. Подобное использование частицы *это* является частотным в художественном образе Бездомного. Для обозначения незаметно прошедшего периода времени в высказывании литературного героя использованы частицы *ведь, вот, и* (в значении частицы). В РС частицы выражают констатацию факта наступления вечера, который наступил для героя незаметно.

Собеседники продолжают диалог, и редактор литературного журнала приходит к выводу, что гость является сумасшедшим: **«Вот тебе все и объяснилось! — подумал Берлиоз в смятении, — приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. Вот так история!»** В этом фрагменте внутренней речи Берлиоза частица *вот* использована дважды и выражает различные оттенки значений. В первом случае частица *вот* в сочетании с лексической единицей *и* (в значении частицы) подводит итог размышлений, выражает наличие определенного результата. Во втором случае сочетание частиц *вот так* использовано для выражения оценки. Эти частицы содержат пресуппозицию о том, что история является необычной, и говорящий, употребляя частицы в РС оценивает ситуацию как ситуацию, отклоняющуюся от нормальной.

Художественный образ поэта Бездомного раскрывается более детально в ходе романа, в главе 6 «Шизофрения, как и было сказано». Бездомный, в сопровождении поэта Рюхина, был доставлен в больницу. Однако, Рюхин не был уверен в том, что Бездомный действительно болен: **«Батюшки! — испуганно подумал Рюхин, — да он и впрямь нормален? Вот чепуха какая! Зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили? Нормален, нормален, только рожа расцарапана...»**. В размышлениях поэта можно отметить частотное использование экспрессивных частиц, которые ранее были отмечены нами также в речи Бездомного. Так, частица *да* в сочетании с союзом *и*, использованным в значении частицы, применяется в РС для выражения удивления, недоумения.

Можно также отметить оценку сожаления в совершенном действии, выражению которого способствуют частицы *вот* (*вот чепуха какая!*), *же* и *-то*.

С художественными образами поэтов Бездомного и Рюхина ярко контрастирует портрет доктора Стравинского. Рассмотрим диалог Бездомного и доктора:

— *А почему вас, собственно, доставили к нам?* — спросил врач, внимательно выслушав обличения Бездомного.

— **Да черт их возьми, олухов! Схватили, связали какими-то тряпками и поволокли в грузовик!**

— *Позвольте вас спросить, вы почему в ресторан пришли в одном белье?*

— *Ничего тут нету удивительного, — ответил Иван, — пошел я купаться на Москва-реку, ну и попятели мою одежду, а эту дрянь оставили! Не голым же мне по Москве идти? Надел что было, потому что спешил в ресторан к Грибоедову. <...>*

— *Вы Берлиоза знаете?* — спросил Иван многозначительно.

— *Это... композитор?*

Иван расстроился.

— *Какой там композитор? Ах да, да нет! Композитор — это однофамилец Миши Берлиоза!*

Рюхину не хотелось ничего говорить, но пришлось объяснить.

— *Секретаря МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших.*

— *Не ври ты, чего не знаешь! — рассердился на Рюхина Иван, — я, а не ты был при этом! Он его нарочно под трамвай пристроил!*

— *Толкнул?*

— **Да при чем здесь «толкнул»? — сердясь на общую бестолковость, воскликнул Иван, — такому и толкать не надо! Он такие штуки может выделывать, что только держись! Он заранее знал, что Берлиоз попадет под трамвай!**

— *А кто-нибудь, кроме вас, видел этого консультанта?*

— *То-то и беда, что только я и Берлиоз.*

— **Так. Какие же меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу?** — тут врач повернулся и бросил взгляд женицине в белом халате, сидящей за столом в сторонке. Та вынула лист и стала заполнять пустые места в его графах.

— *Меры вот какие. Взял я на кухне свечечку...*

— **Вот эту?** — спросил врач, указывая на изломанную свечку, лежащую на столе рядом с иконкой перед женициной.

— *Эту самую, и...*

— *А иконка зачем?*

— Ну да, иконка... — Иван покраснел, — иконка-то больше всего и испугала, — он опять ткнул пальцем в сторону Рюхина, — но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо... с нечистой силой знается... и так его не поймаешь.

Санитары почему-то вытянули руки по швам и глаз не сводили с Ивана.

— Да-с, — продолжал Иван, — знается! Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Да нечего на меня так смотреть! Верно говорю! Все видел — и балкон и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь.

— Ну-те, ну-те...

— Ну вот, стало быть, я иконку на грудь пришили и побежал...

Анализ РС показывает, что в речи доктора Стравинского практически отсутствуют частицы. Можно выделить следующие частицы: частицу *так*, используемую доктором для констатации фактов, представленных Бездомным, частицу *же*, выражающую заинтересованность доктора в действиях, предпринятых Бездомным для поиска Воланда и указательную частицу *вот*, которая относится к обсуждаемому в диалоге предмету — свече. Следует отметить, что частицы применяются доктором для управления ходом диалога и достижения его коммуникативной задачи — выяснения ситуации и причин странного поведения больного. Например, используя частицу *так*, доктор выражает поддержку собеседнику, стимулирует его к продолжению диалога. В приведенном фрагменте раскрывается прагматическая ценность частиц *так* и *же*. Таким образом, речь доктора построена в официально-деловом стиле и лишена экспрессивности. Частицы, применяемые доктором, являются либо формальными указателями на предметы, участвующие в диалоге, либо подтверждают / опровергают факты, представленные собеседником, и используются для достижения коммуникативных целей говорящего.

Противоположной по стилю является речь Бездомного, раскрывающая художественный образ поэта в главе 6. Частотной частицей, присутствующей в речи поэта в РС, является частица *да*, которая выражает возмущение говорящего (— Да при чем здесь «толкнул»? Да нечего на меня так смотреть!). Другой функцией частицы является эмфаза: *Да черт их возьми, олухов!* Частица применяется Бездомным для подчеркивания факта, что говорящий действительно не знает, почему его доставили в больницу. Особый интерес пред-

ставляет следующий ответ поэта: *Ах да, да нет!* В нем выражено сочетание согласия и несогласия одновременно: в первом случае *да* выступает в качестве лексической единицы — короткого ответа (подтверждая факт существования композитора — однофамильца Берлиоза), во втором случае частица *да* подчеркивает отрицание, выражение неверного понимания доктором личности Берлиоза. Так, в короткой фразе дублированием лексической единицы *да*, использованной в различных функциях, достигается выражение крайне возбужденного, обеспокоенного состояния поэта Бездомного. Следует отметить, что частица *да* представляет особый интерес для исследования, так как обладает широким спектром прагматических функций, а также является относительно продуктивной частицей в деривационном плане [6]. Анализ приведенного фрагмента также показывает частотное использование частицы *-то* в речи Бездомного (*то-то* и *беда, иконка-то*), которая используется для подчеркивания используемых в диалоге аргументов, подтверждения правоты и точки зрения героя.

Диалог доктора и поэта продолжается, когда поэт предпринимает попытку покинуть клинику:

— Помилуйте, куда же вы хотите идти? — заговорил врач, вглядываясь в глаза Ивана, — глубокой ночью, в белье... Вы плохо чувствуете себя, оставайтесь у нас!

— Пропустите-ка, — сказал Иван санитарам, сомкнувшись у дверей. — Пустите вы или нет? — страшным голосом крикнул поэт.

Интерес представляет речь доктора как реакция на действия поэта. Из комментария автора читатель понимает, что доктор не предпринимает быстрых действий, речь его является медленной (*заговорил врач, вглядываясь в глаза Ивана*). Он использует частицу *же*, пытаясь обратиться к здравому смыслу больного, чтобы управлять его действиями. Поэт не поддается врачу, подкрепляет свои действия императивом *Пропустите* в сочетании с разговорной частицей *-ка*, используемой им для усиления действия императива.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: в качестве частиц — маркеров художественного образа Берлиоза можно назвать частицы *именно*, *вот*, *все-таки*. образу Берлиоза противопоставлен образ поэта Бездомного, речь которого наполнена экспрессивными частицами *же*, *да*, *ишь* и др. Во втором анализируемом РС (в больнице) также противопоставлено два образа: образ поэта Бездомного (в сочетании с образом поэта Рюхина)

и образ доктора Стравинского. В речи доктора Стравинского встречается малое количество частиц. Частицы, встречающиеся в речи доктора, используются в основном с прагматической целью — достижения коммуникативной цели говорящего, управления ходом диалога. Речь Бездомного наполнена частицами, которые преимущественно используются для выражения эмоций говорящего. Применение указанных частиц способствует созданию художественных образов: образа доктора как

официального лица, работающего в медицинском учреждении, которое должно контролировать свою речь, и образа поэта, который поддается эмоциям и выражает их в своей речи.

В дальнейшем будут проанализированы другие художественные образы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также будет проведен анализ способов перевода частиц — маркеров художественных образов на английский и немецкий язык.

Список литературы

1. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2018—640 с.
2. Горелов, И.Н., Енгальчев, В. Ф. Безмолвный мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации. — М.: Мол. гвардия, 1991. — 240 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса. // М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. — 330 с.
4. Лисицкая, Л. Г. Культура русской речи: Учебное пособие для студентов, изучающих курс русского языка и культуры речи. — Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2007. — 108 с.
5. Михальская, А. К. Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразоват. учреждений. — М.: Просвещение, 1996. — 416 с.
6. Мурашов, Р. З. Структура частиц в разных языках // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 3. С. 931—935.
7. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). — М.: Наука, 1985—169 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — 736 с.
9. Савельева, Л. А. Частицы в русском, английском и немецком языках: сопоставительный анализ характеристик и ключевых признаков // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 4. С. 1274—1283.
10. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. — 292 с.
11. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. — 4824 с.
12. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Учебник. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 378 с.

Сведения об авторе

Савельева Людмила Антоновна — аспирант второго года обучения специальности «Теория языка», кафедра немецкой и французской филологии, факультет романо-германской филологии, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. sav-mila@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 148—153.*

PARTICLES AS PERSONIFICATION TOOLS FOR CHARACTER PORTRAYAL IN RUSSIAN FICTION

L. A. Savelyeva

Bashkir State University, Ufa, Russia. sav-mila@yandex.ru

The article discusses how particles in the Russian language function in portraying images of literature heroes. Particle functions are studied as part of a comparative study of key particle characteristics in Russian, English, and German. The analysis of the particles functions is carried out on the example of M. Bulgakov's *The Master and Margarita* novel. The use of particles is studied for the portrayal of the images of the editor of literary magazine *Berlioz*, the poet *Bezdomny*, the poet *Ryukhin* and the doctor *Stravinsky*. The analysis revealed that the speech of *Berlioz* and *Stravinsky* contains several particles, and their usage is mostly formal. The speech of poets *Bezdomny* and *Ryukhin* contains many particles with a variety of functions, these particles are expressive. The research will be conducted further on the translations of *The Master and Margarita* into English and German to identify language units used to render the images of the novel's heroes in translation.

Keywords: *particles, literature characters, speech situations, pragmatic value of particles.*

References

1. Bulgakov, M.A. *The Master and Margarita*. M.: Eksmo, 2018 - 640 p. (In Russ.).
2. Gorelov, I.N., Engalychev, V.F. *Silent Thought Sign: Stories about non-verbal communication*. - M.: Mol. Guard., 1991. - 240 p. (In Russ.).
3. Karasik, V.I. *Language of social status*. // M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Volgogr. state ped. Inst., 1992. - 330 p. (In Russ.).
4. Lisitskaya, L.G. *Culture of Russian Speech: A textbook for students studying the course of the Russian language and culture of speech*. - Armavir: Editorial and publishing center of ASPU, 2007. - 108 p. (In Russ.).
5. Mikhalskaya, A.K. *Thought and word: Textbook for students 10-11 educational institutions*.— M.: Education, 1996. — 416 p. (In Russ.).
6. Muryasov, R.Z. Structure of particles in different languages // *Bulletin of the Bashkir University*. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 931 – 935. (In Russ.).
7. Nikolaeva, T.M. Particle functions in the utterance (on the material of the Slavic languages). - M.: Science, 1985 - 169 p. (In Russ.).
8. Starodumova, E.A. *Particles of the Russian language (multi-aspect description)*. - Vladivostok: Publishing House Dal'nevost. University, 2002. - 292 p. (In Russ.).
9. Ozhegov, S.I. *Explanatory dictionary of the Russian language*. M.: Peace and Education, Onyx, 2011. - 736 p. (In Russ.).
10. Savelyeva, L.A. *Particles in Russian, English and German: a comparative analysis of characteristics and key features languages* // *Bulletin of the Bashkir University*. 2018. Vol. 23. No. 4. P. 1274-1283. (In Russ.).
11. Ushakov, D.N. *Explanatory dictionary of the Russian language*. M.: Alta-Print, 2005. - 4824 p. (In Russ.).
12. Shvedova, N.Yu. *Essays on the syntax of Russian spoken language*. Textbook. - M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. - 378 p. (In Russ.).

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЕСУРСА ЭЛЕКТРОННЫХ ИГР ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ан. А. Селютин, Ал. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Авторы благодарят Фонд перспективных научных исследований ЧелГУ
за финансовую поддержку проведенного исследования

Представлен материал эксперимента, цель которого состояла в выявлении степени влияния отдельных элементов игры и в целом игрового процесса на субъективную оценку прогресса в изучении иностранного языка. Результаты подкрепляют мысль о возможности и даже необходимости внедрения новых технологий (в первую очередь — игровых) в практику обучения иностранным языкам, что соответствует потребностям и возможностям современных студентов.

Ключевые слова: *эдьютеймент, людонарратив, новые образовательные технологии, обучение иностранному языку, обучающие игры.*

Введение

Современное общество предъявляет новые требования не только к контенту образовательного процесса при изучении иностранных языков, но и к дидактическим методам и приемам, используемым в работе педагога в рамках как аудиторной работы, так и организации самостоятельной работы обучающихся. Особой актуальностью обладает вопрос о повышении мотивации студентов при взаимодействии с объектом изучения, что подтверждает, например М. А. Безбородова: «Исключительно важным в процессе обучения иностранному языку является вопрос мотивации» [2. С. 12], при этом мотивационный потенциал порождается не только окончательным качеством потребляемого образовательного продукта, но и процессуальными единицами (методами, инструментами, педагогическими приемами), при помощи которых образовательный продукт доставляется к потребителю. Одним из подобных инструментов могут служить мобильные устройства (телефоны, планшеты), перешедшие из разряда эксклюзивности в разряд обыденности.

Современное технологическое развитие мобильных устройств, их повседневное присутствие в жизни человека, доступность и относительная дешевизна мобильных технологий позволяют их использовать как эффективный инструмент образовательного процесса при самостоятельном изучении иностранного языка. Популярность мобильных устройств и их креативные возможности приводят к необходимости рассмотрения подобных технологий как платформы для эдьютеймента, включающего значительные элементы геймифика-

ции, при этом под геймификацией мы понимаем «a complex of actions, common for games and directed to change a process with a certain purpose» [1]. И действительно, имплементация игровых элементов позволяет изменить процесс изучения иностранного языка, уйдя от монотонного запоминания грамматических правил и лексических единиц в сторону развлекательной автоматической усвояемости, что и является основой любой формы эдьютеймента, которое уже достаточно давно стало неотъемлемой частью образовательной деятельности [5]. Привлекательность игр для мобильных устройств подчеркивают также О. В. Орлова и В. Н. Титова, утверждающие, что «in modern world it is a single dynamically developing activity with new mechanisms and platforms, with unbelievable results on the attraction of the audience» [9. P. 36].

Различного рода игры на иностранных языках обладают высоким мотивационным потенциалом для изучения иностранного языка, поскольку позволяют пользователю не только глубоко погрузиться в игровую среду, но и ставить определенные цели (например, повышение игрового статуса, прохождение игрового процесса, точное и детальное эстетическое понимание происходящего), для достижения которых требуется использование иностранного языка как инструмента коммуникации и интеракции; язык, таким образом, становится одновременно механизмом, позволяющим пользователю развиваться в игровых условиях, и объектом изучения.

Среди разнообразия доступных для мобильных устройств игр несомненными достоинствами обла-

дают так называемые текстовые квесты, поскольку именно в них в полном объеме представлен творческий людонарратив, от понимания которого зависит прогресс игрока. Относительная простота создания текстовых квестов, не требующих специальных навыков программирования, позволяет педагогу самостоятельно разрабатывать необходимый людонарратив, отвечающий текущим потребностям обучающихся, при этом ключевые элементы для освоения на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях могут быть с легкостью включены в игровое повествование. Таким образом, текстовые квесты обладают значительным лингвокреативным потенциалом как самостоятельные и вспомогательные инструменты при освоении навыков владения иностранным языком.

Отмечая закономерность изменений в образовательном процессе в сторону геймификации, Н. А. Кобзева утверждает, что «...происходит переход к более интерактивным, увлекательным, эмпирическим методам обучения...» [6]. Таким образом, игры для мобильных устройств, обладая всеми вышеперечисленными качествами, успешно реализуются как образовательный ресурс нового поколения при изучении иностранных языков. Поэтому при выборе темы нашего исследования мы в первую очередь ориентировались на изучение лингвокреативных возможностей учебных текстов, ориентированных на современную цифровую образовательную среду. Однако мы уже сейчас можем констатировать, что условия перехода на новые формы обучения (онлайн-технологии, мобильные приложения и т. п.) не предусматривают механизмов адаптации как самой образовательной системы, так и потенциальных потребителей этих учебных продуктов, отсутствуют четкие ориентиры по формированию образовательного контента, ориентированного на новые образовательные условия и новую личность (медиаличность) конечного потребителя. Современная образовательная система в области развития механизмов трансляции знаний отстает от реальных запросов и потребностей общества. И эта проблема требует скорейшего исследовательского и практического решения.

Материалы и методы

В научной литературе все чаще стали появляться исследования, в которых доказывается польза компьютерных игр в образовательном процессе, в частности, при обучении родному и иностранным языкам. Например, исследователь Н. В. Бутылов в статье «Использование компьютерных игр в из-

учении немецкого языка» вводит понятие «компьютерная обучающая игра», семантически и функционально обособляя его от понятий «учебная игра» и «обучающая игра», отмечая при этом, что «система компьютерных игр, как и обучающих игр в целом, делает процесс формирования и развития интеллектуальных умений более интенсивным по сравнению с традиционной формой обучения» [3. С. 145]. Аналогичные мысли высказывает Н. В. Матвеева, по мнению которой, деятельность обучающихся в процессе прохождения веб-квестов «...превращает студентов из пассивных объектов учебной деятельности в ее активных субъектов, повышает не только мотивацию к процессу добытия знаний, но и ответственность за результаты этой деятельности и их презентацию» [8. С. 46]. Важную роль компьютерной игры в обучении русскому языку как иностранному также отмечает Н. Н. Зильберман, высказывая мысль о важности организации самостоятельной работы студентов, основное время которой должна занимать отработка навыков, полученных на занятии, и в этом неопределимую помощь могут оказать компьютерные игры, благодаря повышенному интересу современной молодежи к различным игровым процессам [4].

В целом, все авторы сходятся во мнении, что применение компьютерных и игровых технологий в процессе обучения родному и иностранным языкам не только повышает мотивацию студентов, но и способствует более успешному и быстрому освоению учебного материала, повышая качество подготовки по сравнению с традиционными методами. Мы решили проверить, насколько это утверждение применимо по отношению к современным играм мобильного формата, в котором процесс формирования нарратива самим игроком выходит на первый план по сравнению с играми жанра action, strategic games, sport simulator etc., мы имеем в виду так называемые текстовые квесты, в частности, текстовый квест «Magium» (<http://magium-game.com/>). И в качестве основной цели нашего исследования выбрали исследование субъективных показателей изучения иностранных языков при включении в образовательный процесс электронных текстовых квестов на английском языке.

В качестве основного метода исследования мы использовали педагогический эксперимент [10], как способ верификации полученных ранее теоретических и эмпирических данных о пользе компьютерных игр при обучении языку. При составлении опросно-анкетного материала завершающего этапа педагогического эксперимента мы ориентировались

на субъективное восприятие таких показателей, как успешность/неуспешность, прогресс/регресс, повышение/понижение интереса к изучению иностранного языка, полезность/бесполезность применяемой методики обучения иностранному языку — отражающих личностное восприятие изменений в традиционном образовательном процессе.

Ход исследования

Эксперимент осуществлялся на базе Челябинского государственного университета среди студентов гуманитарного профиля, не специализирующихся на изучении иностранного языка, по специальности «Международные отношения» и «Журналистика». Сформированная экспериментальная группа насчитывала 34 совершеннолетних студента (в возрасте от 18 до 20 лет), которые добровольно согласились принять участие в проекте и последующем опросе, при этом критерием отбора в экспериментальную группу являлось владение английским языком, который должен был находиться на уровне В1–В2. Группе были поставлены следующие условия: в течение 15 календарных дней уделять не менее 30 минут в день для игры в текстовый квест «Magium» на английском языке, выписывая незнакомые слова вместе с переводом в отдельную тетрадь. Выбор игры был обусловлен наличием мобильных устройств (сотовых телефонов) и их техническими возможностями и предварительно согласован с экспериментальной группой, которая проявила интерес к описанию игрового контента. По истечении 15 календарных дней группе было предложено пройти анонимный онлайн-опрос, включающий восемь вопросов, рассчитанных на рефлексивное описание результатов участия в эксперименте.

1. Интересно ли Вам было играть в текстовый квест Magium?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

2. Отметьте, что больше всего Вам понравилось в игре в порядке убывания от 1 (самое важное) до 5 (самое неважное):

а) удобный интерфейс

б) возможность развить навыки аналитического чтения на английском языке

в) возможность влиять на сюжет игры

г) возможность узнать новую лексику

д) мобильный формат

3. Какое количество времени Вы потратили на текстовый квест Magium?

а) больше 30 минут в день

б) 30 минут в день

в) менее 30 минут в день

4. По Вашему мнению, за время игры в текстовый квест Magium Ваш уровень владения иностранным языком повысился:

а) на уровне говорения

б) на уровне письма

в) на уровне чтения

г) на уровне слушания

д) не повысился

5. (При положительном ответе на предыдущий вопрос) В чем конкретно Вы отмечаете повышение уровня владения иностранным языком:

а) увеличился словарный запас

б) стал лучше понимать грамматические правила

в) уменьшилось количество грамматических ошибок в речи

г) уменьшилось количество ошибок в написании слов

д) меньше времени уходит на понимание английского текста

е) стал быстрее говорить

6. Напишите несколько новых слов (3—5) и их значение, которые Вы узнали в процессе игры в текстовый квест Magium

7. Какие трудности у Вас возникали в процессе игры:

а) встречалось много незнакомых слов

б) большинство слов были знакомы, но смысл текста был непонятен

в) смысл моих игровых действий (выбора действия) был непонятен

г) сложный интерфейс

д) мало времени для игры из-за загруженности другими делами

8. Считаете ли Вы, что данная практика помогла Вам в изучении иностранного языка

а) Да

б) Нет

в) Результат не такой серьезный, как хотелось бы

По результатам проведенного опроса были сформированы таблицы, отражающие уровень саморефлексии испытуемых по каждому вопросу.

Результаты и их обсуждение

Проведенный опрос позволил скорректировать количество студентов в контрольной группе, результаты деятельности которых учитывались при обработке ответов, поскольку двое студентов отметили, что потратили менее 30 минут в день на игровой процесс. Таким образом, результаты

их опроса не учитывались при подведении итогов, а количество учтенных студентов в экспериментальной группе составило 32 человека.

Игра вызвала у студентов повышенный интерес, что подтвердили 88% опрошенных, при этом 12% заявили, что затрудняются ответить, а негативная реакция не была продемонстрирована вообще. В целом, использование текстовых квестов для повышения уровня мотивации образовательной деятельности студентов получило положительную реакцию со стороны обучаемых.

Ответы на вопрос «Что больше всего Вам понравилось в игре в порядке убывания от 1 (самое важное) до 5 (самое неважное)?» после обработки продемонстрировали следующие результаты:

Варианты выбора / место в рейтинге	1	2	3	4	5
Удобный интерфейс	0%	13%	25%	13%	50%
Возможность развить навыки аналитического чтения на английском языке	25%	37%	13%	13%	13%
Возможность влиять на сюжет игры	37%	25%	0%	25%	13%
Возможность узнать новую лексику	25%	0%	62%	13%	0%
Мобильный формат	13%	25%	0%	36%	25%

Следует отметить, что удобный интерфейс и мобильный формат не являются основополагающими факторами для использования игры как образовательного ресурса для самостоятельного изучения иностранного языка, согласно результатам опроса. При этом ключевыми стимулами большинство респондентов выбрало улучшение навыков аналитического чтения и возможность влияния на игровой сюжет (т. е. интенсивная вовлеченность пользователя в формирование нарратива). Изучение новой лексики занимает четкую среднюю позицию среди мотивационных факторов. Таким образом, мы видим ярко выраженную ориентацию экспериментальной группы на изучение иностранного языка при помощи игрового процесса, при этом уровень комфорта образовательного процесса не имеет решающего значения.

Оценивая улучшение уровня английского языка, 88% ответили, что у них улучшился уровень чтения на английском языке. 6% отметили, что наблюдают улучшения уровня говорения, а 6% заявили, что у них улучшились навыки письма. В целом

данные результаты подтверждают особенности игрового процесса текстовых квестов, поскольку основным видом деятельности при его прохождении является чтение значительных текстовых массивов в виде нарратива, истории. Уровни письма и говорения улучшились как следствие использования приобретенных знаний в соответствующих прикладных аспектах языка.

Также 50% респондентов отметили, что игровой процесс на английском языке способствовал увеличению их словарного запаса, а еще 50% заявили, что у них стало уходить меньше времени на понимание английского текста. Таким образом, мы наблюдаем улучшение навыков работы с текстом, подкрепляемое существенным ростом вокабуляра. 9% респондентов утверждают, что у них улучшилось понимание грамматических правил, у 9% респондентов наблюдается уменьшение ошибок при написании слов; оба случая являются производными результатами усиленной работы с текстом. Также 9% респондентов отметили, что у них улучшились навыки говорения, что, скорее всего, является результатом применения полученных знаний на практике.

Основными трудностями при прохождении игры и изучении иностранного языка при помощи данной мобильной технологии оказались большие массивы незнакомых слов (40% респондентов), что существенно затрудняло общее понимание текста, а также нехватка свободного времени (40% респондентов), позволяющего погрузиться в игровую атмосферу и целенаправленно развивать навыки владения иностранным языком. Также одной из трудностей была упомянута общая неясность текста (20% респондентов). Данные проблемы необходимо учитывать при выборе игры для обучения: она должна иметь простой, незамысловатый сюжет, содержать меньшие текстовые объемы, более доступный словарный состав, обладать интуитивно понятным интерфейсом, а также сегментироваться на короткие для использования отрезки, позволяющие играть с мобильных устройств практически в любой обстановке (в очереди, в общественном транспорте, на перемене) и при наличии любого свободного времени.

Как результат, 72% респондентов считают, что данная практика помогла им в изучении иностранного языка, при 28% респондентов, затрудняющихся с ответом. При этом никто из респондентов не посчитал проведенное за игрой на иностранном языке время бесполезным.

Выводы

По итогам проведенного исследования были сформулированы следующие важные моменты, касающиеся возможности использования игровых приложений в практике обучения иностранному языку:

1) отход от традиционных форм подачи учебного материала в сторону интерактивных игровых приложений ожидаемо повышает мотивацию обучающихся, не снижая при этом значения содержательного компонента игры, который сами студенты в ходе опроса выводили на первый план;

2) рефлексивный анализ успехов в освоении учебного материала в формате игры, проведенный студентами, показал положительную динамику как на уровне говорения / письма, так и на уровне чтения;

3) вместе с несомненными достоинствами использования текстовых квестов как новой формы

подачи учебного материала, респонденты также отмечают и прогнозируемые трудности в обработке большого массива новой лексики, а также общую смысловую сложность текстов, не рассчитанных на уровне освоения изучаемого языка.

Таким образом, исследование лингвокреативного потенциала компьютерных игр, проведенное среди студентов Челябинского государственного университета, обучающихся на гуманитарных факультетах и изучающих иностранный (английский) язык, подтвердило наличие образовательного потенциала электронной игры (текстовый квест «Magium»), повышающего субъективную эффективность изучения иностранного (неродного) языка; наглядно продемонстрировало присутствие лингвокреативных элементов в речевом поле игрового процесса, положительно влияющих на усвоение лексических единиц и вариантов их употребления.

Список литературы

1. Алчебаев М. А., Гайдуков А. М. Геймификация или мистификация? // Мир транспорта. — 2014. — № 3. — С. 220—228.
2. Безбородова М. А. Мотивация в обучении английскому языку // Молодой ученый. — 2009. — № 8. — С. 156—160. — URL <https://moluch.ru/archive/8/567/> (дата обращения: 07.05.2019).
3. Бутылов Н. В. Использование компьютерных игр в изучении немецкого языка // Вестник гуманитарного института ТГУ. — 2010. — № 1. (7) — С. 145—147.
4. Зильберман Н. Н. Применение технологий компьютерных игр в преподавании иностранного языка (на примере использования технологий Sims 2 The) // Гуманитарная информатика. — 2008. — Вып. 4. — С. 113—118.
5. Кармалова Е. Ю., Ханкеева А. А. Эдьютейнмент: понятие, специфика, исследование потребности в нем целевой аудитории // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 7 (389). — Вып. 101. — С. 64—71.
6. Кобзева Н. Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 4. — Т. 2. — С. 192—195.
7. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе. — URL: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-lichnost-v-virtualnom-diskurse#ixzz416WsjfWG> (дата обращения 02.06.2019).
8. Матвеева Н. В. Ролевая игра и веб-квест: новый взгляд на традиционный метод // Среднее профессиональное образование. — 2014. — № 4. — С. 45—47.
9. Орлова О. В., Титова В. Н. Геймификация как способ организации обучения // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2015. — № 9 (162). — С. 60—64.
10. Шахнарович А. М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Вопросы психолингвистики. — 2011. — Вып. 13. — С. 191—195.

Сведения об авторах

Селютин Андрей Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. blind11@yandex.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, зав. лабораторией Цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 154–160.*

COMPUTER GAMES AS AN EFFECTIVE EDUCATIONAL RESOURCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

An.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. blind11@yandex.ru

Al.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The authors are grateful to the Fund of Perspective Scientific Researches of CSU for the financial support of the research

The article contains the results of the experiment, which was aimed to reveal the degree of influence of some game elements and the general game process on the subjective evaluation of the progress while learning a foreign language. The conclusions prove the idea about a possibility and even a necessity of implementing new technologies (firstly, game technologies) in the practice of foreign language learning, and that meets the demands and abilities of modern students. The learning of any language (both native and foreign) may be organized with entertaining technologies (which leads us to the importance of edutainment), using the linguistic creative potential of computer games (both online and local computer net). So the gamefication of the educational process allows using the game as an educational resource, and the flexibility and mobility of the language, speech mechanisms, mobility of language means allow forming the unique text material oriented on the «clever» consumption, exploitation in the form of the study material.

Keywords: *edutainment, ludonarrative, new educational technologies, foreign language teaching, educational games.*

References

1. Alchebayev, M.A., Gaidukov, A.M. Gejmifikaciya ili mistifikaciya? [Gamefication or mystification?]. *Mir transporta* [The world of transport], 2004, vol. 12, no. 3(52), pp. 220-228. (in Russ.).
2. Bezborodova, M.A. Motivaciya v obuchenii anglijskomu yazyku [Motivation in learning the English language]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2009, no. 8, pp. 156-160. Available at: <https://moluch.ru/archive/8/567/> (accessed: 07.05.2019). (in Russ.).
3. Butylov, N.V. Ispol'zovanie komp'yuternyh igr v izuchenii nemeckogo yazyka [Usage of computer games in learning the German language]. *Vestnik gumanitarnogo instituta TGU* [Herald of humanitarian institute of TSU]. 2010, no. 1(7), pp. 145-147.
4. Zilberman, N.N. Primenenie tekhnologij komp'yuternyh igr v prepodavanii inostrannogo yazyka (na primere ispol'zovaniya tekhnologij Sims 2 The) [Usage of technologies of computer games in teaching a foreign language (by the example of the use of technologies Sims 2)]. *Gumanitarnaya informatika* [Humanitarian information]. 2008. Iss. 4, pp. 113-118. (in Russ.).
5. Karmalova, E., Khankeeva, A. Ed'yutejment: ponyatie, specifika, issledovanie potrebnosti v nem celevoj auditorii [Edutainment: Concept, Specifics, Research of Demand for Edutainment among the target Audience]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 7(389), pp.64–71. (in Russ.).
6. Kobzeva, N. Edutainment kak sovremennaya tekhnologiya obucheniya [Edutainment is a modern technology of education]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Psihologicheskie i pedagogicheskie nauki*. [Yaroslavl Pedagogical Herald. Psychological and Pedagogical science], 2012, vol. 2, no. 4, pp. 192–195. (in Russ.).
7. Lutovinova, O.V. Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse [Language person in virtual discourse]. Available at: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-lichnost-v-virtualnom-diskurse#ixzz4l6WsjfWG> (accessed 02.06.2019).

8. Matveeva, N.V. Rolevaya igra i veb-kvest: novyj vzglyad na tradicionnyj metod [Role play and web quest: new opinion on the traditional method]. *Srednee professional'noe obrazovanie* [Secondary professional education]. 2014, no. 4, pp. 45–47. (in Russ.).
9. Orlova, O.V., Titova, V.N. Gejmifikaciya kak sposob organizacii obucheniya [Gamefication as the way to organize the education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Tomsk State Pedagogical University], 2015, no. 9 (162), pp. 60-64. (in Russ.).
10. Shakhnarovich, A.M. Lingvisticheskij eksperiment kak metod lingvisticheskogo i psiholingvisticheskogo issledovaniya [Linguistic experiment as the method of linguistic and psycholinguistic research]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistic]. 2011. Iss. 13, pp. 191-195. (in Russ.).

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

В. Н. Смирнова, О. В. Гринцова, Д. М. Гринцов

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Представлен анализ специализации интернациональной лексики при переводе инженерно-строительных текстов на примере учебной деятельности студентов. Описаны теоретические подходы к оценке адаптации интернационализмов в переводящем языке и прагматические особенности их специализации в научно-техническом переводе. Выработаны методические рекомендации по переводу интернационализмов в сфере билингвальной коммуникации будущими специалистами научно-строительной сферы.

Ключевые слова: *интернациональная лексика, специализация перевода, инженерно-строительные тексты, «ложные друзья» переводчика.*

В ситуации перехода образования на компетентностно-ориентированную систему обучения письменный перевод в практике обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов приобретает особую актуальность и становится показателем овладения иноязычной компетенцией [12, 13, 14]. Наряду с этим, как отмечают многие современные исследователи, «... язык представляет собой систему, в которой любая языковая единица должна иметь свое собственное место» [6. С. 44]. Отсюда общий интерес современной лингвистики к проблеме отражения в языковой связи значений слов отдельных групп.

Исследование категории интернациональной лексики обуславливается потребностями практики перевода научно-технической литературы инженерно-строительного профиля. Как показывает анализ учебных переводов, количество нарушений, допускаемых представителями неязыковых направлений подготовки в указанных случаях, достаточно высоко. Необходимость изучения специализации интернациональной лексики при переводе аутентичных инженерно-строительных текстов значительно расширяет возможности достижения конечной цели коммуникации, предполагающей создание адекватного и прагматически эквивалентного перевода, необходимого для реализации задач экспериментально-исследовательской профессиональной деятельности.

В связи с этим, анализ особенностей специализации интернациональной лексики при переводе инженерно-строительных текстов позволяет выявить уровень функциональности и прагматической адаптации данной категории слов, проанализировать проблемные зоны и выработать методиче-

ские рекомендации по преодолению лексических трудностей перевода, связанных с употреблением межъязыковых аналогизмов, будущими специалистами научно-строительной сферы.

Специализация интернациональной лексики как теоретико-методическая проблема рассматривается с опорой на концепцию приемов научно-технического перевода, предложенную отечественными исследователями В. Н. Комиссаровым и Я. И. Рецкером, толкования переводоведческих понятий Л. Л. Нелюбина, методические указания по переводу общенаучных слов, относящихся к категории «ложных друзей» переводчика Л. И. Борисовой, работы по анализу лексических трудностей перевода авторов В. В. Гурина, В. В. Батицкой, В. С. Горбуновой, Д. М. Бузаджи, В. В. Гусева, В. К. Ланчикова, Д. В. Псурцева, работы по исследованию лексического состава технического английского С. В. Сботовой и Е. Ю. Куляевой, электронные словари и справочники.

В работе использовался комплекс взаимодополняющих методик. В основу работы положен метод сопоставительного анализа перевода, опирающийся на анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. В работе использованы методы лексикографического и контекстуального интернациональных лексем, общенаучные методы сравнения и обобщения. Количественный анализ позволил вывить характер частотности употребления интернациональных слов в текстах инженерно-строительной направленности.

Анализ особенностей специализации интернациональной лексики при переводе инженерно-строительных текстов выполнен на примере

учебной деятельности студентов бакалавриата и магистратуры направления подготовки «Строительство», аспирантов направления подготовки «Техника и технологии строительства» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

Обобщение результатов исследования осуществляется на основе массовых наблюдений учебных переводов. Нами было проанализировано свыше 100 случаев употребления интернациональной лексики, встречающихся в аутентичных специальных текстах, включенных в состав учебно-методических комплексов для подготовки будущих специалистов научно-строительной сферы.

Метод критического анализа учебных переводов текстов инженерно-строительного профиля позволил выявить проблемные зоны специализации интернациональной лексики и произвести подбор эквивалентных единиц, характерных для адекватного способа выражения научно-технической мысли на русском языке.

В современном английском языке большое место занимают слова, заимствованные из других языков, в основном, латинского и греческого. Эти слова получили широкое распространение и стали интернациональными. По корню таких слов легко догадаться об их переводе на русский язык. Например, *evolution* — *эволюция*; *legal* — *легальный*; *mechanization* — *механизация*; *doctor* — *доктор, врач*; *atom* — *атом* и т. д. Интернациональные слова многочисленны во всех отраслях науки, многие названия наук являются интернациональными, например: *physics* — *физика*, *mathematics* — *математика*, *geometry* — *геометрия*, *medicine* — *медицина*.

Интернациональная лексика входит в международный фонд научной терминологии, и умение видеть слова данной категории в тексте значительно облегчает чтение и перевод. При этом многие интернациональные слова в одном значении совпадают в русском и английском языках, а в другом требуют уточнения значения по словарю. Например, *adapter* — *переходник (и адаптер)*, *agitator* — *тех. мешалка (и агитатор)*, *balance* — *весы (и баланс)*, *container* — *емстелище (и контейнер)*, *control* — *не только контролировать, но и управлять*, *fountain* — *резервуар (и фонтан)*, *illumination* — *освещение (и иллюминация)*, *meter* — *счетчик (и метр)*.

Слова из третьей группы, внешне похожие на межъязыковые аналогизмы, не совпадают по значению в русском и английском языках полностью,

поэтому их часто называют «ложными друзьями» переводчика. По определению Л. Л. Нелюбина, это «семантически различные, но совпадающие по внешней форме лексические единицы сравнимых языков» [8. С. 102]. Например, *accurate* — *точный (а не аккуратный)*, *fabric* — *ткань (а не фабрика)*, *resin* — *смола (а не резина)*, *stopper* — *пробка (а не штопор)*.

В результате исследования функционирования интернациональной лексики в инженерно-строительных текстах удалось подтвердить фактический вывод автора Л. И. Борисовой о высокой частоте употребления общенаучных интернациональных слов [1. С. 32]. Количество интернациональных слов может составлять примерно до 50% состава всех полнозначных слов текста инженерно-строительной направленности. В связи с этим, ошибки при переводе такой категории слов могут значительно снижать качество выполненного перевода и приводить к непониманию денотативного содержания оригинала.

Значима концепция Л. И. Борисовой о закономерностях перевода интернациональных слов в научно-техническом переводе, центральное место в которой отводится понятию «специализация» [1. С. 25—29]. Согласно определению исследователя, под специализацией понимается «замена английского общенародного слова соответствующим русским словом, имеющим специальное (или общенаучное) значение» [1. С. 25]. Результатом процесса специализации в переводе являются эквиваленты, принадлежащие к научному слою русской лексики. Такие эквиваленты отражают содержание соответствующих английских слов в форме, характерной для способа выражения научно-технической мысли на русском языке. Л. И. Борисова наглядно иллюстрирует специализацию значения общепотребительного интернационального слова *styles* в научно-техническом переводе как *модели*.

Оригинал: Some *styles* are available with the ballast resistors incorporated for 12-, 24- or 48-V dc operation or with diode-resistors networks for 220-V use.

Перевод: Некоторые *модели*, предназначенные для работы при напряжении 12, 24 или 48 В постоянного тока, выпускаются с внутренними балластными резисторами, а модели на напряжении 220 В переменного тока с внутренними диодно-резисторными цепочками [1. С. 26].

При рассмотрении проблемы специализации интернациональных слов в инженерно-строительных текстах значима идея о концептуальной «многослойности» языковых единиц как наличия смыс-

ловых компонентов с различными типами воздействия, актуализированная в исследовании авторов В. В. Гурина и В. В. Батицкой на примере концепта *force* [6. С. 48].

Таким образом, специализация интернациональных слов связана с подбором контекстуального значения лексической единицы. Согласно определению Я. И. Рецкера, «контекстуальное значение может зависеть от факторов, находящихся за пределами контекста, т. е. от предметной обстановки и речевой ситуации» [9. С. 71]. Автор указывает на значительный объем эквивалентного перевода — от 75 до 90% в случае использования приемов лексической трансформации: дифференциации, конкретизации и генерализации значений [9. С. 75].

В. В. Комиссаров при переводе научно-технических текстов указывает на ведущую роль терминологии и специальной лексики, которые обеспечивают точное указание на реальные объекты и явления, устанавливают однозначное понимание специалистами передаваемой информации [7. С. 110].

В инженерно-строительных текстах встречается множество случаев употребления интернационализмов, специализировать значение которых и подбирать соответствующий переводной эквивалент приходится с учетом отнесенности к сфере строительной индустрии. С целью практической иллюстрации исследуемой проблемы мы проанализировали свыше 100 случаев специализации при переводе интернациональной лексики, создающих проблемные зоны, на примере учебной деятельности студентов, и отобрали наиболее показательные примеры, характеризующиеся высокой частотой употребления.

Рассмотрим несколько примеров специализации лексемы *engineering* в различных строительно-технических контекстах.

Пример 1

Оригинал: The history of structural *engineering* dates back to at least 2700 BC when the step pyramid for Pharaoh Djoser was built by Imhotep, the first engineer in history known by name.

Учебный перевод: История *строительной техники* восходит к 2700 г. до н. э., когда Имхотеп, первый инженер в истории, известный по имени, построил ступенчатую пирамиду для фараона Джосера.

Рекомендуемый перевод: История *строительного проектирования* восходит, по крайней мере, к 2700 г. до н. э., когда Имхотеп, первый инженер в истории, известный по имени, построил ступенчатую пирамиду для фараона Джосера.

Словарный перевод термина *engineering* многозначен: *техника, технология, машиностроение, инженерия, разработка, проектирование*. При этом, несмотря на употребление лексемы *engineering* в составе устойчивого терминологического сочетания *structural engineering* — *строительная техника* (URL: <https://woordhunt.ru/>), рекомендуемый вариант перевода характеризуется конкретизацией словарного соответствия и обусловлен контекстом названия вида конструкторской деятельности инженера при разработке плана строительного сооружения.

Специализация переводного эквивалента слова *engineering* как *строительство* в следующем примере становится устойчивой в составе терминологического сочетания *civil engineering* и может определяться опорой на словарный перевод. Выбор таких словарных соответствий, как *инженерия, техника, проектирование*, которые могут встречаться в учебных переводах, создает неточность номинативной функции словосочетания *civil engineering*, указывающей на непромышленный тип инженерно-строительного дела.

Пример 2

Оригинал: The field of Civil *Engineering* is divided up into Building Construction (Architecture) and Public Works and Foundation *Engineering* [5. С. 49]

Учебный перевод: Сфера гражданской *инженерии* подразделяется на строительство зданий (архитектура), общественные работы и *проектирование* фундаментов.

Рекомендуемый перевод: Сфера гражданского *строительства* подразделяется на строительство зданий (архитектуру), возведение общественных сооружений и *фундаментостроение*.

В следующем примере *engineering* также входит в состав двухкомпонентного устойчивого терминологического словосочетания *construction engineering*, и переводчик может опираться на устойчивое словарное соответствие *строительство* (URL: <https://woordhunt.ru/>). При этом, анализируя многозначность интернациональных слов, входящих в специальные словосочетания, мы согласны с тезисом исследователей С. В. Сботовой и Е. Ю. Куляевой о том, что «многозначные специальные словосочетания встречаются редко» [11. С. 149].

Пример 3

Оригинал: Construction *engineering* students take design courses as well as construction management courses.

Учебный перевод: Студенты *строительной инженерии* проходят курсы *дизайна*, а также курсы управления строительством.

Рекомендуемый перевод: Студенты, изучающие *строительство*, проходят курсы *проектирования*, а также курсы управления строительством.

В следующем примере словарное соответствие лексемы *discipline* в составе словосочетания *engineering discipline* в форме *дисциплина* требует контекстуальной замены на слово с расширенной семантикой — *отрасль*, так как контекст оригинала обуславливает иную актуализацию смыслового компонента интернационализма: *отдельная сфера науки, знаний и производства* (URL: <http://www.вокабула.рф/словари>).

Пример 4

Оригинал: Civil engineering is a professional *engineering discipline* that deals with the design, construction, and maintenance of the physical and naturally built environment, including works like roads, bridges, canals, dams, and buildings.

Учебный перевод: Гражданское строительство — профессиональная *инженерная дисциплина*, которая занимается проектированием, строительством и обслуживанием физической и естественной среды, включая такие объекты, как дороги, мосты, каналы, плотины и здания.

Рекомендуемый перевод: Гражданское строительство — это профессиональная *инженерно-техническая отрасль*, которая занимается проектированием, строительством и обслуживанием физической и естественной среды, включая такие объекты, как дороги, мосты, каналы, плотины и здания.

В инженерно-строительных текстах многочисленны случаи употребления английской интернациональной лексемы *construction*, подбирать соответствующий переводной эквивалент которой необходимо с учетом контекста, функции и места расположения в предложении. Например:

Пример 5

Оригинал: Rapid *construction* is a systematic approach to deliver of one kind project with complexity in *construction* due to limited time schedule, contract agreement, approved *construction* method and meets client satisfaction.

Учебный перевод: Быстрая *конструкция* — это системный подход к выполнению одного вида проекта со сложностью в *строительстве* из-за ограниченного графика времени, контрактного соглашения, одобренного метода *строительства* и требований клиентов.

Рекомендуемый перевод: Быстрое *строительство* — это системный подход к реализации проекта, осложненного ограниченным графиком *строительства*, условиями контрактного соглашения,

выбранного метода *строительства* и требованиями клиентов.

Пример 6

Оригинал: People have used wood for millennia for many purposes, primarily as a fuel or as a *construction* material for making houses, tools, weapons, furniture, packaging, artworks, and paper.

Учебный перевод: Люди тысячелетиями использовали древесину во многих целях, прежде всего, в качестве топлива или в качестве *конструкционного* материала для изготовления домов, инструментов, оружия, мебели, упаковки, произведений искусства и бумаги.

Рекомендуемый перевод: Люди тысячелетиями использовали древесину для многих целей, в основном, в качестве топлива или в качестве *строительного* материала для создания домов, инструментов, оружия, мебели, упаковки, произведений искусства и бумаги.

Пример 7

Оригинал: Because of the greatly increased use of steel frame *construction* independent bearing walls of brick are now almost never built over two or three stories in height.

Учебный перевод: Из-за значительно возросшего использования стальных *конструкций* независимые несущие стены из кирпича в настоящее время почти никогда не возводятся на двух или трех этажах в высоту.

Рекомендуемый перевод: Из-за значительно возросшего использования стальных *каркасов* независимые несущие стены из кирпича в настоящее время практически никогда не возводятся на двух-трех этажах.

Как видно из приведенных примеров, лексическая единица *construction* характеризуется различной специализацией своих значений: как *строительство* в Примере 5, как *строительный* в Примере 6, как *каркасы* в Примере 7, что обусловлено различными особенностями строительно-технических контекстов речевых ситуаций. При этом в учебном переводе наблюдается ошибочная тенденция к калькированному однотипному переводу слова *construction* как *конструкция*, что противоречит широкому номинативно-когнитивному потенциалу термина.

В отличие от *construction*, интернациональное слово *structure* характеризуется более устойчивой специализацией и в различных случаях употребления в инженерно-строительных текстах переводится как *сооружение*, что приводит к обоснованному возникновению однотипного эквивалента в рекомендуемых вариантах перевода. Например:

Пример 8

Оригинал: The Romans developed civil *structures* throughout their empire, including especially aqueducts, insular harbors, bridges, dams and roads.

Учебный перевод: Римляне построили гражданские *структуры* на всей территории империи, в том числе акведуки, островные гавани, мосты, плотины и дороги.

Рекомендуемый перевод: Римляне построили гражданские *сооружения* на всей территории империи, в том числе акведуки, островные гавани, мосты, плотины и дороги.

Пример 9

Оригинал: Bricks are chiefly used for the construction of walls. They present a pleasant appearance and give strength and firmness to the *structures* [10. С. 42].

Учебный перевод: Кирпич, в основном, используется для строительства стен. Он создает приятный внешний вид и придает *структурам* прочность и стойкость.

Рекомендуемый перевод: Кирпич, в основном, используется для строительства стен. Он придает *сооружениям* приятный внешний вид и прочность.

Пример 10

Оригинал: *Structures* were repetitive, and increases in scale were incremental [10. С. 15].

Учебный перевод: *Структуры* были повторяющимися, и увеличение масштаба было постепенным.

Рекомендуемый перевод: *Сооружения* были повторяющимися, и увеличение масштаба было постепенным.

В других фрагментах в случае функционирования лексемы *structure* в составе неустойчивых словосочетаний как определения к другому слову специализированным переводным эквивалентом также становится *сооружение*. Например:

Пример 11

Оригинал: The construction of Pyramids in Egypt (circa 2700—2500 BC) might be considered the first instances of large *structure constructions* [10. С. 13].

Учебный перевод: Построение пирамид в Египте (около 2700—2500 гг. до н. э.) можно считать первыми случаями больших *структур*.

Рекомендуемый перевод: Построение пирамид в Египте (около 2700—2500 гг. до н. э.) можно считать первыми образцами больших *сооружений*.

Так, выбор варианта контекстуальной замены при переводе сочетания *structure constructions* в форме *сооружения* возникает по причине истолкования сочетания как названия строительной конструкции. При этом некорректным является использо-

вание общетехнического словарного эквивалента *структура*, встречающегося в учебных переводах. Рекомендуемый переводной эквивалент *сооружение* приобретает более специализированный характер, обусловленный инженерно-строительным аспектом употребления.

Соответственно, контекстуальная замена деривации *structural* в форме *строительный* обоснованно возникает в рекомендуемом тексте перевода по причине необходимости названия определения, указывающего на сферу применения стали.

Пример 12

Оригинал: *Structural* steel and concrete are the most widely used building materials now [10. С. 42].

Учебный перевод: *Конструкционная* сталь и бетон в настоящее время являются наиболее широко используемыми строительными материалами.

Рекомендуемый перевод: *Строительная* сталь и бетон в настоящее время являются наиболее широко используемыми строительными материалами.

Рассмотрим примеры специализации интернациональных лексических единиц, выступающих в роли «ложных друзей» переводчика.

Лексема *concrete* в значении *конкретный*, встречающаяся в общенаучных текстах, совпадает в русском и английском языках, и, как правило, не приводит к ошибкам в переводе. Например:

Пример 13

Оригинал: *Concrete* objectives are further specified. The tasks of the research are usually the following ... [4. С. 16].

Учебный перевод: Далее уточняются конкретные цели. Задачи исследования обычно следующие ...

Рекомендуемый перевод: Далее уточняются конкретные цели. Задачи исследования обычно следующие ...

Concrete в значении *бетон* требует уточнения значения по словарю и, в этом смысле, выступает как псевдоинтернациональное слово. В практике обучения научно-техническому переводу на начальном этапе работы с текстами инженерно-строительного профиля неоднократно отмечаются факты учебного перевода слова *concrete* со значением *конкретный*, что приводит к нарушениям денотативного порядка. Например:

Пример 14

Оригинал: *Concrete* walls often are brushed with wire before the surface is hard to produce a roughened face.

Учебный перевод: *Конкретные* стены часто счищаются проволокой, прежде чем поверхность приобретает шероховатый вид.

Рекомендуемый перевод: *Бетонные* стены часто обрабатываются проволокой, прежде чем поверхность приобретает шероховатый вид.

Специальные словосочетания с адьюнктом *concrete* в инженерно-строительных текстах соотносятся с областью технологии строительства и строительного производства. Они используются для описания ситуаций, связанных с работой строительной техники, производственными процессами, получением и применением бетона, со способами возведения различных инженерно-технических сооружений [3. С. 212]. Например, *concrete structure* (*бетонная конструкция*) представляет класс наименований строительных конструкций, *concrete truck* (*бетоновоз*) функционирует как наименование строительного оборудования, *concrete curing* (*выдерживание бетона*) и *concrete placement* (*укладка бетонной смеси*) относятся к наименованиям процессов, связанных с производством и применением бетона (URL: <https://woordhunt.ru>).

К «ложным друзьям» переводчика можно отнести лексему *design* и ее производные в случае употребления в инженерно-строительных текстах. Например:

Пример 15

Оригинал: The work of a building engineer involves *designing*, construction and maintenance of industrial, public and residential buildings [10. С. 40].

Учебный перевод: Работа инженера-строителя предполагает *дизайн*, строительство и обслуживание промышленных, общественных и жилых зданий.

Рекомендуемый перевод: Работа инженера-строителя предполагает *проектирование*, строительство и обслуживание промышленных, общественных и жилых зданий.

Пример 16

Оригинал: Mechanical engineering — The *design* of physical or mechanical systems, such as power and energy systems, aerospace/aircraft *products*, weapon systems, transportation *products* engines, compressors, power trains, kinematic chains, vacuum technology, and vibration isolation equipment [10. С. 14].

Учебный перевод: Машиностроение — это *дизайн* физических или механических систем, таких как силовые и энергетические системы, аэрокосмические и авиационные *продукты*, системы вооружения, двигатели для транспортных *изделий*, компрессоры, силовые передачи, кинематические цепи, вакуумная техника и виброизолирующее оборудование.

Рекомендуемый перевод: Машиностроение — это *проектирование* физических или механических систем, таких как силовые и энергетические системы, аэрокосмическое и авиационное *оборудование*, системы вооружения, двигатели для транспортных *средств*, компрессоры, силовые передачи, кинематические цепи, вакуумная техника и виброизолирующее оборудование.

При коррекции учебного перевода осуществлена специализация значения слова *design* и подобрано прагматически эквивалентное значение *проектирование*. Специализация слова *products* приводит в данном предложении к контекстуальной замене со специализированным значением *оборудование* в первом случае использования и *средства* при повторном употреблении.

В случае употребления лексемы *design* в составе устойчивых терминологических сочетаний, например, *engineering design*, в переводе преобладает словарный эквивалент — *конструкторские расчеты*, как в учебном, так и в рекомендуемом варианте перевода (URL: <https://woordhunt.ru/>). Например:

Пример 17

Оригинал: *The engineering design* is based on a maximum equivalent earth pressure of 30 pounds per cubic foot and a minimum allowable soil pressure of 3000 pounds per square foot with maximum of 7 to 8 feet of backfill.

Учебный перевод: *Конструкторские расчеты* основаны на максимальном эквивалентном давлении грунта 30 фунтов на кубический фут и минимально допустимом давлении почвы 3000 фунтов на квадратный фут при максимальной загрузке от 7 до 8 футов.

Рекомендуемый перевод: *Конструкторские расчеты* основаны на максимальном эквивалентном давлении грунта 30 фунтов на кубический фут и минимально допустимом давлении почвы 3000 фунтов на квадратный фут при максимальной загрузке от 7 до 8 футов.

Перевод интернационализма *machine* конкретизируется в инженерно-строительных текстах по-разному на основе следующих словарных значений: *машина, механизм, вычислительная машина, автомат, станок, транспортное средство; автомобиль, самолёт* и др. (URL: <https://woordhunt.ru>). Толкования специальных устойчивых словосочетаний с *machine*, в основном, однозначны, что оправдано фактом названия конкретных технических приборов и механизмов, строительной техники. Например: *cleaning machine* — *очистная установка*, *dyeing machine* — *красильная машина*,

threshing machine — молотилка, *washing machine* — стиральная машина (URL: <https://woordhunt.ru/>). Многозначность отмечается в некоторых словосочетаниях: *brush machine* — специальная машина для нанесения асфальта и машина для подметания улиц, *lining machine* — машина для определения ширины железнодорожной колеи и специальное устройство для внутренней отделки трубопроводов или каналов. Выбор варианта перевода специального словосочетания в случае его многозначности определяется контекстом употребления [11].

При переводе слова *machine* в следующем примере осуществлена специализация словарного эквивалента словосочетания *building machine* (сборочный станок), и в качестве замены интернационального слова *machine* использовано трафаретное для русского инженерно-технического текста слово *техника* (URL: <https://context.reverso.net/>).

Пример 18

Оригинал: Builders use different building *machines* in the process of construction [10. С. 44].

Учебный перевод: Строители используют различные строительные *машины* в процессе строительства.

Рекомендуемый перевод: Строители используют различную *технику* в процессе строительства.

В английских инженерно-строительных текстах встречаются интернациональные лексические единицы, которые функционируют не только, как специальные слова и термины, но также и как слова с общеупотребительным значением. Например:

Пример 19

Оригинал: One of the primary tasks of a civil engineer is to select all the necessary building materials and *adapt* them for the construction [10. С. 39].

Учебный перевод: Одна из основных задач инженера-строителя состоит в том, чтобы выбрать все необходимые строительные материалы и *адаптировать* их для строительства.

Рекомендуемый перевод: Одна из основных задач инженера-строителя состоит в том, чтобы выбрать все необходимые строительные материалы и *сделать* их пригодными для применения в строительстве.

В рекомендуемом варианте перевода английское общеупотребительное слово *adapt* заменено русским словосочетанием «сделать пригодными для применения», подобранного с учетом культурно-обусловленных особенностей восприятия понятия «адаптация» в строительном процессе.

Пример 20

Оригинал: Concrete is a *mixture* of cement, sand, crushed stone and water.

Учебный перевод: Бетон — это *микстура* цемента, песка, щебня и воды.

Рекомендуемый перевод: Бетон представляет собой *смесь* цемента, песка, щебня и воды.

Пример 21

Оригинал: Reinforced concrete is *combination* of steel and concrete.

Учебный перевод: Железобетон — это *комбинация* стали и бетона.

Рекомендуемый перевод: Железобетон — это *сочетание* стали и бетона.

Как показывают примеры, специализация интернациональных слов, не являющихся терминами, требует конкретизации словарного значения или контекстуальной замены в связи с инженерно-строительным аспектом употребления. Таким образом, проблема специализации интернациональных слов при переводе инженерно-строительных текстов отражает прагматический аспект научно-технического перевода.

Анализ конкретных примеров специализации интернациональных слов при переводе инженерно-строительных текстов на примере учебной деятельности студентов позволяет выработать следующие рекомендации по переводу интернационализмов, которые должны учитываться в сфере билингвальной коммуникации будущими специалистами научно-строительной сферы:

- рекомендуется более глубокое изучение таких сторон переводческого процесса, как конкретизация значения на основе выбора словарного варианта перевода (чаще для терминов и терминологических словосочетаний) и контекстуальная замена соответствующим словом (для общенаучных интернационализмов), имеющих специальное значение в условиях речевой ситуации, описывающей реалии строительной отрасли;
- необходимо придерживаться такой стратегии перевода, которая ориентирована на структурно-семантические особенности интернационализмов и на внеязыковую реальность;
- для адекватного перевода интернациональных слов, встречающихся в инженерно-строительных текстах, недостаточно иметь познания в области терминологии и специальной лексики, но исполнитель перевода должен иметь представление о проектно-конструкторской деятельности и методах строительного производства,

знать принципы проектирования зданий, сооружений, инженерных систем и оборудования;

- изучение особенностей специализации интернациональных слов имеет прикладное значение для экспериментально-исследовательской деятельности и связано с процессом изучения научно-технической информации о зарубежном опыте по профилю деятельности.

Список литературы

1. Борисова, Л. И. Ложные друзья переводчика / Л. И. Борисова. — М.: НВИ-ТЕРЗАУРУС, 2005. — 212 с.
2. Бузаджи, Д. М. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. — М.: Всероссийский центр переводов, 2009. — 119 с.
3. Горбунова, В. С. Номинативно-когнитивный потенциал словосочетаний с адьюнктом concrete, используемых в сфере строительства / В. С. Горбунова, О. В. Гринцова // Региональная архитектура и строительство. — 2017. — № 2 (31). — С. 209—213.
4. Гринцова, О. В. Иностранный язык: Учебное пособие для аспирантов, обучающихся по направлениям подготовки кадров высшей квалификации / О. В. Гринцова, Е. М. Каргина. — URL: <http://do.pguas.ru>.
5. Гринцова, О. В. Деловой иностранный язык. Английский язык: учебно-методическое пособие к самостоятельной работе по направлению подготовки 08.04.01 «Строительство» / О. В. Гринцова, М. В. Пац, Н. В. Солманидина. — Пенза: ПГУАС, 2018. — 76 с.
6. Гурин, В. В. К вопросу об актуализации концепта FORCE в английском языке / В. В. Гурин, В. В. Батицкая // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 6 (416). — С. 44—48.
7. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М.: Высшая школа, 1990. — 253 с.
8. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — 3-е издание, переработанное. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
9. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. — 4-е изд., стереотип. — М.: «Р. Валент», 2010. — 244 с.
10. Сботова, С. В. Иностранный язык. Английский язык: учебно-методическое пособие для подготовки к экзамену по направлению подготовки 08.03.01 «Строительство» / С. В. Сботова, В. С. Горбунова, Е. Г. Стешина. — Пенза: ПГУАС, 2016. — 52 с.
11. Сботова, С. В. Особенности лексического состава словосочетаний, используемых в техническом английском языке / С. В. Сботова, Е. Ю. Куляева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 4 (414). — С. 145—152.
12. Смирнова, В. Н. Прагматическая эквивалентность как критерий оценки качества учебного перевода / В. Н. Смирнова, О. С. Милотаева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 10 (420). — С. 233—239.
13. Смирнова, В. Н. Английские акронимы как способ лингвистической экономии / В. Н. Смирнова, А. Д. Павлова // Бюллетень науки и практики. — 2017. — № 11 (24). — С. 442—447.
14. Smirnova, V. N. Формирование познавательного интереса к иностранному языку в практике обучения студентов инженерно-строительного вуза / V. N. Smirnova. — Пенза: ПГУАС, 2017. — 120 с.

Сведения об авторе

Смирнова Веста Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия. vesta_smirnova@inbox.ru

Гринцова Ольга Васильевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой «Иностранные языки», Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия. english@pguas.ru

Гринцов Дмитрий Михайлович — аспирант, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия. english@pguas.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 161—170.*

SPECIALIZATION OF INTERNATIONAL VOCABULARY IN TRANSLATION OF CONSTRUCTION ENGINEERING TEXTS

V. N. Smirnova

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. vesta_smirnova@inbox.ru

O. V. Grintsova

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. english@pguas.ru

D. M. Grintsov

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. english@pguas.ru

The article presents the results of the analysis of the specialization of international vocabulary in the translation of engineering and construction texts on the example of the learning activities of students. Theoretical approaches to assessing the specificity of the functioning of international words and their pragmatic adaptation in a translating language are described. Based on the comparative analysis of translation, the method of lexicographic and contextual analysis of international lexemes, the method of comparison and generalization, and quantitative analysis, the specifics of the international lexicon's specialization in a scientific and technical translation are proposed. The guidelines for the effective study of the specialization of international vocabulary, necessary for use in the field of bilingual professional communication by future specialists in the scientific and construction sphere are developed.

Keywords: *international vocabulary, translation specialization, engineering and construction texts, “false friends” of the translator.*

References

1. Borisova, L.I. *Lozhnyye druž'ya perevodchika* [False translator friends]. Moscow: NVI-TERZAURUS, 2005. 212 p. (In Russ.).
2. Buzadzhi, D.M., Gusev, V.V., Lanchikov, V.K., Psurtsev, D.V. *Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskih oshibok* [New view of translation errors classification]. Moscow: All-Russian Translation Center, 2009. 119 p. (In Russ.).
3. Gorbunova, V. S., Grintsova, O. V. Nominativno-kognitivnyy potentsial slovosochetaniy s ad'yunktom concrete, ispol'zuyemykh v sfere stroitel'stva [Nominative-cognitive potential of word combinations with *concrete* adjunct used in the construction industry]. *Regional'naya arkhitektura i stroitel'stvo* [Regional Architecture and Construction], 2017, no. 2 (31), pp. 209–213. (In Russ.).
4. Grintsova, O. V., Kargina, E. M. *Inostranny yazyk: Uchebnoye posobiye dlya aspi-rantov, obuchayushchikhsya po napravleniyam podgotovki kadrov vysshey kvalifika-tsii* [Foreign language: manual for graduate students studying in the areas of training highly qualified personnel]. Available at: <http://do.pguas.ru>, accessed 06.03.2019. (In Eng.).
5. Grintsova, O. V., Pats, M. V., Solmanidina, N. V. *Delovoy inostranny yazyk. Angliyskiy yazyk: Metodicheskiye ukazaniya po samostoyatel'noy rabote studentov, obuchayushchikhsya po napravleniyam podgotovki 08.04.01 «Stroitel'stvo»* [Business foreign language. English language: guidelines for independent work of students enrolled in areas of training 08.04.01 “Construction”]. Penza: PGUAS, 2018. 76 p. (In Eng.).
6. Gurin, V. V., Batitskaya, V. V. K voprosu ob aktualizatsii kontsepta FORCE v ang-liyskom yazyke [On the issue of updating the FORCE concept in the English language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 6 (416), pp. 44–48. (In Russ.).
7. Komissarov, V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [The Theory of translation (Linguistic aspects)]. Moscow: Higher School Publ., 1990, 253 p. (In Russ.).
8. Nelyubin, L. L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. 3rd edition, revised. Moscow: Flint: Science, 2003. 320 p. (In Russ.).

9. Retsker, Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation]. 4th ed., Stereotype. Moscow: "R. Valent", 2010. 244 p. (In Russ.).

10. Sbotova, S. V., Gorbunova, V.S., Steshina, E.G. *Inostranny yazyk. Angliyskiy yazyk: uchebno-metodicheskoye posobiye dlya podgotovki k ekzameni po napravleniyu podgotovki 08.03.01 «Stroitel'stvo»* [Foreign language. English language: a teaching aid for preparing for the exam in the direction of training 08.03.01 "Construction"]. Penza: PGUAS, 2016. 52 p. (In Eng.).

11. Sbotova, S. V., Kulyaeva, E. Yu. *Osobennosti leksicheskogo sostava slovosochetaniy, ispol'zuyemykh v tekhnicheskoy angliyskoy yazyke* [Peculiarities of the lexical composition of vocabulary used in technical English]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 4 (414), pp. 145–152. (In Russ.).

12. Smirnova, V. N., Milotayeva, O. S. *Pragmaticheskaya ekvivalentnost' kak kriteriy otsenki kachestva uchebnogo perevoda* [Pragmatic equivalence as a criterion for assessing the quality of academic translation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 10 (420), pp. 233–239. (In Russ.).

13. Smirnova, V. N., Pavlova, A. D. *Angliyskie akronimy kak sposob lingvisticheskoy ekonomii* [English acronyms as a way of linguistic economy]. *Bulleten' nauki i praktiki* [The Bulletin of Science and Practice], 2017, no. 11(24), pp. 442–447. (In Russ.).

14. Smirnova, V. N. *Formirovaniye poznavatel'nogo interesa k inostrannomu yazyku v praktike obucheniya studentov inzhenerno-stroitel'nogo vuza* [Formation of cognitive interest in a foreign language in the practice of teaching students of engineering and construction universities]. Penza: PGUAS, 2017, 120 p. (In Russ.).

КАТЕГОРИЯ АДРЕСАТА В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Н. Ф. Старыгина

Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются денотативные и прагматические характеристики одной из важнейших категорий семантического пространства русского рекламного туристического текста — адресата (в частности, его функционально-прагматические особенности и типологии), которая существует как в мире материальном, осязаемом, так и в мире мифическом, ирреальном, что предполагает ее содержательно-фактуальный состав и аксессуарную презентацию.

Ключевые слова: *семантико-прагматическое пространство, туристический рекламный текст, реальное пространство, моделируемое пространство, адресант, турпродукт, адресат.*

В последнее время под воздействием мыслительно-вербальных лингвистических процессов принципиально деформировалось, усложнилось и расширилось понимание семантической организации текста. «Для обозначения самого сложного языкового знака — текста стал использоваться термин «семантическое пространство», при этом его употребление отмечено многозначностью и пересекаемостью с другими текстовыми явлениями в связи с широким пониманием текстового пространства» [1, С. 51].

Современный текст российской рекламы — вид текстов, обладающий негомогенным потенциалом, полисемиотической продуктивностью — считается одним из наиболее слабо разработанных конструктов лингвистического направления.

Несмотря на обширность научной литературы по проблемам туризма, следует отметить, что до настоящего времени туристический рекламный текст (в дальнейшем — ТРТ) с позиции семантического пространства практически не изучался, частично определены понятия его функционально-прагматического потенциала, выделены стилистические (художественно-выразительные средства), структурно-композиционные элементы, не полностью обозначены методология и методика семантического анализа применительно к категориальной стратификации.

Актуальность исследования определяется перспективностью и важностью изучения туристических рекламных текстов с точки зрения их семантической организации, функционирования и параметризации. Кроме этого, существует настоятельная необходимость выявления функционально-прагматических характеристик, основных текстовых категорий туристического рекламного

объявления, интегрирующих важнейшие лингво- и социокультурные процессы современного информационного общества.

ТРТ, анализируемый нами в рамках самых распространенных медианосителей (в основном, «стимулирующий реализацию номенклатурных источников») — газет и журналов, существенным образом модифицирует вышеупомянутые характеристики семантического пространства текста в целом, при этом его языковая концептуализация дает богатейший материал для понимания основных семантических единиц рекламных посланий, направленных на формирование определенного мнения, оценок потребителей рекламных сообщений.

Текст туристического рекламного объявления — это своеобразный дискурс традиционной структуры подобных типов текста, включающий «принципы построения и функционирования на туризм как особого продукта», принадлежащих к услугам социально-культурной индустрии, актуализация которых происходит посредством категорий модальности, эмотивности, акциональности и др. [6, С. 5].

По сути, ТРТ содержит реальную, действительную, объективно существующую информацию (например, контактные данные о турагентстве, его миссии, политике конфиденциальности, предлагаемых услугах; о самих турах, направлениях поездки; кратко — о потребителе, на каких туристических рассчитано путешествие, для какой целевой аудитории) и информацию моделируемую, воображаемую, характеризующую все текстовые категории, упомянутые выше.

Так как исследуемые контексты актуализируют рекламный характер, в них присутствуют суггестивные агенсы, заряженные на реакцию читателя,

в частности, категории модальности, оценочности и эмоциональности.

Кроме того, ТРТ рекламирует путешествие в конкретную географическую локацию, часто по определенному маршруту, поэтому здесь мы отмечаем пространственные и временные характеристики: категории темпоральности и локальности, которые анализируются в соответствии с общепринятым подходом оценки взаимовлияния и взаимодействия категорий. Последние, как показал анализ ТРТ, обладают мощным прагматическим зарядом, организуя при этом коннотативные характеристики семантического пространства.

Углубляя анализ семантики ТРТ и учитывая значимость вышесказанного, считаем необходимым выделить в качестве важнейшего семантико-прагматическое пространство, которое требует специального рассмотрения и лингвистического анализа.

Корпус проанализированного материала представляет собой 1000 русскоязычных туристических рекламных текстов. Материалом для проведения анализа послужили рекламные объявления сферы туризма, извлеченные методом сплошной выборки и опубликованные в журналах «Вояж и отдых» (№ 1—12, 2004—2012), «Туризм и отдых» (№ 2—5, 2004—2012; № 25, 2004—2012), «Семь дней» (№ 5—7, 2004—2018), «Выбирай» (№ 7—10, 2012—2017), «Турбизнес» (№ 3—10, 2013—2018), в газетах «Телесемь» (№ 8—10, 2004—2008)/ в журнале «Телесемь» (№ 2—10, 2009—2017), «Телемир» (№ 17—25, 2012—2018), в газетах «Наш дом» (2004—2012), «Наша газета» (№ 30—45, 2013—2018).

Анализ содержания исследуемых контекстов позволяет предположить, что в его семантике целесообразно выделять такие категории, как адресант-рекламодатель (турпредприятие), турпродукт (туруслуга), адресат (потребитель), локативность, темпоральность, оценочность, эмотивность, модальность, акциональность и др. Они неравноправны: среди них можно выделить основные и вспомогательные категории. К основным относятся первые три категории, к вспомогательным — все остальные.

К основным относятся те категории, которые формируют ситуацию покупки рекламируемого турпродукта (кто — кому — предлагает конкретный турпродукт), к вспомогательным — те категории, которые участвуют в формировании основных. Например, турпродукт характеризуется через категории акциональности (его кто-то создает, кто-то рекламирует и продает, кто-то потребляет; он

предполагает перемещение субъекта к месту предоставления услуги, размещение его там и т. п.), локативности (турпродукт где-то продается, он охватывает определенную точку земного шара), темпоральности (тур охватывает определенные временные рамки), оценочности (могут оцениваться место, в которое направляется турист, удобство перемещения к нему, комфортность отдыха, уровень сервиса и т. п.) и др.

Представляется целесообразным подробно рассмотреть категорию адресата (с позиции функционально-семантических и функционально-прагматических характеристик) как одну из наименее изученных в ТРТ.

Адресат (реципиент) — участник рекламной коммуникации, сторона, получающая рекламное обращение, переданное адресантом. Адресат в ТРТ (турист) — это прежде всего та потребительская аудитория, которая желает путешествовать, является потенциальным клиентом турфирмы-адресанта.

Турист — путешественник, находящийся в определенной дестинации с целью лечения/оздоровления, самообразования/развития, а также профессионально-деловых, религиозных назначений и иной деятельности, «связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания» [7, С. 3].

Остановившись на определенном сегменте туристического рынка, важно найти и показать характеристики, отличающие выводимый на рынок товар/услугу от аналогичных. С этой целью формируется уникальное торговое предложение, обращение, направленное на выбранную целевую аудиторию. Ведь сегментировав рынок, нужно попытаться позиционировать товар/услугу, т. е. обеспечить им не вызывающее сомнения, четко отличное от других, желательное место на рынке и в сознании целевых потребителей.

Сегментационный анализ (анализ целевой аудитории) — это моделирование или разработка товара/услуги, при которых они адресуются некой опознавательной части целевого рынка. Анализ потенциальных клиентов с точки зрения семантических особенностей в ТРТ предлагает вариативное удовлетворение функциональных потребностей и внимание к гедонистическим нуждам — к потребностям в удовольствии, наслаждении, удобстве.

Общеизвестно, что в основе желаний путешественника-покупателя «заложена идея человеческих потребностей. Потребность — нужда, при-

нявшая специфическую форму в соответствии с культурным уровнем и личности индивида» [4, С. 138]. Ощущая нехватку чего-то, человек пытается удовлетворить нужду, которая, в свою очередь, принимает нестандартную форму в зависимости от уровня развития, образованности, мировоззрения, психографических особенностей личности. Так, туристскую услугу невозможно увидеть, продемонстрировать, попробовать, изучить до получения — клиент-покупатель должен верить продавцу на слово. Определение характеристик целевой аудитории необходимо для адресности рекламы, выбора наилучшего средства и времени ее размещения, что гарантирует снижение расходов и повышение ее эффективности.

По мнению ученых, базовыми критериями адресной сегментации российского туристского рынка являются «уровень доходов и вид туризма»

[2; 3]. К факторам адресной сегментации также относятся:

- демографические (возраст, пол, национальность);
- социальные (образование, профессия, социальное положение);
- психологические особенности адресата (обычай, конфессия, привычки);
- дополнительные стимулирующие мотивы.

Примеры 1—3 (см. рис. 1—3) демонстрируют некоторые презентации категории адресата в ТРТ.

При характеристике адресата в ТРТ целесообразно учитывать его лингвистические типологии. Н. И. Формановская предлагает одну из возможных классификаций адресатов. По ее мнению, адресат может быть реальным и гипотетическим, обобщенным, прогнозируемым, массовым, публичным, конкретизируемым и т. д. [9, С. 27].

Рис. 1 Презентация категории адресата в ТРТ

Рис. 2 Презентация категории адресата в ТРТ

Рис. 3 Презентация категории адресата в ТРТ

Наше исследование показало, что адресат в семантическом пространстве ТРТ встречается крайне редко и представлен по сравнению с адресантом менее подробно и полно: среди всех проанализированных контекстов (1000/100 %) этот компонент встречается лишь в 330 ТРТ/33 % (ср. адресант — в 1000/100 %). Причем половину таких рекламных объявлений составляют ТРТ, адресация которых опирается на семантико-прагматические характеристики, категоризацию эмоционально-оценочных признаков.

У турпредприятий официального типа — туроператоров и турагентств — адресат не всегда совпадает. Например, в круг адресатов туроператора могут входить и предприятия-турагенты, не создающие, но распространяющие турпродукт. В любом случае, у всех типов турпредприятий адресатом является аудитория, которая желает и имеет возможности путешествовать.

Охарактеризовать тип адресата в ТРТ можно либо по формальным признакам (прямая адресация) либо по косвенным (косвенная адресация).

Прямая адресация предполагает, прежде всего, «обращение к целевой аудитории, ее потребностям и ценностям» [5, С. 17]. Целевая аудитория (ЦА) — это облигаторный и наиболее существенный для адресанта тип бенефициара рекламного обращения.

ЦА представлена в ТРТ эксплицитно и имплицитно. К прямым эксплицитным указателям (50 ТРТ/15 %, из 330/100 % с маркировкой «адресат») относятся апелляции к конкретным гендерным признакам и/или их сочетанию («Визы *ДЕВУШКАМ ДО 30 ЛЕТ*», «Разнообразные программы для *ДЕТЕЙ ОТ 7 ЛЕТ*», «Обучение английскому для *ДЕТЕЙ и ВЗРОСЛЫХ*»), социальному статусу («Спецпредложения для *МОЛОДОЖЕНОВ, СТУДЕНТОВ, ПЕНСИОНЕРОВ*», «Автобусные туры для *ШКОЛЬНИКОВ*», «Скидки *ПЕНСИОНЕРАМ*», «Скидки *СЕМЕЙНЫМ ПАРАМ*», «Экскурсии для *ДЕТЕЙ*», «Программы для *ШКОЛЬНИКОВ и СТУДЕНТОВ*», «Приятный сюрприз для *РОДИТЕЛЕЙ с ДЕТЬМИ*», «Обучение в американских школах для *СТАРШЕКЛАСНИКОВ*», «Путешествие и работа для *СТУДЕНТОВ*», «Туры для *ДЕТЕЙ и МОЛОДЕЖИ*», роду занятий («*Горы для СНОУБОРДИСТОВ и ЛЫЖНИКОВ*»).

Кроме этого, в ТРТ зафиксирована группа целевой аудитории, состав которой определяется индивидуальными признаками: «Скидки *ВСЕМ, РОДИВШИМСЯ в месяц поездки*», «Отдых для *КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ*», «Скидки *ИМЕНИННИКАМ*», «Приглашаем путешествовать

дружеские компании из 6 человек», «Программы для *БЕРЕМЕННЫХ*» и пр.

Номинации, лексическое значение которых прямо соотносится с указанными выше признаками, с одной стороны, предполагают обращения к объективным, реально существующим демографическим, социальным и психологическим сегментам потребительской аудитории, с другой, — обладают мощным прагматическим потенциалом. Последний, рассчитывая на положительную реакцию адресата, предполагает ряд коннотативных смыслов, которые призваны раскрыть внутренний мир будущего туриста, обозначить его мотивационные характеристики.

Указания на целевую аудиторию, как правило, включаются в один из самых актуальных для ТРТ структурных компонентов — основной рекламный текст — для того, чтобы сразу же определить назначение предлагаемой услуги, привлечь внимание именно той группы людей, на которую он рассчитан.

Наш дальнейший анализ обнаружил, что потребителем в ТРТ может быть особая группа — адресат-турпредприятие (111 ТРТ/33,7 % из 330/100 % с маркировкой «адресат»). Очевидно, что кроме основного контингента — потенциальных потребителей — ТРТ ориентированы и на косвенных (дополнительных) участников. Последними являются туристские предприятия-агентства, которые призваны способствовать распространению рекламируемых туруслуг в силу своего официального статуса. Они номинируются в ТРТ в 2,2 раза чаще, чем адресат — целевая аудитория. Необходимо отметить, что упомянутые туристские организации являются адресатами только определенного типа адресанта — туристического оператора, который кроме массового потребителя, может привлекать внимание турпредприятий в целях сотрудничества.

Обычно адресаты-предприятия, маркируемые в ТРТ как агентства/турагентства/туристические агентства или турфирмы, представлены следующим образом: «Приглашаем *агентства* к сотрудничеству», «Приглашаем к сотрудничеству *туристические агентства*», «Информация для *турагентств*», «Приглашаем *турагентства* к сотрудничеству», «телефон для *агентств*»; «Приглашаем для сотрудничества *турфирмы*», «Приглашаем *турфирмы* к сотрудничеству», «Комиссия для *турфирм*».

Данные номинации адресатов указывают на прямое обращение к конкретным типам турпредприятий и свидетельствуют о реально существующих

юридических организациях, их способности осуществлять туристскую деятельность. Обращает на себя внимание и то, что почти обязательной является апелляция к косвенной профессиональной характеристике адресата, у которого обычно отсутствует иная характеристика, определение иной семантики.

Обращения к авторитетным, широко известным турпредприятиям, к их популярности и компетентности — это, с одной стороны, средство усиления суггестии передаваемой информации, с другой — способ взаимодействия рекламодателя и адресата. Классификация типов адресата с позиции объективных, реально существующих характеристик семантического пространства в ТРТ представлена в таблице 1.

Таблица 1

Типы адресата (с указанием количества ТРТ и удельного веса в%)

Реально-семантическое пространство адресата в ТРТ
Целевая аудитория (111/33,7%)
Тип турпредприятия (219 /66,3%)

ИТОГО: 330 ТРТ/100%

Итак, адресат представлен двумя типами: целевой аудиторией и типом турпредприятия. При этом последний наиболее продуктивен: встречается в 219 ТРТ, что составляет 66,3%. Это связано с тем, что денотативные (в т. ч. официальные) признаки, характеризующие адресата в этой группе, являются значимыми и важными для адресанта-туроператора, так как он стремится привлечь внимание других предприятий для организации совместной деятельности, воздействуя тем самым и на целевых потребителей.

Наш дальнейший анализ обнаружил, что кроме вышеуказанных потенциальных потребителей, представленных эксплицитными маркерами в ТРТ, тип адресата учитывает — имплицитные, актуализирующие их прагматический потенциал. Так, адресат в ТРТ может быть выражен разнообразными грамматическими формами, а именно:

1. Формами личных местоимений 1, чаще 2 лица («А ТЫ уже купил путевку?», «Израиль — ТВОЙ правильный выбор», «Там, где ВАМ всегда рады», «ВЫ можете заказать туры», «Германия — ВАШ формат путешествий», «ВАШ проводник в Красном море», «Удивительный отдых по ВАШЕМУ желанию»);

2. Формами определительных и личных местоимений («ВСЯ Греция для ВАС»), (Для ВАС море уникальных предложений по Европе», (ВСЯ Италия как на ладошке»);

3. Через глагольные формы повелительного наклонения 2 лица, мн. числа «СПЕШИТЕ бронировать Новый год», «ИЩИТЕ другие туры на сайте», «ПОКУПАЙТЕ Турцию»;

4. Через глагольные формы изъявительного наклонения 2 лица, мн. числа «ПРИЕЗЖАЕТЕ гостем — УЕЗЖАЕТЕ другом»;

5. Через глагольные формы повелительного наклонения 1 лица, ед. и мн. числа и возвратного местоимения ед. числа («НАЙДИ СВОЙ потерянный рай», «ВЫБЕРИ СВОЮ восточную сказку», «ОТКРОЙТЕ для себя Эмираты»);

6. Через формы личных местоимений 2 лица, мн. числа, вопросительных местоимений и формы изъявительного наклонения глагола («Шампанское в подарок ВСЕМ, КТО ПРИОБРЕТЕТ тур»).

На наш взгляд, выявленные модели адресата (61 ТРТ/32,6%) используются в ТРТ в качестве оценочных значений и могут являться средством манипулирования читателя. Наиболее часто встречаются такие формы местоимений, как вы (ваш/вами), себя/свой), реже — ты (тебя). В данном случае они подразумевают активное вовлечение адресантом адресата в рекламную коммуникацию, приглашение к соразмышлению, сотрудничеству, к разделению взглядов адресанта и адресата.

Функциональная принадлежность формы личного местоимения ты используется как разговорная, это придает ТРТ тон дружеских отношений между рекламодателем и туристом, непринужденность и интимизацию в общении. Автор ищет поддержки у читателя, солидарности с ним. Он ставит целью объединиться с ним во взглядах и — как следствие — приблизить к себе, завоевать доверие.

Как показал анализ, маркированность адресата осуществляется не только личными, возвратными, определительными местоимениями, но и за счет активного привлечения глаголов повелительного наклонения 1 и 2 лица, ед. и мн. числа, с общим значением побуждения потребителя посетить ту или иную страну (приезжайте, выбери, не пожалеешь, убедитесь и пр.). Грамматическое значение адресата в указанных примерах выражено формой 2 л. ед. числа и предполагает обращения к 1 собеседнику, 2 л. мн. числа — к нескольким собеседникам.

Углубляя наш анализ о характеристике потребителя, мы обнаружили группу полиадресатов (35 ТРТ/18,7%), в которой смешиваются все типы в одном ТРТ: целевые группы (учитывая их эксплицитные и имплицитные маркеры) и турпредприятия (как правило, турагентства и/или турфирмы).

В ТРТ группа полиадресатов представлена следующим образом: «Весь мир у ваших ног... дисконтная карта со скидкой для *постоянных клиентов*», «*Студент!* Заработай в Америке и отдохни... для школьников и студентов... для организаций», «*Предъявителю* рекламы скидка... приглашаем к сотрудничеству агентства», «Мы ждем вас в Испании... скидки для агентств, для частных лиц», «Уникальные предложения для родителей с детьми... для дружеских компаний из 6 человек», «телефоны для агентств... специальные программы для корпоративных клиентов», «Мы сделаем ваш отдых незабываемый... приглашаем турфирмы», «Для постоянных туристов действует бонусная система скидок... приглашаем к сотрудничеству агентства» и т. п.

Очевидно, что указанные языковые модели представляют собой, с одной стороны, конкретные, очевидные факторы, относящиеся к реальной характеристике семантического пространства адресата в ТРТ, формально выделяя конкретный целевой сегмент, с другой, — опираются на его семантико-прагматическую характеристику, так как представляют особое, моделируемое пространство, актуализирующее многообразие лексико-грамматических признаков.

Количественная характеристика всех типов адресата в ТРТ представлена в таблице 2.

Таблица 2

Типы адресата (с указанием количества ТРТ и удельного веса в%)

Реально-семантическое пространство ТРТ	Семантико-прагматическое пространство ТРТ
Целевая аудитория (28/15)	Полиадресат (35/18,7)
Тип турпредприятия (63/33,7)	Скрытый адресат (61/32,6)

ИТОГО: 187 ТРТ/100%

Как показали данные таблицы 2, обе группы типов адресата в ТРТ практически равноправны:

91 ТРТ/48,7% и 96 ТРТ/51,3%. Исключение составляет соотношение ТРТ внутри каждой группы с разницей почти в два раза. При этом общий удельный вес указывает на превосходство (в 2,6 раза больше) в пользу групп полиадресат и скрытый адресат (семантико-прагматическое пространство). Это и понятно, так как последнее предполагает использование оценочных, эмоциональных признаков, характеризующие потребителя, а также лексико-грамматических форм, которые позволяют существенным образом модифицировать прагматический потенциал всех участников ТРТ.

Прагматическая характеристика адресата — важнейшего компонента ТРТ, — с одной стороны, опирается на модальные, эмоционально-оценочные категории адресанта, их особенности и специфику, с другой, — предполагает абсолютно новые, более углубленные, моделируемые смыслы. Уникальность и своеобразие последних проявляется, прежде всего, во взаимосвязанности, неделимости всех трех участников ТРТ: адресанта-адресата-турпродукта. Особенно заметными и продуктивными становятся корреляции адресата-турпродукта, так как сочетают реальные, объективные маркеры (лексико-семантические и грамматические признаки) и прагматические, формирующие имидж турфирмы, ее репутацию.

Итак, адресат — соучастник основных, центральных категорий — адресанта и турпродукта в семантическом пространстве ТРТ. Основу первого составляют целевые группы и турпредприятия, готовые сотрудничать с адресантом-туроператором на определенных условиях. Прагматическое пространство всех участников рекламной коммуникации опирается на ключевые категории модальности, эмотивности и оценочности, актуализирующие коннотативные трансформации в ТРТ, взаимосвязь которых обуславливает мощный воздействующий эффект.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин / Учебник. Практикум. — 6-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 496 с.
2. Биржаков, М. Б. Введение в туризм / М. Б. Биржаков. — СПб.: Издательский дом Герда, 2007. — 576 с.
3. Дурович, А. П. Организация туризма / А. П. Дурович. — СПб.: Питер, 2009. — 320 с.
4. Квартальнов, В. А. Туризм, экскурсии, обмены: Современная практика / В. А. Квартальнов. — М.: Наука, 1993. — 416 с.
5. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Д. Боуэн, Д. Мейкенз / Маркетинг. Гостеприимство. Туризм. — М.: Юнити-Дана, 2007. — 1071 с.
6. Музыкант, В. Л. Реклама в действии: история, аудитория, приемы / В. Л. Музыкант / Учебное пособие / В. Л. Музыкант. — М.: Эксмо, 2006. — 240 с.

7. Суворов, Д. А. Характер корреляция основных категорий рекламного текста (на материале английского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук / Д. А. Суворов. — Москва, 2009. — 20 с.
8. Хапенков, В. Н. Организация рекламной деятельности / В. Н. Хапенков, О. В. Сагинова, Д. В. Федюнин. — 6-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 240 с.
9. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ» от 17 января 2007. — 32 с.
10. Формановская, И. Н. Речевое общение: коммуникативно-лингвистический подход / И. Н. Формановская. — М.: Русский язык, 2002. — 216 с.

Сведения об авторе

Старыгина Наталья Феликсовна — старший преподаватель кафедры философии уральского государственного лесотехнического университета Екатеринбург, Россия. felixovna.711@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 171—177.*

THE ADDRESSEE CATEGORY IN THE SEMANTIC SPACE OF THE TOURIST ADVERTISING TEXT

N. F. Starygina

Ural Federal Forestry university, Yekaterinburg, Russia. felixovna.711@mail.ru

The article discusses the denotative and pragmatic characteristics of the addressee – one of the most important categories of the semantic space in the Russian tourism advertising text, particularly its functional and pragmatic features and typologies. Its existence both in the real and modeled worlds affects its contentive-factual composition and accessory presentation. Being the full participant in advertising communication alongside the addresser and the tourist product, the addressee substantially reinforces the other two parties, creating a powerful platform for their positioning. The category of addressee in tourism advertising texts, examined from the standpoint of objective and imaginary characteristics, relies on the dual, ambiguous nature of the semantic space as a whole.

Keywords: *semantic-pragmatic space, tourist advertising text, material, tangible space, mythical, surreal space, addresser, tourist product, addressee.*

References

1. Babenko, L.G. *Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. Teoria i praktika* [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice], 2009. - 6th ed. – pp. 496 (In Russ.).
2. Birzhakov, M.B. *Vvedenie v turizm* [Introduction to tourism], 2007. - pp. 576 (In Russ.).
3. Durovich, A.P. *Organizatsia turisma* [Organization of tourism], 2009. – pp. 320 (In Russ.).
4. Kvartalnov, V.A. *Turizm, ekskursii, obmeny. Sovremennaya praktika*. [Tourism, Excursions, Exchanges: Contemporary Practice], 1993. –pp. 416 (In Russ.).
5. Kotler, F. *Fundamentals of Marketing*. 2007. - pp.1071 (In Russ.).
6. Musician, V.L. *Reklama v deistvii: Istoria, Auditoria, Priemy* [Advertising in Action: History, Audience, Techniques], 2006. – pp. 240 (In Russ.).
7. Suvorov, D. A. *Kharakter korrelyatsiy osnovnykh kategoriy reklamnogo teksta* [The nature of the correlation of the main categories of advertising text (on the material of the English and Russian languages)]: author. dis ... cand. filol. sciences, 2009. –pp. 20 (In Russ.).
8. Khapenkov, V.N. *Organizatsia reklamnoi deiatelnosti* [Organization of promotional activities], 2012. – pp. 240 (In Russ.).
9. *Federalniy zakon «Ob osnovakh turistskoi deiatelnosti v Rossiyskoi Federatsii»* [Federal Law «On the Basics of Tourist Activities in the Russian Federation» of January 17, 2007. –pp. 32 (In Russ.).
10. Formanovskaya, I.N. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-lingvisticheskiy podhod* [Speech communication: communicative-linguistic approach], 2002. –pp. 216 (In Russ.).

ЭТАПЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ИНТУИТИВНОГО РЕФРЕЙМИНГА (НА ПРИМЕРЕ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ)

А. Н. Сусликов

ООО «Газпром добыча Ямбург», Новый Уренгой, Россия

Статья посвящена проблемам доказывания склонения к потреблению наркотических средств с использованием лингвистических методов. Анализируются и описываются стадии речевого воздействия: подготовительного, рефреймингового и контрольного характера. На основании теории речевого воздействия даётся описание, как текст выступает в виде орудия совершения преступления, а также взаимодействие преступника и потерпевшего.

Ключевые слова: *речевое воздействие, манипулирование сознанием, рефрейминг, склонение, наркотические средства.*

В современных условиях юристам всё чаще для принятия объективного решения по уголовным делам приходится обращаться к знаниям, накопленным смежными отраслями науки. Это необходимо для понимания механизма совершения преступного деяния, выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Одной из отраслей знаний, представляющей интерес для следователей, прокуроров и судей является лингвистика. Связано это с тем, что в уголовном законодательстве расширяется список преступных деяний, совершенных с использованием речи, где слово выступает и как средство, и как орудие преступления. К традиционным составам преступлений, в которых уже длительное время речевое воздействие исследуется как способ совершения правонарушения, таким как «Доведение до самоубийства» (ст. 110 УК РФ), «Клевета» (ст. 128.1 УК РФ), «Разглашение тайны усыновления (удочерения)» (ст. 155 УК РФ), «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ст. 280 УК РФ), «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ), законодатель в последние годы отнёс и новые преступления, которые ранее не фигурировали в уголовном кодексе: «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110.1 УК РФ), «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего» (ст. 151.2 УК РФ), «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280.1 УК РФ) и другие.

Несмотря на то, что ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» не относится к преступлениям, которые недавно появились в уголовном законодательстве, его доказывание до сих пор представляет определённую сложность. И, как ни странно, связано это в том числе и с тем, что следственные работники не знают, не понимают и не умеют фиксировать преступления, совершённые с помощью речевого воздействия.

У сотрудников правоохранительных органов отсутствует чёткое понимание, какие именно действия образуют состав рассматриваемого преступления [1].

Между тем, лингвистика располагает нарабатанными приёмами, позволяющими поэтапно понять характер взаимодействия преступника (адресанта) и потерпевшего (адресата), которые раскрывают картину совершаемого деяния. Эти методы разработаны в рамках «теории речевого воздействия» и требуют лишь незначительной адаптации для понимания и использования их в криминалистике.

Обратимся к понятию речевого воздействия: «... в узком смысле слова есть влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые могут предполагать индуцирование определенных действий со стороны собеседника, изменение его отношения к тому или иному объекту, перестройку его мировоззрения,

изменение его эмоционального либо психофизиологического состояния» [2. С. 39].

Представленное понятие фактически раскрывает юридический термин «склонение», разбивая его на понятную, структурированную систему, состоящую из преступника (субъекта) — целей, которые он стремится достичь — методов влияния и потерпевшего (реципиента).

У адресанта (в нашем случае это преступник) порождение речи начинается с мотивов (интенциональных состояний) [2. С. 266], установление мотива адресанта позволяет понять, какие цели он ставил и смог ли он их добиться. Необходимо отметить, что лингвистическая теория использует понятие интенции с целью описания языковых средств выражения целевого назначения высказывания: для выявления замысла автора <...> или при создании речевого произведения для достижения ожидаемого результата [3. С. 28].

В случае склонения к потреблению наркотиков речь выступает способом совершения преступления и одновременно отражает мотив речевого воздействия преступника, как элемента субъективной стороны преступления. В этом плане анализ мотивов (интенций) для юриспруденции является не менее важным, чем для собственно лингвистики (теории речевого воздействия в разных аспектах ее практического применения), так как мотив влияет на квалификацию преступного деяния.

Из теории уголовного права известно, что под мотивом совершения преступления понимаются внутренние побуждения, которые толкают человека на совершение общественно опасного деяния и которыми он руководствуется при его совершении. При этом в уголовном праве выделяются социально положительные, социально нейтральные и социально отрицательные мотивы.

При расследовании уголовных дел выявлялись различные мотивы, которыми руководствовался адресант при склонении адресата к потреблению психоактивных веществ: *желание прекратить семейные скандалы* (уголовное дело № 91014023 Каменский городской суд Пензенской области); *страх, что потерпевший может рассказать об увиденном преступлении* (уголовное дело № 20252 Сердобский городской суд Пензенской области); *расширение круга потребителей наркотических средств с целью увеличения круга лиц приобретающих наркотические средства* (уголовное дело № 1—250 Каменский городской суд Пензенской области) и другие.

Основной целью адресанта, осуществляющего манипулирование сознанием потерпевшего с ис-

пользованием речевого воздействия, является изменение у него отношения к употреблению психоактивных веществ, т. е. трансформации его оценок и в итоге его поведенческой модели.

В уголовном праве цель — это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремиться преступник.

Мотив в отрыве от цели может выглядеть социально положительным (прекращение семейной ссоры), социально нейтральным (создание условий, которые помешают разоблачению) и социально отрицательным (расширение круга потребителей наркотиков), в сочетании с целью преступления, он всегда приобретает отрицательную окраску. Ведь конечная цель преступника — это появление большего числа наркозависимых лиц, вовлеченных в криминальные процессы, происходящие в обществе.

Несмотря на то, что в своей основной массе деяния, направленные на склонение к потреблению наркотических средств, не имеют длительных временных рамок, они, как и всякое речевое воздействие, состоят из нескольких этапов: подготовительного, рефреймингового и этапа организации совместной деятельности и контроля. При этом каждый из этапов подразумевает прохождение нескольких стадий, в процессе выполнения которых преступником и достигается эффект, приводящий к употреблению потерпевшим наркотиков.

В рамках расследования уголовного дела следователи уделяют незначительное внимание изучению подготовительного этапа, который является базисом речевого воздействия. И действительно, если обратиться непосредственно к лицу, совершившему преступное деяние по склонению к употреблению наркотиков, и задать ему вопрос, какие подготовительные действия им предпринимались, то во всех случаях можно получить ответ, что всё случилось спонтанно, и никакой подготовки с его стороны не было. Однако это не так, и подготовительные действия всегда можно обнаружить.

Рассмотрим стадии, из которых состоит подготовительный этап.

На стадии адаптации воздействующее лицо решает проблему привлечения внимания к своему речевому сообщению, обеспечивает удержание внимания и присоединение адресата.

Для привлечения внимания лицо, осуществляющее речевую манипуляцию, в обязательном порядке учитывает параметры адресата, подвергающегося суггестии: социально-типологические (национальность, социальный статус, половая и возрастная

принадлежность) и личностные (осведомленность о наркотиках, отношения к потребителям и т. п.), а также объективные условия, в которых будет произведено воздействие на манипулируемого (время и место).

Эти параметры оцениваются преступником для того, чтобы впоследствии принять решение о том, какой тип речевого воздействия будет им использован при построении диалога с убеждаемым: эмоциональное воздействие, психическое программирование, уговаривание, принуждение или всё это вместе в различных сочетаниях.

В Сердобском городском суде Пензенской области рассматривалось уголовное дело по склонению Л. к потреблению наркотического средства — гашишного масла. В ходе судебного заседания было установлено, что обвиняемый, пригласив свою знакомую Л. к себе домой, изготовил и употребил в её присутствии наркотическое средство. После чего предложил Л. последовать его примеру, когда же она отказалась, то он, продолжая настаивать, уговорил её попробовать наркотики. Когда Л. выпила незначительное количество гашишного масла и отказалась продолжать употреблять в дальнейшем психоактивное вещество, обвиняемый стал требовать это сделать, а потом перешёл к угрозам. В результате, потерпевшая употребила значительное количество наркотического средства.

Как видно из приведённого примера, адресант воспользовался знанием личностных параметров адресата, а также местом и временем, при котором происходила суггестия, применив при совершении преступления различные типы речевого воздействия: уговаривание — повеление — принуждение.

Следующей стадией подготовительного этапа является презентации автора сообщения. Конечно же, эта стадия существенно отличается от презентации автора книги или журнальной статьи, и часто выделить её очень сложно. Но такая стадия присутствует, и основная её задача показать лицу, склоняемому к употреблению наркотического средства, «успешность» адресанта, снять психологическое напряжение, которое порождает словосочетание «употребление наркотиков». Достигается оно, как правило, убеждением, что опасность потребления психоактивных веществ — это сознательный миф, созданный СМИ, и реальное положение дел не соответствует действительности.

Так, в ходе расследования уголовного дела № 91014014 было установлено, что, склоняя несовершеннолетних к употреблению наркотического средства марихуаны, взрослая девушка использова-

ла себя в качестве примера, рассказывая о том, что она длительное время курит коноплю и при этом прекрасно себя чувствует и хорошо выглядит.

Презентация автора сообщения включает в себя обозначение социальных отношений между ним и адресатом. В приведённом примере социальные отношения подростков, вовлекаемых в употребление наркотиков, и адресанта строились на основе «образа взрослого» — сложном образовании, опосредующем ценностно-смысловую сферу личности, включающую в себя представление о себе настоящим и будущем [4].

Презентация автора сообщения неразрывно связано со следующей стадией подготовительного этапа — презентацией тематики и формирования мотива восприятия сообщения.

Главная задача этих двух стадий состоит в создании установки на восприятие последующего речевого сообщения. «Речевое воздействие должно строиться таким образом, чтобы содержать оптимальное число константных, ригидных, заранее прогнозируемых посылок, созвучных большинству уже имеющихся установок адресата» [2. С. 275—276].

Например, на начальном этапе распространения наркотического средства — дезоморфин, который изготавливается из кодеиносодержащих препаратов, преступники в качестве аргумента использовали тот факт, что большинство компонентов для его приготовления находится в свободной продаже в аптеках и, следовательно, не могут представлять опасность для здоровья человека.

«Мой супруг длительное время употреблял наркотические средства. Из-за этого у нас происходили постоянные ссоры. В один из дней в конце ноября 2009 года он начал разговор о новом наркотическом средстве, которое изготавливается из медицинских препаратов, при этом он просил меня его выслушать, так как после этого разговора я пойму, что данное вещество не представляет опасности» (уголовное дело № 91014023 Каменский городской суд Пензенской области).

В указанном примере чётко прослеживается процесс активации жизненного опыта потерпевшей речью обвиняемого, при которой сработала психологическая установка, завязанная на доверии человека к аптеке, как к месту получения медицинской помощи.

На заключительной стадии подготовительного этапа лицо, совершающее речевое манипулирование, описывает проблемную ситуацию (потребление наркотиков), через присутствующие ему личностные

смыслы. Именно на этой стадии начинается активный диалог личностных смыслов преступника с личностными смыслами потерпевшего.

При этом главной задачей лица, совершающего преступление, на данной стадии является построить своё воздействие таким образом, чтобы склоняемый, услышав его, начал активно «примерять» сказанное к себе, чтобы он идентифицировал ситуацию и наложил её на свой жизненный опыт.

Марихуана разрешена во многих штатах США. В американских фильмах её курят от учителя до президента. Явно в ней нет никакой опасности (уголовное дело № 9523001 Мокшанский районный суд Пензенской области).

Основной этап взаимодействия преступника и потерпевшего строится на этапе рефрейминга, при котором и происходит манипулирование сознанием. Суть рефрейминга сводится к тому, что любую ситуацию можно представить абсолютно иначе, если заключить её в другие рамки, что достигается путём открытия новой перспективы, изменения словесного оформления проблемы или явления, изменения эмоционального отношения [5. С. 92].

Рефрейминговый этап и образует состав преступления, квалифицируемый как склонение лица к потреблению наркотических средств или психотропных веществ, именно в рамках этого этапа адресант изменяет (пытается изменить) отношения адресата к потреблению психоактивных веществ.

На первой стадии рефреймингового этапа адресант (преступник) проводит манипуляции по изменению личностного смысла отдельных объектов и формирование смысловых диспозиций.

Подача информации на указанной стадии осуществляется с использованием типа речевого воздействия — информирования, убеждение адресата происходит через пристрастную подачу информации, которая направлена на логическое усвоение сведений и на формирование бессознательных установок.

Например, *«Марихуана разрешена во многих странах мира. Наверняка, прежде чем разрешить её употребление в своей стране, там проводили исследования и установили, что она безопасна».*

В этой якобы информативной фразе уже присутствуют элементы рефрейминга, направленные на изменение отношения к проблеме. Выделим их: *разрешена во многих странах мира*, создаётся впечатление, что в большинстве стран разрешено употребление данного наркотического средства, что не соответствует действительности (частичная

или полная легализация имеется в 27 странах из 193 стран, входящих в ООН); а утверждение о том, что *проводились исследования и было установлено, что потребление конопли безопасно*, является абсолютной ложью, так как такие доказательства нигде получены не были [6].

Несмотря на то, что оба утверждения спорны, преступник уже добился первой цели, им сделано точечное изменение отношения адресата к объекту (марихуане), факту действительности (опасности её употребления), тем самым проведено фиксирование установки по отношению к группе объектов (наркотики), объединённых для человека единым личностным смыслом.

Если первую стадию рефреймингового этапа можно назвать плацдармом, отвоёванным преступником в мироощущении потерпевшего, то следующая стадия является полноценной наступательной операцией, которую адресант проводит на смысловые структуры личности. На этой стадии манипулятор изменяет состояние смысловых конструктов, убеждений, ценностей и потребностей адресата.

По своей сути склонение к потреблению наркотиков на этой стадии сводится к искажению базовых потребностей потерпевшего, заменяя имеющиеся у него паттерны на те, что внушаются адресантом.

На данной стадии наиболее активно используется несколько типов речевого воздействия: уговаривание, эмоциональное воздействие, принуждение.

Уговаривание строится на эмоциональном убеждении собеседника отказаться от имеющейся у него точки зрения. При этом уговаривание — это всегда эмоционально-окрашенное воздействие, строящееся, как правило, на повторении просьбы.

Несмотря на то, что некоторые авторы утверждают, что уговаривание не является эффективным в серьёзных вопросах и ситуациях [7. С. 198], не стоит его недооценивать. Этот метод эффективен при воздействии на близких родственников (друзей), или если уговаривание осуществляет лицо, имеющее превосходство перед уговариваемым, например, взрослый при разговоре с подростками.

Как я могу относиться к вам как к взрослым парням, если у вас ни у кого нет решимости попробовать обычную травку. Если вы считаете себя взрослыми, вам стоит попробовать (уголовное дело № 9514001 Каменский городской суд Пензенской области).

В данном случае манипулятор, уговаривая несовершеннолетних попробовать наркотическое средство марихуану, использовал уговаривание на таких типах прагматических высказываний,

как предложение, наставление, подначивание и соблазнение, что позволило ему вовлечь подростков в употребление наркотических средств.

Эмоциональное воздействие в случае с вовлечением в употребление наркотических средств и психотропных веществ — это сознательно оказываемое воздействие, когда говорящий прямо ставит перед собой такую задачу и, например, убеждая собеседника, играет на его самолюбии, жадности, доброте и т. д. [8. С. 253].

При рассмотрении стадии эмоционального воздействия необходимо обратить внимание на суггестивность текста, который предполагает наличие в языковой ткани специфически маркированных компонентов и структур, косвенно (через бессознательное) способствующих реализации целеустановки адресанта. Она связана с внушением эмоций, бессознательных мыслей и установок, психических и физических состояний [9. С. 173].

Эмоциональное воздействие обладает гораздо большей эффективностью, чем уговаривание, так как с более высокой интенсивностью давит на эмоциональную сферу адресата, имея в своём арсенале и положительные компоненты, такие как ободрение или ласка, нейтральные — жалоба или шутка и отрицательные: оскорбление, упрёк, брань.

Мы же друзья. Поверь мне и попробуй, увидишь, как приятно! (уголовное дело № 1—72/2012 Чишимский районный суд респ. Башкортостан).

Использование принуждения в делах о склонении к потреблению наркотических средств выявляется гораздо реже, чем два первых типа речевого воздействия. Преступники понимают, что принуждаемый человек, оценивая свой неблагоприятный поступок, всегда может оправдать себя тем, что совершил его под давлением, а это в свою очередь может послужить мотивом для явки в правоохранительные органы.

Принуждение может строиться на таких приёмах речевого воздействия, как манипуляция и речевая агрессия.

Если ты не попробуешь с нами травку, мы тебя изобьём.

Угрозы физического насилия в той или иной форме эффективны против несовершеннолетних и женщин, т. е. лиц, склонных опасаться боли в силу своей эмоциональной и физической слабости.

После того, как в результате действий преступника проведена корректировка смысловых конструктов убеждений, ценностей и потребностей потерпевшего, т. е. достигнута изменения в его отношении к потреблению наркотических средств, наступает следующая стадия рефрейминга, предполагающая закрепление и удержание этого состояния. Эта стадия — психофизиологического программирования.

Психофизиологическое программирование предполагает представление последовательности речевых действий, направленных на изменение психического состояния реципиентов и их физиологических процессов [2. С. 283]. На этом этапе адресант обеспечивает адресата средствами самовнушения, которые воздействуют на его физиологические процессы, корректируют состояние организма и создают новое жизнеощущение у потерпевшего. Происходит своеобразное «зацикливание» адресата на вопросе потребления наркотиков, которое выступает в качестве программы, влияющей на дальнейшее поведение человека.

Всё рассказанное перевернуло мою душу, мне хотелось только одного: попробовать, я думал об этом и день, и ночь, при встрече с Т. сам попросил его достать мне кокс [10. С. 68].

Этап организации совместной деятельности и контроля наступает, когда адресант, удостоверившись в том, что цель его речевого воздействия достигнута, предпринимает действия, направленные на реальное употребление адресатом наркотического средства. Им предлагается употребить (как правило, совместно) наркотики. В случае, если потерпевший отказывается от их употребления, адресантом проводятся действия, направленные на устранение ошибок, допущенных на этапе рефрейминга, изменяется текст в соответствии с новой речевой ситуацией, используются иные приёмы речевого воздействия.

Использование лингвистических методов для всестороннего и полного понимания процессов взаимодействия преступника и потерпевшего на примере только одного из составов преступлений позволит сделать вывод о необходимости изучения юристами лингвистики в рамках подготовки к их профессиональной деятельности. Понимание этапов прохождения речевого воздействия позволит установить не только виновность или невиновность лица в инкриминируемом преступлении, но и задокументировать преступное деяние так же подробно и последовательно, как любое другое преступление.

Список литературы

1. Сусликов, А. Н. Выявление признаков манипулирования сознанием в процессе расследования преступлений, предусмотренных ст. 230 УК РФ / А. Н. Сусликов // Актуальные проблемы антинаркотической деятельности в Российской Федерации: сборник материалов заочной научно-практической конференции, г. Уфа, 22 ноября 2013 г. — Уфа: Уфимский филиал Северо-Западного института повышения квалификации ФСКН России, 2014. — С. 113—120.
2. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: дис. ...д-ра филол. наук / Е. В. Шелестюк — Челябинск, 2009. — 383 с.
3. Колесова, Д. В. Интенция как базовая категория текстовой деятельности / Д. В. Колесова // Мир русского слова. — 2009. — № 3. — С. 28.
4. Сапогова, И. А. Роль взрослого в личностной и профессиональной идентичности подростков / И. А. Сапогова // Ежегодник Российского психологического общества: материалы III Всерос. съезда психологов: в 8 т. СПб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 2003. Т. 7. С. 50—53.
5. Негодаева, О. Б. Язык СМИ: обзор манипулятивных форм воздействия / О. Б. Негодаева // *Lingua mobilis*. — 2013. — № 2. — С. 92.
6. 6. Марихуана. Отчёт Национального института здоровья США. 2002 г. — URL: http://www.narkotiki.ru/5_5327.htm.
7. Новикова, Т.Ф., Смирнов, П. Ю. Приёмы нейтрализации вербальной агрессии в составе средств речевого воздействия / Т. Ф. Новикова, П. Ю. Смирнов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. Т. 37 № 2. — С. 198.
8. Филиппова, О.А. О некоторых приёмах эмоционального речевого воздействия в рекламе / О. А. Филиппова // *Сервис в России и за рубежом*. — 2011. № 7. — С. 253.
9. Шелестюк, Е. В. Текстовые категории аргументивности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия / Е. В. Шелестюк // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2008. № 30. — С. 173.
10. Сусликов, А.Н., Сусликова А. А. Склонение к потреблению наркотиков. Как выявлять приёмы речевого воздействия при допросе потерпевшего / А. Н. Сусликов, А. А. Сусликова // *Уголовный процесс*. — 2018. — № 11. — С. 68.

Сведения об авторе:

Сусликов Алексей Николаевич — сотрудник филиала службы корпоративной защиты, ООО «Газпром добыча Ямбург». Новый Уренгой, Россия. e-mail: kampol1976@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 178—184.*

STAGES OF SPEECH INFLUENCE AS INTUITIVE REFRAMING (ON THE EXAMPLE OF INDUCEMENT TO USE DRUGS)

A. N. Suslikov

LLC «Gazprom добыча Yamburg», New Urengoy, Russia. e-mail: kampol1976@yandex.ru

The article is devoted to proving the propensity of linguistic methods and means (speech influence analysis) in the investigation of the inducement to drug use. The stages of speech influence are analyzed and described: preparatory, reframing and control, using the existing investigative and judicial practice. It is shown how the text appears in the form of instrumentalities of crime, the interaction between the offender and the victim from the time of the inducement to actual consumption of drugs. Particular emphasis is placed on the description of the impact on the addressee in the process of the reframing stage. The legal term “inducement” is developed through theoretical linguistic concepts in the framework of the theory of speech influence. The necessity of using linguistic methods in the investigation of a definite category of criminal cases is explained.

Keywords: *speech influence, manipulation of consciousness, reframing, decline, drugs.*

References

1. Suslikov, A.N. Vy'yavlenie priznakov manipulirovaniya soznaniem v processe rassledovaniya prestuplenij, predusmotrenny'x st. 230 UK RF [Identification of signs of manipulation of consciousness in the investigation of crimes under Art. 230 of the criminal code]. *Aktual'ny'e problemy` antinarkoticheskoy deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: sbornik materialov zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Ufa, 22 noyabrya 2013 g.* [Actual problems of anti-drug activity in the Russian Federation: proceedings of the correspondence scientific-practical conference, Ufa, November 22, 2013] – Ufa: Ufimskij filial Severo-Zapadnogo instituta povy'sheniya kvalifikacii FSKN Rossii, 2014. [Ufa: Ufa branch of the North-Western training Institute of Russian Federal drug control service]– 2014, pp. 113 –120. (In Russ.).
2. Shelestyuk, E.V. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: dis. ...d-ra filol. nauk [Speech effects: ontology and research methodology: dis. ...d-RA filol. sciences'] – Chelyabinsk, 2009, pp. 383. (In Russ.).
3. Kolesova, D.V. Intenciya kak bazovaya kategoriya tekstovoj deyatel'nosti [Intention as a basic category of textual activity]. *Mir russkogo slova* [World of Russian word], 2009, no.3, 28 p. (In Russ.).
4. Sapogova, I.A. Rol' vzroslogo v lichnostnoj i professional'noj identichnosti podrostkov [The role of the adult in the personal and professional identity of adolescents]. *Ezhegodnik Rossijskogo psixologicheskogo obshhestva: materialy III Vseros. s'ezda psixologov: v 8 t. SPb.* [Yearbook of the Russian psychological society: materials of III all-Russia. Congress of psychologists]. S.- Peterburg, 2003. Kn. 7, pp. 50– 53. (In Russ.).
5. Negodaeva, O.B. Yazy'k SMI: obzor manipulyativny'x form vozdejstviya [Media language: an overview of manipulative forms of influence]. *Lingua mobilis*, 2013, no.2, p. 92. (In Russ.).
6. *Marixuana. Otchyot Nacional'nogo instituta zdorov'ya SShA* [Marijuana. A report by the National Institute of health, USA.]. 2002 g. - URL: http://www.narkotiki.ru/5_5327.htm. .
7. Novikova, T.F., Smirnov, P.Yu. Priyomy` nejtralizacii verbal'noj agressii v sostave sredstv rechevogo vozdejstviya [Methods of neutralization of verbal aggression as part of the means of speech influence]. *Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki* [Scientific statements of Belgorod state University. Series: Humanities], 2018. Kn.37, no. 2, p.198. (In Russ.).
8. Filippova, O.A. O nekotory'x priyomax e'mocional'nogo rechevogo vozdejstviya v reklame [Some of the emotional techniques of speech influence in advertising]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2011, no.7, p. 253. (In Russ.).
9. Shelestyuk, E.V. *Tekstovy'e kategorii argumentivnosti, suggestivnosti i imperativnosti kak otrazhenie sposobov rechevogo vodejstviya* [Text categories of argumentation, suggestiveness and imperativeness as a reflection of the ways of speech action]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state University], 2008, no.30, p.173. (In Russ.).
10. Suslikov, A.N., Suslikova, A.A. *Sklonenie k potrebleniyu narkotikov. Kak vy'yavlyat` priyomy` rechevogo vozdejstviya pri doprose poterpevshego* [Inducement to use drugs. How to identify methods of speech influence during the interrogation of the victim]. *Ugolovny'j process* [Criminal proceeding], 2018, no.11, p.68. (In Russ.).

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НАВЫКОВ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТИМУЛ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Л. О. Тимошенко, Р. Ф. Мингазетдинова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Данная статья посвящена проблеме выработки самосознания и культуры мышления личности средствами русского и иностранного языков путем интерференции навыков обучения. Понятие интерференции употребляется в данной статье не только в лингвистическом смысле, но и с привлечением физических понятий. На фоне задачи выработки мотивации обучения иностранному языку привлечение психологических приемов в обучении между делом имеет свои преимущества.

Ключевые слова: *интерференция навыков обучения, самосознание, самоорганизация, культура мышления, амплитуда взаимодействий.*

1. Методологический аспект интерференции навыков

Проблемы методики восприятия и использования информации всегда были и будут актуальны, особенно в сфере изучения иностранного языка. Традиционные аудиолингвальные методики обучения иностранному языку путем механического повторения материала на зрительном, слуховом и механическом уровне, как всегда, работают, но страдают от недостатка мотивации. На помощь приходят игровые методы, песни, ассоциации. Безусловно, в изучении иностранного языка ключевую роль играет активный словарный запас. Как научиться регулярно пополнять его, независимо от своей занятости в течение дня? Практика показывает, что принужденная зубрежка иностранных слов дает малый эффект и вызывает эмоциональное отращение. Значительно актуальнее оказывается проблемный метод, когда студент обрисовывает свою проблему в области изучения иностранного языка, например, у него не запоминаются иностранные слова, или у него нет времени на его изучение. Если же у студента нет негативных эмоций в плане изучения иностранного языка, можно попытаться его искренне заинтересовать в плане проведения свободного времени и психопрофилактики уныния. Как отмечает в своей книге «Как наслаждаться жизнью и получать удовольствие от работы» американский психолог Дейл Карнеги в своих правилах общения, «3. Сначала заставьте человека захотеть что-либо сделать. 5. Внушайте людям сознание их значительности и делайте это искренне. 7. С самого начала придерживайтесь дружелюбного тона» [5. С. 235].

Личная практика показывает хорошее срабатывание ассоциативного метода вместе с проблемным,

когда студент «якорит» в своем сознании только актуальные для него фразы и слова, а затем составляет с ними собственные предложения, в которых отражает свое мировоззрение. Хорошо работает также контекстуальный метод, когда студент запоминает слово или фразу в контексте, в ситуации, находящей отклик в его мировоззрении.

Как отмечает видный психолог советской эпохи С. Л. Рубинштейн, «Внутри каждой вещи различные свойства воспринимаются нами не как совокупность изолированных, между собой не связанных качеств, а в определенных, характерных для вещи соотношениях, сочетаниях, связях» [7. С. 310].

Поэтому контекстуальное связывание и запоминание не только развивает теоретическую память студента, но и дает ему готовые блоки-ситуации из жизни с определенной позиции автора книги.

Мы полностью согласны с мнением покойного методиста английского языка В. Д. Аракина, что студентам-гуманитариям лучше изучать английский язык на примерах художественной литературы [2]. Поэтому мы не ограничиваем студентов определенным списком книг, а предоставляем им возможность самим выбирать себе чтение по интересам. Но вытекающей отсюда проблемой является проблема выбора содержания образования: не все студенты выбирают стоящую литературу. Некоторые из чувства протеста к миру выбирают, например, темы вампиров или откровенную проповедь насилия. Поскольку нельзя по приказу заставить человека быть нравственным и полюбить добро, приходится беседовать с подобными студентами о том, что же их привлекает в данном романе и почему они хотели бы подражать его героям.

Изучение иностранного языка, возможно, как ни один другой предмет, средствами иной культуры проводит воспитательную цель — пересказывая на языке тексты, студент должен выразить и собственное отношение к прочитанному, а качество его подготовки уже само за себя говорит о его увлеченности иностранным языком. Как отмечает в своей книге «Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования» отечественный методист Е. И. Пассов, «языку никого никогда невозможно обучить, ибо ему можно только научиться». И другой его принцип гласит: «Всякое образование должно быть направлено на становление человека как духовной индивидуальности» [6. С. 5].

Понятие культуры мышления, которое мы проводим в данной статье, невозможно выработать у студентов простым набором знаний, без личного отношения и позиции преподавателя и студентов: «сменить знаниецентрическую парадигму образования на культуру-сообразную, чего требует нацеленность на диалог культур», согласно Е. И. Пассову [6. С. 8].

Недостаток времени на учебу — также актуальная проблема образования. И зачастую намеренное изучение не дает столь стойкого эффекта, как изучение между делом.

Тренировка памяти на иностранные слова в повседневных бытовых условиях, в несложных физических действиях, например, стирке или мытье посуды, прогулке и т. д., не требующих напряженного внимания работает неожиданным образом и может быть отнесена к интерференции навыков, но не в лингвистическом плане, как взаимовлияние разных языков, а шире — и в физическом плане — и как взаимное усиление и ослабление при наложении друг на друга звуковых, электромагнитных волн с одинаковыми периодами [3. С. 96].

Рассматривая высказывание как пучок волн, с точки зрения волновой и энергетической теории, перекрещивание и наложение навыков изучения разных языков создает своего рода амплитуду при взаимопонимании собеседников, а при освоении иностранного языка путем переноса навыков и ситуации определяет условия и темп восприятия иностранных слов. Причем важными факторами, сопутствующими процессу запоминания иностранных слов, будут образ жизни, привычки и характер человека. Так, если одному студенту для работы памяти нужна абсолютная тишина и уединенность, то другой не против хорошей музыки, мышления в движении, чередования занятий и общения.

Работа с подсознанием и памятью — это как бы привлечение другой личности, множественность «Я»-образов, которые у людей с образным мышлением могут ассоциироваться с мысленным разговором с определенным человеком.

Личный эксперимент показал, что в разных бытовых ситуациях легче вспоминаются разные слова и фразы, и слово, вертящееся в сознании, может всплыть в памяти или встретиться как-то иначе в скором времени. Но словарный запас нужно регулярно повторять и обновлять. Распространенным препятствием здесь является отсутствие интереса к иностранному языку. Можно рассматривать иностранный язык не только как средство общения с носителями языка или как средство познания иноязычной культуры, но и в универсальном смысле, в первую очередь, как развитие памяти, снятие психологического барьера при общении, избегание опасения сделать языковую ошибку, в конце концов, — постоянная работа мысли как борьба с праздноностью и поддержание нормального тона жизни.

Могут последовать возражения против предлагаемой методики интерференции навыков, что нужно все свое внимание обращать на то, что ты делаешь в настоящий момент, чтобы сделать это качественно, а не делать два дела одновременно. На что возражением будет то, что предлагаемая интерференция работает как средство переключения с механического «машинного» мышления при долгой монотонной работе и, как следствие, потере желания ее продолжать, и нахождение новых взаимопользующих для двух видов работы стимулов к ее продолжению и окончанию. К тому же, навыки совмещения деятельности требуют привития и постоянной практики. Это, своего рода, культура мышления.

Другим, психотерапевтическим аспектом привития интерференции навыков в области изучения иностранного языка является позитивное созидательное мышление, вырабатываемое путем мыслительного повтора новых слов иностранного языка и борьба с негативными мыслями и эмоциями, имеющими разрушительную силу. Удобством данного метода является то, что студент сам выбирает удобное время для изучения и повторения иностранных слов, ориентируясь на свое физическое состояние и свои обязанности, сам определяет повторяемый материал, уместность ситуации и ее возможность, кратность повторения изучаемых слов, приучаясь самому контролировать свое психическое состояние, а не только работать по команде

преподавателя. Самоорганизация как главное условие и результат развития культуры мышления появляется как следствие интерференции навыков.

Причем интерференцию навыков изучения иностранного языка мы понимаем еще и в аспекте «расчистки» мышления: сначала однократное прочитывание десятка слов по транскрипции с переводом вслух (для развития слуховой памяти) или прослушивание слова на «говорящем переводчике» в Интернете, потом повторное прочитывание их вслух или про себя порциями по несколько слов (не больше 10). Потом с опорой на английский перевод вспоминание нескольких слов по-русски, затем наоборот. А затем, после «прогона» иностранных слов с переводом в уме или вслух без ошибок пару раз, вспоминание любых слов из этого списка с переводом без опоры. Подобная работа всегда подсознательно с нами — мы можем в разных условиях пытаться вспомнить изученные недавно иностранные слова, причем данная работа имеет психотерапевтический и диагностический характер. Вспоминание разнообразных слов с разным временным интервалом занятия устно или письменно диагностирует человеку состояние его ума и эмоций.

Например, если человек чем-то сильно взволнован или угнетен, ему трудно будет сосредоточиться на учебе, хотя контекстуально можно попытаться вспомнить перекликающиеся с личной ситуацией иностранные слова, попытаться выразить себя в личных предложениях с новыми словами. Или у человека вспоминаются только одни и те же иностранные слова — память заклинивается, что сродни некоторой навязчивой идее. Поэтому, это знак человеку двигаться дальше в изучении иностранных слов.

«Процесс становления человеческой личности включает в себя как неотъемлемый компонент формирование ее сознания и самосознания: это есть процесс развития сознательной личности. Без сознания и самосознания не существует личности. Личность как сознательный субъект осознает не только окружающее, но и себя в своих отношениях с окружающим [7. С. 635].

Поэтому выработка студентом самодисциплины и организации свободного времени можно назвать еще одной дальней целью и стимулом в изучении иностранного языка.

Выделим десять заповедей Белорецкого учителя математики Р. Г. Хазанкина, которые можно отнести к освоению любой науки.: 1. Необходимость владения учащимися глубокими теоретическими знания-

ми, умение пользоваться общими методами данной науки. 2. **Использование межпредметных связей.** 3. Систематизация теоретических знаний через решение задач. 4. Накапливание идей и использование их в различных ситуациях. 5. **Учим догадываться, высказывать плодотворные мысли.** 6. **Продолжаем работать с решенной задачей.** 7. Учимся видеть красоту предмета — процесса решения и результатов. 8. Составляем задачу. 9. Работаем с учебной, научно-популярной и научной литературой. 10. «Общение на иностранном языке на уроке» (*отступление авт.*) и после уроков [8. С. 70—73].

Заповеди Р. Г. Хазанкина универсально применимы к любому предмету. Мы выделили среди них наиболее актуально значимые для развития языкового мышления. Так, использование межпредметных связей — это та же интерференция навыков из одной деятельности в другую. Без метода языковой догадки вообще нельзя обойтись при контекстуальном изучении иностранного языка. А работа с решенной задачей — это то же повторение изученных ранее слов в новых контекстах и в максимальном количестве.

«Полученное под началом Р. Г. Хазанкина добротное математическое образование стало для многих его воспитанников инструментом для успешного изучения других школьных предметов» [1. С. 26].

По словам Л. К. Агадуллиной, «важно создать максимум условий для саморазвития одаренных детей» [4. С. 27—28].

Такими условиями должны быть не только рамки школы или вуза, но и вся окружающая среда — дом, друзья, хобби, быт, отдых. Поставив себе целью саморазвитие и выработку самосознания, студент с легкостью и удобством может избрать иностранный язык как средство. Разнообразие подходов к изучению иностранного языка, гибкие условия обучения и самообучения, удобный режим учебы, основывающийся на самостоятельном сознательном планировании учебного времени способствуют активной выработке самосознания и культуры мышления, кругозора.

Заповеди учебы математика Р. Г. Хазанкина кажутся нам универсальными в плане логики любого образовательного предмета. Навстречу этим десяти логическим заповедям мы выдвигаем лингвистические и психологические заповеди: 1. Учиться от души в свободное время и в любом положении — изучать и повторять на память иностранные слова: за бытовыми делами, в дороге, на кухне, при стрессе и унынии, от нечего делать. 2. Составлять

свои предложения с новыми словами по личным ассоциациям, близким Вам. Таким образом, реализуется принцип самовыражения, необходимый для психологического здоровья человека. 3. Читать, переводить и пересказывать прочитанный иностранный текст с выведением личного заключения и мнения. 4. Умение оценивать и выбирать изучаемый материал, отбрасывая ненужное. 5. Привлечение других навыков из смежных областей психологии, искусства, ведь английский язык относится к сфере *humanities/ arts*. Например, подобрать нейтральную или позитивную концовку для коннотативно негативного предложения. Нарисовать проблему героя. Посоветовать что-либо главному герою. 6. Превратиться из наблюдателя жизни, пассивно изучающего предлагаемые источники литературы, в ее творца и самому моделировать скорость и процесс своего познания, т. е. свой тонус. 7. Постоянно просматривать изученную лексику, т. к. она легко забывается. 8. Тренировать память, вспоминая новые слова и выражения в разной обстановке. 9. Найти себе собеседника с подобными интересами. 10. Попытаться выступить в роли педагога, ведь обучая других, лучше обучаешься сам.

Таким образом, выводом к данной статье будет размышление, что наука, предмет сам по себе — не цель обучения, а средство. Цель любого обучения — формирование долговременных навыков, выработка характера, мировоззрения средствами определенного предмета, а также получение специальности как склада ума для зарабатывания себе на жизнь. Как отмечает Е. И. Пассов, «содержанием образования является культура» [6. С. 8].

Интерференция навыков как понятие пересечения и наложения волн — емкая модель взаимодействия людей. Унисон энергий и мнений большой волной дает огромную амплитуду и может вылиться в новый проект.

Интерференция навыков — когда средствами разных наук человек осваивает свой предмет — шире узко лингвистического понятия интерференции при билингвальности.

В конечном итоге, владение интерференцией навыков при обучении иностранному языку — это показатель кругозора человека, его культуры мышления, средство от хандры и стресса, источник позитивных эмоций, поскольку имеет выход в самовыражение, т. е. во внешний мир. Интерференция навыков обучения — путь к экологии мысли.

2. Психологический аспект интерференции навыков

Наше мышление, согласно С. Л. Рубинштейну, всегда эмоционально окрашено. «Отправляясь от того, что дано в ощущениях и восприятиях, мышление, выходя за пределы чувственно данного, расширяет границы нашего познания. Это расширение познания достигается мышлением в силу его характера, позволяющего ему опосредованно — умозаключением — раскрыть то, что непосредственно — в восприятии — не дано. С расширением познания благодаря мышлению связано и углубление познания» [7. С. 309].

Сделать мышление созидательным процессом, окрасить его позитивно работой над собой, самопреодолением, а не самообманом — вот практическая психотерапия в учебе. Если мышление опирается на определенные факты, информацию, то умозаключение — это уже самостоятельный процесс без опоры, руководимый, по большей части, интуицией и окрашенный эмоциями. Духовное и физическое здоровье человека, выработка его гражданской позиции и культуры кругозора составляют конечную цель любого образования.

«Значимое для человека, для личности как общественного индивида не сводится к одному лишь личностно значимому, только партикулярно личностно-значимому, но включает и общественно значимое...» [7. С. 21].

Как гласит английская пословица, “No man is an island” (человек — не остров). Человек вписан в общество, и то, что значимо и актуально лично для него, наверняка, значимо и актуально и для кого-то другого, а, может быть, и для многих. Резонанс личных устремлений человека с общественными настроениями определяется глубиной его личности, уровнем его духовной культуры — чем высокоорганизованнее личность, тем более универсальными категориями она мыслит. В этом и состоит амплитуда интерференции навыков.

В заключение, отметим, что разнообразие методов и приемов выработки культуры мышления средствами разных наук руководствуется единой конечной целью: развитием самоорганизованной культурно зрелой духовной личности, находящейся в постоянной динамике мысли и творчески себя выражающей.

Интерференция навыков обучения — бесконечный внутренний и внешний процесс, приглашающий нас к диалогу и личному творческому вкладу в процесс обучения.

Список литературы

1. Алмаев, Р. З. «Из любого ребенка, увлеченного предметом, можно подготовить победителя олимпиад...». Об опыте работы с одаренными детьми учителей-новаторов Башкортостана // Сб.: Выдающийся педагог XX века В. А. Сухомлинский: вчера, сегодня, завтра. — Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2018. — 395 с.
2. Аракин, В. Д. Методика преподавания английского языка в VII — X классах. — М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. — 372 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. — СПб: НОРИНТ, 2004. — 1535 с.
4. Выдающийся педагог XX века В. А. Сухомлинский: вчера, сегодня, завтра // Сб. науч. работ III Междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. Т. М. Аминов. — Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2018. — 395 с.
5. Карнеги, Д. Как наслаждаться жизнью и получать удовольствие от работы. — Минск: Попурри, 2007. — 238 с.
6. Пассов, Е. И., Кузовлева, Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. — М., 2010.
7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер, 2008. — 705 с.
8. Хазанкин, Р. Г. Десять заповедей учителя математики // Народное образование. — 1991. — № 1. — С. 70—73.
9. Электронный ресурс: <http://www.nportal.ru>shkola...angliyskie-poslovitsy...pogovorki>. Режим доступа: 09.02.2019.

Сведения об авторах

Тимошенко Людмила Олеговна — к. филол. н., доц. кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета. timoshenkolo@mail.ru.

Мингазетдинова Римма Флюоровна — ст. преподаватель каф. иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета. rflyurovna@mail.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 185—190.

INTERFERENCE OF SKILLS AS A PSYCHOLOGICAL STIMULUS TO STUDY A FOREIGN LANGUAGE

L.O. Timoshenko

Bashkir State University, Ufa, Russia. timoshenkolo@mail.ru

R.F. Mingazetdinova

Bashkir State University, Ufa, Russia. rflyurovna@mail.ru

The present article is devoted to the problem of working out self-perception and the culture of thought in the person by means of a foreign language learning through the interference of skills in education. The notion of interference is used in the present article not only in the linguistic sense, but also with reference to physical notions. Against the background of forming the motivation of studying a foreign language, the use of psychological techniques of education on the occasional basis has its advantages. The interference of skills on condition of mutual understanding of the communicants forms the amplitude of waves or energies, enhancing each other in a resonance or muffling each other in case of mutual misunderstanding. The technique of skills interference can be helpful in monitoring one's state of mind, from the point of view of stagnation, fixed ideas, the dynamics of memory clinging, reproductive associations, etc.

Keywords: *interference of skills in education, self-perception, self-organization, culture of thinking, amplitude of interactions.*

References

1. Almayev R. Z. “*Iz lyubogo rebenka, uvlechennogo predmetom, možno podgotovit’ pobeditelya olimpiad...*” *Ob opyte raboty s odarennymi det’mi uchiteley-novatorov Bashkortostana* [From any child, inspired by the subject, it is possible to train the winner of Olympiads...] // Col. of art. *The outstanding teacher of the XXth century V. A. Sukhomlinsky: yesterday, today, tomorrow*. Ufa, BGPU after M. Aknulla Publ., 2018. 395 p. (In Russ.).
2. Arakin V. D. *Metodika prepodavaniya angliyskogo yazyka v VII – X klassakh* [Methods of teaching English in VII – X grades]. M. Publ. House of the RSFSR ped. sciences Acad., 1958. 372 p. (In Russ.).
3. *Bol’shoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [The Great Thesaurus dictionary of the Russian language]. St.-Petersburg, NORINT Publ., 2004. 1535 c. (In Russ.).
4. *Vydayuschiy pedagog XX veka V. A. Sukhomlinsky: vchera, segodnya, zavtra* [The outstanding teacher of the XXth century V. A. Sukhomlinsky: yesterday, today, tomorrow]. Ufa, BGPU after M. Aknulla Publ., 2018. 395 p. (In Russ.).
5. Carnegie D. *Kak naslazhdat’sya zhizn’yu I poluchat’ udovol’sviye ot raboty* [How to enjoy your life and your job]. Minsk, Popurri Publ., 2007. 238 p. (In Russ.).
6. Passov Ye. I., Kuzovleva N. Ye. *Osnovy kommunikativnoi teorii I technologii inoyazychnogo obrazovaniya* [The basics of communicative theory and technology of foreign language education]. M., 2010. (In Russ.).
7. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchey psichologii* [The basics of general psychology]. St.-Petersburg, Peter Publ., 2008. 705 p. (In Russ.).
8. Khazankin R. G. *Desyat’ zapovedey uchitelya matematiki* [Ten commandments of Mathematics teacher]. *Narodnoye obrazovaniye* [People’s education], 1991, no.1, pp. 70 – 73. (In Russ.).
9. <http://www.nsportal.ru>shkola...angliyskie-poslovitsy...pogovorki>. Accessed: 09.02.2019.

РЕАЛЬНОЕ И ИРРЕАЛЬНОЕ СХОДСТВО МИКРОПОЛЯ РАВЕНСТВА КАТЕГОРИИ КОМПАРАТИВНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В. И. Харабаева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия*

Освещается функционирование языковых единиц, выражающих реальное и ирреальное сходство и представляющих собой в совокупности микрополе равенства категории компаративности на материале якутского языка. Установлена синтаксическая многоплановость показателей сравнения для выражения реального и ирреального сходства. Они формируют различные виды высказываний, становящиеся специальными способами выражения этих разных значений.

Ключевые слова: якутский язык, компаративность, сравнение, микрополе равенства, микрополе реального сходства, микрополе ирреального сходства, послелог, именные словообразовательные модели компаративной семантики.

Сравнение представляет собой логическое действие, целью которого является сопоставление двух однородных по своей природе компонентов для более глубокого уяснения сущности одного из них. С точки зрения функциональной грамматики, термину сравнение предпочитается термин компаративность, который понимается значительно шире первого. Под компаративностью понимается термин, которым обозначаются различные типы и случаи сравнения [5. С. 107]. Категория компаративности имеет довольно обширный арсенал разноуровневых средств языка для выражения понятий равенства/неравенства, градации признака и выражение разной степени качества предметов и явлений.

План содержания функционально-семантической категории компаративности составляет совокупность компаративных отношений (равенство/неравенство). План выражения данной категории представляют формальные средства выражения компаративных отношений. Содержание функционально-семантического поля компаративности семантически неоднородно, что позволяет выделить два микрополя внутри данного поля: микрополе равенства и микрополе неравенства [5. С. 72]. Микрополе равенства категории компаративности характеризуется выражением сходства признаков предметов и явлений действительности [6. С. 193]. В противоположность этому, конституенты микрополя неравенства устанавливают более высокий или более низкий степени качества по сравнению с исходной формой

Микрополе равенства далее распадается на два микрополя второй ступени на основе различия по объективному содержанию:

1. Микрополе реального сравнения для выражения сходства (микрополе реального сходства);

2. Микрополе ирреального сравнения для выражения мнимого сходства (микрополе ирреального сходства) [3. С. 34—35].

Для выражения реального сходства сравниваются два явления, предмета или лица, реально существующих в объективной действительности и обладающих реальным сходством. В отличие от реального сравнения, назначение ирреального сравнения состоит «не только в выражении сходства, но и в эмоциональном воздействии на адресата, в создании яркой, наглядной характеристики сравниваемого объекта» [3. С. 56]. Такие конструкции служат для обозначения сравнения, уподобления действий в основном нереальных, мыслимых, воображаемых. Посредством оригинальности и неожиданности сопоставления различных понятий также может создаваться метафоричность.

Микрополе реального сравнения для выражения сходства в якутском языке представляют компаративные конструкции с послелогами *курдук*, *дылы*, *кэриэтэ*, *саба*, а также конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы*. Сравнение может быть выражено также и лексически: при помощи глаголов *маарыннаа-* 'походить, быть похожим на кого-что-либо', *тэннээ* 'сравнить', *ханьылаа* 'соединять подобное с подобным' и др., а также при помощи именных словообразовательных моделей компаративной семантики.

Широко распространены в якутском языке конструкции с эталоном сравнения, оформленным аффиксом *-лыы*. Аффикс *-лыы* присоединяясь

к именам или причастным формам, сообщает значение образа сравнения. На счет происхождения аффикса *-лыы*, В. В. Радлов высказал предположение о том, что он восходит к якутскому деепричастию на *-а* (*-ыы*) от глагола на *-лаа* [11. С. 32], одно из значений которых «действовать как данный предмет» [11. С. 98].

Аффиксом *-лыы* функционально близок к сравнительному падежу и формирует разные типы конструкций: 1). Конструкции, где в роли эталона сравнения выступает имя существительное или местоимение: *Кини хараба куоскалыы кизн, эрилкэй, төгүрүк* (С. Васильев) 'Его глаза как у кошки, широки, ясны, круглы'; *Хара спортивной бэргэнэтин умса тардынна, дыагдайбыт киһилии кууркатыгар хам сууланан бүк түстэ* (Сомоҕо) 'Надвинул черную спортивную шапку, уткнулся в куртку как замерзший человек'. 2). Конструкции, где аффикс *-лыы* присоединяется к причастным формам глагола: *Кэрэ сарсыарданы билбэт-көрбөт харахтарынан өйдөөбөтөхтүү мунаарыччы көрүтэлээн кэбиһэр* (Кэрэхсэбиллээх кэпсээннэр) 'Она, как будто не замечая прекрасное утро, смотрела растерянными глазами'; *Ону кытта дьэнкир ыраас таммахтар көнгүл ылбытты иэдэһин устун сүүрдүлэр* (Сомоҕо) 'Вместе с этим, как будто получили разрешения, прозрачные чистые капли потекли по ее щекам'.

Аффикс *-лыы* также может присоединять примыкающее придаточное сравнительное предложение к главному предложению, где он соответствует русским сравнительным союзам «как», «подобно тому как», «так же, как», «как будто»: — *Хайа, нохоо, бу тоҕо сытабын? — уһаат иһиттэн сангарардыы, суон бутэни куолас лүнкүнээтэ* (Кэпсээннэр) 'Ну что, парень, почему лежишь? — прогремел глухой широкий голос, как будто говорит из ушата'.

Словоформы с аффиксом *-лыы* могут определяться: а) именами прилагательными: *кыра оҕолуу* 'как маленький ребенок', *түргэн өрүстүү* 'словно быстрая река'; б) именами существительными: *түү мээчиктии* 'словно пуховой мяч', *сайылыгым тыалыныы* 'словно летний ветерок'; в) именами числительными: *биэс тарбабыныы* 'как свои пять пальцев', *биир дьиз кэргэннии* 'как одна семья'; г) наречиями: *түүнну куоскалыы* 'словно ночная кошка', *сааскы дьыбардыы* 'словно весенние заморозки'; д) причастиями: *мууска бырабыллыбыт балыктыы* 'словно выброшенная на лед рыба', *ууну испит сылгылыы* 'словно лошадь, напившаяся воды'.

Самым распространенным показателем выражения сходства в якутском языке является служебное слово *курдук*. Н. Е. Петров оценил данное слово как

послелог при именах и частицу при глагольных формах. По его мнению, показатель *курдук* образован от глагола *көр-* 'видеть, смотреть'+афф. *-лык*: *көр+лык >көрдүк >курдук* [4. С. 131]. Данный показатель в якутском языке очень универсален в семантическом и синтаксическом плане. В русском переводе ему соответствуют собственно-сравнительные союзы 'как будто', 'подобно тому как' и модально-сравнительные союзы 'как будто', 'будто', 'словно', 'будто бы' [4. С. 191—192]. Показателем *курдук* могут образоваться: а) Именные сравнительные конструкции, выражающие реальное сходство: *Обо курдук дьиркилээн сүүрбүппүт* (Үргэл) 'Словно дети, бегали за бурундуками'; б) Предикативные сравнительные конструкции: *Син араас куоластаах дьон курдук* (Кэрэхсэбиллээх кэпсээннэр) 'Так же, как и люди с разными голосами'; *Сиидэлээн эрэр курдук, сиикэрэ ардах ибиирдэ* (Кэрэхсэбиллээх кэпсээннэр) 'Словно что-то рассеивают, моросил мелкий дождь'.

В сложных предложениях якутского языка *курдук* часто употребляется с аффиксом *-иан*, который представляет собой стяженную форму винительного падежа 3-го лица ед. числа причастия будущего времени на *-ых*. В отличие от других причастий форма *-иан* употребляется только в сложном предложении. Напр.: *Сис тыа киһи соһуйуон курдук, эмискэччи бүтэн хаалла* (Амма Аччыгыйа) 'Лес вдруг кончился так быстро, что человек наверняка бы удивился'.

Кроме конструкций с *курдук*, в якутском языке также распространены сравнительные конструкции с другими служебными словами (*дылы, кэриэтэ, саба*). Слово *дылы* 'наподобие, подобно, вроде, как, словно', вносит в предложение модально-сравнительное значение и образует именные и глагольные сравнительные конструкции. Именные конструкции с *дылы* имеют оттенок пренебрежительности: *Тон тары сиэбит ыкка дылы* 'Подобно собаке, съевшей мерзлую простоквашу'; *Бу уол кыыска дылы симиттигэс* 'Этот парень застенчивый, словно девушка'. Послелог *дылы* «вводит в сравнение поговорки, т. е. соответствует не столько союзу подобно тому как, сколько выражению подобно тому, как говорится» [1. С. 83], напр.: *тарбаабыт ынахха дылы* 'как корова, которую почесали'.

Третий вид сравнительных конструкций со служебными словами — конструкции с послелогом *кэриэтэ* означающим 'словно, подобно, вроде, как, все равно как'. С именем существительным или личным местоимением, которое является эталоном сравнения, данный показатель образует именное компаративное сказуемое: *Сахам нарын үнкуутэ Сахам сириҥ кэриэтэ* (Семен Данилов) 'Мой якутский плавный танец все равно что Якутия моя'. Также

сочетание *кэриэтэ* с именным эталоном сравнения в предложении функционирует как обстоятельство образа действия: *Эрэйдэнним тапталтан Эдэр уолчаан кэриэтэ* (М. Ефимов) 'Помучился от любви, Словно парень молодой'; *Үһүөннүтүн сыбаайбабар ынгырабын, аны сайын кэлээриг!* — *диэн айахтаппытын атын киһи сангатын курдук истибитэ* (Кэпсээннэр) 'Вас троих приглашаю на свадьбу, приходите! — то, что сказала, ей было слышно, как будто кто-то другой сказал'. Послелог *кэриэтэ* активно употребляется в формировании устойчивых сравнений: *ууга тааһы бырахпыт кэриэтэ* 'все равно что бросил в воду камень', *тангараба тиксэр кэриэтэ* 'все равно как причаститься'. В этих выражениях *кэриэтэ* можно заменить *курдук*.

Четвертый тип сравнительных конструкций со служебными словами — конструкции с показателем *саба* со значением 'равный, подобный кому-либо, с, с величиной, столько'. Употребляясь с именами существительными, личными местоимениями и причастными формами в основном падеже, *саба* «выражает сравнение предметов по их величине, объему, площади, высоте, ширине, по внутренним признакам и качествам, по их состоянию и действию» [1. С. 87]: *Кыыс унуобунан ийэтин саба* 'Девочка ростом с мать'.

Рассмотрим лексические средства выражения реального сходства микрополя равенства в якутском языке. В якутском языке при помощи определенных словообразовательных моделей образуются новые слова, создаваемые говорящим для передачи семантики сравнения, сходства. Среди этих моделей представлены именные с аффиксами *-тык* и глагольные с аффиксами *-лаа*, *-мсий*, *-ргаа*.

Аффикс *-тык* восходит к древнетюркскому сравнительному послелогу *teg* со значением 'как, словно, будто, подобно' [2. С. 546], напр. *Jaximiz tegirä ücüg teg erti* [2. С. 546] Враги наши были кругом словно хищные птицы. Якутский аффикс *-тык* (точнее, его вариант *-ник*) присоединяясь к личным местоимениям, придает им уподобительное значение: *миигинник* 'такой, как я, подобный мне', *эйигинник* 'такой, как ты, подобные тебе', *кининник* 'такой, как он, подобные ему'; *биһигинник* 'такой, как мы, подобный нам, такие, как мы, подобные нам', *эһигинник* 'такой, как вы, подобный вам, такие, как вы, подобные вам'. Напр.: *Эйигинник улуу ойуун санаатын уурдар эрэ — чолбону тобо кыайан кэппэт булуобай!* — *диэн көрдөһө олорбута эбитэ үһү* (П. Ойуунускай) 'Подобный тебе великий шаман, если приложит старания — почему бы не смог бы разрубить полярную звезду! — так он просил (шамана)'.

Реальное сравнение также может выражаться глагольными словообразовательными моделями модально-компаративной семантики. С помощью аффикса *-лаа* может образоваться сравнительное значение для действия. Этот многозначный аффикс иногда может выступать в значении «действовать как данный предмет» (подражать предмету) [7. С. 98]. Употребляется в основном с существительными, обозначающими зверей, людей, птиц, реже предметы и явления, когда речь идет о подражании по их характерному действию: *ангырдаа-* 'кричать как выпь (*ангыр* 'выпь')'; *туруйалаа-* 'заковылять как журавль, ходить по журавлиному (*туруйа* 'журавль')'; *кыптыыйдаа-* 'сложить наподобие ножниц (обычно о крыльях птицы)' и т. д. Напр.: *Өр-өтөр буолбата, күөс орғуйан бидилийдэ, куобахтаата* (В. Сыромятников) 'Не прошло много времени, как варево закипело, стало подпрыгивать как зайчик'.

Аффикс *-рбаа* также вводит некоторый сравнительный смысл, присоединяясь к словам, обозначающим термины родства: *аймабырбаа-* относиться к кому-либо как к родственнику, *ийэргээ-* относиться к кому-либо словно к матери. Присоединяясь к некоторым словам, он может иметь смысл «вести себя словно кто-либо», напр.: *тойорбоо* 'вести себя как господин'.

К средствам выражения реального сравнения в якутском языке можно отнести сравнительно-уподобительные конструкции. Именные компоненты таких конструкций выражают эталон и объект сравнения-уподобления. Эталон сравнения-уподобления стоит в форме винительного падежа. В качестве глагола-сказуемого здесь используются глаголы *маарыннаа-*, *майгыннаа-*, *боһуоннаа-*, *удумабалаа-*, *боһуодьулаа-* и др.:

1. *Маарыннаа-* 'походить, быть похожим на кого-либо': *Бөбөлөрүнэн бабас аар саарга аатырбыт тэлэгириэйкэлэрбит хас мас аайы бааталарыттан бэрсэн, били Мэник Мэнигийэн таҥаһыгар маарыннаан барбыттара* (Үргэл) 'Наши телогрейки, славившиеся своей износостойкостью, стали походить на одежду Мэник Мэнигийэн'.

2. *Майгыннаа-* 'слегка походить, быть похожим на кого-либо': *Өссө саллаат мин аҕабар майгынныыр* (Н. Лугинов) 'Еще солдат походил на моего отца'.

3. *Боһуоннаа-* 'походить, быть похожим на кого-то или что-либо': *Хабды атабын суола куурусса гиэнигэр боһуоннуур, арай түүлээх буолар* 'След куропатки походит на куриный, только бывает пушистым'.

4. *Боһуодьулаа-* 'походить, быть похожим на кого-либо': *Бу кыыл тайахха боһуодьулуур* 'Этот зверь походит на лося'.

5. *Тэннээ-* (от основы тэн равный, равноценный): *Поэт уйан сурэбин Чыгычаах сурэбэр тэнниибин* (Н. Босиков) 'Нежное сердце поэта Сравниваю с сердцем птички'.

6. *Ханыылаа-* соединять подобное с подобным; прикладывать к подобному (от *ханыы-* 'сходный, подобный, подходящий; сходность, сходство, пара, парность'): *Сааскылыы көбөрөр кэхтибэт үүнүүгүн Саһылбар, саарбабар ханыылыы саныыбын* (Эллэй) 'По-весеннему зеленеющий неувядающий твой урожай С лисой и сободем сравниваю я'.

7. *Дьүөрэлээ* (от *дьүөрэ* 'похожий, схожий, однотипный'). Имеет уподобительное значение 'делать похожим, схожим, парным, однотипным': *Улун атаба, куохайбыт синньигэс моонньо, тонсоллубут муруна кинини туруйа оботугар олус дьүөрэлиши онгорор* (И. Гоголев) 'Длинные ноги, вытянутая тонкая шея, торчащий нос делают его очень похожим на журавленка'.

8. *Бааралаа-* 'спаривать, соединять, сочетать в пару; делать одинаковым, равным, похожим' (от имени *баара, паара* одинаковый, равный; пара, парный заимствованного из русского языка): *Бастакы сибэккигэ бааралыы санааммын, кырачааммар, кыысчааммар Ньургунун диэн аат биэрэбин* (С. Омоллоон) 'С первым цветком сравнивая, своей малютке, своей дочурке даю имя Ньургусун'.

9. *Холоо-* 'сравнивать, уподобить с кем-чем-либо, считать за кого-что-либо': *Урут бөрөлөр суолларын сылгы, таба, киһи суолугар холуйар буолара* (Амма Аччыгыйа) 'Бывало, раньше он принимал волчьи следы за след коня, оленя, человека'.

10. *Санат-* (от *санаа-* думать, подумать, задумать) имеет значение напоминать: *Тыалы кытта кытыыспыт тымныы ардах бөдөн таммахтарынан туннуккэ сабаан барбыта харах уутун санаппыта* (Үргэл) 'Крупные капли холодного дождя в оконном стекле напоминали слезы'.

Микрополе ирреального сравнения для выражения ирреального сходства в якутском языке представляют также компаративные конструкции с послелогоми *курдук, дылы, кэриэтэ, саба*. Но при помощи данных компонентов сравнения вносится модальное значение кажимости и ирреальности действия.

Рассмотрим виды предложений, где наблюдаются различные типы ирреального сходства:

1) Предложения, где показатель *курдук* выражает кажущуюся достоверность высказывания и соответствует русским показателям *как будто, словно, вроде, кажется*. Такое значение встречается в следующих видах конструкций с *курдук*:

а) Конструкции, где показатель *курдук* является компонентом глагольного сказуемого и может при-

нять личные аффиксы: *Бэйэтэ өйүгэр онгорон көрөр дуу, араарбата. Ол дьон тугу эрэ хаһытыылылар, сарбаннаһаллар курдук* (Огдо) 'Воображает ли он, он не понял. Те люди как будто кричат, машут рукой'.

б) Конструкции, где показатель *курдук* присоединяясь к вспомогательным глаголам якутского языка *э-, буол-, -гын-*, также составляет сложное сказуемое: *Кыыс олус үөрбүт курдук этэ* 'Девушка была такой, словно очень обрадовалась'; *Кыыс олус үөрбүт курдук буолла* 'Девушка стала такой, словно очень обрадовалась'; *Кини тугу эрэ этиэх курдук гынан иһэн, мин диэки көрдө* 'Он собрался было что-то сказать и посмотрел на меня'.

в) Конструкции, где показатель *курдук* является компонентом обстоятельства образа действия, выраженном наречием, с глаголом сказуемым: *Кини кулуу гынар курдук туттар* 'Он держится так, словно насмехается'; *Кыыс соробор сөбүлүүр курдук майгыланар* 'Девушка иногда ведет себя так, словно симпатизирует'.

Кажимое сходство может выражаться и другими служебными частями речи: послелогоми *дылы* 'подобно' и *саба* 'равный'. Конструкции, где *дылы* «управляет дательным падежом причастия и образует аналитическую форму, где он выступает с причастием в роли сказуемого» [4. С. 285]: *Онтон тиийэн тохтоотулар, кини кулгаабар Ариан аппарат нөнүө тыынара улахан бабайытык иһиллэргэ дылы* (Мин маннайгы тапталам: кэпсээннэр) 'Подошли и остановились, ее ушам как будто было слышно, что Ариан через аппарат очень громко дышит'.

2). Второй вид ирреального сравнения — это высказывания, где описываются непересекающиеся ситуации. Первая понимается как реальная ситуация, вторая — как её целиком вымышленный образ, который необходимо соотнести с первым представлением. Такое значение встречается в сложноподчиненных предложениях с придаточными ирреального сравнения, где действие главного предложения с модальностью действительности сравнивается с ирреальным действием: *Ол кэнниттэн Чачыгыр Таас ойуун үс төгүл аат харата эрэ дүгүрүн охсон дэгэдьитэн дуугунатта уонна, торбон бөрө улуйан эрэрин курдук, иһин тугэбиттэн бэрт диринник дьөлө дьэһийэн, ингэһэлэх собуустук дьааһыйталаан ылла* (П. Ойуунускай) 'Затем шаман Чачыгыр Таас для вида загудел бубном, слегка ударив по нему три раза, и, издав глубокий и глухой звук, подобный тому как воеет голодный волк, несколько раз жадно зевнул'; *Табалар айаннаан сэгэдьийэн истилэр, ойуур тыа көһөн иһэрин курдук* (Амма Аччыгыйа) 'Олени продолжали бежать непринужденно, как будто кочует лес'; *Киһи чачайыан курдук дэлби та-*

бахтаабыттар (Күндэ) 'Они накурили так сильно, что человек наверняка задохнулся бы'.

3) Предложения, где сопоставляются две несовместимые, взаимоисключающие друг друга предмета, лица, события при видимой реальности эталона:

а) Конструкции с эталоном сравнения на *-лыы* с причастными формами: *Алампа «Ленский коммунар» хаһыаты, кыһыл илиитинэн чобу ылан эрэрди, дук-дах туттан арыйда* (Е. Неймохов) 'Алампа, словно берет уголь голыми руками, осторожно развернул газету'.

б) Конструкции с послелогом *саба* с причастными формами, где после *саба* обязательно присутствует вспомогательные глаголы *-санан* 'считать, полагать о себе', *буол-* 'быть, становиться' и др. Напр.: *Кини уөрүүтүттэн иккинин төрөөбүт саба буолла* 'От радости он стал таким, словно родился заново'; *Устунан, сууту куутэн, кэлтээгэй хамыйах курдук ханньары тартарда* (И. Лукачевский) 'Со временем, в ожидании суда, он стал похож на плоскую деревянную ложку'.

в) Сравнительный параллелизм, где одно конкретное, реальное действие сравнивается с другим, которое мыслится как ирреальное, неправдоподобное: *Ыт баһа кыһыл көмүс кытахтан үнкүрүйбүтүгэр дылы, оннук үчүгэй дьыалаттан тобо аккаастанна?* 'Подобно тому, как собачья голова скатилась из серебряной миски, зачем он отказался от такого хорошего дела?'

Подобного значения ирреальные сравнения часто встречаются в народном эпосе олонхо. В силу того, что гиперболизация является наиболее яркой отличительной чертой якутского эпоса, большинство

сравнительных эпитетов наделены крайне насыщенными, преувеличенными качествами. Особенно ярко это выражается в портретном описании богатырей-айыы (герой) и богатырей-абаасы (враг). Внешность богатыря наделена фантастической могущественностью, нечеловеческой силой: *Хастаабыт тиит курдук харылаах, бысталаабыт тиит курдук быччыннаах* (Кыыс Дэбилыйэ) 'Словно лиственница без коры, могучие руки имеющий, Словно лиственничные обрубки, плотные мышцы имеющий'. При описании богатырей-абаасы, их внешность намеренно наделается сравнениями, эталоном которых является что-либо некрасивое, неуклюжее или страшное: *Сыыр быстыбытын курдук сылластыгас сымыһахтаах, Аппа-дьапта курдук амаан-ньамаан айахтаах* (Кыыс Дэбилыйэ) 'Будто пригорок-оползень оторвавшийся, отвислая нижняя губа у него, Будто ложбина-расщелина безобразный рот-впадина у него'.

Таким образом, приведенный анализ показывает, что якутский язык обладает широким спектром выражения реального и ирреального сходства микрополя равенства. Установлено, что реальные и ирреальные сравнения в якутском языке могут выражаться при помощи одних и тех же показателей. Они формируют разные синтаксические конструкции, различные виды высказываний, становящиеся специальными способами выражения этих разных значений. Ирреальные сравнения вносят в текст яркость восприятия и являются интересным художественным приемом создания образности и художественной выразительности.

Список литературы

1. Васильев, Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю. И. Васильев. — Новосибирск: Наука, 1986. — 112 с.
2. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 677 с.
3. Кравец, О. В. Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук, 10.02.01. / Кравец Ольга Владимировна. — Таганрог, 2003. — 150 с.
4. Петров, Н. Е. Частицы в якутском языке / Н. Е. Петров. — Якутск: Кн. изд-во, 1978. — 298 с.
5. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб: Наука, 1996. — 264 с.
6. Убрятова, Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. 1. Простое предложение / Е. И. Убрятова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. — 304 с.
7. Харабаева, В. И. Микрополе неравенства категории компаративности в якутском языке // Северо-восточный гуманитарный вестник. — Якутск.: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — № 2. С. 72—77.
8. Харабаева, В. И. Ядерные средства выражения значения равенства функционально-семантической категории компаративности // Международный научно-исследовательский журнал. — Екатеринбург, 2018. — № 12. Часть 2. С. 193—196.
9. Харитонов, Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке / Л. Н. Харитонов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 312 с.
10. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. — М.: Сов. энциклопедия, 1972. — 606 с.
11. Radloff, W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen / W. Radloff. — St.-Pg., 1908.

Сведения об авторе

Харабаева Виктория Ивановна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Якутск, Россия. Stabilo.83@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 191—196.*

REAL AND UNREAL SIMILARITY WITHIN THE EQUALITY MICROFIELD OF THE COMPARATIVENESS CATEGORIES IN THE YAKUT LANGUAGE

V. I. Kharabaeva

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch, Yakutsk, Russia. Stabilo.83@mail.ru

The article analyzes the functioning of language units expressing the real and the unreal similarity and representing in the aggregate the microfield “equality” in the comparativeness categories based on the material of the Yakut language. The microfield of equality consists of two microfields of the second degree based on the difference of the objective content: the microfield of real similarity and the microfield of unreal similarity. Components expressing real similarity compare two phenomena, an object or a person, actually existing in objective reality and having real similarity. The unreal similarity is expressed through the correlation of a real event with the unreal, where comparative constructions serve to indicate the likening of actions to mainly surreal, conceivable, imaginary or apparent actions. The analysis shows that the Yakut language has a wide range of expressions of real and unreal similarity in the microfield of equality. It is established that real and unreal comparisons in the Yakut language can be expressed using the same indicators. They form different syntactic constructions, different kinds of statements, which become special ways of expressing these different meanings.

Keywords: *comparison, comparativeness, the Yakut language, the microfield equality, the microfield real similarities, the microfield unreal similarities, comparative constructions, postposition, nominal derivational models of comparative semantics.*

References

1. Vasil'ev, Yu.I. *Sposoby vy'razheniya sravneniya v yakutskom yazy'ke*. [Ways of expression of comparison in the Yakut language]. Novosibirsk, 1986. 112 p.
2. *Drevnetyurkskij slovar'* [Drevnetyurksky dictionary]. L., 1969. 677 p.
3. Kravec, O.V. *Funkcional'no-semanticheskoe pole komparativnosti v sovremennom russkom yazy'ke* [A functional and semantic field of a komparativeness in modern Russian], Taganrog, 2003. 150 p.
4. Petrov, N.E. *Chastitsy v yakutskom yazy'ke* [Particles in the Yakut language]. Yakutsk, 1978. – 298 p.
5. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Kachestvennost. Kolichestvennost* [Theory of functional grammar: Quality. Quantity]. SPb, 1996. – 264 p.
6. Ubryatova, E.I. *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazy'ka. Ch. 1. Prostoje predlozhenie* [Researches on syntax of the Yakut language. P.1. Simple sentence]. M.-L. 304 p.
7. Kharabaeva, V.I. *Mikropole neravenstva kategorii komparativnosti v yakutskom yazy'ke* [Microfield of an inequality of category of a komparativeness in the Yakut language]. *Severo-vostochny'j gumanitarny'j vestnik* [the Northeast humanitarian messenger], 2018, no. 2. pp. 72-77.
8. Kharabaeva, V.I. *Yaderny'e sredstva vy'razheniya znacheniya ravenstva funkcional'no-semanticheskoy kategorii komparativnosti* [Nuclear means of expression of value of equality of functional and semantic category of a komparativeness]. *Mezhdunarodny'j nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research magazine], 2018, Part 2, no 12. pp. 193-196.
9. Kharitonov, L.N. *Tipy' glagol'noj osnovy' v yakutskom yazy'ke* [Types of a verbal basis in the Yakut language]. M.-L. 312 p.
10. *Yakutsko-russkij slovar'* [The Yakut-Russian dictionary]. – M., 1972. – 606 p.
11. Radloff, W. *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen* [Yakut language in its relation to the Turkic languages]. – St.-Pg., 1908. 87 p.

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ю. П. Хорошевская¹, Л. П. Новикова², Г. И. Мясницев²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Рассматриваются принципы дистанционного образования с позиции лингвистической прагматики. Дается представление о речевой компетентности преподавателя, особенностях представления языковой картины мира в педагогическом процессе. Описываются четыре традиционные ситуации в процессе дистанционного обучения. Отмечаются трудности коммуникативного взаимодействия и особенности речевого поведения участников данного образовательного процесса. Описываются речевые особенности дистанционного обучения.

Ключевые слова: *скрытая прагмалингвистика, дистанционное обучение, речевое воздействие, русский язык в вузе.*

В данной статье мы рассмотрим вопрос об особенностях дистанционного обучения, в частности он-лайн занятий, с позиции речевого взаимодействия участников. С этой целью мы провели исследование — опрос педагогов Донского государственного технического университета и Южного федерального университета, имеющих соответствующий опыт работы. Результаты данного исследования и представлены в настоящей статье.

Основной гипотезой данного исследования является предположение о зависимости коммуникативного успеха преподавателя при дистанционном обучении от формы дистанционного обучения и методов организации речевого взаимодействия коммуникантов при этом обучении.

Начиная исследование, мы определили характер образовательной деятельности с точки зрения речевого взаимодействия ее участников. Мы полагаем, что образовательная деятельность носит характер диалога, при котором каждая из сторон сообщает коммуниканту определенные сведения [1].

Индивидуальность коммуникативного и речевого взаимодействия, таким образом, проявляется в выборе речевых средств выражения мысли каждым из участников.

Выбор речевых средств выражения идет двумя путями: осознанный ситуативный выбор, определяемый ситуацией общения, представлениями об уместности, достаточности и информативности средств выражения мысли. Второй путь —

неосознанный (автоматический) выбор средств выражения, присущий данному индивиду в данной типичной ситуации общения. Неосознанный выбор определяется речевым шаблоном, существующим в сознании говорящего и основанном на удачном и неудачном опыте индивидуального взаимодействия в сходных по внешним условиям и контексту ситуациям [2].

Отсюда, индивидуальное взаимообучение речевым и коммуникативным навыкам происходит постоянно в рамках речевого взаимодействия, за счет пополнения речевого опыта примерами удачной или неудачной коммуникации в заданных условиях, расширения состава коммуникативного инструментария или его функциональных возможностей.

В рамках данного рассуждения уместно привести цитату из лекции В. В. Курилова, прочитанной студентам 3 курса факультета филологии и журналистики Ростовского государственного университета в 2005 году: «Ни одна лекция не может быть повторена в одних и тех же условиях коммуникации. Каждый раз педагог выбирает другие слова, интонации и оттенки смыслов, чтобы предмет, о котором он говорит, был понят и прочувствован конкретными студентами».

Можно допустить использование терминов языковая и коммуникативная компетенция (компетентность), которые обозначают совокупность знаний, умений и навыков в области владения речью на профессиональном и риторическом уровнях

в различных ситуациях речевого общения. Среди факторов, обеспечивающих речевую компетентность, играет важную роль соблюдение речевой нормы [3].

Выявленные при этом регулярные «смещения» служат сигналами противоречий между индивидуальным и общественным восприятием языка в сознании индивида и социума [4].

Следует подчеркнуть, что логика тетрарного подхода требует методологически разграничивать норму литературного языка и норму речевого поведения, складывающуюся из владения литературным языком, приемами убеждения, риторическим опытом преподавателя. Речевое поведение педагога, хотя и стремится к литературному эквиваленту лингвистического идеала, подчинено контексту конкретной речевой и педагогической ситуации, зависимо от индивидуального восприятия языка, речи и дидактики. Объективно невозможно достичь идеального владения языком и речью в процессе образовательной деятельности в любом — традиционном или дистанционном процессах обучения [5].

Таким образом, речевая норма через речевое воздействие ратора-преподавателя составляет как информативную, так и референтную языковой картины мира, которая возникает в сознании людей и отражается в создаваемых ими речевых произведениях. Эти тексты в дидактическом дискурсе влияют на сознание обучающихся и трансформируются в знания, компетенции, а через практический опыт — в профессиональные навыки.

Индивидуальность выбора средств речевого взаимодействия с точки зрения функциональной прагмалингвистики, изучающей этот вопрос, предполагает следующие факторы:

- анализ речевой ситуации, ее уникальность, специфика;
- анализ воспринимающей аудитории;
- сопоставление совокупности первых двух факторов с базой знаний и опытом работы Выступающего;
- выбор подходящего инструментария для реализации выступления наилучшим образом.

Коммуникативный успех с функциональной точки зрения, по мнению И. В. Самариной [3], зависит от эффективности использования речевых средств и умения управлять коммуникативной ситуацией в процессе взаимодействия.

С точки зрения риторического канона, выступление лектора есть умение манипулировать вниманием аудитории и убеждать ее в правильно-

сти собственных тезисов [6—7]. Для этого ритор должен исходить не только из начальной оценки ситуации, но и из ее развития в процессе взаимодействия, то есть менять тактику выступления в ответ на реакцию публики.

С функциональной точки зрения, это предполагает импровизацию речевым инструментарием, умение выбирать доступные и верно воспринимаемые аудиторией приемы и средства речевого взаимодействия [8—10].

В условиях онлайн обучения происходит опосредованное взаимодействие педагога и аудитории. Нами было выделено четыре типичные функционально-коммуникативные ситуации:

1. Удаленное взаимодействие, при котором непосредственное аудиовизуальное общение реализуется техническими средствами (онлайн конференция).
2. Удаленное взаимодействие, при котором не реализуется непосредственного аудиовизуального общения, а аудитория лишь воспринимает Отправителя сообщения онлайн или в записи.
3. Удаленное взаимодействие путем непосредственного текстового общения онлайн.
4. Удаленное взаимодействие путем отсроченного текстового общения (пересылка подготовленного материала Отправителем и получение отклика после заданного временного периода).

Все эти ситуации неравнозначны с коммуникативной точки зрения и имеют свою специфику в рамках выбора речевых средств.

Мы полагаем, что выбор Отправителем речевых средств в ситуации № 1 сходен с выбором речевых средств при непосредственном общении, но при этом отсутствие непосредственного контакта с людьми, т. е. (выше написано полностью) наличие только визуализированного техническими средствами звука и изображения, накладывает определенный отпечаток на способность Отправителя свободно оперировать речевой коммуникацией. Отзывы преподавателей в большинстве (75% опрошенных из 45 имеющих опыт данной работы) содержали замечания о «непривычности» ситуации общения, определенном чувстве неловкости от отсутствия «живых людей», наличия определенной «стесненности» в выборе средств взаимодействия. Как показал опрос, важнейшее значение в эффективной коммуникации педагога и обучающегося имеет эмоциональная реакция на излагаемую информацию. Самые опытные педагоги отмечали, что при удаленном он-лайн обучении у них пропадает чувство «удовлетворения

от общения» со студентами и они не могут в процессе лекции «выбрать верный тон». Определение «верного тона» показало, что под этим выражением понимается стилистический выбор синонимичных форм и конструкций, обладающих одинаковым содержанием, но разной, в понимании педагога, объясняющей и мотивирующей силой.

Ситуация № 2 была охарактеризована как «театральное выступление», которое, по мнению большинства опрошенных педагогов (87%), предполагает не столько эффективную коммуникацию со студентами, сколько правильность изложения материала. В понимании участников опроса, данное взаимодействие сродни чтению вслух учебника и обладает низкой мотивирующей и объясняющей силой ввиду отсутствия непосредственного взаимодействия с аудиторией и невозможности корректировать изложение с учетом индивидуальных особенностей воспринимающей стороны. В этой связи отмечается, что лишь «врожденный актерский талант» позволяет активизировать работу принимающей информации стороны и достичь желаемого воздействующего эффекта. Поэтому выбор речевых средств основывается на представлении о достаточности и уместности раскрытия материала в заданных рамках видеозаписи. Требования к риторическому построению речи сводятся к логичности, непротиворечивости, наличию иллюстративного материала, в т. ч. невербального, интонационному разнообразию (наличию фразовых ударений в ключевых элементах изложения), единством темпа речи, четкости произношения и присутствию пауз между речевыми отрезками. При этом членение на отрезки понимается достаточно широко: членение на предложения, членение на смысловые части в соответствии с контекстом, пословное членение с вариацией продолжительности пауз между словами и предложениями. Эффективность выбора Отправителем речевых конструкций, относящихся к семантическому, синтаксическому и стилистическому оформлению речи, признается значительно ниже, чем при работе с визуализированной аудиторией в прямом эфире. Зато возрастает роль уровневого варьирования сложности содержательной части. По мнению педагогов, невозможность визуального контроля утомляемости аудитории требует большего разнообразия при изложении материала, информационных пауз и приемов, снижающих интеллектуальную нагрузку, например, апеллий к юмористической стороне предметного плана изложения, к бытовому опыту лектора и т. д.

Ситуация № 3 рассматривается преподавателями как формат частной переписки, своего рода письменного консультирования, где основной акцент делается на лаконичности, содержательности и исчерпывающем поставленном вопросе объяснении. При этом все особенности, связанные с воздействующим элементом текста на эмоциональном, познавательном и ином уровнях признаются несущественными или не стоящими внимания. Пользователи даже допускают возможность пренебрежения некоторыми правилами оформления письменной речи в пользу скорости ответа, краткости изложения, актуальности сообщения в данный отрезок времени. По словам преподавателей, работающих по этой технологии, процесс иерархического взаимодействия «педагог-обучающийся» в он-лайн переписке нивелируется, а сама речь с обеих сторон приобретает характер «технической справки», насыщенной аббревиатурами, сокращениями, терминами, криптологическими и диакритическими знаками, цифровыми и специальными кодами, сокращающими объем плана выражения, но повышающими содержательную насыщенность сообщения. Часто наблюдается отрывочность письменной речи, апелляция к уже имеющемуся или априорно предполагаемому знанию собеседника, причем, как знанию предмета образовательной беседы, так и знанию конкретики ситуации и личностного восприятия педагогом предмета разговора.

Ситуация № 4 рассматривается профессорско-преподавательским составом, имеющим опыт данной работы, как реализация существовавшей в 30—50-е гг. XX века практики «Народного университета». Сущность данной практики заключалась в удаленном обучении по переписке, когда зачисленному на программу обучения студенту, в письменной форме выдавалось задание, сопроводительные материалы, а консультирование, проверка знаний и иное взаимодействие происходило отсрочено, путем почтовых сообщений, пересылаемых в оговоренные учебным планом сроки. По мнению задействованных в программе педагогов, главная трудность общения состоит в невозможности оперативно направлять обучающегося, выстраивая и корректируя работу с ним для получения системных знаний по предмету. Отсутствие реалистичного общения и индивидуальная специфика восприятия письменной речи человеком создают определенные трудности в понимании обучающимся предмета и требуют значительных усилий по исправлению недочетов в работе. В результате удаленного обучения

по методу отсроченной переписки у обучающихся за счет неполного освоения курса или неверной интерпретации не полностью формируется база знаний, умений и навыков, а также не в полной мере осваиваются профессиональные компетенции. Так, например, обучающиеся по программам переподготовки «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): Теория и методика преподавания литературы и мировой художественной культуры в образовательных организациях» зачастую не видят принципиальной разницы в таких художественных направлениях, как рококо и романтизм. Анализ 30 % ответов на задания из 230 полученных, показал, что обучающиеся воспринимают формализованные описания в учебно-методической литературе как эклектичные и не могут их дифференцировать без специального пояснения педагога. Важно отметить, что выбор речевых средств в данном случае имеет принципиальную роль, поскольку позволяет учесть индивидуальные особенности конкретной аудитории, ее восприятия и раскрыть сущность изучаемого вопроса доступным образом без потерь во времени и качестве освоения материала.

Исследование особенностей дистанционного обучения с позиции речевого взаимодействия показало зависимость коммуникативного успеха педагога от конкретной коммуникативной ситуации, в которой находятся коммуниканты. Основными особенностями подобной коммуникации, влияющими на эффективность образовательного процесса и коммуникативный успех деятельности преподавателя, могут быть признаны:

1. Отсутствие прямого контакта педагога и обучающихся;
2. Непривычность ситуации, в которой находится преподаватель;

3. Невозможность немедленно реагировать на изменение коммуникативной обстановки;

4. Невозможность кооперировать опыт речевого взаимодействия с конкретной группой обучающихся ввиду отсутствия непосредственного взаимодействия и невозможности наблюдения непосредственной реакции на речедетельность педагога в ряде случаев.

Анализ особенностей дистанционного обучения показал зависимость успешной педагогической работы с точки зрения речевой коммуникации с удаленностью коммуникантов друг от друга. В связи с этим, можно говорить о наибольшей эффективности онлайн обучения в сравнении с другими формами обучения, поскольку близость данной формы обучения к традиционным формам образовательной деятельности позволяет минимизировать негативные эффекты среды, влияющие на коммуникативный эффект речедетельности педагога.

Отсюда можно сказать, что практика дистанционного обучения, ввиду рассмотренных особенностей данного вида образовательной деятельности, предполагает либо сочетание традиционных и инновационных (дистанционных) методов обучения, либо сведение образовательной деятельности в дистанционной форме к передаче информации и самостоятельной практике с закреплением полученных знаний в непосредственном опыте обучающегося без прямого и непосредственного участия педагога. Последняя форма обучения имеет крайне ограниченную сферу применения и может быть рассмотрена исключительно как удаленное консультирование и углубление уже существующих знаний, при котором эффект речевого воздействия преподавателя и его непосредственное участие в процессе обучения не так важны, как при первичном непосредственном обучении.

Список литературы

1. Леонтьев, А. А. Психологические особенности лектора. М.: Знание, 1981. — 80 с.
2. Матвеева, Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя // *Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. тр.* — Вып. 6. — Ростов н/Д, 2003. — С. 122—128.
3. Самарина, И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга своих» и «создание круга чужих» в политической коммуникации (прагмалингвистический аспект): Дисс. . канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. — 158 с.
4. Балли, Ш. Язык и жизнь. М.: Едиториал УРСС, 2009. — 232 с.
5. Темиргазина, З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар, 2002. — 218 с.
6. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и институтов. М., 2002. — 320 с.

7. Кобозева, И. М. Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (дата обращения: 11.04.2019)

8. Матвеева, Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Матвеева Галина Григорьевна. — СПб., 1993, — 20 с.

9. Моисеенко, Л. А. Речевое поведение авторов военных мемуаров и диагностирование их индивидуальных свойств: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моисеенко Лариса Александровна. — Ростов н/Д, 2000, — 16 с.

10. Нужнова, Е. Е. Прагмалингвистический аспект речевого поведения специалистов в области компьютерной техники: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Нужнова Елена Евгеньевна. Ростов н/Д, 2003, — 18 с.

Сведения об авторах

Хорошевская Юлия Павловна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Россия, Ростов-на-Дону. armaiti@sfedu.ru

Новикова Лидия Павловна — старший преподаватель кафедры «Русский язык», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия. spu-63.3.3@donstu.ru

Мясищев Георгий Игоревич, аспирант кафедры «Мировые языки и культура», Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону. georgy-2583@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 197—202.*

FEATURES OF DISTANCE EDUCATION IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: FUNCTIONAL-PRAGMALINGUISTIC ASPECT

Y.P. Khoroshevskaya

Southern Federal University Rostov-on-Don Russia. armaiti@sfedu.ru

L.P. Novikova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. spu-63.3.3@donstu.ru

G. I. Myasishev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia. georgy-2583@yandex.ru

The principles of distance education from the perspective of linguistic pragmatics are considered. The authors elaborate on the idea of the teacher's speech competence, the peculiarities of the representation of the language picture of the world in the pedagogical process. Four traditional situations in the process of distance learning are described. Difficulties of communicative interaction and features of speech behavior of participants of this educational process are noted. The speech features of distance learning are described. The choice of speech units forms speech behavior of the communicant. We provide a detailed description of the mechanism of evaluation of the functional impact of speech signals. It is emphasized that the mutual learning of speech and communication skills occurs permanently within the framework of speech interaction, due to the replenishment of speech experience with examples of successful or unsuccessful communication in the given conditions, the expansion of the communicative tools or its functionality.

Keywords: *hidden pragmalinguistics, distance learning, speech influence, epy Russian language at the University.*

References

1. Leont'ev, A.A. *Psichologicheskie osobennosti lekтора* [Psychological features of the lecturer]. M.: Znanie, 1981, 80 p. (In Russ.).
2. Matveeva, G.G. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя [On the question of speech strategies of hidden impact of the sender of the text on its recipient].

Lichnost', rech' i yuridicheskaya praktika: Mezhvuz. sb. nauch. tr [Personality, speech and legal practice: Interuniversity. coll.scienc. art.]. Vyp. 6. Rostov n/D, 2003, pp. 122-128. (In Russ.).

3. Samarina, I.V. *Kommunikativnye strategii «sozdanie kruga svoih» i «sozdanie kruga chuzhih» v politicheskoy kommunikacii (pragmalingvisticheskij aspekt)* [Communicative strategies “creation of own circle” and “creation of others ‘circle” in political communication (Pragmalinguistic aspect): Diss. . kand. Philo. science]: Diss. . kand. filol. nauk [dis. ... cand. philol. sciences]. Rostov-na-Donu, 2006, 158 p. (In Russ.).

4. Bally, Ch. *Yazyk i zhizn'* [Language and life.]. M., 2009, 232 p. (In Russ.).

5. Temirgazina, Z.K. *Sovremennye teorii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike* [Modern theories in Russian and foreign linguistics]. Pavlodar, 2002, 218 p. (In Russ.).

6. Klyuev, E.V. *Rechevaya kommunikaciya: Ucheb. posobie dlya universitetov i institutov* [Speech communication: Studies. manual for universities and institutes]. M., 2002, 320 p. (In Russ.).

7. Kobozeva, I.M. *Lingvopragmaticheskij aspekt analiza yazyka SMI* [Linguopragmatic aspect of media language analysis]. Rezhim dostupa: <http://evartist.narod.ru/text12/08.htm> (data obrashcheniya:11.04.2019) . (In Russ.).

8. Matveeva, G. G. *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikaciya social'nogo lica («portreta») govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of the social person (“portrait”) of the speaker] : dis. ... d-ra filol. nauk [dis. ... d-rs filol. sciences]: 10.02.19 / Matveeva Galina Grigor'evna. SPb., 1993, 20 p. (In Russ.).

9. Moiseenko, L. A. *Rechevoe povedenie avtorov voennyh memuarov i diagnostirovanie ih individual'nyh svoystv* [Speech behavior of authors of military memoirs and diagnostics of their individual properties] : dis. ... kand. filol. nauk [dis. ... kand. philo. sciences]: 10.02.04. Rostov n/D, 2000, 16 p. (In Russ.).

10. Nuzhnova, E. E. *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevogo povedeniya specialistov v oblasti komp'yuternoj tekhniki* [Pragmalinguistic aspect of verbal behavior specialists in the field of computer technologies] : dis. ... kand. filol. nauk [dis. ... kand. philo. sciences]: 10.02.19 / Nuzhnova Elena Evgen'evna. Rostov n/D, 2003, 18 p. (In Russ.).

11. *Russkaya grammatika* [Russian grammar], pod red. N. Yu. Shvedova . M., 1980, T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word-formation. Morphology], 789 p. (In Russ.).

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Шестакова¹, Л. П. Юздова²

¹Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия», Челябинск, Россия

²Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

В статье рассматривается неразрывность связи языковых явлений и человека как носителя языка, антропоцентризм анализируется с различных исторических ракурсов. Отдельное внимание уделено фразеологии как уникальному феномену, а также антропоцентрическому подходу к её изучению. Антропоцентричность текстов официально-делового стиля подвергается анализу через лексические и фразеологические единицы текста одного из жанров официально-делового стиля.

Ключевые слова: антропоцентризм, фразеология, концептуальный подход, фразеологизмы-транслаторы, грамматические фразеологические единицы.

К настоящему времени ученые, в частности лингвисты, внесли большое количество предложений относительно исследования языковых единиц. Особое распространение получил антропоцентрический принцип исследования языковых единиц, и это имеет под собой веские основания.

Антропоцентризм становится главным принципом современной лингвистики по причине изменения ракурса рассмотрения языка и речи, перехода от статического восприятия к восприятию динамики языковых процессов, обнаружения связанности их с реалиями жизни человека в мире.

Антропоцентризм, начиная с XIX века, является одним из важнейших направлений в исследовании лингвистики. Это динамично развивающееся направление исследования языковых явлений, в связи с безусловной связью языка и создавшим его человеком. Идеи о неразрывной связи человека и языка, выдвинутые В. Фон Гумбольдом и Э. Бенвенистом, получили своё развитие в трудах зарубежных и отечественных лингвистов [1, 2]. По мнению Ю. В. Дорофеева, «смена лингвистических приоритетов, разработка новых стратегий лингвистического поиска и привели к преобразованию сложившейся системы воззрений на язык и принципы лингвистических исследований и формированию новой научной парадигмы в лингвистике» [3. С. 302]. Это объясняется изменением ракурса рассмотрения тех или иных языковых фактов.

Антропоцентрическая парадигма предоставляет исследователям языка возможность изучать реальную картину мира, постигаемую ими через

призму восприятия действительности языковой личностью; человек с позиции антропоцентризма интерпретируется не только как носитель языка, но и как хранитель языковых традиций, языковой культуры, материальных и духовных ценностей целого народа, его предков. Языковая личность отражает мировоззренческие приоритеты этнокультурной группы, которые передаются генетически и в процессе социализации.

Современный антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях исторически обусловлен, он отражен еще в исследованиях В. Фон Гумбольда, Э. Бенвениста, а также в работах русских ученых XIX века. Идеи антропоцентризма, вслед за западными учеными, поддержали А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев.

Конец XX века ознаменован идеями о человеке, представляющем собой не одну концептуальную систему, отражающую воззрения целого народа, заключённую в организации языка, которая опосредованно представляет носителя языка, зависит от его представлений о мире. Эти представления формируются, передаются не столько из уст в уста, сколько благодаря наличию передаваемых из поколения в поколение письменных источников — свидетельств бытования и развития человека в определенные этапы развития истории. Антропоцентризм буквально насыщает все, чего когда-то касался человек, то есть человек есть субъект и объект, производящий рассматриваемые феномены, и всё это в первую очередь можно проиллюстрировать фактами языка.

Для современных лингвистических исследований становится важным изучение понятия «языковая личность». Языковая личность наделена возможностью создавать речевые произведения, в которых, в свою очередь, отражается весь накопленный ею коммуникативный опыт, а также национально-культурный прототип, закреплённый в языковой системе.

Итак, антропоцентрическая парадигма оформилась в лингвистике в конце XX в., в настоящее время она представляет собой несколько взаимосвязанных, однако отличающихся друг от друга ракурсов рассмотрения языковых единиц:

Первое направление исследований языковых явлений — *отражение индивида в языке*, трансляция его картины мира через языковые единицы.

Второе направление — коммуникативная лингвистика, которая отображает *коммуникативную ориентированность языковой личности*.

Важным ракурсом для когнитивной лингвистики — **третьего направления** — является *участие языка в процессе познания, то есть когнитивная направленность индивида*.

Основой для **четвертого направления** антропологической парадигмы послужила идея И. А. Бодуэна де Куртене о том, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов и особей, составляющих данное языковое общество», то есть утверждается приоритетность языка в самом человеке. Данное направление исследователь С. Г. Васильева предлагает назвать внутрисубъектной лингвистикой или теорией носителя языка.

В свете проблемы «Человек и язык» перед учеными стоит задача исследования трансляции картины мира человека через языковые единицы. Такой подход продиктован в первую очередь качественно новым, антропоцентрическим, или антропологическим пониманием текста.

Текст — это своего рода транслятор ментальности человека, в котором явления языка находятся в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью. Нельзя не согласиться с А. А. Уфимцевой, которая считает, что язык «представляет собой, казалось бы, неразрешимое противоречие, совмещающая в себе несовместимое, а именно объективное и субъективное. Язык — объективен, социален по своему назначению (как средство общения между членами общества) и по происхождению (как создание и творение общества); в то же время реальная жизнь языка проявляется только через индивида;

язык реально живет тогда, когда он присваивается говорящим субъектом» [8. С. 39].

Антропоцентрическая составляющая ощущается во всем, что связано с человеком. Менталитет человека, в целом система восприятия окружающего мира, его интерпретация основаны на антропоцентризме.

Антропоцентризм понимается как мировоззрение, которое и определяет человека как некую меру объектов окружающего мира. Антропоцентрический принцип исследования заключается в изучении объекта с позиции интерпретации этого объекта человеком.

Лексикологическая и фразеологическая теория до последнего времени оставалась бесчеловечной. «Человек — это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [7. С. 69], именно поэтому лингвистика на современном этапе ее развития должна иметь ориентацию на исследование антропоцентрического начала. Антропоцентрический подход к изучению лексикологии и фразеологии позволяет не только глубже осмыслить определенные категории, но и глубже познать феномен языка в целом.

В последнее время интерес исследователей-лингвистов привлекают различные направления изучения текста, среди которых наиболее малоизученным видится исследование антропоцентричности текстов официально-делового стиля. Деловая коммуникация на современном этапе развития общества занимает свое законное главное место, что, естественно, привело не только к увеличению объема письменной и устной деловой речи, но и к обновлению деловой коммуникации в целом, использованию в ней единиц и структур, воспринимаемых первоначально как отклонение от нормы.

Актуальность исследования текстов официально-делового стиля определяется экстралингвистическими факторами: официально-деловой дискурс в настоящее время занимает значительный объем коммуникации.

Применение антропоцентрического принципа в исследовании лексем и фразеологизмов в текстах официально-делового стиля предполагает не просто изучение значения единиц, их функционирования в пространстве текста, но и исследования информации, которую эти единицы могут дать о производителе текста. Официально-деловой текст как результат речевой деятельности человека показывает возможности отражения карти-

ны мира через призму сознания индивидуума, ограниченного законами и рамками определенного жанра.

Официально-деловой стиль — стиль, наделенный лексемами и фразеологизмами с выраженной функционально-стилистической окраской, отражающей необходимость обозначить принадлежность текста к определенному стилю и тем самым выразить отношение индивида к ситуации (*проект, закон, занимает площадь, платежное поручение*). Другая немаловажная характеристика официально-делового стиля — безличная форма высказывания, желание устранить индивидуальность.

С одной стороны, тексты официально-делового стиля содержат фразеологические единицы, практически не используемые в текстах других стилей (*акт гражданского (состояния), подписка о невыезде, кассационная жалоба, настоящим отвечаю на Ваше письмо от..., в соответствии с протоколом о взаимных поставках прошу Вас...*). Регулярное употребление подобных выражений, не имеющих синонимов, способствует точности речи, исключает разное толкование, устраняет индивидуальность.

Однако, с другой стороны, в текстах современного делового стиля отражается свободный характер высказывания мыслей, в текстах используются неологизмы, это тоже характеризует проявление антропоцентризма в этой сфере человеческой коммуникации.

В настоящее время язык деловой коммуникации метафоричен и идиоматичен, поскольку не лишен субъективности. Состав языка официально-делового стиля анализируется с точки зрения антропоцентрических принципов и концепции, ориентированных на изучение лексикологии и фразеологии в рамках «язык — культура», «человек — язык».

Такие стилеобразующие черты официально-делового стиля, как стремление к универсальности, стандартизованности, обезличенности конструкций и языковых единиц, на первый взгляд, исключают тексты официально-делового стиля из сферы интересов антропоцентрических исследований. Однако способ трансляции субъективной картины мира через языковые единицы в официально-деловом стиле находит свое отражение в устной разновидности данного стиля, в частности, в таком его жанре, как пресс-конференция. Устное официально-деловое общение — один из важнейших аспектов деловой коммуникации, передачи и приема важной информации, восприятия ее реципиентами.

Речевой жанр официальной пресс-конференции находится на стыке двух стилистических разновидностей: официально-делового и публицистического стилей. Данное мнение основано, с одной стороны, на сфере функционирования означенного жанра и характере передаваемой информации, с другой стороны. По форме реализации пресс-конференция — это встреча заинтересованных лиц, прежде всего, журналистов, с представителями государственных учреждений, общественных организаций и других структур, что подтверждает интеграцию двух стилей. Формат пресс-конференции интересен с позиции подачи важной общественно-значимой информации, стилистически разнообразно оформленной, что совершенствует качество коммуникации. В последнее время социум активно продвигается к демократическому стилю общения, к диалогу, который как раз и возможен в рамках пресс-конференции. Эта форма коммуникации в силу открытости и доброжелательности коммуникации достаточно эффективна, несмотря на выражение различных точек зрения, отсутствие единогласия.

Тексты официальных пресс-конференций на современном этапе развития лингвистики вводятся практику лингвистического анализа. В этом заключается научная новизна исследования. Выявлено, что на отбор средств языка влияют дискурсивные условия, интенция адресанта. Жанровый и речевой канон подвергается изменениям, зафиксированы отступления от канонов.

Анализ текстов пресс-конференций, нацеленных на представление важной официальной информации широкой массе реципиентов, — это один из способов изучения трансляции языковой картины мира в официально-деловом стиле. Таковыми, на наш взгляд, являются тексты пресс-конференций главы государства, премьер-министра, министров различных сфер, официальных представителей пресс-служб, руководителей различных ведомств, как на государственном, так и на местном уровне. Тексты выступлений, лежащие на стыке двух стилей, представляют собой систему интерпретацию окружающего мира в сфере деловых отношений и дают возможность проанализировать способы выражения внутри-субъектных реалий в языке.

Тексты пресс-конференций характеризуются, казалось бы, взаимоисключающими характерными чертами. С одной стороны, тексты пресс-конференций обладают высокой стандартизованностью, что характерно для официально-делового дискурса, среди стандартных элементов

такие, как стереотипные когнитивные структуры, образованные на основе жанровых канонов и устойчивых компонентов официально-деловой коммуникации, репрезентирующие устойчивые представления субъектов о характере речевого поведения в официально-деловой коммуникативной ситуации. Однако, с другой стороны, тексты пресс-конференций не всегда соответствуют требованиям официально-делового дискурса. Причина последнего — реализация необходимости достижения запланированного результата, коммуникативной цели пресс-конференции: создаваемый текст обладает в определенной степени публицистичностью, нацеленностью на адресата, на пробуждение в нем интереса к обсуждаемой проблеме, на выражение своей позиции и доказательство ее правильности. Коммуникативная цель может быть достигнута только при умелом варьировании средств официально-делового и публицистического стиля. Даже в случае если участник пресс-конференции ориентируется на каноны публицистического стиля, создаваемые им тексты считаются официально-деловыми, так как они используются в деловой коммуникации. Пресс-конференция — встреча официальных лиц (политических деятелей, представителей государственной власти и т. п.) с представителями прессы с целью информирования общественности по актуальным вопросам. Общение с представителями прессы — своего рода изменение общественного мнения, поэтому совершенно естественны отступления от канонов официальности. Естественно, что инициатор пресс-конференции является коммуникантом с более высоким статусом в силу большей информированности в обсуждаемом вопросе, и он должен найти «общий язык» с другими участниками коммуникации для достижения поставленной им цели. В текстах пресс-конференция ярко проявляется антропоцентричность.

Одним из репрезентативных способов выражения антропоцентричности в текстах официально-делового стиля является употребление лексем и фразеологизмов, характерных для монологических вступительных текстов официальных лиц, участвующих в пресс-конференциях.

Концептуальный подход к анализу данной категории языковых единиц позволяет выявить фразеологизмы-трансляторы ментальности конкретного представителя официальной власти, выступающего с официальной информацией на пресс-конференции.

Анализ текстов обращений Президента Российской Федерации В. В. Путина к гражданам на пресс-

конференциях (2017—18 гг.) позволил выявить когнитивный потенциал лексем и фразеологических единиц как средства характеристики личности.

Интерес с позиции принципа антропоцентризма представляют, в первую очередь, те лексемы, которые красной нитью проходят через все или практически все высказывания участников пресс-конференций. Так, например, лексема *прорыв* неоднократно используется Президентом РФ В. В. Путиным. Антропоцентрическая окрашенность этой единицы не вызывает сомнения: в военном деле прорыв — это этап наступления, в текстах пресс-конференций под прорывом подразумевается действие, которое кардинально улучшит состояние общества (Нам нужен *прорыв*. Пройти в новый технологический уклад). О неравнодушии говорящего свидетельствует единица *несуразица*, то есть нечто нелепое, несоответствующее ситуации. Лексема, имеющая характеристику разговорная, безусловно, — свидетельство отступления от канонов официальности.

Среди употребляемых фразеологизмов нами были выявлены антропокваликативные фразеологизмы, которые также позволили охарактеризовать личностные качества говорящего через призму текста его выступления.

Репрезентация спектра нравственных качеств личности происходит через использование фразеологических единиц различных лексико-семантических классов. Фразеологизмы официально-делового стиля специфичны, широко представлен класс грамматических фразеологизмов (*из области..., к вопросу о...*).

Несомненна адресность исследуемого текста и определенное отношение к аудитории говорящего благодаря частотности употребления фразеологических обращений (*дорогие друзья, уважаемые друзья*). Наличие и частотность употребления таких единиц позволяет говорить о стремлении к установлению и поддержанию контакта со слушателями, а также о желании создать доброжелательную атмосферу общения.

Кроме того, фразеологизмы: *как известно, таким образом, а значит, по сути, по последним данным, как водится в таких случаях, как правило*, носящие характер констатации общеизвестных фактов, — привносят в текст элемент уверенности в достоверности фактов и осведомленности реципиентов.

Необезличенный характер повествования (*считаю, что; полагаю, что; знаю, что; честно говоря*) демонстрирует причастность к теме выступления, правдивость изложения материала, отсутствие же-

лания отделиться от произносимой информации в системе «человек — язык».

Весь текст выступления пронизан фразеологическими единицами со значением пояснения (*то есть, для сравнения, имею в виду, как известно*), что демонстрирует стремление говорящего к правильному пониманию адресатом ключевых моментов выступления.

Разнообразны фразеологические единицы и с точки зрения структурно-семантического подхода. Нами выявлено семь групп фразеологических единиц.

Прежде всего, отметим группу фразеологизмов с темпоральным значением (*на тот момент, во время, до окончания, в начале, в течение, вплоть до, на протяжении*).

Продуктивность использования фразеологических предлогов со значением совместности (*наряду с; в том числе; не только, но и*) свидетельствует о стремлении автора текста не противопоставлять себя слушающим, а являться частью аудитории.

В ходе анализа выявлены фразеологизмы со значением цели (*с целью*) и значением уступки (*несмотря на, тем не менее*).

Группа фразеологизмов со значением условия представлена единицами *при условии, при желании, в лучшем случае, как минимум, за счет*. Они транслируют желание автора раскрыть различные варианты развития событий, что дает возможность самостоятельно делать выводы и не воспринимать высказывание как догму.

Стремление структурировать мысли и ход рассуждения выражается в употреблении фразеологических предлогов со значением очередности действий, доводов (*прежде всего, только что, в свою очередь*) и результата, обобщения (*в результате, в целом, в общих чертах*).

Присутствуют фразеологические единицы, подчеркивающие совместность усилий по решению проблем (*не будем терять времени, вы знаете*).

Таким образом, антропоцентрическое исследование фразеологических единиц в тексте пресс-конференции, находящемся на стыке двух стилей: публицистического и официально делового, — показало, что, несмотря на характерную для стиля абстрактность и объективности повествования, языковая личность отражена в тексте в полной мере. Представлены различные структурно-семантические группы, специфична репрезентация моральных качеств отдельной личности в рамках «человек — язык».

Безусловно, антропоцентрический подход продуктивен при исследовании любых лингвистических фактов, в частности при исследовании текстов официально-делового стиля.

Безусловно, антропоцентризм проявляется во всем, что связано с человеком. Система восприятия, интерпретации мира, окружающего человека, основываются на антропоцентризме. Антропоцентризм есть мировоззрение, определяющее человека как мерило объектов окружающего мира. Антропоцентризм как принцип исследования заключается в том, что объект изучается с учетом интерпретации его человеком. Бесспорна общая оценка лингвистики, высказанная Ю. Н. Карауловым: «Современная лингвистическая парадигма, будучи исторической, социальной, системно-структурной, психологической, остается тем не менее бесчеловечной...» (цитата по [Лебединская 1996: 11]). «Человек — это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики» [Попова 2002: 69], в связи с этим современная лингвистика должна быть антропоцентрически ориентированной. Антропоцентрический подход в лингвистических исследованиях, в частности при изучении лексикологии и фразеологии, позволяет понять феномен как лексикологии и фразеологии, так и языка в целом.

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. — Изд. 2-е, стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 448 с.
2. Гумбольдт, Вильгельм фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт [пер. с нем.]; сост. общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1985. — 451 с.
3. Дорофеев, Ю. В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики / Ю. В. Дорофеев // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: мат. XV Междунар. лингвистической конф. «Язык и мир». Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского, 2008.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.

5. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный; отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1991. — 238 с.
6. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.
7. Попова, Е. А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. — 2002. — № 3. С. 69—77.
8. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева; под ред. Ю. С. Степанова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 240 с.
9. Полный текст пресс-конференции Владимира Путина. — URL: <https://rg.ru/2018/12/20/polnyj-tekst-bolshoj-press-konferencii-vladimira-putina.html>
10. Большая пресс-конференция Владимира Путина. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/12/14/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-polnyj-tekst>

Сведения об авторах

Шестакова Екатерина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия», Челябинск. Россия. katja81-07@mail.ru

Юздова Людмила Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск. Россия. uzdovalp@cspu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 203—209.*

ANTHROPOCENTRISM AS A PRINCIPLE OF RESEARCH OF LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

E. V. Shestakova

*Military Academic Scientific Centre "Military Air Force Academy", Chelyabinsk Branch,
Chelyabinsk, Russia. katja81-07@mail.ru*

L. P. Uzdova

South Ural state University of Humanities and education, Chelyabinsk, Russia. uzdovalp@cspu.ru

The article describes the anthropocentric direction in the study of linguistic units on the example of lexemes, phraseological units of the Russian language, which provides an opportunity to study the real picture of the world, comprehended through the prism of the perception of reality by the linguistic personality. The author considers phraseological units in the text of press conferences, which are at the junction of journalistic and official-business styles. Despite the abstractness and objectivity of the narrative typical for the texts of press conferences, the linguistic personality is represented in them fully through various structural and semantic groups of phraseological units, the specificity of the representation of the moral qualities of the individual within the framework of the «man-language» relationship is reflected.

Keywords: *anthropocentrism, anthropocentric paradigm, phraseology, official business style, language personality.*

References

1. Benveniste, E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics] / E. Benveniste; per. s fr. / obshch. red.. vstup. st. i komment. Yu. S. Stepanova. Izd. 2-e. stereotip. M.: Editorial URSS. 2002. 448 p. (in Russ.).
2. Humboldt, Wilhelm von. *Yazyk i filosofiya kultury* [Language and Philosophy of Culture] / Vilgelm fon Gumboldt [per. s nem.]; sost. obshch. red. i vstup. st. A. V. Gulygi. G. V. Ramishvili. M.: Progress. 1985. 451 p. (in Russ.).

3. Dorofeyev, Yu. V. Antropotsetrizm v lingvistike i predmet kognitivnoy grammatiki [Anthropozettrizm in linguistics and the subject of cognitive grammar] / Yu. V. Dorofeyev // *Aktualnyye problemy sovremennoy kognitivnoy lingvistiki: mat. XV Mezhdunar. lingvisticheskoy konf. "Yazyk i mir". Tavricheskiy natsionalnyy un-t im. V. I. Vernadskogo*. 2008.
4. Karaulov, Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality] / Yu. N. Karaulov. M.: Nauka. 1987. 264 p. (in Russ.).
5. Kubryakova, E. S. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdeniye rechi* [The human factor in the language. Language and speech production] / E. S. Kubryakova. A. M. Shakhnarovich. L. V. Sakharnyy; otv. red. E. S. Kubryakova; AN SSSR. In-t yazykoznaniya. M.: Nauka. 1991. 238 p. (in Russ.).
6. Kubryakova, E. S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [The evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis)] / E. S. Kubryakova // *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*. M.: In-t yazykoznaniya RAN. 1995.
7. Popova, E.A. Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykoznaniya [Man as the fundamental value of modern linguistics] // *Filologicheskiye nauki*. 2002. no. № 3. pp. 69-77. (in Russ.).
8. Ufimtseva, A. A. *Leksicheskoye znacheniyе : printsipy semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical meaning: principles of the semiological description of vocabulary] / A. A. Ufimtseva ; pod red. Yu. S. Stepanova. 2-e izd. stereotip. M. : Editorial URSS. 2002. 240 p. (in Russ.).
9. *Polnyy tekst press-konferentsii Vladimira Putina* [The full text of the press conference of Vladimir Putin]. Available at: <https://rg.ru/2018/12/20/polnyj-tekst-bolshoj-press-konferencii-vladimira-putina.html/>
10. *Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina* [Big press conference of Vladimir Putin]. Available at: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/12/14/bolshaya-press-konferenciya-vladimira-putina-polnyy-tekst>

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ В СФЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ СИТУАТИВНОГО ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Н. Ю. Шнякина

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Настоящая статья примыкает к исследованиям форматов представления ситуативного знания. В работе используются термины «фрейм-прототип» и «фрейм-экземпляр», отражающие сопоставление типичных и обстоятельно обусловленных представлений о когнитивной ситуации. Соотношение между ними рассматривается в аспекте динамики речемыслительных процессов. Проведённый анализ позволяет сделать выводы о единстве категориального и языкового оформления представлений человека о ситуации.

Ключевые слова: *фреймовый анализ, фрейм-прототип, фрейм-экземпляр, категоризация, категориальная сетка, ситуативное знание, перцептивная ситуация*

1. Введение

Настоящая статья посвящена изучению ситуативного знания на базе языкового фрагмента; в качестве материала исследования выступают примеры объективации знаний о ситуации получения перцептивной информации, выбранные из корпуса немецкого языка DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart) [22]. Логика построения статьи отражена в следующей последовательности рассматриваемых вопросов: во-первых, что представляет собой отражённая в сознании когнитивная ситуация как ментальная единица; во-вторых, в чём состоит специфика применения фреймового анализа для её исследования; в-третьих, какие категориальные элементы образуют структуру типичного знания о ситуации; и, наконец, как они соотносятся с глобальной категориальной сеткой и поверхностной реализацией знания о конкретном, ситуационно обусловленном перцептивном акте.

2. Знание о когнитивной ситуации как ментальный конструкт

Процесс познания представляет собой когнитивный цикл, предполагающий движение от незнания к знанию и связанный с трансформацией перцептивно воспринимаемых данных в конструкты сознания. Чувственный уровень освоения действительности, включающий в себя ощущение и восприятие, является основой формирования концептуальной системы человека. Ощущение рассматривается как чисто физиологическая реакция на воздействие различных раздражителей; восприятие — как осознанный процесс, связанный

с обращением к предшествующему опыту и обработкой новой информации в соответствии с установленными категориями. Когнитивный цикл характеризуется динамичностью и повторяемостью: познавательные процессы протекают по определённому алгоритму от эмпирического до абстрактно-логического уровня обобщения. Результаты обработки информации находят своё выражение в речемыслительных процессах.

Каждый отдельный перцептивный акт представляет собой когнитивную ситуацию, отражённую в сознании в виде своеобразного ментального конструкта, содержанием которого является знание о ситуации приобретения сенсорной информации. Это знание обладает специфическими особенностями: динамикой, проявляющейся в осознании человеком изменений в сфере восприятия, и многомерностью, обеспечивающей континуальное отражение в сознании информации об участниках и обстоятельствах происходящего.

Знание о ситуации может быть вербализовано в слове, предложении, сверхфразовом единстве. В качестве минимальной единицы анализа в настоящей статье используется языковой фрагмент, состоящий из одного или нескольких предложений, описывающих когнитивную ситуацию. Данная языковая структура с учётом её семантического и грамматического оформления позволяет изучать вербализованный когнитивный процесс как особым образом организованный ментальный конструкт, включающий в себя набор категориальных смыслов.

В психологии и лингвистике существует большое количество работ, посвящённых изучению

форматов существования в мышлении знания о ситуации. Среди них «событийный концепт» [10; 15], «фрейм» [19; 23; 25], «скрипт» [27; 28], «сцена» [19], «сценарий» [28], «схема» [26]. Знакомство с упомянутыми работами позволяет уяснить соотношение между обозначенными терминами. Концепт является своего рода «зонтиковым» термином [4], используемым для изучения мыслительных структур различных типов; это ментальная репрезентация, входящая в концептуальную систему. В этом плане любая единица сознания человека может быть описана как концепт; другие понятия применяются для отражения специфики структурной организации различных типов знания и их характерных черт. Исследование ситуативного знания в настоящей работе опирается на понятие «фрейм», что предполагает анализ отражаемой в сознании перцептивной ситуации как совокупности типичного и нового знания.

3. Специфика применения фреймового анализа для изучения ситуативного знания.

Фреймовый анализ является одним из продуктивных методов, используемых лингвистами для изучения отражения в сознании различных информационных структур. В одних работах определяется место и значение теории фреймов для исследования языковых явлений [6; 13; 14], в других с помощью фреймового анализа изучаются различные виды текста [2; 3; 7], отдельные лексические группы языковой системы [1; 18], терминосистемы [24; 11; 17] и т. д. Предпринимаемое в статье описание примыкает к аналогичным исследованиям, представленным в работах [5; 16; 20], в которых фрейм понимается как вербализованная когнитивно-пропозициональная единица концептуальной системы.

Специфика применения фреймового анализа к ситуативному знанию на базе языкового фрагмента предполагает использование специальных понятий, введённых в научный обиход автором теории фреймов М. Минского. «Фрейм» образует центральное понятие и определяется как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [12]. Суть фрейма описывается следующим образом: «...человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путём изменения в ней отдельных частей сделать её пригодной для понимания более широкого класса

явлений и процессов» [12]. Фрейм, по мнению учёного, представляет собой сеть, состоящую из узлов (компонентов): суперординатных или верхних (чётко определённых, постоянно присутствующих при отражении ситуации) и субординатных или «низких» (факультативных), состоящих из вершин-терминалов («словов»), в которых отражены частные знания о ситуации [12].

Вариант фреймового анализа, используемый в настоящей статье, опирается на основные положения классической теории. Универсальность фрейма, предопределяющая концептуализацию новых сведений, является специфической чертой данного формата хранения знаний и позволяет рассматривать когнитивный процесс как сопоставление типичной и вновь воспринимаемой информации, иными словами, взаимодействие «фрейма-прототипа» и «фрейма-экземпляра». Для изучения ситуативного знания также важна структура фрейма: описанные М. Мински «верхний» и «низкий» уровни понимаются в работе как сферы опыта, соотносимые с процессами генерализации и спецификации понятий.

«Фрейм-прототип» является типичным представлением человека о ситуации определённого типа, неким стереотипом, закреплённым в сознании; это структура, включающая в себя возможную информацию, продиктованную ожиданиями. «Фрейм-прототип» организован как совокупность узлов, образующих своего рода «костяк» отражённой в сознании пропозиции и понимаемых как «верхний» уровень фрейма. Эти узловы компоненты являются категориальными обобщениями человеческого опыта и охватывают такие общие понятия как субъект, объект, пространство, время и т. д.

В сознании человека хранится множество «фреймов-прототипов», каждый из которых характеризуется определённым набором верхних узлов, детерминируемых типом ситуации. В процессе наложения актуально воспринимаемой информации на один из существующих фреймов происходит заполнение этих узлов конкретной информацией — одним из вариантов набора объективирующих их единиц, что способствует формированию «фрейма-экземпляра» и реализации его в предложении. М. Мински называет такую реализацию «поверхностно-семантический фрейм» и описывает её как комплексную информационную динамическую структуру, состоящую как минимум из двух связанных между собой компонентов пропозиции [12]. Обработка новой информации, таким образом,

осуществляется в опоре на знакомый фрейм, и концептуализация происходит в соответствии с его структурой: человек обращается к предшествующему опыту, дополняя хранящийся в сознании фрейм данными об актуальной ситуации.

Фреймовый анализ, таким образом, позволяет рассмотреть отражённую в сознании ситуацию как своего рода категориальную сетку, каждый элемент которой объективируется словами или их сочетаниями, варьируясь в зависимости от обстоятельств. Посредством выявления на языковом материале значимых элементов, анализа их лексического значения и истолкования общего смысла этих элементов на фоне цельного высказывания с учётом его прагматического потенциала представляется возможным выявление набора категориальных компонентов. Фреймовый анализ нацелен на установление взаимосвязи между ситуацией как элементом онтологической реальности, «фреймом-экземпляром» как когнитивной структурой, в виде которой этот элемент отражается в сознании человека, и её объективацией в форме языкового фрагмента.

4. Категориальные элементы ситуативного знания

Человек осознаёт действительность в соответствии с категориями, формирующими его концептуальную систему. Эти категории представляют собой значимые рубрики опыта, необходимые для оформления мысли и её вербального воплощения. Анализ тематически однообразных контекстов позволяет выявить набор категорий, типичный для структурирования знаний человека о когнитивной ситуации.

Категориальные компоненты, образующие структуру фрейма, обладают планом содержания и планом выражения: каждый из них имеет бесконечное множество языковых объективаций. «Фрейм-прототип» является опорной структурой, состоящей из обязательных верхних узлов — основных идей, отражающих членение ситуации определённого типа. «Фрейм-экземпляр» формируется на базе «фрейма-прототипа»: наряду с общими категориальными смыслами он включает в себя и их частные реализации, зафиксированные в языковом фрагменте.

Попытка выявления «верхних» узлов «фрейма-прототипа» перцептивной ситуации была предпринята в работе [21], описывающей субъект, объект, познавательное действие, инструмент, результат, пространство, время.

- **субъект:** *Er roch ihren zitronigen Duft, spürte die Nähe ihres Atems, als sie ihn beiseite nahm und sich an die Spüle stellte, das blitzende Küchenmesser in der Hand, das sie im Bauch einer schattenhaften Forelle begrub.*

- **объект:** *Wieder betrachtete ich sein Profil, ohne mich zu bewegen.*

- **познавательное действие:** *Auch der badische Rotwein schmeckt köstlich, die ersten beiden Flaschen sind im Nu ausgetrunken, eine dritte wird für uns geöffnet.*

- **инструмент:** *Während ihm der Duft vor sich hin garender Würste in die Nase stieg, betrachtete er das erstarrte Riesenrad, das unweit von ihm auffragte.*

- **результат:** *Wurst schmeckt mir besser als so ein Schnitzel.*

- **пространство:** *Über der gesamten Stadt liegt der leicht süßliche Geruch der Fischsoße Nuoc Mam, die in zahlreichen kleinen Betrieben entlang des Duong Dong Rivers produziert wird.*

- **время:** *Es ist dunkel unter dem Blätterdach, dumpf und feucht; im ersten Moment sehe ich Maria kaum.*

Данные категориальные компоненты представляют собой основные семантические роли и обстоятельства, вербализуемые автором языкового сообщения в процессе описания ситуативного знания, и могут быть выявлены в процессе фреймового анализа, нацеленного на определение набора верхних узлов.

Продемонстрируем логику проведения данной процедуры на следующем языковом фрагменте — поверхностной реализации «фрейма-экземпляра»: *Früh am Morgen, während wir auf den Beginn des Sportfestes warten, ist die Luft noch frisch, und von den verstaubten Büschen am Rand des Platzes weht ein Geruch nach Jasmin zu uns herüber.*

Первым этапом является выявление смысловых доминант на лексическом уровне: данная операция осуществляется путём деления высказывания на информационные блоки, включающие в себя значимые содержательные элементы — слова, за которыми закреплено усвоенное носителями языка лексическое значение. В рассматриваемом примере такими компонентами являются следующие слова и выражения: «früh am Morgen», «wir», «während wir auf den Beginn des Sportfestes warten», «am Rand des Platzes», «von den Büschen», «ein Geruch», «weht herüber», «Jasmin».

Второй этап предполагает интерпретацию семантического уровня путём выявления когнитивных признаков и соотнесение их с глобальными мыс-

лительными категориями. Активированные посредством слов структуры представляют собой ментальные единицы, признаки которых связывают частные понятия с общими. Направление анализа от семантического уровня языка к единицам сознания позволяет отразить наиболее значимые признаки и от них осуществить переход к более крупным форматам знания — к глобальной категориальной сетке и, соответственно, «фрейму-прототипу».

В процессе обобщения семантических признаков слов анализируемого языкового фрагмента можно выявить смысловые пары, в которых реализуются гиперо-гипонимические отношения, связывающие верхние узлы «фрейма-прототипа» и нижние узлы «фрейма-экземпляра»:

- wir — субъект познания;
- früh am Morgen — время;
- während wir auf den Beginn des Sportfestes warten — время;
- am Rand des Platzes — пространство;
- von den Büschen — пространство;
- Geruch — признак объекта;
- weht herüber — признак признака объекта;
- Jasmin — объект познания.

Заключительным этапом фреймового анализа является установление логических связей между отражёнными в языковом фрагменте элементами категориальной сетки. Атрибутивные отношения связывают компоненты «Geruch» и «weht herüber», а также «Jasmin» и «Geruch». Обстоятельственные отношения реализуются в парах «früh am Morgen» — «weht herüber», «weht herüber» — «während wir auf den Beginn des Sportfestes warten», «weht herüber» — «am Rand des Platzes», «weht herüber» — «von den Büschen».

Фреймовый анализ, таким образом, позволяет выявить смысловую структуру ситуативного знания, являющуюся, в свою очередь, основой обработки новой информации и речепорождения.

5. «Фрейм-прототип» и «фрейм-экземпляр» в аспектах генерализации и спецификации ситуативного знания.

Описание соотношения между глобальными мыслительными категориями и вербализацией конкретного ситуативно обусловленного перцептивного акта основывается на логических процедурах генерализации и спецификации, обеспечивающих процессы понимания и порождения речи. Генерализация предполагает движение от частного к общему и детерминирует процесс

понимания высказывания, то есть определяет направление мысли от индивидуальных языковых реализаций к глобальным категориальным смыслам. Спецификация связана с порождением предложения и представляет собой уточняющую операцию, детерминирующую структурирование и выражение частной информации на базе сформированных сознанием категорий бытия.

Развёрнутое объяснение процессам восприятия и порождения высказывания представлено в работе [8. С. 61]. Отдельные положения данной теории используются в статье для описания взаимодействия между «фреймом-прототипом» и «фреймом-экземпляром». Порождение речи рассматривается автором как движение сознания от некой размытой глубинной структуры к подходящему для языкового отражения ситуации фрейму. Эта структура, по мнению учёного, представляет собой «предсемантическую туманность» со «сгущениями» в виде прототемы и проторемы, которые трансформируются в тему и рему как две отдельные пропозиции. Рема понимается как содержательный корпус, включающий в себя знания о ситуации и её участниках и осознаваемый человеком в результате наложения на него соответствующего фрейма [9. С. 347—348]. Как пишет автор, «говорящий воспринимает ситуацию в терминах тех или иных фреймов, а это значит, что уже акт восприятия вызывает к жизни фреймы с их терминалами и, следовательно, потенциальными семантическими ролями» [9. С. 347]. Данная мысль представляется важной для объяснения соотношения знаний о типичной и новой ситуации.

Процесс порождения высказывания предполагает уровень восприятия ситуации, её концептуального структурирования, заключающегося в поиске подходящего фрейма и, наконец, языкового кодирования информации. В терминах фреймовой теории данный процесс может быть понят следующим образом. Смысловые узлы пропозиционального знания, образующие категориальную структуру ситуации, то есть актуализированный в соответствии с потребностями речевой ситуации «фрейм-прототип», в процессе языкового кодирования преобразуются в компоненты вербальной пропозиции, отражающей «фрейм-экземпляр». Слоты «фрейма-прототипа» являются отдельными единицами глобальной категориальной сетки, одновременно соотносясь с семами значений соответствующих слов, усвоенных носителями языка. Порождение высказывания осуществляется путём спецификации типичного знания в условиях отражения в языковом фрагменте деталей ситуации.

Иными словами, вербализация мысли предполагает движение от общего знания (категории) к частному (её членам), что проявляется в конкретизации категориальных узлов с помощью языковых средств. Реализующийся при этом набор слотов определяется ситуацией и речевыми намерениями коммуникантов; исходя из актуального положения дел, «фрейм-прототип» как бы «обрастает» деталями, отражающими элементы картины мира языкового коллектива, с одной стороны, и индивидуальные знания человека, с другой.

Процесс понимания, обеспечивающий переход от языкового уровня к уровню сознания, напротив, связан с генерализацией понятий. С позиций фреймовой семантики информационные структуры, содержащиеся в предложении и представляющие собой набор основных персонажей и обстоятельств, задействованных в описываемых сценах, являются нижними слотами фреймов, отражающими актуализированное в речи категориальное строение описываемой ситуации с учётом её актуального языкового оформления. Генерализация признаков концепта, вычленившихся на семантическом уровне путём обобщения информации, стоящей за слотами «фрейма-экземпляра», обеспечивает переход к категориальным узлам «фрейма-прототипа», содержательно соотносимым с глобальными мыслительными единицами человеческого бытия.

Таким образом, верхние узлы «фрейма-прототипа», с одной стороны, являются компонентами, входящими в глобальную категориальную структуру сознания, с другой стороны — связанными с поверхностной реализацией знания о конкретном перцептивном акте. Соотношение между «фреймом-прототипом» и «фреймом-экземпляром» объясняется включённостью частных представлений об основных рубриках человеческого опыта в систему единой категориальной сетки, наличие которой в сознании человека обеспечивает процессы речепорождения и декодирования высказывания. Существование людей в системе единых онтологических координат является главным условием их вербального взаимодействия.

6. Выводы

В сознании человека отражается всё многообразие окружающей его действительности. Возникающие при этом образы в зависимости от познаваемого объекта обладают значимыми характерными чертами. Зафиксированная в сознании когнитивная ситуация представляет со-

бой ментальную единицу — пропозициональную информационную структуру, обладающую динамикой и взаимосвязью входящих в неё частей — категориальных узлов, объективированных в языковом фрагменте. Эти узлы образуют своеобразный каркас высказывания в сознании и могут быть выявлены и описаны посредством фреймового анализа.

Фрейм представляет собой специфическую форму организации знаний человека, делящую его концептуальное пространство. Специфика фреймового анализа, применяемого в настоящей работе, заключается в выявлении структуры «фрейма-прототипа» на основе множества языковых контекстов. «Фрейм-прототип» представляет собой хранящуюся в сознании потенциально делимую типичную ситуацию, в которую входят неконкретизированные понятия, при любых условиях справедливые для ситуации. Восприятие и обработка нового ситуативного знания заключается в формировании «фрейма-экземпляра»: узлы «фрейма-прототипа» заполняются новой информацией, объективируясь лексическими средствами. Набор вербализованных узлов зависит от способа осознания человеком ситуации и понимается как система онтологически и функционально обусловленных ролей пропозиции, отражающих базовые когнитивные сферы.

При изучении принципов структурирования ситуативного знания в рамках фреймового анализа основным приёмом является генерализация как исследовательская процедура, заключающаяся в обобщении вербализаций «фрейма-экземпляра». Анализ языковых фрагментов, описывающих отдельные аспекты приобретения человеком знания о перцептивной ситуации, позволил выявить структуру «фрейма-прототипа». В результате ряда исследовательских действий, нацеленных на переход от уровня языковой объективации к категориальному каркасу высказывания, был определён набор основополагающих идей, среди которых субъект, объект, познавательное действие, инструмент, результат, пространство, время. Генерализация семантических признаков, стоящих за каждым значимым элементом высказывания, обеспечивает связь отдельных слов и сочетаний языкового фрагмента с глубинной категориальной структурой, существующей в сознании говорящего. Спецификация, напротив, детерминирует процесс порождения высказывания и предполагает движение от общих категорий мышления к детализированному представлению, выраженному в языковом фрагменте.

Генерализация и спецификация, таким образом, являются логическими процедурами, обеспечивающими взаимодействие общих и частных представлений человека, что обуславливает существование людей в рамках единых категориальных координат. Изучение содержания отражённого в сознании

фрагмента действительности путём выявления категориальных узлов фрейма является ключом к пониманию механизмов концептуализации ситуативного знания и устройства категориального аппарата человека в целом.

Список литературы

1. Бабушкина, О. Н. Фреймовый анализ оценочных фразеологизмов, характеризующих профессиональную деятельность / О. Н. Бабушкина // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. — 2011. — № 6. — С. 40—45.
2. Бурцева, О. И. Фреймовый анализ сказочного повествования (на примере сказки В. А. Жуковского «Сказка о Иване-Царевиче и сером волке») / О. И. Бурцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 7—2 (25). — С. 52—54.
3. Буторин, С. В. Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа-воспитания / С. В. Буторин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — Т. 12. — № 3—3. — С. 761—765.
4. Воркачёв, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачёв // Язык, сознание, коммуникация. — М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 24. — С. 5—12.
5. Громова, И. А. Когнитивные аспекты семантики юридического термина (на материале английской юридической терминологии) / И. А. Громова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. — Калининград: Калининградский университет, 1999. — С. 62—69.
6. Гусельникова, О. В. Возможности фреймового анализа / О. В. Гусельникова // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 5. — С. 29—32.
7. Евсюкова, Т. В. Фреймовый анализ стратегий блог-коммуникации / Т. В. Евсюкова, Т. М. Гермашева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2011. — № 1. — С. 126—132.
8. Касевич, В. Б. Когнитивная лингвистика: в поисках идентичности: монография / В. Б. Касевич. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 192 с.
9. Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология: монография / В. Б. Касевич // Актуальные проблемы современной лингвистики. — М.: Флинта: Наука, 2009. — С. 344—368.
10. Кручинкина, Н. Д. Когнитивный и языковой аспекты формирования событийных концептов / Н. Д. Кручинкина // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2. — 2010. — С. 27—33.
11. Мангова, О. Б. Фреймовый анализ полисемантической экономической терминологии / О. Б. Мангова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2008. — № 544. — С. 187—196.
12. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. — М.: Энергия, 1978. — 151 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134682&p=1>.
13. Некрасов, С. И. Значение теории фреймов в современной науке / С. И. Некрасов, Н. С. Молчанова // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. — 2009. — № 16 (71). — С. 13—17.
14. Никонова, Ж. В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж. В. Никонова // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2007. — Вып. 6 (50). — С. 229—234.
15. Печетова, Н. Ю. Интерпретация событийного концепта в медиатексте / Н. Ю. Печетова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. — 2010. — № 2. — Т. 7. — С. 144—149.
16. Рогачёва, Ю. Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Рогачёва. — Белгород, 2003. — 182 с.
17. Синелева, А. В. Фреймовый метод анализа структуры и содержания словарных дефиниций в терминологических словарях / А. В. Синелева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6—2. — С. 638—642.

18. Старостина, Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (ассоциативный анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Старостина. — Саратов, 2004. — 23 с.
19. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52—92.
20. Шведова, И. Р. Фрейм-когниотип «Деловое письмо» (на материале корреспонденции на английском языке) / И. Р. Шведова // V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: материалы Всероссийской научной конференции. 28—29 мая 2001 г. — Челябинск: Челябинский государственный университет, 2001. — С. 109—113.
21. Шнякина, Н. Ю. Опыт моделирования событийного концепта (на материале вербализованной ситуации ольфакторной перцепции): монография / Н. Ю. Шнякина. — М.: Флинта: Наука, 2017. — 184 с.
22. DWDS Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de/>
23. Kintsch, W. The representation of meaning in memory / W. Kintsch. — New York: Halsted Press, 1974.
24. Klyoster, A. The fragmentation of professional discourse / A. Klyoster, G. Galich // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — Т. 206. — С. 56—61.
25. Minsky, M. L. A framework for representing knowledge / M. L. Minsky // The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, New York. 1975. — P. 211—277.
26. Rumelhart, D. E. Schemata: the building blocks of cognition / D. E. Rumelhart // Theoretical Issues in Reading Comprehension. Hillsdale, New York: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. — 1980. — P. 33—58.
27. Schank, R. C. Dynamic Memory: A Theory of Reminding and Learning in Computers and People / R. C. Schank. Cambridge University Press New York. 1982. — 250 p.
28. Schank, R. C. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures / R. C. Schank, R. P. Abelson. Hillsdale, New York: Erlbaum, 1977.

Сведения об авторе

Шнякина Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и межкультурной коммуникации, Омский государственный педагогический университет. Омск, Россия. zeral@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 210—218.*

FRAME ANALYSIS IN THE STUDY OF SITUATIONAL KNOWLEDGE (ON THE BASIS OF THE GERMAN LANGUAGE)

N.Yu. Shnyakina

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. zeral@list.ru

The interaction of language and thought is a topical problem that opens some prospects for language study as a mental and social phenomenon. The way in which a person reflects information about the surrounding reality is conditioned by the general cognitive patterns and the rules for using language as a sign system. The study of the laws of the representation of human knowledge implies an appeal to the language fragment as a complex structure containing information about the categorical division of the world. This article adjoins to the research of the representational formats of situational knowledge, for which frame analysis is traditionally used. The terms “frame-prototype” and “frame-example” are used in the work. They reflect a comparison of typical and circumstantially conditioned ideas about the cognitive situation. The relationship between them is considered in the aspect of the dynamics of the speech-thinking processes, that is, in the logic of understanding and speech production. The presented analysis allows to arrive at a conclusion about the unity of the categorical and linguistic structuring of a person’s ideas about some perceptual situation.

Keywords: *frame analysis, frame-prototype, frame-exemplar, categorization, categorical net, situational knowledge, perceptual situation*

References

1. Babushkina, O.N. Frejmovyj analiz ocenочnyh frazeologizmov harakterizuyushchih professionalnyu deyatelnost [Frame analysis of evaluation phraseological units characterizing professional activity]. *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti* [Theoretical and applied aspects of the study of speech activity], 2011, no. 6, pp. 40–45. (in Rus.).
2. Burtseva, O.I. Frejmovyj analiz skazochnogo povestvovaniya na primere skazki V. A. Zhukovskogo Skazka o Ivane-Careviche i serom volke [Frame analysis of the fairytale narrative (on the example of the fairy tale by V.A. Zhukovsky «The Tale of Ivan-Tsarevich and the Gray Wolf»)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2013, no. 7–2 (25), pp. 52–54. (in Rus.).
3. Butorin, S.V. Frejmovyj podhod k analizu yazykovogo prostranstva nemeckogo romana-vospitaniya [Frame approach to German novel of education language analysis]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, T. 12, no. 3–3, pp. 761–765. (in Rus.).
4. Vorkachyov, S.G. Koncept kak zontikovyj termin [Concept as an «umbrella» term]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, Mind, Communication]. V.Krasnyh, A. Izotov (eds). Moscow, 2003. Vyp. 24. pp. 5–12. (in Rus.).
5. Gromova, I.A. Kognitivnye aspekty semantiki yuridicheskogo termina na materiale anglijskoj yuridicheskoy terminologii [Cognitive aspects of the semantics of a legal term (on the material of English legal terminology)]. *Kognitivno-pragmaticheskiye aspekty lingvisticheskikh issledovaniy* [Cognitive-pragmatic aspects of linguistic research]. Kaliningrad, 1999. pp. 62–69. (in Rus.).
6. Guselnikova, O.V. Vozmozhnosti frejmovogo analiza [Different techniques of frame]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2009, no. 5, pp. 29–32. (in Rus.).
7. Evsyukova, T.V., Germasheva, T.M. Frejmovyj analiz strategij blog-kommunikacii [Framing Analysis of Strategies for the Blog-Based Communication]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki* [Proceedings of higher educational institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences], 2011, no. 1, pp. 126–132. (in Rus.).
8. Kasevich, V.B. *Kognitivnaya lingvistika. V poiskah identichnosti* [Cognitive linguistics. In search of identity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2013. 192 p. (in Rus.).
9. Kasevich, V.B. Semantika. Sintaksis. Morfologiya [Semantics. Syntax. Morphology]. *Aktualnye problemy sovremennoy lingvistiki* [Actual problems of modern linguistics]. L. Churilina (eds.). Moscow, 2009, pp. 344–368. (in Rus.).
10. Kruchinkina, N.D. Kognitivnyj i yazykovoj aspekty formirovaniya sobytijnyh konceptov [Cognitive and linguistic aspects of forming of event-driven concepts]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Russian State University. I. Kant], 2010, no.2, pp. 27–33. (in Rus.).
11. Mangova, O.B. Frejmovyj analiz polisemanticheskoy ehkonomicheskoy terminologii [Frame analysis of polisemantic economic terminology]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2008, no. 544, pp. 187–196. (in Rus.).
12. Minsky, M. *Frejmy dlya predstavleniya znaniy* [Framework representing knowledge]. Available at: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134682>, accessed 10.10.2018. (in Rus.).
13. Nekrasov, S.I. Molchanova, N. S. Znachenie teorii frejmov v sovremennoj nauke [The value of frame theory in modern science]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosuniversiteta* [Scientific journal of the Belgorod State University], 2009, no. 16 (71), pp. 13–17. (in Rus.).
14. Nikonova, Zh.V. Frejmovyj analiz kak metod lingvisticheskogo opisaniya verbalnyh struktur [Frame-analysis as a method for description of verbal structures]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2007, no. 6 (50), pp. 229–234. (in Rus.).
15. Pechetova, N.Yu. Interpretaciya sobytijnogo koncepta v mediatekste [The interpretation of the event concept in a media text]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Amosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University n.a. M.K. Amosov], 2010, no. 2. T.7, pp. 144–149. (in Rus.).
16. Rogachyova, Yu. N. *Reprezentaciya frejma pamyat v sovremennom anglijskom yazyke na materiale glagolnoj leksiki: dis. kand. filol. nauk* [Representation of the frame «memory» in modern English (on the material of the verbal vocabulary)]. Belgorod, 2003. (in Rus.).

17. Sineleva, A.V. Frejmovyj metod analiza struktury i sodержaniya slovarnyh definicij v terminologicheskikh slovaryah [Framing method for analyzing the structure and content of dictionary definitions in terminological dictionaries]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University n.a. N.I. Lobachevsky], 2011, no. 6–2, pp. 638–642. (in Rus.).

18. Starostina, E.V. *Frejmovyj analiz russkih glagolov povedeniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Frame analysis of russian verbs of behavior (by material of associative reactions)]. Saratov, 2004. (in Rus.).

19. Fillmore, Ch. Frejmy i semantika ponimaniya [Frames and the semantics of understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in foreign linguistics. Issue 23. Cognitive aspects of language]. Moscow, 1988, pp. 52–92. (in Rus.).

20. Shvedova, I.R. Frejm-kogniotip Delovoe pismo na materiale korrespondencii na anglijskom yazyke [Frame-cogniotype «Business letter» (on the material of correspondence in English)]. *V Zhitnikovskiyeh chteniya: Mezhekulturnyye kommunikatsii v kognitivnom aspekte: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. 28-29 maya 2001* [V Zhitnikovs reading: Intercultural communication in the cognitive aspect: materials of the All-Russian scientific conference. May 28-29, 2001]. Chelyabinsk, 2001, pp. 109–113. (in Rus.).

21. Shnyakina, N.Yu. *Opyt modelirovaniya sobytijnogo koncepta (na materiale verbalizovannoj situacii ol'faktornoj percepcii)* [The experience of modeling the event concept (on the basis of the verbalized situation of the olfactory perception)]. Moscow, Flinta: Nauka, 2017. 184 p. (in Rus.).

22. *DWDS Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. <https://www.dwds.de/> (in German)

23. Kintsch, W. *The representation of meaning in memory*. New York, 1974. (in English).

24. Klyoster, A., Galich, G. The fragmentation of professional discourse. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2015, V. 206, pp. 56–61. (in Engl.).

25. Minsky, M.L. A framework for representing knowledge. *The Psychology of Computer Vision*. McGraw-Hill, New York, 1975, pp. 211–277. (in Engl.).

26. Rumelhart, D.E. Schemata: the building blocks of cognition. *Theoretical Issues in Reading Comprehension*. Hillsdale, New York: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1980, pp. 33–58. (in Engl.).

27. Schank, R.C. *Dynamic Memory: A Theory of Reminding and Learning in Computers and People*. Cambridge University Press, 1982. (in Engl.).

28. Schank, R. C., Abelson, R. P. *Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures*. Hillsdale, New York: Erlbaum, 1977. (in Engl.).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

А. А. Яковлев

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Статья посвящена анализу методологических основ понятия «языковое сознание» и их следствий. Важнейшими гносеологическими моментами, которые должны быть приняты во внимание для непротиворечивого изучения языкового сознания, являются активный и пристрастный характер отражения мира в сознании человека. Формулируются четыре методологических принципа, лежащих в основе экспериментального изучения языкового сознания.

Ключевые слова: языковое сознание, методология лингвистики, методология психолингвистики, личностный смысл.

Вводные замечания

Изучению языкового сознания посвящено множество работ (в основном психолингвистических) от статей до монографий. Примечательно, что оно получило широкое распространение в российской науке и почти не используется в зарубежных публикациях. Но, несмотря на распространённость этого понятия, далеко не каждый автор чётко выражает свой взгляд на ту методологию, которая им применяется для изучения языкового сознания.

Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы разобраться с этим вопросом, а именно: какие свойства языка и каким образом отражаются в содержании понятия «языковое сознание»?

Различные подходы к языковому сознанию

Как правило, исследователи языкового сознания (далее — ЯС) исходят из такого его понимания, согласно которому ЯС является частью сознания, выражаемой языковыми средствами. Наибольшая трудность, возникающая при такой интерпретации ЯС, состоит в определении границы между языковым и «остальным» сознанием. Тем не менее, многие авторы кладут в основу даваемых ими определений ЯС именно это его толкование. Например, в монографии З. Д. Поповой и И. А. Стернина читаем: «... **Языковое сознание** — это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и — добавим, что очень важно — **хранение языка в сознании**. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [5. С. 45—46].

Почти то же самое пишет Е. С. Кубрякова: «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, — только часть сознания в целом, точно так же, как мышление — только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании (их нередко связывали в советском языкознании с так называемым «речевым мышлением»)» [3. С. 28].

Схожие суждения высказывает Е. В. Дзюба, определяя ЯС как один из видов познавательной деятельности. Язык при этом становится, с одной стороны, инструментом и механизмом познания вообще, с другой стороны, средством «овнешнения», вербализации знания [1. С. 13]. Хотя автор характеризует ЯС как деятельность, разграничивает ЯС и языковое мышление, тем не менее, указывает вслед за И. А. Стерниным, что ЯС является свойством мозга, а не деятельностью [Там же]. Автор приходит к точке зрения, близкой З. Д. Поповой и И. А. Стернину: «... Под **когнитивным сознанием** понимается система знаний и представлений человека о мире, сформированная в результате не только вербального, но также авербального типов мышления; **языковое сознание** трактуется как такая область лингвоментального мира человека, которая объективирует в виде вербальных единиц когнитивное сознание» [Там же. С. 38—39].

Весьма распространённым является определение ЯС, данное Н. В. Уфимцевой и Е. Ф. Тарасовым: «Языковое сознание — это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А. Н. Леонтьеву, — это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные

образы — это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [11. С. 20]. Примечательно, что в более ранней работе Е. Ф. Тарасов почти такое же определение даёт языковой картине мира: ««Языковая картина мира» — это представление о мире, знания о котором во внешней форме зафиксированы при помощи языковых и неязыковых знаков» [12. С. 7]. На наш взгляд, это определение лишь очерчивает предметную область, охватываемую данным понятием, но не содержит в себе той закономерности, которой подчиняются описываемые явления. А общеизвестно, что понятие должно содержать в себе ту главную закономерность, которой подчиняются охватываемые понятием явления. «...Определение какого-нибудь явления в соответствующем понятии и формулировка основной зависимости, которой это явление подчиняется, совершаются заодно: закон, которому данное явление подчиняется, включается в его определение» [8. С. 124].

Чтобы подчеркнуть ту закономерность, которая заложена в понятие «языковое сознание», мы бы дали этому ему следующее определение: **языковое сознание — это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов.** Можно охарактеризовать ЯС как понятие, фиксирующее особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определённых (т. е. фиксируемых теорией) внутренних и внешних факторов. Внешними факторами являются взаимодействия этих людей с явлениями действительности, внутренними — акты эмоционально-личностного переживания ими этих явлений действительности.

Как бы ни определять ЯС, следует отдавать себе отчёт в том, что это научное понятие, т. е. научная абстракция, в обобщённом виде фиксирующая некоторые факты языка. ЯС является не самими этими фактами, а теоретической моделью их основных свойств и закономерностей изменения.

Общие методологические вопросы изучения языка как достояния человека

Исследование ЯС, на каком материале оно ни проводилось бы, должно быть основано на определённой концепции языка. Исходя из приведённых выше точек зрения, ЯС обычно связывается

с языком как достоянием человека (рассматривается психолингвистически), следовательно, лежащая в его основе концепция языка должна объединять в себе обобщённые теоретические модели языка как одной из форм индивидуального сознания. Вместе с тем социальную онтологию языка не следует игнорировать. Поэтому лежащая в основе исследований ЯС концепция языка должна объединять и язык как индивидуальное явление, и язык как явление социальное.

Таковой является концепция Л. В. Щербы [13], дополненная и развития А. А. Залевской [2]. Согласно их идеям, язык существует в четырёх формах, или аспектах: языковая организация, языковой материал, речевая деятельность, языковая система. При этом между аспектами языка нет чётких границ, они всё время взаимодействуют друг с другом, переходят один в другой, являясь **континуумом**. И поскольку языковой материал является социальным по своей природе (совокупность говоримого и понимаемого в некоторую эпоху), а языковая организация и речевая деятельность — индивидуальными, то вся совокупность языковых аспектов может быть охарактеризована как личностно-социальный (или социально-личностный) континуум языковых явлений. Эта концепция языка схематически показана на рис. 1.

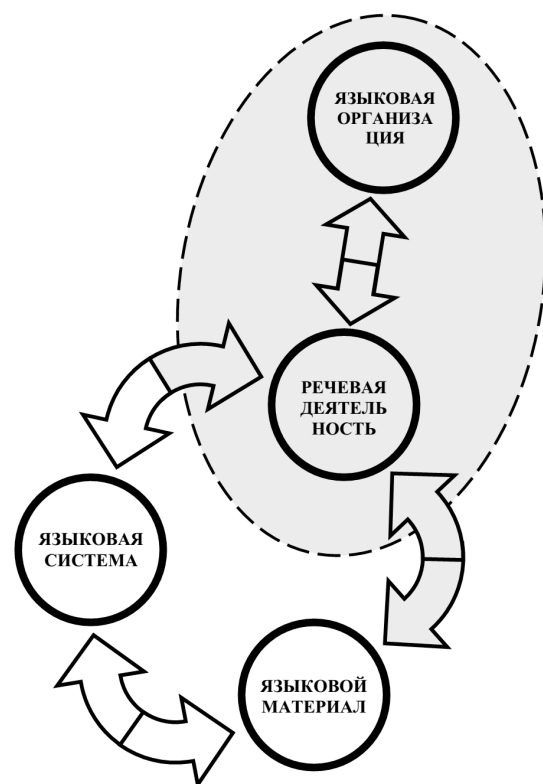

Рис. 1. Личностно-социальный континуум языковых явлений Щербы — Залевской

Собственно язык как достояние человека (языковую организацию, по Л. В. Щербе) можно определить следующим образом: открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения.

При таком взгляде на язык он не является автономной системой, развивающейся по своим собственным законам, в отрыве от других систем психических и социальных процессов.

Другим существенным пунктом в такой концепции языка является необходимость изучать язык как достояние человека (речевую деятельность и языковую организацию) экспериментальными методами. Это обстоятельство связано с тем, что индивидуальное сознание человека (одной из форм которого является языковая организация) может быть познано только через продукты его деятельности. Говоря проще, для изучения форм индивидуального сознания необходимо поставить его субъекта в определённые условия и «заставить» осуществлять некоторую деятельность, по результатам которой можно будет судить о сознательных явлениях и процессах.

В таком случае возникает ряд гносеологических проблем, которые следует учитывать. Дело в том, что каждый акт активности сознания ставит его в новое состояние, а по результатам этого акта можно заключить лишь о состоянии сознания, предшествовавшем ему. И об этом новом состоянии сознания можно узнать тоже только через продукты активности сознания: нужно вновь «заставить» сознание осуществить акт деятельности. Но в результате этого акта сознание вновь окажется в новом состоянии, о котором можно что-то узнать по результатам активности, и так далее до бесконечности.

Это же обстоятельство характерно и при изучении языка как достояния человека (его языковой организации). Для этого необходимо поставить человека в известные условия, в которых он будет использовать то или иное слово (в широком смысле), а по результатам такого использования в заданных условиях можно сделать выводы о характеристиках слова.

Аналогией здесь может служить изучение элементарных частиц: о некоторой частице (её координаты, например) можно узнать, направив в неё другую частицу. Зная, как и насколько отклонилась эта вторая, можно понять свойства первой части-

цы, но нельзя будет точно сказать что-либо о её новых свойствах (координатах), для этого в неё снова нужно направить другую частицу, и так до бесконечности.

Язык как форму сознания следует изучать только с учётом активного характера сознания. Для этой цели не подходит анализ языковой системы — комплекса научных конструктов. Не подходит и анализ текстов, поскольку они зависят от ситуации их использования, которая далеко не всегда в них самих представлена. Тексты (т. е. языковой материал, по Л. В. Щербе) обычно лишены определённой конкретной обстановки в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, в рамках которой они были порождены [13.С. 26]. Будучи порождённым в момент A и в условиях B, C, D , языковой материал изучается в момент A' и в условиях B', C', D' . При этом нельзя гарантировать, что эти вторые условия не вносят дополнительного смыслового наполнения языковой материал (говорящий/слушающий в условиях B', C', D' мог вкладывать в высказывание иной смысл, нежели в условиях B, C, D , не говоря уже об интерпретации этих смыслов учёным). Поэтому исследование языка как достояния человека должно опираться, в первую очередь, на специально организованный эксперимент, когда группа людей поставлена в относительно одинаковые условия, т. е. сторонние факторы сведены к минимуму или «направлены», учтены, организованы техникой эксперимента. Тогда результат исследования будет содержать не все и любые характеристики объекта и способы познания, а лишь те, которые согласуются с целью исследования; от остальных можно абстрагироваться, они не будут значимы. Анализ текстов, конечно, может иметь место и вполне целесообразен, но только при учёте этих обстоятельств, т. е. при учёте человеческого фактора.

Такой путь познания заставляет различать реальные факты языка и их теоретические обобщения, лежащие в основе определений и законов теории. Изучая язык с непротиворечивым учётом человеческого фактора, невозможно говорить о познании фактов языка как существующих «объективно», т. е. вне, до и независимо от сознания человека.

Методологические вопросы экспериментального изучения языкового сознания

Поскольку ЯС отражает определённые закономерности изменения языка как достояния человека в зависимости от внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов, то целесообразно настаивать на его изучении именно с применением

экспериментальных методик. Выявление общих закономерностей ЯС требует обращения к индивидуальным сознаниям людей, по результатам которой и с учётом внешних условий (которые возможно учесть) делаются выводы.

Однако невозможно обходиться изучением одного индивидуального сознания (точнее, конечно, продуктов его деятельности), а полученные результаты распространять на какую-либо группу людей, в пределе — на всех носителей данного языка (лингвокультуру). Необходимо проводить эксперимент с группой человек, с чем связан ещё один методологический момент: нельзя (или не всегда допустимо) говорить об особенностях ЯС «вообще» — безотносительно к «внешним» характеристикам группы испытуемых, участвующих в эксперименте. Иными словами, следует знать и учитывать, кто эти испытуемые (далее — Ии.); распространение результатов, полученных на одной группе Ии., на другие группы или вообще на весь языковой коллектив неправомерно (или возможно как частный, особый случай). Следовательно, не существует такой вещи, как «ЯС вообще» или «такая-то закономерность в ЯС вообще»; существует только «ЯС студента», «ЯС слесаря» и т. п. Невозможность переноса закономерностей ЯС, выявленных в одной группе носителей языка, на другую группу создаёт необходимость говорить о ЯС только в понятиях относительных и вероятностных.

В данном случае при объяснении закономерностей ЯС невозможно говорить о характеристиках конкретного слова в сознании конкретного человека, так как реально работа идёт с группой людей. Необходимо говорить о большей или меньшей **вероятности** обнаружить те или иные характеристики данного слова и результат выводить не из одного, а из множества наблюдений. Нельзя ничего сказать однозначно о характеристиках некоторого слова, можно сказать лишь, что во всей совокупности выявленных его характеристик имеются такие-то тенденции, которые более или менее вероятны при таких-то условиях, но никогда сумма их вероятностей не равна 100%. По этой же причине невозможно однозначно говорить об отношении конкретного человека к обозначаемому данным словом предмету или явлению. Можно лишь сказать о большей или меньшей (но никогда не абсолютной) вероятности такого его отношения.

При этом можно определить только средние значения, характеризующие всю совокупность наблюдений или единиц полученного материала,

но не позволяет говорить однозначно о каждой такой единице. Если для примера взять ассоциативный эксперимент, то относительно его результатов нельзя ставить вопрос: «Кто из Ии. на такой-то стимул дал такую-то реакцию?» Следует ставить вопрос: «Сколько Ии. на этот стимул дали эту и схожую с ней по некоторым критериям реакцию?» Невозможно предсказать поведение отдельного индивидуума или слова рассматриваемого комплекса, возможно предсказать лишь **вероятность** того, что он (оно) будет вести себя некоторым определённым образом. Эта вероятность будет большей или меньшей в зависимости от некоторых условий, но никогда не стопроцентной. Вероятностный подход подразумевает интерпретацию результатов с позиций статистических закономерностей, которые могут применяться только к большим совокупностям, но не к отдельным индивидуумам, образующим эти совокупности. Иначе говоря, такие законы относятся не к одной индивидуальной системе (языковой организации), а к совокупности идентичных систем. Они подтверждаются измерениями не над отдельными элементами совокупности, а лишь серией повторных измерений.

Такой подход к познанию лежащих в основе ЯС языковых фактов требует переосмысления того, что отражается в соответствующем теоретическом понятии. В ЯС как понятии теории отражаются не непосредственные характеристики индивидуальных сознаний и ментальных лексиконов, а теоретические модели зависимостей этих характеристик от разных факторов, которые (характеристики) выражаются в слове.

На примере свободного ассоциативного эксперимента (далее — САЭ) это происходит следующим образом. Человек сталкивается с предъявленным словом и данная им реакция как бы экранирует акт взаимодействия его сознания с предметом действительности: в реакции налицо нечто, обусловленное сознанием, и нечто, обусловленное предметом (стимулом). Имеются, таким образом, два взаимодействующих объекта, потенциально обладающих бесконечным числом признаков, часть из которых откладывается «в осадок» в виде реакции. При включении в эту систему наблюдателя, субъекта познания, она предстаёт в качестве взаимодействия объектов, у которых активностью субъекта познания выделены лишь некоторые проявляющиеся в акте взаимодействия функциональные признаки. Включение такой ситуации с потенциально бесконечным числом признаков

и свойств в определённом образом организованный эксперимент (акт познания с неотъемлемым для него субъектом познания) превращает её в объект с ограниченным числом выделенных функциональных, т. е. участвующих в экспериментальной процедуре признаков. Это позволяет сконцентрироваться на систематических наблюдениях, а не на случайных: специально подбирая слова-стимулы и задействованных людей, можно «вынуждать» систему проявлять интересующие исследователя свойства и признаки и исследовать их характер. Это всё даёт возможность рассматривать ЯС одновременно и как реально существующий объект, отдельный от каждого индивидуального сознания, и как комплекс взаимосвязанных характеристик индивидуальных сознаний, **регулярно** проявляющихся в речевой деятельности.

Для психолингвистики элементами познаваемой реальности выступают речевые действия, акты взаимодействия сознания деятельной личности с миром, или, уже, с деятельной личностью учёного, с «измерительными приборами», т. е. со способами познания речевых действий, с теорией. Коль скоро язык изучается как особая форма сознания, а сознание манифестирует самоё себя в деятельности, в активности, то объектами познания при изучении языка как достояния человека всегда являются процессы (реализации сознания в речи). И это накладывает существенные ограничения на языковые явления в смысле их изучения «как таковых», помимо самого акта наблюдения, познания (взаимодействия познаваемой и познающей личности). Проще говоря, «как таковые», вне их связи с актом и способом познания языковые явления не существуют.

Тогда возникает онтологический вопрос: «Если системообразующим фактором сознания является деятельность и её цель, а ментальный лексикон формируется под влиянием отражённых в сознании результатов актов речевой деятельности, то что отражается, уже как бы вторично и в искусственных условиях, в САЭ?» На него можно дать следующий ответ: средние итоги этих результатов актов общения, некоторый обобщённый образ той гипотетической ситуации, которая вынуждает связывать одну единицу ментального лексикона с другой для порождения гипотетической фразы. Точнее, конечный продукт такого связывания, по которому, тем не менее, нетрудно восстановить характер связи и даже в ряде случаев особенности образа ситуации.

Сознание отдельного индивида целостно и уникально и реализует, манифестирует себя всякий раз

в уникальном поступке (в речевом действии), а процесс и результат наблюдения за множеством индивидуальных сознаний интерпретируется и обобщается личностью учёного (или личностями учёных) с позиций его собственных знаний (теории) как характеристика самого объекта наблюдения и познания. Способы и средства наблюдения и обобщения результатов не входят сами по себе в результат познания, они не часть объекта познания, их роль сводится к тому, что разные способы наблюдения объекта дадут разные результаты, выявят разные характеристики объекта (при одних целях исследования такой разницей можно пренебречь, концентрируясь на сходствах результатов, а не различиях, при других — нет). Поэтому эти способы и средства входят в итоговое знание обобщённо и косвенно, а именно — в качестве особенностей знания о самом этом объекте, а не в качестве средств его познания как таковых. Характер способов познания кристаллизуется и обобщается в характере знания об объекте, в специфике приписываемых объекту свойств (но не всех). Способы познания проявляются как характеристики объекта, первые принимаются за часть последних. Поэтому те свойства, которые теорией трактуются как относящиеся к ЯС, вовсе не обязательно присущи во всей полноте сознанию каждого носителя данного языка (даже не для каждого из Ии., задействованных в эксперименте), они суть «издержки» познания и обобщения его свойств, проявляемых в речевой деятельности. Но такими «издержками» познания языка как достояния человека не должно пренебрегать, а должно учитывать их при обобщении результатов в положениях теории.

Таким образом, факты языка фиксируются не «сами по себе», не независимо от внешних для них условий наблюдения и фиксации, а в опыте познания, в пространстве и времени конкретных схем и способов деятельности познающего субъекта. А это, в свою очередь, не даёт возможности говорить отдельно и независимо о свойствах наблюдаемых явлений и процессах их наблюдения. Последнее обстоятельство есть не просто априорно принимаемое положение, от которого можно было отказаться или временно «отгородиться», а следствие и неотъемлемая характеристика организации познания явлений, по своей природе связанных с сознанием.

То, что наблюдается исследователем в процессе познания и интерпретируется как его результат, не есть только материальные факты, «очищенные» от любой субъективности. Коль скоро речь идёт

о познании человеческого сознания (в частности — речевой деятельности или языка как достояния человека) в результатах и продуктах его деятельности, то в наблюдаемых явлениях неминуемо присутствует «осадок» порождаемого их сознания (личностный смысл, пристрастность вообще). И выведение закономерностей такой деятельности, неминуемо требующее обобщения множества данных (основанных на наблюдении многих сознаний), даёт в итоге результат и продукт, который не может быть до конца очищен от характера и способа такого обобщения. Способ обобщения должен не отбрасываться теорией, а должен учитываться и объясняться. Действия человеческого сознания и их обобщение не даны априорно, а заданы в качестве факторов, влияние которых на конечный результат наблюдения требует учёта вместе с другими, «объективными», факторами и не может быть сведено к этим последним.

Сам способ познания **влияет** на его конечный результат. Объект познания не дан субъекту как таковой (да и вообще не существует как таковой, безотносительно акта его наблюдения субъектом), свойства объекта даны субъекту не напрямую, а в акте (в действии, в активности!) наблюдения, в акте познания. Способ познания объекта входит в конечное знание, получаемое в результате акта познания, но в качестве характеристики самого объекта познания. Можно сказать так: не существует объективного знания — такого, которое не зависело бы от свойств субъекта и способов познания. Это — применение принципа включённости Наблюдателя, введённого квантовой механикой, к исследованию языка как достояния человека. В этой ситуации явления и их характеристики не пассивно отражаются в независимых от них понятиях, а хотя бы частично создаются последними, причём по-разному — в зависимости от интерпретации понятий. Объект познания не занимает здесь привилегированного положения, а включён в систему, на поведение которой его действия (пусть даже наблюдение) тоже оказывают влияние, что, в свою очередь, сказывается на получаемых результатах познания и их интерпретации. Следовательно, разные способы познания одного и того же объекта могут дать разные (иногда противоречивые) результаты, а кроме того, способ познания одного объекта (или одних свойств объекта) не всегда подходит для познания другого объекта (других свойств объекта).

Сказанное ещё раз подтверждает тот факт, что закономерности и связи, фиксируемые при экспе-

риментальном изучении языка как достояния человека, не относятся к индивидуальному сознанию как таковому. Сам способ выявления этих связей, во-первых, имеет характер обобщения, во-вторых, относится к тому, чего, в сущности, уже нет в индивидуальном сознании, что речемыслительным актом отодвинуто в прошлое. Дополнительную трудность накладывает здесь и то, что речемыслительные акты, продукты которых подвергаются дальнейшему анализу, происходили в момент A в условиях B , но сам анализ происходит в момент A' и в условиях B' , и субъект познания (учёный) не может утверждать, что он и объект познания (испытуемый) оперируют одними и теми же элементами. «Мир не может вернуться в прежнее положение, и поэтому мы не можем знать о том, каким он был до того, как он **уже** измерялся, **уже** воспринимался, **уже** наблюдался» [5.С. 53].

Внутренние связи слова, выступающего в качестве стимула в САЭ, с другими явлениями сознания сами принадлежат к явлениям сознания и не могут быть выявлены как тождественные себе реальные объекты, взятые безотносительно к условиям и способам их наблюдения и выражения. Они не могут выступать абсолютно, их познание может быть только относительным, т. е. использующим некоторое «промежуточное звено», промежуточный объект, характеристики которого некоторым зафиксированным (пусть даже конвенционально) в теории образом свидетельствуют о характеристиках интересующего исследователя объекта.

Следовательно, нельзя сказать что-то конкретное об этом соотношении характеристик, не говоря ничего о том, реакцией на какой стимул данное слово является, или, шире, не говоря о том, в рамках какой деятельности это слово обычно используется носителем языка. Более того, реакция как некоторый «прибор», регистрирующий определённые свойства стимула как объекта, и сам этот объект-стимул не могут быть взаимозаменяемы и принципиально не обладают равноценным статусом. Объект наблюдения и «измерения» — слово не может быть здесь взято как изолированный объект, существующий наряду и независимо от средств его регистрации и выявления. Поэтому слово в психолингвистическом исследовании, определяемое сначала как эмпирический, а затем как теоретический абстрактный объект, требует указания на соответствующий ему (точнее — части выявляемых его свойств) способ его наблюдения.

Реальное слово, используемое в качестве стимула в САЭ, в теоретической схеме, или модели

объяснения его результатов выступает в качестве идеализированного объекта наблюдения, а реакции (необязательно все, а только сгруппированная по какому-то признаку часть) — в качестве своего рода «прибора», отражающего существенные признаки объекта. При этом однажды выявленная и абстрагированная характеристика объекта делает «прибор» (т. е. уже не конкретное слово-реакцию, а абстрагированный характер связи между стимулом и реакцией безотносительно к их конкретной языковой форме) способным регистрировать актуально, а не только потенциально бесконечное число наблюдений за объектом и «измерений» его свойств. Важно учитывать, что здесь, на уровне теоретического объяснения эмпирических данных, в определение идеализированных реакции и стимула не входит указание на конкретную форму их языкового бытия, это уже не конкретные слова, а любые слова этого же языка, способные выявлять те же свойства и закономерности реальных слов, что выявлены эмпирически и обобщены теоретически.

Чтобы с помощью той же теоретической схемы объяснить иные свойства объекта или свойства других объектов, в рамках схемы, можно задать некоторый другой параметр (или несколько), не прибегая при этом к оперированию реальными словами.

Выводы

Итак, мы изложили основные методологические принципы изучения языка как достояния человека, которые лежат в основе и изучения ЯС. Сформулируем их кратко: 1) вероятностный характер фиксируемых в теории закономерностей, 2) влияние способа познания на конечный результат, 3) учёт одновременного влияния внешних и внутренних факторов на язык как достояние человека (внешнее преломляется через внутреннее), 4) учёт активного и пристрастного характера сознания.

Подчеркнём, что, с этой точки зрения, исследования, в которых выраженные принципы не прослеживаются непротиворечиво и последовательно, не являются исследованиями языкового сознания, а посвящены языковой семантике, лингвокультурологии, лингвоперсонологии и т. д. Среди таких работ можно назвать, например, труды С. О. Малевинского, Л. П. Прокофьевой, Е. Е. Стефанского и М. В. Шамановой [4; 7; 9; 12], хотя формально они изучают именно ЯС. Обратим внимание: в качестве методологической базы

во всех названных работах принимается традиционная семантика, в частности, в понимании её Московской семантической школой.

Выраженные принципы ведут к анализу языковых явлений (в частности, охватываемых понятием «языковое сознание») с позиций стохастического, или вероятностного, детерминизма, который в отличие от классического постулирует, что из **множества случайных** взаимодействий получаются **закономерные** следствия, которые тем однозначнее проявляются, чем бóльшая совокупность взаимодействий учитывается. Индивидуальные изменения сознания и ментального лексикона имеют характер неопределённости, но общегрупповые изменения имеют характер вероятностной определённости.

Возвращаясь к представленному выше континууму языковых явлений, отметим следующее. В понятии «языковое сознание» психолингвистическими методами в обобщённом виде воссоздаются закономерности влияния эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояния человека. Языковое сознание соединяет с помощью психолингвистических методов языковую систему и языковую организацию.

Языковое сознание не является некоторой «составной частью» индивидуального сознания, и вообще не относится напрямую к нему. Как и всякое понятие, оно должно быть лишено антропоморфизма, предполагающего, что конкретные явления психики или сознания как таковые содержатся в этом понятии. С психолингвистических позиций можно сказать, что в слове фиксируется человеческий опыт взаимодействия с миром при помощи этого слова. Языковое сознание отражает не любой и всякий опыт, а тот, который связан именно с наиболее общими (существенными) характеристиками некоторой социальной группы, в которую входит человек. Следует помнить, что в понятии отражается не собственно индивидуальный опыт людей, а его обобщённые теоретические модели, и не весь опыт во всём его богатстве, а его эмоционально-личностный аспект.

Языковое сознание содержит в себе не перечисление свойств отдельных образов сознания (репрезентаций), а общую закономерность, по которой образы сознания группы индивидов организуются именно в известную систему с известными связями и характеристиками, на которые в известной мере влияют известные факторы.

Список литературы

1. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. — 286 с.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. — М.: Гнозис, 2005. — 543 с.
3. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. — М.: Знак, 2012. — 208 с.
4. Малевинский С. О. Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодежи: дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2006. — 207 с.
5. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. — 288 с.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток Запад, 2007. — 314 с.
7. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2008. — 442 с.
8. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
9. Стефанский Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков: дис. ... д-ра филол. наук. — Самара, 2009. — 385 с.
10. Тарасов Е. Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. — 2008. — № 8. — С. 6—10.
11. Уфимцева Н. В., Тарасов Е. Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 10. — С. 18—25.
12. Шаманова М. В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): дис. ... д-ра филол. наук. — Воронеж, 2009. — 534 с.
13. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432 с.

Сведения об авторе:

Яковлев Андрей Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия, mr.koloboque@rambler.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 219—227.*

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF THE EXPERIMENTAL STUDY OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

A. A. Yakovlev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia mr.koloboque@rambler.ru.

The paper discusses the most general principles underlying the study of linguistic consciousness. Given the most common definitions and concepts of linguistic consciousness, the author shows that the study of linguistic consciousness is entirely connected with the general concept of language, which lies at its basis. The concept of L.V. Shcherba and A.A. Zalevskaya, which allows to consider linguistic phenomena simultaneously from both social and personal positions is presented. The article substantiates the most general methodological principles of studying the language as a human property. This one, being one of the forms of the existence of consciousness, requires experimental methods and procedures for research. Consequently, language consciousness can be studied only through experiment (for example, associative one). It is shown that for effective knowledge of linguistic consciousness, the experimental techniques should take into account 4 essential points: 1) the probabilistic nature of the regularities fixed in the theory, 2) the influence of the cognition method on the final result, 3) the simultaneous influence of external and internal factors on language as the property of human refraction, 4) active and biased nature of the reflection of the world in consciousness.

Keywords: *psycholinguistics, psycholinguistic experiment, methodology of psycholinguistics, linguistic consciousness.*

References

1. Dzjuba, E.V. *Lingvokognitivnaia kategorizatsiya v russkom yazikovom soznanii* [Linguocognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinbugr, Ural state university, 2015. 286 p. (In Russ.)
2. Kubryakova, E.S. *V poiskakh sushhnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language]. Moscow, Znak, 2012. 208 p. (In Russ.)
3. Malevinskij, S.O. *Semanticheskie polya poroka i dobrodeteli v yazykovom soznanii sovremennoj studentcheskoj molodyozhi* [Semantic fields of bad and good in linguistic consciousness of modern students]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Krasnodar, 2006. 207 p. (In Russ.)
4. Mamardashvili, M.K. *Klassicheskij i neklassicheskij idealy ratsional'nosti* [Classic and non-classic ideal of the rationality]. Saint-Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2010. 288 p. (In Russ.)
5. Popova, Z.D., Sternin, I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 p. (In Russ.)
6. Prokof'eva, L.P. *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyj, natsional'nyj, individual'nyj aspekty* [Colour-sound associations in the linguistic consciousness and literary text]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Saratov, 2008, 442 p. (In Russ.)
7. Rubinshtein, S.L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. Saint-Petersburg, Piter, 2012. 288 p. (In Russ.)
8. Shamanova, M.V. *Kommunikativnaya kategoriya v yazykovom soznanii (na materiale kategorii «obshhenie»)* [Communicative category in linguistic consciousness (on the material of the category “communication”)]. Thesis ... Doctor of Linguistics.. Voronezh. 2009. 534 p. (In Russ.)
9. Shcherba L.V. *O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii* [On threefold aspect of language phenomena]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Linguistic activity and speech activity]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 432 p. (In Russ.)
10. Stefanskij, E.E. *Kontseptualizatsiya negativnykh ehmitsij v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii: na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov* [Conceptualisation of the negative emotions in mythological and modern linguistic consciousness]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Samara, 2009, 385 p. (In Russ.)
11. Tarasov, E.F. *Obraz mira* [Image of the world]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 8, pp. 6–10. (In Russ.)
12. Ufimtseva, N.V., Tarasov, E.F. (2009) *Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya* [Problems of the linguistic consciousness research]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009, no. 10, pp. 18–25. (In Russ.)
13. Zalevskaya, A.A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic researches. Word. Text: Selected works]. Moscow, Gnozis. 2005. 543 p. (In Russ.)

LANGUAGE DEVELOPMENT: A PHILOSOPHICAL-LINGUISTIC APPROACH¹

E. V. Shelestyuk, V. E. Budeiko

Chelyabinsk State University

The paper under study presents a concept relating to language development, linguistic-constructivist teleology and a notion of the comprehension of developed language, also with respect to the language of international communication. A philosophical, methodological and linguistic criticism of both the concept and the term “development” is displayed herein. With relation to language development, three aspects of language as a communicative system are considered from the point of view of L. V. Shcherba: a speech activity, a language system and a language material; three functions of a speech activity are analysed from the standpoint of V. V. Kolesov: communication, translation and transmutation. Some properties of developed language are selected and an issue of inconsistency in the application of a developed living language as a language of international communication is raised. Some characteristics of language evolution and involution are determined. An importance is specified of an activity-oriented approach and the purposefulness of language development as a subjective factor of the process under investigation. A negative impact of the restrictive, “subtractive” normalisation of language is denoted.

Keywords: *development, language development, methodology, science, signs, derivation, derivatives, term, understanding.*

Problem statement

¹The concept of “language development” seems to be quite obvious at first glance, whereas it appears to be controversial under a closer scrutiny. In linguistics, it is common practice to speak about language evolution in the broadest sense, i.e. about qualitative changes in its system occurring as a result of intralinguistic and extralinguistic processes, while language development can be predominantly referred to in terms of the development of speech abilities in ontogenesis and the social and cultural differentiation and complication of language, that is, in terms of the development of a speech activity. Yet, is the concept of development relevant in reference to language as a semiotic system? If development is understood as simple dynamics of changes, then one may state a fact of the development of any languages, even dominant languages that disappear or experience sub-

tractive influence. The study of language in dynamics has existed for a long time: comparative linguistics, lexicography based on historical principles, historical linguistics and glottogony are stages and directions of such an investigation.

If the term “language development” does not simply presuppose changing, but some improvement, progress, evolution, then we must inevitably evaluate these phenomena as opposed to concepts of deterioration, regression and involution. May one speak about the improvement and deterioration, evolution and involution, progress and regression of language? May one speak about the improvement of language as the pursuance of a certain goal, acme, pinnacle, to which language development is oriented?

Basically, we witness a spontaneous, purposeless language change, although most areas of human activity - economy, social development, even the spiritual sphere — are to some extent forced into various channels of changes. It turns out that complete control over such an important sphere of social and spiritual life of a person as language development is given to natural processes. Hence there originate uncontrolled borrowing, the modelling of a language after vocabulary and language samples of a dominant English-speaking culture, the foreignisation of a language system, the reduction of the replenishment of a native lexical stock predominantly to items of slang, jargon and substandard-vernacular vocabulary. High

¹Перевод статьи Шелестюк Е.В., Будейко В.Э. «Языковое развитие: философско-лингвистический подход», опубликованной в Вестнике Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 159—171.

The article was originally published in Russian as: Shelestyuk, E.V., Budeiko, V.E. Yazykovoye razvitiye: filosofsko-lingvisticheskiy podkhod (Language development: philosophical and linguistic approach) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiye nauki (Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology). 2019. No. 1 (423). Pp. 159-171.

style ceases to be developed creatively by means of native resources. Artistic and publicistic discourses cease to employ the original word-building means, figurative-idiomatic and syntactic potential of a native language. Are there any prerequisites for the purposeful cultivation, construction and improvement of a national language and, if so, what sort of principles should be those of linguistic-constructivist teleology?

Finally, the word collocation “developed language”, despite its seeming obviousness, has not been accepted as a terminological concept in the scientific community; there exists a concept of the development of individual subsystems of languages, for instance, they speak of languages with developed systems of vocalism/consonantism; morphology (suffixation, prefixation, agglutination, etc.); declination and conjugation. Less often - and mainly in relation to artificial languages - they speak about developed word-building, lexical and syntactic systems, while implying the number, diversity and productivity of vocabulary, word-formation means, syntactic structures. But is the sign “developed” relevant in relation to natural language?

This paper attempts at considering the problem of language development and finding certain answers to the posed questions.

Definition of the concept and notion of the term “development”

The term “development” as a loan translation originates either from the German word-form *Entwicklung*, *f* [21. P. 611] or from a loan translation of the French word *développement*, *m*, deployment, expansion [7. P. 278], as a word-form that is morphologically similar to a foreign word [18. P. 169]. Admitting two variants of a source of this loan translation, one may argue that the term entered by the agency of a Western European image and model into the Russian language at the end of the XVIII century. In the religious-ideological and mythological project “Enlightenment” of the XVII — XVIII centuries, it was imagined or even assumed that something (a thing, a phenomenon, a combination of forms) develops, unwinds from an initial protoform which in itself contains a certain scheme (a model, a form, an idea) of this oriented change for something better, more perfect. It was assumed that a scheme itself, a model was or might be laid either by God or by nature, or by chance, or by an internal regularity — this statement was based on faith initially inherent in actants of the mentioned project. We note here that the statement was problematic, i.e. doubtful, and has remained as such, to date.

Later on, E. G. Yudin defined the concept of “development” as “the irreversible, oriented and regular changing of material and ideal objects”. According to E. G. Yudin, only the simultaneous presence of all the three properties distinguishes processes of development among other changes [32. P. 409]. On this basis, if changes return, these are, in fact, processes of the cyclic reproduction of a constant function of a system. If there is no regularity in changes, then these are obviously random processes, sometimes of a catastrophic kind (from the Greek word *καταστροφή* — “turn”, “revolution”). In the absence of orientation, such changes cannot accumulate qualitatively and positively, and therefore a process of change is deprived of a single and internally interconnected line, a vector, an orientation, which is inherent to development. Thus, an idea of orientation is initially laid in the very notion of “development” originally laid, although up to the present time there is no unified reasonable proposition with respect to orientation, i.e. the teleology of language development, among linguists. In general, “an ability to develop is one of universal properties of matter and consciousness”, as E. G. Yudin states [*ibid.*].

A teleological uncertainty gives rise to a theoretical dispute regarding ways of language development and methods of its optimisation (for example, language planning) and regarding artificial intervention (language policy) in the historical process of language changes.

After 1991, when some opportunities for a methodological and philosophical criticism of dialectical and historical materialism opened up, certain interesting materials were discovered, revealing some weaknesses of the concept and the term “development” in relation to different scientific objects. We may see writers, economists, philologists, philosophers, theologians and representatives of art among critics. The number of critics is not decreasing, but growing.

While analysing the term “progress” and “development” V. V. Kozhinov wrote: “in the corresponding entry of *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya* [*the Great Soviet Encyclopedia*] (vol. 21, published in 1975), it is at first stated that progress is “a transition from the lowest to the highest, from the less perfect to the more perfect” (p. 28), and then it is said that “the concept of progress does not apply to the universe as a whole, because there is no clearly defined orientation of development here “ (p. 29). This is rather to be understood in such a way that in the development of human society (in contrast to the universe as a whole) there reigns one quite “definite” orientation of development (towards perfection). But it is said in another

part of the entry that “in pre-socialist formations... some elements of the social whole systematically progress at the expense of others”, that is, plainly speaking, something becomes better, something simultaneously deteriorates... And even “socialist society... does not abolish the inconsistency of development”. These reservations in an official publication of the Soviet era *negate*, in essence, the idea of progress, since it turns out that acquisitions time lead at the same to losses. And the very fact of “the elimination” of the existence of humans from the existence of the universe as a whole is extremely doubtful, in which there is no progress (in the sense of “improvement”) even from the point of view of progressists themselves; as a matter of fact, humans, in particular, not only represent a special — public, social — phenomenon, but also that of nature, an element of the universe in its whole... In short, one may reason about progress as the certain development, change and transformation of society. But an idea of progress as a kind of fundamental “improvement”, “perfection”, etc., is merely *a myth* of modern times — existent since the XVII — XVIII centuries (a valid reason for contemplation is given rise to by a fact that earlier an opposite myth dominated in the minds of people, according to which the “Golden age” was in the past...). A myth of the ever-increasing “improvement” of human society is obviously refuted by a simple comparison of specific and holistic embodiments of this society at different — separated by centuries and millennia — stages... who, in fact, would dare to claim that Plato and Phidias, Jesus Christ’s apostles and Emperor Marcus Aurelius, Sergiy Radonezhsky and Andrey Rublev are less “perfect” than the most “accomplished” people of our time, who were preceded by such a long human “progress”?... Despite the fact that the myth of progress has been recently visibly discredited, it still continues to be a property of the majority (or, perhaps, even of the overwhelming majority) of “civilised” people. Indeed, as has been already mentioned, a faith in progress appeared to be a substitute for a faith in God, and humans cannot live *without* a faith at all. And a mass of humans is imbued with an entirely illusory belief that “by improving” the existing society they — or at least their children — will find true satisfaction and happiness” [12. P. 31-32] [*italicised by the authors*].

V. V. Kozhinov writes, when summarising his research devoted to “progress and development” on the basis of a large historical and factual material, that the level of understanding and the depth of thoughts of “so-called progressivists” directly depends on that

of their spiritual maturity, not on that of the mind, but on that of spiritual wisdom that is inherent in an integral personality; in other words: the lower is one’s spiritual maturity, the more fiercely, primitively and superficially “a progressist” thinks [*ibid.* P. 34].

A fragment of big fonetic changes occurred in the ancient Greek language of the beginning of our era represents a linguistic illustration of alterations in language at the expense of other resource-related changes when language evolution passes into involution. M. N. Slavyatinskaya writes about this fact: “In the system of vowelism, differences between vowels in quantity and shortness were gradually disappearing. In the II — III centuries AD, this led to a change of the type of accent — from musical accent to dynamic accent; a complex system of diphthongs began to simplify as early as in the V century BC, when the diphthong *ov* monophthongised; the convolution (involution) of the Greek vocalism resulted in a fact that the vowels *ι* and *η*, and in some regions *υ* as well, coincided in pronunciation - [i] (itacism, or iotacism). To the beginning of the first century BC *jota* completely disappeared in diphthongs with the first long vowel” [23. P. 438]. This particular illustration can serve as an argument in favour of a proposition stating how one language stratum is evolved at the expense of another one.

Philosopher K. N. Leontyev (1831-1891) who studied the process of development on the basis of a vast historical material wrote the following while summarising his reasoning: “The idea of development, again, actually corresponds to *a certain complex process* in those real, exact sciences from which it was transferred to a historical area, and - let us remark here, which *is in many cases entirely opposite to a process of propagation, outpouring* - a process as it were hostile to this last-mentioned one” [Leontyev 2003: 74-75].

Here itself K. N. Leontyev gives a definition of development: this is “a gradual ascent from the simplest to the most complex [*as we can see, this is one of the main features of language evolution, and the opposite leads to involution — V. Budeiko*], gradual individualisation, *isolation, on the one hand, from the surrounding world, and on the other, isolation from similar and cognate organisms, from all similar and cognate phenomena. A gradual move from colorlessness, from simplicity to originality and complexity. The gradual complication of constituent elements, the increase of the wealth of the internal and at the same time the gradual strengthening of unity. So that the highest point of development not only in organic*

bodies, but also generally in organic phenomena, is the highest degree of complexity united by such an internal despotic unity" [*ibid*: P. 75] [*the emphasis in italics is made by the authors*]. While analysing phenomena of organic, social, governmental and cultural life over the past 7000 years, K. N. Leontyev comes to the following scheme of development: a) a period of initial simplicity (ancient societies), b) a period of flourishing complexity (in the Middle Ages and up to the middle of the XIX century), c) a secondary blending simplification which foreshadows a problematic continuation of this process. K. N. Leontyev notes that the third (modern) period is characterised by a disorder of form (or forms of expression, blending), accompanied by a communion with the environment (i.e. eclecticism) where "form is the despotism of an inner idea, despotism which prevents matter [a content, a content of tradition — V. Budeiko] from running away. When breaking bonds of this natural despotism, a phenomenon dies" [*ibid*: P. 82]. Let us remark here that the destruction of form in the twenty-first century becomes a token of the times.

As it seems to us, it follows from this figurative, metaphorical definition: a) the modern dominant methodology of philology is borrowed one, transferred from exact sciences, and the term and concept are taken from a methodological base of different intrisicality; b) development is not a linear process (its linearity is perhaps the most popular misconception) and continuous in its qualitative changes; c) actual development as applied to language needs some additional energy emanating from a human. We will discuss anthropological nature and anthropological motivation in improving a language activity in what follows.

With regard to the anthropological aspect in comparative linguistics, W. von Humboldt stated that laws of the development of language depend on those of the development of spirit [22. P. 159]. The concepts of "the spiritual" and "spirit" have a long history of substitutions in the XX century, but they have been deeply and conscientiously studied in our culture. The concept of "spirit/the spiritual" is defined as follows: spirit manifests itself in three forms: a) teophobia which is a reverential awe of God's greatness, inextricably linked with a belief in the truth of God's existence; b) conscience which shows a human what is righteous and what is wrong, what is pleasing to God and what is objectionable, what one should do and what should not and that one should think according to spiritual laws. Conscience not only points out, but also compels a human to fulfill the designated (the so-called transcendental experience), conscience awards one

with a consolation of soul and spirit for fulfillment, and punishes one with inner remorse, spiritual anxiety and a rebellion of soul and spirit for non-fulfillment, since conscience is an inner judge of man — a guardian of the law of spiritual life (it is known that our nation calls conscience "the voice of God" in man's soul); c) appetency for God, which is a search for God, a desire for a union with God, because human spirit cannot be satisfied with anything mortal and earthly, since every human yet wants something more; such a dissatisfaction proves that human spirit has a desire for the supreme, ideal, absolute [1]. As a rule, spiritual manifestations in man are also expressed in spiritual linguistic creativity: poetry, prose, vers libre. This spiritual linguistic creativity can be studied, it requires that a creative human should employ a rich, expressive, exact, logical, appropriate, correct language and it especially needs such. Since the spirit of a nation creates peculiar forms, the Russian nation created its own liturgical language during a millennium, grafting a branch of the old Bulgarian Church language onto the old Russian foundation — this resulted in the appearance of the Church Slavonic language of a Russian recension (a Russian version since 988 and until now), whereas a new church-religious style of the Russian literary language (XIX—XXI centuries) was formed in the modern strata of literary language [25. Pp. 612-616].

Objections can be obviated by an adequate approach to national peculiarities of the Russian language and of Russian linguistic consciousness. A. S. Khomyakov defined a difference between Western and Russian approaches to the problem of cognition in such a way: since the XI century West (Catholicism and Catholic scholasticism) perceived a solution of the cognition of truth in the activity of ratio, whereas the East (Eastern Orthodoxy and its patristics) in an integrity of cognising human spirit: "Rome broke off every contact between cognition and the inner perfection of spirit" [27. P. 55].

The same methodological and ontological divergence was pointed extensively out by I. V. Kireyevsky: "Striving for a truth of speculation, Eastern thinkers care, first of all, about the correctness of the internal state of thinking spirit; Western ones care more about the external connection of concepts. Eastern thinkers search for the inner integrity of the mind in order to achieve the fullness of truth: to attain that focus of mental powers, so to say, where all separate activities of spirit merge into one living and highest unity. Western ones, on the contrary, believe that the achievement of a full truth is possible for divided

forces of the mind as well, self-acting in their lonely isolation...” [15. P. 274]. Perhaps, that is why the Western methodology of a human’s cognising a truth on the basis of chastity has left us only a scientific style and a concern about scientific ethics, i.e. a form not filled with a corresponding spiritual content.

The dominance of the Western paradigm in the cognition of the world, as we believe, has led to an internal division between humans and to future alternating permanent crises, including the expiration and extinction of languages. According to UNESCO, every year about 90 languages in the world become extinct.

Pointing out to laws of language development, B. A. Serebrennikov denoted that development is characterised “primarily by the growth of language vocabulary and by an increase of the number of meanings of words... Words become able to convey the most subtle meanings” [22. P. 160]. Based on works of our domestic lexicographers, we observe an evident involitional decline of many indicators in the vocabulary of the Russian language beginning in the XVIII century, including the lexical potential which is capable to convey subtle values of a spiritual state of man.

Revealing the essence of the conscious orientation of human life, biologist and physiologist A. A. Ukhtomsky who studied the conscious life activity of humans and animals, derived a desire for absolute truth and goodness as a common dominant of the Russian nation [26]. I. A. Ilyin (1883— 1954) noted spirituality as a dominant of the Russian nation [10. P. 8]. Metropolitan Ioann (Snychev) also wrote about the main common property of Russian man as the principality of holiness, a search for the absolute good [11]. Hence it follows that the culture of goodness and truth had somehow to be reflected in the vocabulary of the Russian language. And so it was. Dictionaries of the XI — XVII centuries reflect this spiritual trend: we find more than 200 derivatives with the roots *-dobr-* [good, kind-hearted] and *prav-/pravd-* [right, true/truth], without considering words with prefixes, in texts of this time. A different picture is presented by dictionaries of the XX century, which reveal indices 3 to 4 times inferior as compared to previous ones. In this way, an obvious drop is noted in the Russian nation’s culture of goodness and truth. An increase of the number of special, technical and scientific terms in Russian dictionaries expresses a general trend acting opposite to the spiritual aspiration of man, i.e. a tendency towards life improvement, secularisedness, utilitarianism and pragmatism.

A vector of development (linguistic teleology) depends on a high goal, a target associated with spiritual objects, whereas a practical activity can do with a low style, with simple forms of expression, considerably formally and superficially connected with man’s essence and depth of understanding, soul and spirit. An increase of vocabulary at a pragmatic level is temporary; due to the augmentation of technological progress, a lexical system generates an abundance of special tools in business, scientific, technological and technical style (according to B. N. Golovin’s hypothesis). Such vocabulary becomes obsolete relatively quickly, because it rests on a change of technical objects and technologies; vocabulary units associated with these objects periodically turn into historicisms. We observe a different picture at the high level of styles of bookish and spiritual nature, where vocabulary holds on for centuries, giving rise to new derivatives and meanings. Thus, a goal and trend of language development directly depend on what purpose a nation serves: either truth or utility. Hence, it is possible to orient oneself regarding terms, namely what development it is necessary to speak about: spiritual language development or a utilitarian trend of its changes. It will not be difficult to determine a quality of vocabulary and a nature of its innovations and borrowings.

Verbal communication and language development

Based on L. V. Shcherba’s understanding of language theory, verbal communication consists of three components: a speech activity, a language system and a language material [31]. Despite the special importance of speech, which consists in its daily, vital use, despite the observability of a speech activity and discourses defined by it, speech itself and a speech activity are based on the state of a language system and language material, on their flexibility, wealth and development, which enable one to perform the basic functions of language: communicative, cognitive, nominative and cumulative. In a linguistic system, a big role is played by a volume and diversity of language means: vocabulary which indicates the size and complexity of a thesaurus, a system of notions and concepts of a particular linguistic culture; idiomatics; productive word-formation means; syntactical structures that permit one to express pragmatically and semantically rich thoughts, no matter how logically complex they might be. In a language material, a volume, a stylistic and genre diversity of an accumulated corpus of expressions in a particular language,

an abundance of paremic, aphoristic, precedent statements and precedent texts which have meanings fixed in the linguistic consciousness of a particular nation are important. Thus, the development of a language system and the wealth of a language material provide the combinatorial flexibility, presentive-logical precision and pragmatic success of speech. A language system and a language material constitute a stable materialised substrate for the functioning of speech and for a speech activity, they represent a language in a constant, fixed aspect, whereas a speech activity is language in a mobile, modificatory form.

In addition to L. V. Shcherba's theoretical provisions, some profound remarks about the development of language were made by V. V. Kolesov [13]. The researcher identified three areas (aspects, constituents) of a speech activity, the successful functioning of which testifies to the development of language:

A) communication, intercourse performed by means of language signs is carried out between now-living generations of humans and takes place in the sphere of the present; it is the embodied *consciousness* of functionally and mutually equal participants of intercourse;

B) the translation, transference and translation of *knowledge* from seniors to juniors through training; this is a transition from the past to the present, where a teacher appears to be the main participant in the unequal process;

C) transmutation, changing and exchange with the emergence of new knowledge in the creative work of cognition which tends from the present to the future, where an innovator scientist (a philologist, a poet, a writer, poeta doctus) is the main person of this language activity.

Understanding which is certainly based on respect and love (let us note here: on spiritual-moral categories) is a necessary condition ensuring the successful development of the three aspects of speech and language activity. A vector synthesising *knowledge*, *consciousness* and *cognition* moves from the past to the present and from the present to the future. "A disruption of graduality in the organisation of the semantic structure of language invites disaster: a possible violation of tradition, a fall of the semantic energy of words and a destruction of a complex system of styles [*please see the above-stated proposition of K. N. Leontyev regarding the modern destruction of form — V. E. Budeiko*]. The dialectics of the development of semantic structures is determined by the mutual relation of all the three spheres of a speech activity. A preference for information and communi-

cation spheres in the prejudice of other ones leads to the destruction of tradition and stops the development of new knowledge" [13. Pp.10-11]. In other words, the violation of these general terms and conditions brings about the involution of language.

A concept of a developed language includes certain features, among which the following ones may be considered, in our opinion, as important: 1) a large amount of vocabulary that reflects a multitude of notions and of concepts, designated by this vocabulary; 2) a wide usability, a broad contextual and stylistic acceptability of diverse vocabulary, including archaisms and lexical innovations; 3) simple and easy word formation and, at the same time, conceptually and connotatively various morphological means; an ease, productivity, logicity of word-formation methods using a minimum number of exceptions and limitations; 4) a rich and diverse syntax: a variety of complex sentences, syntactic expressions, conjunctions, which express various nuances of logical relations between objects, as well as modality; 5) simple inflection: a limited number of inflectional morphemes; the simplicity, consistency and uniformity of declension and conjugation systems and grammatical paradigms of variable parts of speech with a minimum number of exceptions and limitations; the simplicity, consistency and uniformity of the expression of grammatical categories; 6) a small number of incomplete paradigms and "deficient" parts of speech; 7) broad polysemy, semantic processes and changes in the semantic structure of words on a transparent, logical basis.

Thus, the richness and diversity of lexical, word-formation and syntactical systems may testify to language evolution, whereas the complexity of an inflectional system, the violation of the logic of a language and an abundance of exceptions to the rules may lead to language involution.

Despite the positive connotation of the notion "developed language" and according to theorists of an artificial international auxiliary language, an excessive manifestation of the above features impedes the application of a developed national language as that of international communication. Language complexity is inapplicable to an international auxiliary language — ideally this language should be as simple as possible. Complicating factors of languages are as follows: 1) the diversity of elements; so, if there are eight consonants in some language, and 60 in another one, then the first language is simpler than the second one due to its system of consonants; 2) non-reciprocal correspondence between form and meaning at the level of a grammar of a language: if one and the same

form is implemented in ten different ways in some language, then it is more difficult to do if this form is realised in one way. Say, the plural number of the absolute majority of nouns in English is formed regularly with the help of the same ending *-s*, while in Russian and German — in many ways, cf. Baum — Bäume (*a tree — trees*), Vater — Väter (*a father - fathers*), Ziegel — Ziegel (*a brick — bricks*), Rand — Ränder (*an edge — edges*) in German; derevo - derevya (*tree — trees*), otets - otsy (*a father - fathers*), kirpich - kirpichi (*a brick — bricks*), krai - kraya (*an edge — edges*) in Russian; 3) non-reciprocal correspondence between form and meaning at the level of a phrase (a text), agreement; thus, the plural number in English is expressed once at the end of a noun, and in the Russian language — at the termination of both an adjective and a noun [20].

Thus, a complex lexical system, grammar and phonetics complicate communication and do not enable a language to perform its main — communicative — function optimally and effectively. This function which is central to a language of international communication involves the simplification and economy of language resources. Thus, the number of words in a language should not be excessively big, their study should not take too much time and one needs a thesaurus necessary and sufficient for effective communication; the study of rare vocabulary characterised by the preferential usage of words due to valency-based, stylistic, contextual and connotative restrictions should be not be compulsory. An abundance of inflectional morphemes, complex systems of declination and conjugation, multiple exceptions to the rules, the so-called “incomplete” paradigms and “deficient” parts of speech, which inhibit a language from performing its communicative function, are not desirable. At the same time, too extensive polysemy and homonymy, which cause ambiguities, including homonymous inflective means, are inconvenient. Also uncomfortable are the absence or minimum of inflection and inflection means which excessively increase the role of word order in the sentence and that of peculiarities of pronouncing words (for instance, different types of tonic stress) and other additional factors.

Referring to English as an example, I. Garshin notes that it is a developed language with a syntactical and simple for the formulation of thought and a flexible word-formation system that enables speakers to create words for any new notions “on-the-fly” — both scientific-technical terms and appellations for cultural phenomena, implying subtleties expressing emotional attitude to them. And, what is

very important, English words are short. However, at the same time, English becomes excessively bulky while its vocabulary enriches uncontrollably. In addition, the English language is not suitable for the role of an international language as its pronunciation is weakly associated with the writing of words and its phonetics is rather complex, making the “English” speech of nations with significantly different articulation habits incomprehensible. Thus, the English language should be recognised as one of the most developed languages in the world, but its shortcomings seem to be too significant to recognise its status as a world language, and there is a need for an artificial “universal planned language” [8].

According to interlinguists, in principle, any national language is poorly suited for a role of an international language: a) because this gives an unwarranted advantage to representatives of some nations to the detriment of others (language chauvinism); b) because there is no agreement and there will not be any in choosing such a language; c) because the study of another national language to a high productive level is an uphill task involving the diversion of resources (time, mental effort, memory) from other disciplines, in many cases it is not crowned with a significant success at that.

Preliminary conclusions and recommendations

As above, we touched upon a fundamental complex of constituents of development in general and language development in particular. Based on the above-stated provisions, a purpose of language, a vector of its development (linguistic teleology) are associated with its ontology, ultimately — with the spiritual meaning, the essence, soul and spirit of a nation.

The development of progress generates an abundance of linguistic means in business, scientific, technological and technical styles. But the development of language is far from being limited to this, because the vocabulary connected with these objects turns periodically into historicisms. We observe different things at the high level of styles of bookish and spiritual nature, where vocabulary is preserved for centuries, giving rise to new derivatives and meanings. In our view, a positive vector of language development from a tradition to an innovation is primarily determined by this anagogic vocabulary and corresponding notions.

What are the criteria of the positive language development? We may speak about evolution and progress in the development of language, if the following provisions are observed:

1) the principle of the synergy and orderly interaction of a language system with the external environment and components within the system with optimal emergence; a synergetic language system is stable and favourable for communication, for the translation and transmutation of knowledge in accordance with the ontology of a particular linguistic culture, with a linguistic and cultural tradition;

2) the improvement of a national language's performance of all basic language functions (communicative, cognitive-nominative, expressive, cumulative, translational, transmutative);

3) the constant enrichment of vocabulary based on the indigenous word-formation material, rather than on borrowings from a lingua franca; the development of indigenous (native) word-formation means; an ease of the creation and assimilation of neologisms from a national morphemic material, the loan-translation of foreign neologisms; the preservation of important old words and concepts, especially anagogical, abstract, culture-forming and culture-differentiating ones;

4) the development of syntax, the enrichment of conjunctions system and syntactic-rhetorical constructions for the purpose of facilitating expression of different logical relations and pragmatic background assumptions;

5) the implementation of the principle of wide usability, which implies a broad collocability – contextual, grammatical and stylistic acceptability of literary units of native vocabulary, including obsolescent words and lexical innovations;

6) the improvement of communicative speech characteristics at a high level of speech manifestations: correctness, accuracy, consistency, purity, beauty, expressiveness, richness and diversity, relevance; the quality of generated texts should be analysed according to these parameters.

The notion of involution, again, i.e. the regression of language, probably, implies such a state of language, when:

1) it loses synergy, harmony and breaks up into heterogeneous components and functions not bound up by means of a common function (goal); it stops producing new knowledge in the tideway of a tradition;

2) it does not sufficiently and effectively perform its functions and loses its ability to induce thinking to produce new meanings in the native linguistic-conceptual sphere, to nominate, communicate, accumulate and develop native cultural concepts and constants;

3) it “shrinks” and convolutes “high” discourses held on an indigenous language material, it loses its native vocabulary and concepts-meanings together

with the latter, it loses the productivity of indigenous word-formation morphemes;

4) it shows impoverishment (poverty) of syntax, logical means of connectivity and syntactic-rhetorical constructions;

5) it limits the applicability of literary vocabulary; it imposes many formal, contextual and stylistic restrictions; it contributes to the emergence of grammatically “deficient” words and to a loss of valuable appellations (including spiritual concepts) from its native vocabulary;

6) it does not contribute to the improvement of communicative properties of speech at a high level of speech manifestation, while readily creating and circulating native vocabulary items and speech specimens of low registers.

Apart from the above-discussed objective laws of language development, the subjective purposefulness and an activity-based approach to the language on the part of speakers who use it are also important. We postulate the following regularity: *it is the language in which resources are invested that develops, and it develops inasmuch as they are invested in it*. That is to say, if effort is made and study-time spent on learning a language; if the writing of textbooks in it is financially encouraged; if a trend is created of and finance given to writing artistic and journalistic works in this language; if business-official and scientific texts in it are encouraged; if its literary heritage is studied; and if dictionaries and corpora in it are created, etc., then this language develops. It increases with respect to discourses, expands with respect to the number of lexical units and expressions and deepens with respect to its semantic-notional capacity. A language material in it is enriched, as well as its system, the latter enabling one to easily articulate a variety of meanings in speech. If no resources are invested in a language, it is, on the contrary, curtailed and reduced to ordinary forms of oral communication.

Let us emphasize here that the purpose of investing in a language should, in our view, be exactly its enrichment, rather than its “subtractive” normalization. The writing of literature in a language, the elaboration of word-formative means, word creation in accordance with traditions on the indigenous language material, etc. — all this should have minimal restrictions in the process of the normalisation of a language. The restrictive “subtractive” normalization, aimed at excluding vocabulary units, which do not conform to various tight standards from dictionaries and at limiting the circulation of particular

expressions through refusal to register them in a dictionary, does not contribute to language development. In Russia, unfortunately, this trend has dominated for decades, that is why academic dictionaries of the Russian language contain fewer units of language than there are in reality. That is, a language material is not processed efficiently enough, and valuable units of speech experience are thoughtlessly sifted out from the language system. There is a lot of evidence for this, let us refer here at least to a fact of a much larger volume of lexical units in translation resources as compared to conventional dictionaries, to which users can independently add adequate translation equivalents, for example, in the Multitran.ru website.

A failure to include in dictionaries anagogic vocabulary of abstract nature on the basis of its supposed “pastness”, as well as occasional, although successful, products of word creation negatively affects language development. A negative effect of restrictive normalisation also consists in that it does not expand word-formative and syntactical capabilities of a lan-

guage; no instances of word usage, which “breaks” inflexible lexico-grammatical paradigms of the so-called deficient verbs, nouns and adjectives are recorded in dictionaries and reference books. Consequently, the absence of specimens of word usage can lead to significant restrictions, as some language units are only capable to be used in certain limited forms and contexts. Unfortunately, there are many more words with incomplete paradigms, deficient forms and of limited usage in the Russian language than in the flexible and diverse English language.

If we prefer to invest resources in a foreign language — more precisely, in the so-called “global” English language, then we contribute, in the same way as other countries of the world do, to its enrichment, to the “bulking” of discourses using it, as well as to its entrenchment in various spheres of social interaction, previously served by national languages. But if we act against the imposed linguistic tide and start to invest in the development of national languages, then, accordingly, their language material, language system and speech (discourses) will get enriched.

References

1. Averkiy, The Archimandrite. *Dukhovnost' i dushevnost' [Spirituality and warm-heartedness]*. — Munich, 1949. — 12 pp. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Averkij_Taushev/duhovnost-i-dushevnost/ Date of access 29.07.2018.
2. Akhmanova, O. S. *Terminologiya lingvisticheskaya [Linguistic terminology] // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / Editor-in-Chief V. N. Yartseva. The “Sovetskaya Entsiklopediya” Printing House. — Moscow, 1990. — P. 509.*
3. Biryukova, E. C., Voinov, A. A., Kutina, L. L. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo yazyka VIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya [An outline of the historical lexicology of the Russian language of the VIII century. Language contacts and linguistic word borrowings]*. The “Nauka” Publishing House, the Leningrad Branch. Leningrad, 1972. — P. 259.
4. Budeiko, V. E. *Mental'nyye representatsii v russkikh azbuchnykh derivatakh [Mental representations in Russian alphabet derivatives] // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vypusk XVIII: Yazyk, poznaniye, kultura: metodologiya kognitivnykh issledovaniy: materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistikе [Cognitive studies of language. Issue XVIII: Language, cognition, culture: the methodology of cognitive studies: proceedings of the International Cognitive Linguistics Congress]. 22-24.05.2014 / N. N. Boldyrev, Editor-in-Chief of the series; E. I. Golovanova, Executive Editor. The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, The Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chelyabinsk State University, the Russian Association of Cognitive Linguists, The Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: The Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin; Chelyabinsk: The Publishing House of Chelyabinsk State University, 2014. — Pp. 290-293.*
5. Budeiko, V. E. *Gnoseologicheskaya kharakteristika slovary russkikh alfavitnykh derivatov [An epistemological characteristic of a dictionary of Russian alphabetic derivatives] // Problemy istorii, filologii i kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]. No. 3 (45). Moscow, Magnitogorsk, Novosibirsk (The Institute of Archeology and The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences). 2014. - P. 71-72.*
6. Vasilyeva, N. V. *Termin [The Term] // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [A linguistic encyclopedic dictionary] / V. N. Yartseva, Editor-in-Chief. The “Sovetskaya Entsiklopediya” Publishing House. Moscow, 1990. — Pp. 508-509.*

7. Ganshina, K. A. Frantsuzsko-russkiy slovar' [A French-Russian dictionary]. The "Russkiy Yazyk" Publishing House, 1987. — 963 pp. (with tables).
8. Garshin, I. Postanovka problemy: zachem nuzhen mirovoi planovyi yazyk? Statement: why do we need a world planned language? [Problem statement: why is a world-wide planned language needed?] // URL: http://www.garshin.ru/linguistics/model/crealinguistics.html#_why (accessed on 01.11.2018).
9. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedeniye [Terminology]. The "Akademiya" Publishing House. Moscow, 2008. — 304 pp.
10. Ilyin, I. A. Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh [Collected works: in 10 volumes]. Tom. 8. Vzglyad v dal'. Kniga razmyshleniy i upovaniy [Vol. 8. A look into the distance. A book of reflections and expectations]. "The "Russkaya kniga" Publishing House. Moscow, 1998. — 573 pp.
11. Ioann (Snychev). Preodoleniye smuty: slovo k russkomu narodu [Overcoming the embroilment: A word addressed to the Russian Nation]. The "Tsarskoye Delo" Publishing House. St. Petersburg, 1995. — 352 pp.
12. Kozhinov, V. V. Rossiya. Vek XX. (1901-1939). Istoriya strany ot 1901 goda do "zagadochnogo" 1937 goda. Opyt bespristrastnogo issledovaniya [Russia. The XX century (1901-1939). The history of the country from the year 1901 to the "mysterious" year 1937. The first effort of impartial research]. The "EKSMO-Press" Publishing House. Moscow, 2002. — 448 pp.
13. Kolesov, V. V. Filosofiya russkogo slova [The philosophy of the Russian word]. The YUNA Publishing House. St. Petersburg, 2002. — 448 p.
14. Kubryakova, E. S. Derivatsiya [Derivation] // E. S. Kubryakova, Y. G. Pankrats. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [A linguistic encyclopedic dictionary] / chief editor V. N. Yartseva. The "Sovetskaya Entsiklopediya Publishing House. Moscow, 1990. — Pp. 129-130.
15. Kireyevsky, I. V. O kharaktere prosvesheniya evropy [Regarding the nature of the education of Europe] // Kritika i estetika [Criticism and Aesthetics]. The "Iskusstvo" Publishing House, Moscow 1979. — 456 pp.
16. Leichik, V. M. Terminovedeniye: predmet, metody, struktura [The science of terminology: the subject, methods and structure]. The "LKI" Publishing House. Moscow, 2007. — 256 pp.
17. Leontyev, K. N. Khram i Tserkov' [The temple and church] / Konstantin Nikolayevich Leontyev (1831-1891). The "AST" Publishing House. Moscow, 2003. — 636 p.
18. Meshchersky, N. A. Istoriya russkogo natsional'nogo yazyka [The history of the Russian literary language]. The Publishing House of Leningrad State University. Leningrad, 1981. - 280 pp.
19. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
20. Piperski, A. Ch. Konstruirovaniye yazykov: Ot Esperanto do dotrakiyskogo [The construction of languages: from Esperanto to the Dothraki language]. The "Alpina non-fiction" Publishing House. Moscow, 2017. — 223 pp.
21. Russko-Nenetskiy Slovar'. Okolo 53 000 slov [A Russian-German dictionary. Around 53 000 entries] / Under the editorship of E. I. Leping, N. P. Strakhova, K. Lein, R. Ekkert. The "Russian language" Publishing House. Moscow, 1978. — 847 pp. (with tables).
22. Serebrennikov, B. A. Zakony razvitiya yazyka [Laws of language development] // [A Linguistic Encyclopedic Dictionary] / V. N. Yartseva, Editor-in-Chief. The "Sovetskaya Entsiklopediya Publishing House. Moscow, 1990. — Pp. 159-160.
23. Slavyatinskaya, M. N. Grecheskiy Yazyk [The Greek language] // [An Orthodox encyclopedia] / Under the editorship of Aleksiy the Second, Patriarch of Moscow and all Russia. Vol XII. The "Pravoslavnaya entsiklopediya" Ecclesiastic-Scientific Centre. Moscow, 2006. — Pp. 436-443.
24. Stepanov, Yu. S. Yazyk. Prichina i tsel' evolyutsii [Language. The Cause and Purpose of Evolution] // Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: A Dictionary of Russian culture]. The second updated edition. "The Academicheskii Proyekt". Moscow, 2001. — Pp. 903-972.
25. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [A stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language] / Under the editorship of M. N. Kozhin. The Editorial Staff: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. The "Flinta: Science" Publishing House. Moscow, 2003. — 696 pp.
26. Ukhtomsky, A. A. Dominanta [A dominant]. The "Peter" Publishing House. St. Petersburg, 2002. — 448 pp.
27. Khomyakov, A. S. Polnoye sobraniye sochineniy [Collected works]. Issue 3, Vol. 2. Moscow, 1886.— Pp. 5-107.

28. Shansky, N. M. and others. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [A brief etymological dictionary of the Russian language]*. The second updated issue / Under the editorship of S. G. Barkhudarov. The "Prosveshcheniye" Publishing House. Moscow, 1971. — 541 pp.

29. Shapovalova, O. A. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [An Etymological dictionary of the Russian language]*. The "Feniks" Publishing House. Rostov-on-Don, 2009. — 240 pp.

30. Shelestyuk, E. V. *Angliysiy yazyk kak instrument vesternizatsii [The English language as an instrument of westernisation] // Sud'by natsional'nykh kultur v kontekste globalizatsii: sbornik materailov vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Fortunes of National Cultures in the Context of Globalisation: Proceedings of the II International Scientific Conference]*. Chelyabinsk, April 4-5, 2013 / Under the editorship of V. G. Budykina. Vol. 2. The "Entsiklopediya" Publishing House. Chelyabinsk, 2013. — 355 pp. — P. 143-151.

31. Shcherba, L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost': Sbornik rabot [Language system and speech activity: Collected works]* / L. R. Zinder, M. I. Matusevich, the Editors. The USSR Academy of Sciences. The "Nauka" Publishing House, the Leningrad Branch. Leningrad, 1974. — 428 pp.

Information about the authors:

Elena Shelestyuk is PhD (Philology), Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department of Chelyabinsk State University, shelestiuk@yandex.ru

Valery Budeiko is PhD (Philology), Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department of Chelyabinsk State University, boudeyko@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С. Л. КУШНЕРУК
«КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ:
ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ»
(М.: ФЛИНТА, 2019. 368 С.)**

Э. В. Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия.

Целью рецензируемой монографии является установление общих закономерностей и национально-культурной специфики миромоделирования в рекламных дискурсах в сопоставлении. Работа, несомненно, актуальна, поскольку обращается к функционированию ментально-языковых феноменов и их модификациям в убеждающем типе дискурса под влиянием задач маркетингового продвижения товаров, услуг и идей в разных по уровню экономического развития странах. Новизна исследования проявляется как в методологическом, так и в практическом отношениях: обосновывается автономное направление лингвистической дискурсологии, затем его эвристики применяются к сопоставительному анализу инновационной сетевой рекламы в России и Великобритании. Достоверность полученных результатов обеспечивается рассмотрением объёмного текстового материала и опорой на достижения лингвистической науки, объединённые триединством когнитивных, коммуникативных и социальных факторов.

Работа носит междисциплинарный и интегративный характер. Теоретико-методологическое ядро исследования кристаллизуется в первой главе. Прослеживается динамика научных взглядов на соотношение языка, мышления и действительности на фоне смены объективизма экспериенциализмом, что формирует глубокие философские основы исследования. Отличительной особенностью этой части монографии считаем удачную систематизацию идей, накопленных зарубежной когнитивной семантикой и дискурс-анализом, а также взглядов российских учёных, которые используют иную терминологию при решении задач когнитивного и языкового моделирования. Результатом критического осмысления становятся два теоретико-методологических субстрата, определяющих становление и траекторию развития теории когнитивно-дискурсивного миромоделиро-

вания. Разработаны основные положения названной теории, раскрыто содержание значимых для исследования терминов (проективность дискурса, дискурсивный мир, текстовый мир, макроструктура, миромоделирующий потенциал).

В рамках представленной концепции дискурс анализируется в терминах репрезентационных структур. Понятие репрезентационной структуры является обоснованным, оно используется для обозначения концептуально-сложных дискурсивных структур (первого и второго уровня), которые соотносятся с процессами и результатами представления действительности и/или её фрагментов в целях коммуникации и получают объективацию в совокупности средств текстуальности, объединённых в тематическом, коммуникативном и функционально-целевом отношениях. Убедительны приведённые рассуждения о том, что эти структуры (основными из которых являются дискурсивный мир и текстовый мир) имеют свою онтологию и моделируются на основе текстовых данных. Их основная функция заключается в том, чтобы ориентировать адресата (клиента) и формировать его оценки и мнения в соответствии с прагматикой рекламы в интересах «институционального хозяина» (агента, рекламодателя). Интересной теоретико-методологической находкой автора считаем применение фрактальной теории при описании дискурсивного мира как вторичной моделирующей системы, включающей компоненты разной когнитивной природы.

К несомненным достоинствам практической части монографии относится комплексный характер анализа когнитивно-дискурсивных особенностей представления действительности в современной британской и российской коммерческой рекламе. Такой подход позволил осуществить когнитивное картирование дискурсивных миров (вторая глава) и выделить инвариантные и вариативные макрофреймы в сопоставляемых рекламных дискурсах,

а также установить степень дискретности дискурсивных миров и категориальную принадлежность фреймов, конституирующих макрофреймы. В третьей главе доказывается, что общим свойством дискурсивных миров в британской и российской рекламе является интерактивность. Оно трактуется как усиление диалогической составляющей рекламной коммуникации, которое по-разному проявляется в сопоставляемых дискурсах и зависит от интралингвистических и экстралингвистических контекстуальных факторов.

Важным достижением работы является выявление особенностей профилирования лингвоконцептов в британской и российской рекламе (четвёртая глава) и определение их миромоделирующего потенциала в различных контекстах. Лингвоконцепты рассматриваются с точки зрения актуализации прагматически-детерминированных смыслов и ценностных установок в процессах ассоциативно-смыслового развёртывания в рекламных текстовых континуумах. Несомненным вкладом автора в развитие теории и практики сопоставительного когнитивно-дискурсивного исследова-

ния рекламы является разработка многоаспектной типологии текстовых миров (дейктические, модальные, гибридные), а также анализ производных текстовых миров с темпоральной и модальной доминантами, представленные в пятой главе монографии.

Приведение обширного иллюстративного материала повышает практическую ценность исследования, которое можно рекомендовать не только филологам, но маркетологам, рекламистам и специалистам в организации рекламных кампаний с целью усовершенствования их эффективности в отечественной практике рекламирования с учётом национальных особенностей российской и британской рекламы.

Монография открывает широкие перспективы исследования. Они видятся в связи с применением теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования к дискурсам социальной, политической, научной, образовательной сфер для объяснения того, как инициаторы дискурса концептуально организуют модели реальности с ориентацией на прагматику коммуникации.

Сведения об авторе

Будаев Эдуард Владимирович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 239—240.

**REVIEW OF S. L. KUSHNERUK'S MONOGRAPH
"COGNITIVE AND DISCOURSE WORLD MODELING:
COMPARATIVE RESEARCH
OF ADVERTISING COMMUNICATION"
(MOSCOW: FLINTA, 2019, 368 P.)**

E.V. Budaev

Russian state vocational pedagogical university, Nizhnij Tagil, Russia

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. А. МИРОНОВОЙ
«ОБЪЯВЛЕНИЕ ЕСТЬ ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ»
(М.: ФЛИНТА, 2018. 2-Е ИЗД. 264 С.)**

Н. В. Глухих

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Монография доктора филологических наук, профессора А. А. Мироновой посвящена становлению и истокам рекламных жанров в русском языке в диахронии. Показано, что один из коммуникативно-речевых жанров, который, по сравнению с западноевропейской и американской традицией, сформировался поздно, не ранее XVIII столетия, что объясняется разной скоростью развития производственных и социальных отношений в различных цивилизациях и, соответственно, отражено в обусловленных этим процессах в национальном языке и речи. Огромным достоинством работы является то, что исследование выполнено на материале региональных памятников, что повышает научную значимость работы: в научный оборот вводятся новые, ранее не исследованные источники, определяется корпус рекламных текстов XVIII — начала XX вв., кроме того, расширяется и географическое представление рекламных текстов (Челябинск, Курган, Тюмень, Тобольск).

Обращение к теме эволюции текстов русской рекламы на примере разветвления жанра объявления в русской печати представляется актуальным и значимым для формирования данного речевого жанра как достаточно самобытного для русского языка: анализ, проведенный автором, избранные методологические подходы к оригинальному материалу предопределили новизну исследования.

С опорой на гигантский историко-лингвистический материал в первой главе «Развитие рекламы как особой формы коммуникации» показано, что содержательная и формальная специфика сначала рекламных объявлений, из которых затем постепенно выросли многочисленные рекламные жанры, заключалась в том, что объявления родились как некий конгломерат официально-делового и отчасти публицистического печатного или рукописного текста и на протяжении почти целого века довольно медленно «набирали» дифференциальные признаки собственно рекламы. Этот процесс резко активизировался во второй половине XIX века,

благодаря чему в начале XX века рекламный жанр в печатных изданиях и «на улице» можно считать полностью сложившимся. Автор демонстрирует, как только к XX веку рекламный жанр объявления вновь возродился и быстро оформился как многофункциональный, поливариантный и подверженный активному влиянию стереотипов нерусских рекламных текстов.

Первая глава завершается важным выводом об изменении на протяжении двух веков основной функции жанра объявления, об ослаблении стандартизации, о закреплении позиций данной формы текста в публицистике.

Во второй главе «Синкретизм рукописных объявлений XVIII в. как стимул эволюции жанра» раскрываются структурно-семантические особенности и формуляр оригинальных рукописных объявлений различной тематики. Доказана роль перформативных глаголов как текстообразующего средства жанра объявления.

В третьей главе «Из истории печатных объявлений XIX в.: динамика и лингвокультурологическая значимость» в строгую подсистему выстроены стилеобразующие дифференциальные признаки рекламных текстов. Убедительно показано, как в текстах проявляются оценочность, апелляция к потенциальному адресату, как прагматическая цель, суггестивность рекламы выводят текст за рамки привычных стилей и строят данное речевое произведение в новой форме — рекламной. Представлена всесторонняя характеристика рекламных жанров с точки зрения функциональных и текстообразующих параметров, их типологии, диктума и структуры.

Глава четвертая «Формирование специализированной рекламы и объявлений в Зауралье в начале XX века» посвящена не изученным в диахронической стилистике вопросам — вариативности рекламного жанра в рамках региональной публицистической системы, специализации и профессионализации зарождающегося рекламного произведения. Так, автор дифференцирует жанр объявления

документа и рекламное объявление в разных региональных печатных изданиях. Проанализирован такой специфичный рекламный жанр как некролог, частотный в газетах того времени.

Большим достоинством работы выступает мысль о специфике русской рекламы в ее историческом развитии, о доминировании специализированных профессиональных изданий на территории Урала и Сибири.

Заслуживает одобрения последовательно прослеживаемый лингвокультурологический аспект анализа рекламных текстов, антропоцентрический подход к языку. Достаточно долгую и стремительную жизнь этого русского речевого жанра можно объяснить полифункциональностью и многоярусностью русского делового языка преднационального периода.

Монография А. А. Мироновой является плодом многолетней исследовательской работы, вносящим важный вклад в описание процесса эволюции рекламы в истории русского языка.

Первое издание монографии А. А. Мироновой

«Объявление есть двигатель торговли» (2007) было отмечено дипломом лауреата конкурса на лучшую научную книгу, проводимого Фондом развития отечественного образования. Актуальность поднимаемых автором вопросов, научные дискуссии о формировании жанров печатной рекламы в России обусловили подготовку и выпуск второго издания, исправленного и дополненного.

В связи с отсутствием цифрового варианта многих региональных газет, сохранившихся в местных архивах и музеях, научную и практическую ценность монографии представляют приложения, демонстрирующие объявления и рекламные тексты разных жанров.

В теоретическом плане работа открывает новое направление в изучении русской рекламы — диахроническое жанроведение.

С практической стороны материалы наблюдений могут привлекаться в учебном процессе в вузах при преподавании истории литературного языка, филологического анализа текста, лингвокраеведения и др.

Сведения об авторе

Глухих Наталья Владимировна — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 241—242.*

REVIEW OF A. A. MIRONOVA'S MONOGRAPH "ANNOUNCEMENT IS THE ENGINE OF COMMERCE" (MOSCOW: FLINTA, 2018. 2ND ED. 264 P.)

N. V. Glukhikh

South Ural State Humanitarian Pedagogical University Chelyabinsk, Russia. gluhihnv@cspu.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИИ:
ЛИТЕРАТУРА XX—XXI ВВ.: ГРАНИЦЫ СТИЛЯ :
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ /
ПОД РЕД. ПРОФ. Е. В. ПОНОМАРЕВОЙ
(ЧЕЛЯБИНСК : БИБЛИОТЕКА А. МИЛЛЕРА, 2019, 142 С.);
ЛИТЕРАТУРА XX—XXI ВВ.: ПРОИЗВЕДЕНИЕ, ТЕКСТ, СТИЛЬ:
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. ПРОФ. Т. Ф. СЕМЬЯН
(ЧЕЛЯБИНСК : БИБЛИОТЕКА А. МИЛЛЕРА, 2019. 159 С.)**

Н. Э. Сейбель

Южно-Уральский гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Феномен литературного стиля является одной из самых востребованных для исследования проблем филологической науки. Тем не менее точка в его изучении все еще не поставлена и проблема не канонизирована. В рамки понятия стиль включают как языковые особенности творчества писателя, так и элементы общей поэтики произведения.

Кафедра русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета на протяжении нескольких лет занимается вопросами изучения стиля литературы XX—XXI веков. Рецензируемые книги продолжают серию коллективных монографий, в которых многоаспектно изучен феномен стиля в различных литературно-художественных проявлениях.

Монография «Литература XX—XXI вв.: границы стиля», как следует из названия, имеет целью определить круг явлений, которые с определенностью можно назвать характеристиками стиля, в которых стиль писателя или определенного литературного направления проявляет свои специфические свойства. Коллективный труд представляет разные интерпретации объемного и противоречивого в своих трактовках понятия стиль. Каждый из представленных разделов репрезентирует аналитические механизмы, продуктивные для осмысления того или иного ракурса внутри масштабной категории стиля. Во Введении к монографии её авторы определяют общее понимание к исследуемой проблеме и говорят о том, что понимают стиль как узнаваемый тип единой и эстетически целенаправленной упорядоченности.

Структура монографии подчинена логике последовательного изучения категорий стиля в его частных и общих проявлениях, в индивидуальной и эпохальной художественной практике.

Монография открывается исследованиями, в которых феномен стиля анализируется сквозь призму жанровых характеристик. Авторы первой главы, изучая поэтику микроцикла (Ю. П. Феоктистова) и такого специфического жанра как мемуары (А. М. Маркусь), убедительно доказывают связь категории стиля и носителей жанра, солидаризируясь с продуктивным положением современной теории литературы о том, что стиль выражен в каждом элементе, организующем художественную целостность.

Во второй главе предпринята попытка охарактеризовать стилевое мышление эпохи на материале анализа образности и символики в рассказе В. Шаламова «Белка». Автор раздела Ч. А. Горбачевский отмечает в авторском стиле В. Шаламова уникальным эффект присутствия и связывает индивидуальный стиль В. Шаламова с существенно важным для прозы писателя социальным аспектом.

В контексте третьей главы монографии её автор Н. Л. Зыховская говорит о том, как такое понятие как запах может выступать определенным стилевым приемом авторской поэтики. По мнению исследователя, изучая включения запахов как самостоятельный элемент стиля автора, можно уточнить представления о самом художнике-творце. При этом значимой характеристикой стиля становится и отсутствие запахов в творчестве того или иного писателя: на фоне общего ольфакторного ряда национальной словесности это может рассматриваться как качество индивидуального стиль.

Авторы монографии особое внимание уделяют проблеме индивидуального стиля писателя. Поэтому логично, что отдельная, четвертая, глава монографии посвящена именно этому феномену, изученному в творчестве А. Белого, Е. Гуро

и Е. Кузьминой-Караваевой и Д. Рубиной.

Интересный ракурс исследования феномена стиля представлен в разделе о стилевых особенностях в прозе знакового автора серебряного века Андрея Белого. Е. В. Фёдорова пишет, что ключом к пониманию симбиотической природы стиля А. Белого становится необычный визуальный облик текстов его произведений. Для писателя визуально-графический облик текста становится одним из основных способов передачи образного содержания. Осмысление визуально-графического облика текста позволяет охарактеризовать структуру и концептуальные особенности произведения. Наиболее значимой стилевой чертой и визуальной особенностью прозаических произведений А. Белого становится организация пространства страницы, которая представляет визуальное выражение внутреннего смысла и образует с ним художественное целое.

Еще один необычный аспект изучаемого в монографии феномена предложен в разделе о ритмико-интонационных особенностях стиля в книге Е. Гуро «Небесные верблюжата» и повести Е. Кузьминой-Караваевой «Юрали». По мнению Е. В. Канищевой, ритм прозы является одним из уровней поэтики художественного текста, выражающим особенности стиля писателя. В разделе исследовано ритмико-стилевое своеобразие прозаического произведения на микро- и макроуровнях художественного целого: фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном, визуальном и др.

Один из авторов монографии, Е. Г. Белоусова, считает, что адекватное прочтение современной русской прозы невозможно без учета творчества писателей, которые предвосхитили и во многом определили ее стилевое своеобразие. Определяя В. Набокова в качестве ключевой фигуры в этом ряду, автор раздела избирает стилевой ракурс осмысления диалога современных писателей с Набоковым, поскольку именно стиль открывает уникальность и идейно-художественную целостность текста. В разделе анализируется творчество Д. Рубиной сквозь призму набоковской поэтики, многочисленные аллюзии и ссылки на Набокова в художественных текстах и интервью писательницы.

В пятой главе представлен уникальный в своем роде материал, посвященный стилевым характеристикам так называемого локального текста на материале анализа региональной, челябинской поэзии. Анализируя жанрово-стилевые особенности современной челябинской поэзии, автор раздела

Е. А. Смышляев доказательно утверждает, что современная челябинская поэзия представляет собой неоднородное явление и складывается из разных стилевых феноменов. Последовательно анализируя поэзию трех поколений современных авторов, исследователь характеризует яркую поэтическую индивидуальность ключевых персоналий и определяет своеобразие каждого поэтического поколения.

Каждая глава представляемой монографии открывает новые перспективы изучения феномена стиля и предлагает нехрестоматийный аспект исследования. В шестой главе как стилевое явление описывается литературная визуальность, понимаемая как один из уровней поэтики текста в его визуально-графической выраженности.

Автор раздела «Визуализация как черта стиля в прозе Анатолия Королёва» Т. Ф. Семьян осмысляет персональный феномен писателя и через анализ стилевого своеобразия делает попытку осознать место и значение его творчества в отечественном и мировом контексте. Автор раздела высказывает мнение, что феномен визуализации в литературном произведении является ярким выражением индивидуального стиля, который в буквальном смысле слова нельзя не заметить, в отличие от, например, мотивного уровня, который тоже образует индивидуально-авторское своеобразие, но в силу своей способности оказываться полуреализованным в тексте, может остаться не осмысленным исследователем или простым читателем. Поскольку визуальные особенности текста являются выражением других, концептуальных уровней художественной структуры произведения, то закономерно говорить об их стилевой значимости. Например, в описаниях визуального объекта проявляются лексические и синтаксические особенности, визуально-графические знаки выражают композиционный, мотивный и хронотопический уровни.

Уникальный материал представлен в последнем разделе книги.

Е. В. Пономарева анализирует литературное творчество известного художника Владимира Любарова в контексте стилевых особенностей такого феномена, как «книга художника». Автор раздела считает, что именно изобразительный стиль становится яркой метой, выделяющей книгу художника из явления книготворчества в целом. Поэтому, сталкиваясь с этим феноменом, продуктивно рассматривать его в качестве жанрово-стилевой модели, где носители стиля и жанра органически сопряжены и неразделимы.

Отличие второй книги из серии монографий

кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ заключается в привлечении к рассуждениям о стиле и его специфических характеристиках исследователей-лингвистов, которые, безусловно, значительно дополняют и уточняют научную дискуссию.

Структура монографии «Литература XX—XXI вв.: произведение, текст, стиль» отличается от первой книги и строится в векторах исследования проблем стиля в базовых литературных родах и в векторе лингвистической проблематики.

В первой главе монографии анализируются маркеры стиля в эпических жанрах. Н. Н. Шлемова на материале творчества И. Шмелёва делает выводы о лиризме как стилевой доминанте импрессионистской малой прозы писателей-эмигрантов 1920-х гг. Малая проза И. Шмелёва стала художественным образцом прозы писателей-эмигрантов 1920-х гг., в которой моделируется пространство ощущений и настроений за счет использования принципов и приемов импрессионистской поэтики, способствующей созданию лирической, субъективно окрашенной модели мира. С этим связана актуализация в малой прозе жанров лирического цикла, лирического рассказа, миниатюры, в которых на первом плане оказывается лирическое содержание, а потому вступают в силу законы лирического выражения, определяющие стилевые особенности.

В следующем разделе М. С. Можжерина определяет маркеры стиля в романной форме на материале творчества современной писательницы Лены Элтанг. М. С. Можжерина предлагает интересный аспект исследования стиля, связанный с особенностями нарративной организации произведения. По мнению исследователя, стилевые особенности романа «Каменные клены» проявляются в нелинейной сюжетно-композиционной организации, соединяющей точки зрения разных персонажей, отражающих отличающиеся, разнохарактерные и разногендерные взгляды на общее фабульное событие. Главная стилевая особенность романа «Каменные клены» — отсутствие единого нарратора. В тексте обозначены шесть субъектов речи, от имени которых ведется повествование. В сложные связи, переплетаясь, заменяя и дополняя друг друга, вступают сюжетные линии, повествователи и формы повествования, создавая неповторимую стилевую тональность произведения.

Вторая глава монографии посвящена изучению различных аспектов стилевых в поэтических произведениях. М. П. Двойнишникова в своем

исследовании стремится осмыслить особенности формирования стиля ключевого поэта конца XX века Генриха Сапгира, чье творчество совпало с периодом становления и развития в России авангардизма третьей волны, концептуализма и постмодернизма как историко-литературной системы.

Как справедливо утверждает автор раздела, в XX веке происходит возрождение интереса к мифу и мифологизации. Этот процесс неразрывно связан с новым типом восприятия мира, при котором в искусстве и литературе актуализируются архаичные элементы жанров, категории и система образов, присущие мифологическому мышлению, архаический образный язык и т. д. М. П. Двойнишникова доказывает, что в поэзии одного из ярчайших представителей «лианозовской школы» Г. Сапгира происходит ремифологизации действительности, деконструкция мифа и обращение к архаичным жанровым элементам (что наблюдается в его ранних лирических книгах — «Голоса. Гротески» и «Московские мифы»).

Отдельные разделы монографии продолжают темы предыдущей книги, в частности, продолжается исследование визуальных особенностей текста в аспекте феномена стилевого своеобразия произведения. В следующем разделе книги М. П. Двойнишникова анализирует визуально-стилевые особенности современной поэзии. Богатый эмпирический материал позволил сделать вывод о том, что визуализация поэтического текста является неотъемлемой составляющей как индивидуально-стилевой манеры, так и стилевого своеобразия целого историко-литературного периода. Автор раздела приходит к выводу, что минималистичность, лаконизм и конкретность описания порождают и особую визуальную оформленность стихотворного текста.

В третьем разделе второй главы Е. А. Смышляев продолжает изучение стилевого своеобразия современной региональной литературы. В этой книге в фокусе его внимания феномен интертекстуальности, который, по мнению автора раздела, выражает стилевые особенности современной уральской поэзии. Е. А. Смышляев доказывает мысль, что интертекстуальность современной уральской поэзии демонстрирует общность мировоззрения поэтов региона, выражающуюся в перекличке тем, мотивов, образов, приемов и элементов поэтики, оформляющих, в конечном счете, стилевое своеобразие, общее лицо челябинской поэзии.

Третья глава монографии посвящена стилевому

своеобразие современной драматургии. Выводы по данному аспекту проблематики сделаны на материале анализа сборника пьес учеников знаменитого драматурга Н. Коляды «Глушь». По мнению автора раздела М. М. Махмутова, драматургическая школа Николая Коляды держится на совокупности художественных принципов, разделяемых всеми авторами. Сборник «Глушь» обнаруживает признаки стилистического единства на разных уровнях: на уровне стилистического оформления, тематическом, языковом, жанровом, персонажном и хронотопическом.

Четвертая глава монографии посвящена сложным вопросам взаимодействия категории стиля и ритмической организации литературного произведения. Н. А. Яковлева посвящает свой раздел изучению проблемы выражения стилистического своеобразия классика современности Саши Соколова в ритмической структуре прозы писателя. В разделе убедительно доказано, что именно ритм, активно представленный на трех уровнях текста — сюжетно-композиционном, синтаксическом и фонетическом, позволяет ощутить неповторимую стилистическую интонацию прозы Саши Соколова.

Уникальный материал предложен во втором разделе четвертой главы книги. Лингвист и переводчик с польского Д. А. Пелихов исследует проблему

передачи метрического своеобразия поэтического текста при переводе и совершенно справедливо отмечает, что одним из стилистических факторов стихотворного произведения является своеобразие его ритмического рисунка. Приводится ряд высказываний известных поэтов (Маяковского, Блока, Пастернака и др.) о значимости ритмико-интонационной составляющей в стихотворном произведении. В заключение автор приходит к логичному выводу о том, что вопрос отражения в переводе метрических особенностей оригинала напрямую связан с проблемой адекватности перевода.

Лингвистический вектор исследования продолжен в последней главе книги. Л. Н. Корнилова анализирует односоставные предложения как синтаксическую особенность идиостиля А. Ахматовой. Автор раздела пишет о том, что односоставные предложения рассматриваются в лингвистике в качестве одного из средств экспрессивного синтаксиса, оформляющего и выражающего экзистенциальные представления поэта.

Таким образом, цикл монографий кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ, посвященный вопросам изучения стиля в разных аспектах проблематики, предлагает решение важной филологической проблемы и вносит весомый вклад в современную теорию литературы.

Сведения об авторе:

Сейбель Наталия Эдуардовна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и МОЛ Южно-Уральского гуманитарно-педагогического университета.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2019. No. 6 (428). *Philology Sciences. Iss. 117. Pp. 243—246.*

**REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPHS:
LITERATURE OF THE 20TH — 21ST CENTURIES:
BORDERS OF THE STYLE, EDITED BY E. V. PONAMOREVA
(CHELYABINSK: MILLER LIBRARY, 2019, 142 P);
LITERATURE OF THE 20TH — 21ST CENTURIES:
FICTION, TEXT, STYLE, EDITED BY T. F. SEMJAN
(CHELYABINSK: MILLER LIBRARY, 2019, 159 P)**

N.E. Sejbek

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

